

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шалимова Надежда Сергеевна

РОМАН ИНИЦИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США

Специальность 5.9.2 – Литературы народов мира
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук, профессор
Баранова Ксения Михайловна

Москва – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. РОМАН ИНИЦИАЦИИ В СИСТЕМЕ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ: АТРИБУЦИЯ И ПОЭТИКА	29
1.1. Историко-литературный обзор теории развития романа воспитания....	29
1.2. Роман воспитания и роман инициации: жанрово-композиционные особенности.....	53
1.3. Роман инициации и его виды в литературе США	83
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	110
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОМАНА ИНИЦИАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ США.....	115
2.1. Вопросы совершеннолетия героя в американской литературе XVIII–XIX веков.....	115
2.2. Проблема противоречивости взросления в американской литературе первой половины XX века	150
2.3. Национальная специфика американского романа инициации второй половины XX века	184
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	223
ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ РОМАНА ИНИЦИАЦИИ В НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ США	230
3.1. <i>Роман-идентификация</i> в современной литературе США	230
3.1.1. Проблемная социализация героя в романе Дж. Диаса «Короткая и удивительная жизнь Оскара Bay».....	230
3.1.2. Физическое перевоплощение героя в романе Дж. Евгенидиса «Средний пол»	242
3.1.3. Мировоззренческие изменения героя в романе М. Миллер «Песнь Ахилла»	250
3.2. <i>Роман-кризис</i> в современной литературе США	272

3.2.1. Преодоление героем смертельной болезни в романе Дж. Грина «Виноваты звезды».....	272
3.2.2. Преодоление героем смерти близкого человека в романе Д. Таррт «Маленький друг»	280
3.2.3. Преодоление героем чувства вины в романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром»	295
3.3. <i>Роман-посттравма</i> в современной литературе США	309
3.3.1. Неестественная смерть в романе Э. Сиболд «Милые кости»	309
3.3.2. Насильственные действия в романе Х. Янагихары «Маленькая жизнь».....	319
3.3.3. Террористический акт в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко»	327
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	340
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	345
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	365
Приложение 1. Жанровые маркеры романа инициации	423
Приложение 2. Базовые тексты формирования романа инициации	424
Приложение 3. Модель жанровой модификации «роман инициации»	426
Приложение 4. Динамика жанровой модификации «роман инициации»	427
Приложение 5. Разновидности и вариации инициации	428
Приложение 6. Становление романа инициации в литературе США XVIII – XX веков	429
Приложение 7. Типология романа инициации в новейшей американской литературе	433
Приложение 8. Жанрово-видовая типология романа инициации.....	438
Приложение 9. Историко-литературный процесс формирования романа инициации	439

ВВЕДЕНИЕ

Жанровая атрибуция художественного произведения является одним из важнейших направлений в современном литературоведении. В результате эволюционно-поступательного развития словесного искусства категории поэтики видоизменяются. Подобная трансформация сопровождается архаизацией одних форм и актуализацией других: некоторые мирообразы теряют свою актуальность, появляются «жанры-сюзерены» и «жанры-вассалы» [Лихачев, 1979], возникают их новые разновидности. Подобные процессы приводят к тому, что оформляются синкетичные формы. Исследователи подчеркивают важность взаимодействия жанра и художественного метода [Луков, 2006, с. 144].

По мнению М.М. Бахтина, роман является становящимся и еще не готовым жанром, его оформление происходит «на наших глазах» [Бахтин, 2003]. Подвижность жанра отмечает Н.А. Николина: «с одной стороны, это сознательный учет прототипа и воспроизведение существенных признаков первичного жанра, с другой стороны, это обязательная трансформация его возможностей» [Николина, 2003, с. 29].

Внутрижанровое смешение воплощается в процессах деканонизации, взаимопроникновения в роман разных жанров, которые «...обычно сохраняют в нем свою конструктивную упругость и самостоятельность, и свое языковое и стилистическое своеобразие» [Бахтин, 1975, с. 134]. М.В. Норец вводит в науку термин «матрица» и дает ему такую дефиницию: «...это материнский (порождающий) «каркас», предлагающий определенный набор жанровых признаков романа, отличающий данную жанровую форму от любой другой» [Норец, 2015, с. 433].

Определенные трансформации претерпевает и один из наиболее традиционных типов романа – роман воспитания (*Bildungsroman*). Такие произведения приобретают особую событийную интенсивность: они включают в себя развлекательные элементы, но одновременно имеют

глубокую философскую проблематику. Литературоведы обращают внимание на их социальную значимость, поскольку произведения о взрослении выполняют как философски-социальную, так и институализирующую функции в современном мире [Садриева, 2007, с. 8]. Такое значение роман воспитания имеет по причине того, что его сюжетную основу составляет поэтическая реконструкция одного из древнейших архаических обрядов – обряда посвящения, который отражает архетипические модели взаимодействия личности и общества, способы экзистенциального осмыслиения человеком своего места в мире. У появления и распространения анализируемого вида нарративов есть социокультурные и историко-литературные основания: сюжетная схема инициации составляет основу эпоса и сказки [Пропп, 2014], которые затем переходят в роман. Однако в отношении античных и средневековых сочинений этого типа закономерно отмечать лишь частичное использование сюжетной схемы посвящения, поскольку в них герой является статичной, «готовой» величиной.

Инициация (лат. *initio* – «начинать, посвящать», *initiatio* – «совершение тайнств») в широком смысле понимается в науке как «совокупность обрядов и устных наставлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого [Элиаде, 1999, с. 12]. Она может восприниматься как онтологическое изменение экзистенциального состояния: к концу испытаний неофит обретает совершенно другое существование [Элиаде, 1999, с. 13] и имеет устойчивую трехчастную структуру. Это этапы «выделения индивида из общества (т. к. переход должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращения, реинкорпорации в новом статусе» [Токарев, 1980, с. 246]. В.И. Тюпа называет инициацию археосюжетом мировой литературы и выделяет четыре фазы обряда: обособление, искушение, лиминальная фаза (испытание смертью), преображение [Тюпа, 2001, с. 40]. Ученый отмечает, что отдельные фазы инициации (например, преображение) могут редуцироваться. Продолжает эту

мысль В.Ю. Даренский, по мнению которого, изучаемый процесс является «великим интертекстом» культуры: «В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе и художественная литература» [Даренский, 2018, с. 18–19].

В связи с освоением личностного пространства в эпоху развития американского романтизма поэтическая реконструкция обряда инициации в художественных творениях усиливается, а с появлением реализма выходит на первый план, так как большое значение приобретают вопросы социализации индивида, проблемы его взросления и становления, обретения протагонистами самих себя. Поскольку жанр «непосредственно реагирует на эстетическую концепцию личности» [Лейдерман, 1982, с. 30], оформление романа инициации в литературе США происходит во второй половине XX века, что связано с кризисом веры, ослаблением социально-исторического контекста, потерей нравственных ориентиров, мифичностью сознания [Дудова, Михальская, Трыков, 1998]. В полной мере этот жанр формируется и активно функционирует в литературе начала XXI века. В его основе лежит поэтика романа воспитания, но усиливаются как индивидуально-личностное, так и автобиографическое начала [Киреева, 2011]. Особая роль отводится проблемам самоидентификации и социальной адаптации человека.

Данное исследование посвящено изучению генезиса, поэтики, нарративной и жанровой структуры романа инициации в литературе США. Последний служит попыткой осмысления места и роли человека в современном мире, что происходит во время социальных и исторических изменений, связанных с переоценкой ценностей. Универсальность и архаичность сюжетной схемы посвящения оказывается особенно востребованной в XXI веке, так как она проблематизирует темы взросления и социализации человека, изображает внутреннее преодоление, социальные и психологические трансформации. В литературе США анализируемый вид сочинений играет особую роль, поскольку его сюжетообразующей основой являются такие категории как поиск, взросление, осознание собственной

идентичности в историко-культурном контексте этноса, рода или семьи. Это можно проследить как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе.

Роман инициации содержит черты психологического, философского, авантюрного романов, которые в современной литературе трансформируются, меняют свой нарратологический вектор. Чертами его поэтики становятся: исповедальное повествование, определенные стадии развития сюжета (фазы обособления, партнерства, преображения, а также лиминальная (пороговая) фаза и особый хронотоп [Тюпа, 2009]. Такие особенности поэтики романа инициации, как типы нарратива [Меркулова, 2023], сюжетно-композиционные элементы, пространственно-временная структура, специфика повествования обладают общим, инвариантным сюжетным ядром [Лейдерман, 1982, Зенкин, 2012]. Его конституирующей жанровой основой являются особый тип нарратора, субъектная организация повествования (диалогизированный нарративный монолог) [Шмид, 2003], собственная структура, которую можно определить как субъектно-композиционный метанарратив [Меэрсон, 2009], динамический сюжет, опорные точки композиции, создающие интригу и мистификации. Все это позволяет не только удерживать внимание читателя, но и определяет социальные, экстралитературные возможности текста, который вбирает в себя функции социального института, когда за увлекательным сюжетом скрывается глубокий философский подтекст.

В настоящей докторской диссертации анализируются жанрообразующие признаки и основные категории поэтики романа инициации, прослеживается его эволюция: истоки лежат в классическом романе воспитания и автобиографии, но с течением времени кардинально меняется жанровое ядро. Это связано с историко-литературным контекстом и социальной ролью произведений о взрослении. Для характеристики жанровой специфики романа инициации в работе предлагается структурно-содержательный анализ [Николина, 2003, с. 114] избранных для изучения романов, рассматриваются элементы, которые, «работают на «постройку», созидание художественного

мира» [Лейдерман, 1982, с. 18]. Таковыми являются особенности сюжетостроения, типы повествования; пространственно-временная характеристика (по М. М. Бахтину «вид хронотопа»); речевая организация; система мотивов.

Основные мотивы литературы первопоселенцев прямо или опосредованно находят отражение в новейшей американской литературе, особенно эксплицитно они присутствуют в романе инициации, в связи с моноцентризмом нарратива, глубокой индивидуализацией истории протагониста и одновременно собирательностью, обобщенностью его опыта. Одной из национальных основ США является концепция исключительности: модель мира пурitan позиционируется как пример для других стран, а история колонистов воспринимается в виде возможности «приступить к богоугодным действиям, искупить первородный грех» [Баранова, 2010, с. 11]. По мнению исследователей, «необходимо учитывать воздействие идеологии американского индивидуализма, идеи автономии личности на моделирование художественной и языковой картины мира» [Американская культурно-языковая..., 2019, с. 104]. Ученые называют повествование отцов-пилигримов ключевым мифологическим нарративом США, в котором отражены ведущие мотивы колониального периода: предопределение (providence), негреховность (innocence), достоинство (worthiness), трудолюбие (industry), свобода (freedom), равенство (equality) и дикие просторы (wilderness) [Баранова, 2011]. Они находят воплощение и в современном романе инициации США в связи с духовными поисками героев, их становлением, внутренней эволюцией, которые сопряжены с оппозициями тривиальности/исключительности, а также обыденности/неизведанности, невинности/опыта, греховности/негреховности.

Ключевую роль в поэтике романа инициации играет свобода, которая тоже является частью национальной идентичности. Исторической вехой в осмыслиении данной категории можно считать создание Декларации независимости (Declaration of Independence, 1776) отцами-основателями, среди которых были Б. Франклин (B. Franklin), Дж. Вашингтон (G. Washington) и др.

В этом документе содержатся важные для американцев идеи, благодаря которым «свобода ассоциируется с правами и демократическими ценностями» [Американская культурно-языковая..., 2019, с. 70]. В романе инициации свобода исследуется в нескольких плоскостях: индивидуальная, личная и социальная (независимость от общественных ожиданий, этнических, расовых ограничений и стереотипов). Значимыми также представляются мотивы одиночества, избранности и предопределения, раскрывающие духовную эволюцию protagonистов.

Данная докторская диссертация носит теоретический и историко-литературный характер. В ней предлагается исследование литературного процесса США XVIII – начала XXI веков с привлечением обширного художественного материала, что позволяет делать целостные и последовательные теоретические обобщения. Для разграничения смежных с романом инициации жанровых разновидностей необходимо описание генезиса жанра, выявление его семантики, структуры и прагматики сюжетообразующих мотивов, что и предлагается в настоящем исследовании.

При анализе художественных произведений в работе соблюдается следующая последовательность: сначала проводится изучение экстраполитурного материала, связанного с творческой биографией автора, исследуется возможность его включения в общий историко-литературный контекст, рассматривается рецептивный след, связанный с восприятием сочинения критикой, а затем целостно систематизируется его поэтика. При этом особое внимание уделяется жанровой специфике и нарративной организации текста.

В общую характеристику работ американских писателей XVIII–XIX столетий целенаправленно вводится материал об исторической специфике и культурном своеобразии национальной литературы, а в описание литературного процесса XX–XXI веков – наблюдения и обобщения теоретического характера, связанные с анализом жанровых трансформаций и

развитием жанра в целом, поскольку этот аспект изыскания не имеет однозначного решения в науке, но представляется весьма существенным.

Объект исследования – жанровая структура романа инициации в литературе США.

Предмет исследования – взаимосвязь различных жанровых и нарративных уровней романа инициации: пространственно-временных, сюжетно-композиционных и повествовательных.

Цель данного диссертационного исследования – изучить теорию, историю и эволюцию романа инициации в национальной литературной традиции США.

Поставленная цель определяет спектр **задач**, необходимых для ее достижения:

- исследовать жанрообразующие черты поэтики романа инициации: инвариантные элементы композиции, хронотопа, мотивно-тематических комплексов и системы персонажей;
- выявить черты обряда посвящения в структуре сочинений анализируемого вида;
- определить семантическое наполнение и дифференциальные признаки терминов «роман воспитания» и «роман инициации» применительно к материалу исследования;
- обозначить элементы автобиографии в изучаемых нарративах;
- комплексно и целостно рассмотреть художественный материал для определения общих и индивидуальных особенностей стиля исследуемых авторов;
- проследить динамику развития жанра в диахронической перспективе: от XVIII до начала XXI века;
- проанализировать ключевые мотивы романа инициации;
- выделить виды инициации, ее вариации и разновидности в соответствии с внутрижанровой классификацией;

- установить роль жанра в определении национальной идентичности и формировании литературной традиции США.

В основе **методологии** данной диссертации лежит единство литературоведческих подходов к изучению историко-литературного процесса. Предмет, объект и материал исследования обусловили использование культурно-исторического, сравнительно-исторического, биографического, структурного (мотивный анализ текста) методов, а также таких методов, как литературная компаративистика (интертекстуальный анализ, имагологический подход), герменевтика и рецептивная эстетика. Синтез контекстуальных и имманентных способов анализа произведений дает возможность целостного и всестороннего изучения материала.

Теоретическая база настоящего диссертационного исследования основана на работах отечественных ученых по теории литературы: Л.Я. Гинзбург, Н.Л. Лейдермана, В.Е. Хализева, Л.В. Чернец и др.; а также трудах по американской литературе: Н.А. Анастасьева, Г.В. Аникина, О.В. Афанасьевой, Т.Д. Венедиктовой, П.В. Балдицына, К.М. Барановой, Б.А. Гиленсона, Я.Н. Засурского, Д.В. Затонского, А.М. Зверева, В.В. Ивашевой, О.О. Несмеловой, А.Н. Николюкина, М.В. Норца, В.Г. Новиковой, О.Е. Осовского, В.И. Солодовник, А.И. Старцева, Е.А. Стеценко, В.Б. Шаминой и др.

В исследовании были использованы труды по истории и теории романа как отечественных: М.М. Бахтин, С.Н. Зенкин, В.В. Кожинов, Ю.М. Лотман, В.А. Луков, Н.Т. Рымарь, Н.Д. Тамарченко, Б.В. Томашевский, так и зарубежных исследователей: Г.С. Морсон (G.S. Morson), В. Шмид (W. Schmid) и др.

Настоящая докторская диссертация опирается на работы по поэтике романа воспитания и романа инициации, как его разновидности, таких зарубежных филологов, как Дж. Бакли (J.H. Buckley), В.В. Брукс (V.W. Brooks), В. Дильтей (W. Diltey), В.Л. Паррингтон (V.L. Parrington), Д. Пэк (D.R. Peck), М. Рэдфилда (M. Redfield), Р. Сэлбманн (R. Selbmann),

М. Хирш (M. Hirsch), Ю. Якобс (J. Jacobs) и др. Среди отечественных ученых, посвятивших свои изыскания теоретическим проблемам романа воспитания, следует отметить таких литературоведов, как И.А. Влодавская, С.В. Гайжунас, А.В. Диалектова, В.Н. Пашигорев, И.А. Шишкова и др. Вопросы поэтики романа воспитания рассматриваются в монографиях историко-литературного плана Н.Я. Берковского, А.А. Елистратовой, Н.С. Лейтеса и др. Традиции обряда инициации исследованы А. ван Геннепом (A. van Gennep), Р. Геноном (R. Guénon), Дж. Кэмпбеллом (J.J. Campbell), В. Тернером (V.W. Turner), М. Элиаде (M. Eliade), Дж. Фрэзером (J.G. Frazer).

Для того, чтобы раскрыть социальную значимость романа инициации был задействован антропологический дискурс нарратологии, когда художественный текст воспринимается «как сценарий процесса опосредования между представлениями социального порядка и практикой индивидуальной жизни» [Брокмейер, 2000, с. 38]. Обращаясь к сюжету инициации в современной литературе, необходимо учитывать достижения американской мифокритики (ритуально-мифологической школы): работы У. Чейза (W. Chase), Н. Фрай (N. Frye), а также труды отечественных литературоведов: А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова.

Мифопоэтический аспект исследования позволяет расширить его методологию и выявить мифологические основы художественного текста и проанализировать их в контексте мифа и ритуала [Frye, 2000; Chase, 1949]. Обращение к работам В.Я. Проппа дает возможность проследить, как обряд инициации повлиял на поэтику волшебной сказки, во многом определив ее внеисторический архетипический характер, а сказка, в свою очередь, стала основой романных форм, в том числе, романа инициации. Сюжетная схема обряда инициации в литературе США тесно связана с национальными мифами. Поскольку «миф является средством концептуализации мира» [Мелетинский, 2000, с. 24], мифология коренных народов играет существенную роль в формировании национального самосознания. Миф об открытии Америки

повлиял на американскую культуру, а «нарратив Колумба соотнесся со многим, что важно для жителей США. Сами процессы «открытия», «экспансии», «пути, путешествия» очень созвучны и органичны для американской нации» [Нефедова, 2022, с. 19]. Именно тема странствия, поиска становится сюжетообразующей для национальной модели американского романа инициации.

Принцип отбора художественного материала для анализа обусловлен следующими факторами:

- особенности формирования национальной литературы США, которая, наследуя европейский интеллектуальный опыт, имеет собственную художественную самобытность;
- необходимость выявления идентичности современной литературы США в аспекте жанра и поэтики;
- значимость в традиции национальной литературы сочинений, затрагивающих проблему взросления человека, поскольку сюжетная схема инициации во многом маркирует ключевые произведения американских авторов в исторической ретроспективе и на современном этапе.

Материалом для диссертации послужили произведения американской литературы XVIII–начала XXI веков, основой которых является сюжет становления личности, взросления человека. Необходимо указать на то, что некоторые элементы поэтики (сюжетные ситуации, образы, мотивы) романа инициации присутствуют в памятниках словесности XVIII–XIX столетий. Значительную роль в литературном процессе США данный тип романа приобретает во второй половине XX века в связи с историческими событиями и сопряженными с ними мировоззренческими кризисами. Особое значение в этом процессе отводится роману Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Структурные особенности и художественные черты данного сочинения дают основания говорить о сформированном жанровом типе, что обусловлено универсальностью сюжетной схемы посвящения, ее архаичной природой,

позволяющей раскрыть вневременные проблемы преодоления кризисов, социальной адаптации, самоидентификации человека.

Материал исследования включает в себя целый ряд знаковых литературных произведений, таких как: «Автобиография» (“The Autobiography”, 1790) Б. Франклина (Benjamin Franklin, 1706–1790), «Маленькие женщины» (“Little Women”, 1869) Л.М. Олкотт (Louisa May Alcott, 1832–1888), «Приключения Гекльбери Финна» (“The Adventures of Huckleberry Finn”, 1884) М. Твена (Mark Twain, 1835–1910), «Воспитание Генри Адамса» (“The Education of Henry Adams”, 1907) Г.Б. Адамса (Henry Brooks Adams, 1838–1918), «Мартин Иден» (“Martin Eden”, 1909) Дж. Лондона (Jack London, 1876–1916), «Американская трагедия» (“An American Tragedy”, 1925) Т.Г.А. Драйзера (Theodore Herman Albert Dreiser), «Медведь» (“The Bear”, 1942) У.К. Фолкнера (William Cuthbert Faulkner, 1897–1962), «Над пропастью во ржи» (“The Catcher in the Rye”, 1951) Дж. Д. Сэлинджера (Jerome David Salinger, 1919–2010), «Вино из одуванчиков» (“Dandelion Wine”, 1957) Р.Д. Брэдбери (Ray Douglas Bradbury, 1920–2012), «Убить пересмешника» (“To Kill a Mockingbird”, 1960) Н.Х. Ли (Nelle Harper Lee, 1926–2016), «Правила дома сидра» (“The Cider House Rules”, 1985) Дж. Ирвинга (John Irving, 1942–), «Хорошо быть тихоней» (“The Perks of Being a Wallflower”, 1999) Ст. Чбоски (Stephen Chbosky, 1970–), «Тайная история» (“The Secret History”, 1992), «Маленький друг» (“The Little Friend”, 2002), «Щегол» (“The Goldfinch”, 2013) Д.Л. Тартт (Donna Louise Tartt, 1963–), «Милые кости» (“The Lovely Bones”, 2002) Э. Сиболд (Alice Sebold, 1963–), «Бегущий за ветром» (“The Kite Runner”, 2003) Х. Хоссейни (Khaled Hosseini, 1965–), «Средний пол» (“Middlesex”, 2003) Дж.К. Евгенидиса (Jeffrey Kent Eugenides, 1960–), «Жутко громко и запредельно близко» (“Extremely Loud and Incredibly Close”, 2005) Дж. С. Фоера (Jonathan Safran Foer, 1977–), «В поисках Аляски» (“Looking for Alaska”, 2005), «Бумажные города» (“Paper Towns”, 2008), «Виноваты звезды» (“The Fault in Our Stars”, 2012) Дж. Грина (John Green, 1977–), «Песнь Ахилла» (“The Song of Achilles”, 2011) М. Миллер

(Madeline Miller, 1978–), «Маленькая жизнь» (“A Little Life”, 2015), «До самого рая» (“To Paradise”, 2023) Х. Янагихары (Hanya Yanagihara, 1974–), «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вао» (“The Brief Wondrous Life of Oscar Wao”, 2017) Дж. Диаса (Junot Díaz, 1968–), «В конце они оба умрут» (“They Both Die at the End”, 2017) А. Сильверы (Adam Silvera, 1968–).

Включение в материал исследования помимо романов двух повестей обусловлено знаковостью этих произведений для истории американской литературы в целом и романа инициации, в частности. Так, повесть «Медведь» является в определенном смысле квинтэссенцией инициации в ее архаическом понимании, к тому же, данное произведение в данный момент мало изучено в отечественном литературоведении. Повесть Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» важна для изучения жанровой динамики сочинений рассматриваемого типа поскольку является репрезентацией инициации в положительно-оптимистичной тональности: духовное взросление в ней представлено как органичная часть психологической зрелости и самостоятельности протагониста.

Актуальность исследования определяется тем, что оно предлагает комплексный подход к изучению историко-литературного процесса США через определение жанровых трансформаций романых форм. В основе романа инициации находятся проблемы: 1) взросления; 2) гендерной, экзистенциальной, культурной самоидентификации личности; 3) преодоления личностных кризисов; 4) переживания посттравматического опыта. Осмысление этих тем представляется важным с точки зрения литературоведения (речь идет о подвижности границ жанра, инвариантных моделях, типах героев, сюжетных схемах романа инициации), а также общекультурной и социальной точек зрения (прагматика литературы, рецептивный след исследуемых произведений, влияние на читателя).

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в настоящей диссертации впервые предлагается внутрижанровая классификация произведений современной литературы США, в состав которой входят такие

виды, как: *роман-идентификация*, *роман-кризис* и *роман-посттравма*. В основе этой классификации лежит целостный анализ художественного материала в единстве содержания (тематические и образные пласти, поэтика мотивов, деталей, символов) и формы (нarrативные стратегии, жанровые константы), что также возможно рассматривать как инновацию. Такой подход позволяет выявить различные разновидности репрезентации инициации внутри обозначенных видов произведений. Новым также является **критерий выделения** того или иного вида романа-инициации, это экзистенциальный вызов, с которым сталкивается протагонист, а также способ разрешения сюжетной ситуации (выход из кризиса). Обозначенные особенности делают данную диссертацию концептуальным структурированным исследованием романа инициации, предлагающим собственную классификацию и ее обоснование.

Сущность **гипотезы**, выдвигаемой в настоящем исследовании, заключается в том, что в середине XX века в литературе США формируется особый жанровый тип – роман инициации, который активно распространяется в новейшей американской литературе начала XXI столетия. Эта разновидность романа воспитания обогащает жанр романа и выполняет важные художественные и социальные функции.

Представленную гипотезу **раскрывают основные положения, выносимые на защиту**.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие жанровой модификации романа в современной американской литературе происходит в направлении усложнения: расширяются субъектные способы выражения авторской позиции, синтезируются жанровые стратегии, активизируется роль читателя. Сюжетная схема посвящения, ставшая основой выделения романа инициации, является стержневой структурой на идеином, сюжетно-образном, пространственно-временном и нарративном уровнях.

2. Сюжетно-композиционные характеристики и особенности повествовательной модели (трехчастная структура, субъективизация хронотопа, исповедальная ретроспективная наррация от первого лица, усложненная диалогизмом и сменой фокала) рассматриваемых произведений способствуют более четкому определению романа инициации, смысловым ядром которого является совершеннолетие героя и его переход во взрослый мир. Путь самопознания протагонистов, который становится основой сюжета, может рассматриваться как связующее звено между литературой XVIII века и сочинениями американских писателей начала XXI столетия.
3. Проанализированные сочинения американской словесности XVIII – начала XXI веков характеризуются двуплановостью. С одной стороны, они представляют собой объективное отображение социальных и исторических событий, а с другой – раскрывают глубоко личные психологические и возрастные кризисы протагонистов. Дихотомия социального и индивидуального связана с конфликтами, которые можно усмотреть в романе инициации, поскольку прохождение посвящения имеет двойственный характер и предполагает как успешную социализацию персонажей, так и обретение ими собственной идентичности, гармонии с самими собой.
4. Национальная модель романа инициации в литературе США раскрывает идеи индивидуализма, свободы, толерантности в поликультурном мире. В произведениях отражаются историко-культурные и социальные контексты начала XXI века: смена культурной парадигмы, принцип многообразия, процессы децентрации и десубъективизации, изменение оценочных категорий, границ добра и зла, понимания сакрального.
5. Базовыми жанрами для романа инициации являются роман воспитания и автобиография, которые обогащают исследуемый тип произведений темами индивидуального успеха, доверия к себе, веры в потенциал и возможности каждого индивида. Внутри исследуемого феномена формируется

собственная жанрово-видовая система, связанная с сюжетообразующим проблемным полем произведения. Целостный анализ художественного материала в единстве содержания тематического наполнения (образные пласти, поэтика мотивов, деталей, символов) и формы (нарративные стратегии, жанровые константы) позволяет выделить такие виды романа инициации как: *роман-идентификация* (*identification novel*), *роман-кризис* (*crisis novel*), *роман-посттравма* (*post-trauma novel*), а также разновидности инициации: *индивидуальная, последовательная и параллельная* (в том числе *групповая*) и ее вариации: *успешно пройденная, антиинициация, отложенная* (в том числе *посмертная*), *прерванная, незавершенная*.

6. *Роман-идентификация* наиболее приближен к классическому варианту романа воспитания, поскольку изображает самого субъекта, его эволюцию, потери и обретения, путь расставания с иллюзиями через социальную, мировоззренческую идентификацию или самоидентификацию. В центре *романа-кризиса* находится экзистенциальный перелом, с которым старается справиться главный герой/героиня. Это может быть кризис, вызванный смертельной болезнью, смертью близких или чувством вины. *Роман-посттравма* представляет собой нарратив, в котором протагонист преодолевает боль и опустошение, заново учится жить после болезненного опыта (насилие, смерть, террористический акт).
7. Главными вопросами американского романа инициации начала XXI века, становятся проблемы взросления, гендерной, экзистенциальной, культурной самоидентификации человека, преодоления кризисов, посттравматического синдрома, осознание себя через прошлое семьи, в том числе через противопоставление своей личной истории семейным традициям. Духовные поиски также могут быть сопряжены с физическим осмыслением себя.
8. Роман инициации, в отличие от романа воспитания, может показывать отрицательные изменения героя, а не только позитивную эволюцию его внутреннего мира, поскольку в нарративе задействован весь комплекс

жизненных ценностей. Подобные сочинения лишены аксиологической и этической оценочности и сосредоточены на возможности/невозможности адаптации протагониста к жизни. Опорными точками композиции в произведениях этого жанра являются ситуации выживания, с которыми сталкиваются персонажи. Поэтика романа инициации задействует полидисциплинарный дискурс, поскольку связана с возрастной психологией, конфликтологией и социологией.

9. Аксиологический фокус романа инициации в современной литературе США соотносится с утверждением уникальности, неповторимости конкретного опыта, индивидуализацией жизненного пути, гендерным, этническим, национальным и культурным разнообразием окружающего мира. В то же время, благодаря архаической схеме посвящения показана универсальность испытаний, с которыми сталкивается человек, проходя путь взросления, становления, социализации и самопознания.
10. В новейшей литературе США продолжительность и структурно-семантическое наполнение этапов инициации, а также тип протагонистов и их возраст могут варьироваться. Поскольку границы взросления в современном мире подвижны и частично нивелированы, существуют произведения, в которых герои переживают кризисные испытания уже во взрослой жизни. Если в романном настоящем нарратор – зрелый человек, то он описывает события инициации, с которыми не справился когда-то, ретроспективно и старается исправить ошибки прошлого. В таком случае его рефлексия представлена многогранно, так как перед читателем разворачивается диалектика души героя, развернутая во времени и снабженная метакомментариями.

Теоретическая значимость исследования заключается в совмещении историко-литературных и теоретико-литературных дискурсов при выделении конститтивных признаков романа инициации, а также анализе динамики жанра от сочинений XVIII-XIX веков к новейшей литературе. Настоящая докторская диссертация вносит определенный вклад в изучение проблемы

трансформации романных жанров, в ней обосновывается использование термина «роман инициации» в отечественном литературоведении, поскольку исследуемый тип сочинений имеет собственное ядро и уникальные черты поэтики, которые прослеживаются на всех уровнях художественного текста.

Практическая значимость работы состоит в том, что его результаты могут послужить основой для разработки курсов по литературе США, теории литературы и быть внедрены в практику вузовского преподавания при чтении лекций и проведении семинарских занятий по курсам американской литературы, а также использованы для написания учебников и учебно-методических пособий.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует паспорту научной специальности «5.9.2. – Литературы народов мира (филологические науки)» в части пунктов:

п.1. «История литератур народов мира (за исключением русской литературы, литератур народов РФ и литературы русского зарубежья XX века). Динамика и закономерности литературного процесса за рубежом, его периодизация»;

п.2. «Генезис, развитие, функционирование и типология литературных явлений (жанров, стилей, форм, направлений, течений, школ, приемов, образов, тем и т. д.) в литературах народов мира»;

п.3. «Поэтика писателей, литературных произведений, тропов, приемов, жанров, литературных направлений, течений, школ, художественных систем в литературах народов мира»;

п.4. «Взаимодействие и взаимовлияние национальных литератур (в том числе русской литературы с инонациональными литературами), их контактные, генетические связи, типологические схождения»;

п.6. «Рецепция литератур народов мира отечественным и иностранным литературоведением и критикой»;

п.7. «Статус выдающихся зарубежных писателей прошлого и современности в национальной и мировой литературе, тематика, проблематика и поэтика их творчества».

Апробация работы. Основные положения докторской диссертации получили освещение в выступлениях на конференциях разных уровней: Международной научной конференции «Пуришевские чтения» (Москва, 2019, 2021, 2022), Всероссийской научной конференции «Молодежь и наука XXI века» (Красноярск, 2019, 2021), Межрегиональной научно-практической конференции «Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения» (Красноярск, 2020, 2021), Международной научной конференции преподавателей английской литературы «Русский мир в англоязычной литературе и культуре» (Москва, 2019, 2022, 2023), Международной научно-практической конференции «Воропановские чтения» (Красноярск, 2020, 2021, 2022, 2023), V Международной научной конференции «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2022), Международной научной конференции «Достоевский в зеркале эпохи: поэтика, компаративистика, имагология» (Нижний Новгород, 2021), Международной научно-практической конференции «Компаративные историко-филологические исследования в эпоху глобализации» в рамках Международного Конвента (Екатеринбург, 2021, 2022), Всероссийской конференции «Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве» (Калуга, 2022), Международном литературном коллоквиуме «Теория жанра и метод в зарубежной литературе: история и современность» (Москва, 2022), XI Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород, 2022, 2023), XX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2023), третьей Всероссийской конференции «Педагогический дискурс в современной научной парадигме и образовательной практике» (Москва, 2023), Международном конвенте

«Компаративные историко-филологические исследования в эпоху глобализации» (Екатеринбург, 2023), VIII Международных Зверевских чтениях по американистике «Американская глубинка в литературе, политике и культуре США» (Москва, 2023), VII Международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» (Симферополь, 2023), Международной научной конференции «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве» (Казань, 2023), Международной научной конференции преподавателей английской литературы «Дидактический код в англоязычной и русской литературе и культуре» (Санкт-Петербург, 2023), Всероссийской научно-практической конференции «Три "Л" в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика» (Москва, 2023), Всероссийском научном коллоквиуме «Человек и время в языке и литературе» (Москва, 2024), II Международной научной конференции «Трикстериада: герои и антигерои в зеркале времени» (Красноярск, 2024), IV Международной научно-практической конференции «Диалог культур. Культура диалога в многонациональном городском пространстве» (Москва, 2024), Международной научной конференции «Компаративные историко-филологические исследования в XXI веке» (Екатеринбург, 2024), IX Международной конференции «Национальный миф в литературе и культуре: множественность презентаций» (Казань, 2024), а также в ряде публикаций:

Шалимова, Н. С. Роман Д. Тартт «Щегол»: к поэтике жанра романа воспитания / Н. С. Шалимова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: материалы I всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: УРФУ. 2018. С. 166 – 172.

Шалимова, Н. С. Роман Д. Тартт «Щегол»: к поэтике жанра / Н. С. Шалимова // Городской текст в английской и других европейских литературах: сборник статей по материалам Международной конференции российской ассоциации преподавателей английской литературы. Н. Новгород: Мининский ун-т. 2019. С. 153 – 158.

Шалимова, Н. С. Нarrатив становления героя в романе Р. Брэдбери «451 градус по Фарингейту» / Н. С. Шалимова, Я. В. Дрянговская // Сибирский филологический форум. 2019. Т. 3. № 7. С. 80 – 86.

Шалимова, Н. С. Романы Д. Тартт: поэтика, прагматика, контекст / Н. С. Шалимова // Воропановские чтения: материалы I Международной научно-практической конференции. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск. 2020. С. 90 – 94.

Шалимова, Н. С. Русская тема в романе Д. Тартт «Щегол» / Н. С. Шалимова // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V научной Международной конференции. Т. № 5: Филологические науки. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ. 2020. С. 252 – 255.

Шалимова Н. С. The Goldfinch by D. Tartt: Certain Linguistic and Poetic Aspects / Н. С. Шалимова // Современные исследования социальных проблем. 2020. Том 12. № 6. С. 14 – 23 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Поэтика и рецепция романов Д. Тартт / Н. С. Шалимова // Эпистола. Филологический журнал. Т. №1. Выпуск №1. 2021. С. 70 – 79.

Шалимова, Н. С. Экфрасис в романе Д. Тартт «Щегол» / Н. С. Шалимова // Зарубежная литература в контексте культуры. Сборник статей и научных материалов научной конференции XXXIII «Пуришевские чтения» / отв. ред. Е. Н. Черноземова, М.А. Дремов. М.: «Сам Полиграфист». 2021. С. 131 – 132.

Шалимова, Н. С. Типологические связи в современном литературном процессе: Практикум / С. Г. Липнягова, Т. А. Полуэктова, Н. С. Шалимова, М. И. Воропанова. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2021. – С. 69 – 92.

Шалимова, Н. С. Литературная компаративистика / С. Г. Липнягова, Т. А. Полуэктова, Н. С. Шалимова, М. И. Воропанова. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2021. – С. 60 – 88.

Шалимова, Н. С. Рецепция античной культуры в романе Д. Тартт «Тайная история» / Н. С. Шалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том № 14. Выпуск № 2. С. 344 – 349 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Романы Д. Тартт в контексте феномена «young adult literature»: поэтика и опора на наследие Ф. М. Достоевского / Н. С. Шалимова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Том 28. № 1. С. 117 – 128 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Романы Д. Тартт и Дж. К. Роулинг: поэтика, прагматика, контекст / О. Е. Гевель, Н. С. Шалимова // Сибирский филологический форум. 2022. №3 (20). С. 78 – 90 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Соотношение добра и зла в творчестве Д. Тартт / Н. С. Шалимова // Зло в культуре и культура зла: Коллективная монография / Научн. ред. и сост. Е. М. Фомина. Нижний Новгород: Издательство Тимура Хусяинова. 2022. С. 54 – 71.

Шалимова, Н. С. Характерный герой современной американской литературы: случай Д. Тартт / Н. С. Шалимова // Литературные эпохи и их герои. Сборник статей и научных материалов научной конференции XXXIV «Пуришевские чтения» / отв. ред. Е. Н. Черноземова, М. А. Дремов. М.: «Сам Полиграфист». 2022. С. 175 – 176.

Шалимова, Н. С. «Пугающе жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг» / Н. С. Шалимова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. № 4. С. 134 – 143 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Поэтика романа инициации в современной литературе США / Н. С. Шалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3800 – 3803 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Роман инициации: теоретический аспект / Н. С. Шалимова // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики: Сб. научных трудов / Науч. ред.

О. В. Афанасьева, О. Г. Чупрына, сост., отв. ред. Е. В. Суворина. М.: «Языки Народов Мира». 2023. С. 118 – 124.

Шалимова, Н. С. Образ города в современной американской литературе / Н. С. Шалимова // Большая конференция МГПУ: сборник тезисов. В 3 т., Москва, 28–30 июня 2023 года. Том 3. Москва: Издательство ПАРАДИГМА. 2023. С. 68 – 72.

Шалимова, Н. С. Мотив *предопределение* в романах о подростках XX – XXI веков / Н. С. Шалимова // Мотив *предопределение* в литературе США: эволюция и трансформация: коллективная монография / Науч. ред. О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, отв. ред. и сост. О. Я. Федоренко. Москва: Языки народов мира. 2023. С. 198 – 220.

Шалимова, Н. С. Мультикультурность романа инициации в современной литературе США: путь героя/ Н. С. Шалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. С. 754 – 759 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. «Женская инициация» в романе Дж. Мартина «Игра престолов» / Н. С. Шалимова, А. И. Сафонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 4. С. 1062 – 1066 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Репрезентация «непройденной инициации» в постмодернистской литературе в романе Дж. Апдайка «Бразилия» / Н. С. Шалимова, А. А. Могиш // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 5. С. 1371 – 1374 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Сюжет отложенной инициации в романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» / Н. С. Шалимова // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6 (42) (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Роман инициации в творчестве Дж. Грина / К. М. Баранова, Н. С. Шалимова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023 Т. 15. В. 2. С. 3 – 9 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Сюжет инициации в романе М. Миллер «Песнь Ахилла» / Н. С. Шалимова // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 2 (72). С. 173 – 180 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Инициация как освобождение: роман Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» / Н. С. Шалимова // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №7 (43) (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Роман инициации: генезис, поэтика, динамика жанра / Н. С. Шалимова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2023. Т. 34. № 4. С. 903 – 908 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Несбывшееся взросление: роман Э. Сиболд «Милые кости» / Н. С. Шалимова // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 204 – 209 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Тема взросления в романе Х. Ли «Убить пересмешника» / К. М. Баранова, Н. С. Шалимова // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 4. С. 85 – 92 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена как роман инициации / О. В. Афанасьева, Н. С. Шалимова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2024. Т. 35. № 2. С. 450 – 457 (издание ВАК).

Шалимова Н. С. Черты романа инициации в биографическом романе Пьера Кристена и Себастьяна Вердье «Оруэлл» / И. Г. Прудиус, Н. С. Шалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 3. С. 762 – 767 (издание ВАК).

Шалимова, Н. С. Сюжет инициации в романе Дж. Лондона «Мартин Иден» / Н. С. Шалимова // Три "Л" в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 года. – Москва: Языки Народов Мира, 2024. – С. 352 – 358.

Shalimova N. S. Ideas of Destiny and Providence in American Literature: from Realism to Modernism / K. M Baranova, N. S. Shalimova // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series “Pedagogy and Psychology”, Lingua Multica. 2024. № 1(1). P. 67 – 74.

Структура работы. Данное диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, выводов по главам, заключения, в котором подводятся общие итоги проведенного изыскания, библиографического списка и девяти приложений. Общий объем работы составляет 439 страниц.

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновывается выбор темы, определяются цель и задачи исследования, актуальность и научная новизна, раскрываются теоретическая ценность и практическая значимость, формулируются гипотеза и основные положения, выносимые на защиту, а также предлагается описание структуры диссертации.

Первая глава посвящена изучению места романа инициации в системе романа воспитания, а именно проблемам терминологии и жанрового влияния, структуре, нарративному устройству, поэтике. В **первом параграфе** поднимается вопрос о генетической и типологической связях романа воспитания и романа инициации, предлагается историко-литературный обзор источников, описываются существующие подходы к анализу этих жанровых типов. Во **втором параграфе** роман инициации исследуется как отдельная жанровая разновидность, выделяются ключевые черты его поэтики, разграничиваются роман воспитания и роман инициации. В **третьем параграфе** представлена внутрижанровая классификация видов романа инициации: *роман-идентификация, роман-кризис, роман-посттравма*. Данная классификация является авторской и привносит в докторскую диссертацию научную новизну, поскольку в ее основе лежит целостный анализ художественного материала.

Во **второй главе** рассматривается культурно-исторический контекст функционирования романа инициации в американской литературе и его трансформации в литературе конца XVIII – второй половины XX веков. В **первом параграфе** раскрываются культурно-исторические условия, повлиявшие на формирование романа инициации в литературе США. Здесь рассматриваются знаковые произведения конца XVIII–XIX столетий, при этом подчеркивается взаимодействие их структур с национальными мифами и

мотивами. Во **втором параграфе** анализируются жанровые структуры и нарративные особенности романа инициации в литературе первой половины XX столетия. **Третий параграф** посвящен поэтике романа инициации второй половины XX века.

В **третьей главе** изучаются вопросы жанровой структуры и повествовательной модели романа инициации в современной литературе США (XXI век). **Первый параграф** раскрывает нарративные особенности и жанровую специфику *романа-идентификации*. В работе выделяются три его подвида: проблемная социализация, мировоззренческие изменения, физическое перевоплощение протагонистов. **Второй параграф** посвящен *роману-кризису*. Здесь обозначены экзистенциальные переломы протагонистов, вызванные смертью близкого, смертельной болезнью и чувством вины. В **третьем параграфе** исследуется поэтика *романа-посттравмы* как вида романа инициации. Переживание персонажами таких событий как террористический акт, насилие и неестественная смерть выражают варьируемость данного нарратива. Внутри каждого подвида выделяются разновидности инициации и ее вариации.

Последовательность расположения глав и параграфов в диссертации связана с актуальными вопросами этапов развития вышеназванной жанровой модификации и воплощения в ней особенностей идиостиля того или иного автора. Это касается хронотопных характеристик, социокультурных, философских аспектов рассматриваемых литературных произведений, своеобразия языковых средств, отражающих сложную парадигматику слияния и разобщенности психологических образов в нарративах инициации.

В **Заключении** подводятся итоги проведенной работы, делаются основные выводы и предлагаются обобщенные наблюдения над жанровыми особенностями романа инициации. Перспективы исследования можно усмотреть в расширении корпуса художественных произведений для анализа, более подробном изучении сквозных образов и мотивов, значимых для национальной литературы США.

ГЛАВА 1. РОМАН ИНИЦИАЦИИ В СИСТЕМЕ РОМАНА

ВОСПИТАНИЯ: АТРИБУЦИЯ И ПОЭТИКА

1.1. Историко-литературный обзор теории развития романа воспитания

Концептуализация жанровых форм романа остается актуальной проблемой отечественного и зарубежного литературоведения. Это подтверждает большое количество работ, посвященных поэтологическим особенностям рассматриваемых романских типов как в отечественном [Диалектова, 1972; Влодавская, 1983; Гайжунас, 1984; Камардина, 2015; Чеботарева, 2016; Даренский, 2019; Шалимова, 2023], так и зарубежном [Hirsch, 1979; Brooks, 1992; Buckley, 1994; Cole, 2008; Strickland, 2022; Cart, 2016; Yang, 2021] литературоведении. Для выявления специфики и генезиса романа инициации представляется существенным обратиться к одному из наиболее важных романских типов: роману воспитания, поскольку он является генетической основой романа инициации. Необходимо выявить стадии изучения и обозначить жанрообразующие признаки последнего, с целью их дифференциации и разграничения.

В литературоведении роман воспитания изучался как художественная целостность, обладающая сходными сюжетными мотивами, типом героя, хронотопом. Он зародился в Германии и получил там широкое распространение, основы его изучения были заложены немецкими литературоведами. Такие исследователи, как Р. Зельбманн (R. Selbmann), В. Дильтей (W. Dilthey), Г.Г. Борхерт (H.H. Borchert) отмечают, что немецкий ученый К. Моргенштерн (K. Morgenstern) в 20-е годы XIX века зафиксировал появление этой жанровой разновидности и предложил термин для ее обозначения. Жанрообразующими чертами романа воспитания этот филолог назвал изображение героя от начала жизни до определенной ступени зрелости, а также дидактические функции, связанные с возможностью воздействовать на читателя.

В аспекте изучения романа воспитания фундаментальной является работа немецкого литературоведа Р. Зельбманна. Она посвящена генезису изучаемого в диссертации жанра и выделению основных его разновидностей: роман воспитания (*Bildungsroman*), роман развития (*Entwicklungsroman*), роман становления (*Erziehungsroman*). Исследователь реферирует к упомянутой выше работе К. Моргенштерна и подчеркивает, что художественные черты таких произведений влияют на внутренний мир читателя [Selbmann, 1994].

Обстоятельное исследование жанра продолжает теоретик литературы В. Дильтей, выделяя три вида романа воспитания: роман образования или педагогический роман (*Erziehungsroman*), роман развития (*Entwicklungsroman*), роман о художнике (*Kunstlerroman*). Истоки романа воспитания, по его мнению, берут начало в сочинении «Годы учения Вильгельма Мейстера» (*“Wilhelm Meisters Wanderjahre”*, 1795–1796) И.В. Гете (J.W. Goethe, 1749–1832), поскольку в нем изображается формирование человека на протяжении разных периодов развития и жизненных эпох. В основе концепции В. Дильтея лежат аналогии между романом воспитания и теорией естественной эволюции. Вслед за К. Моргенштерном, теоретик сравнивает этапы развития органического мира и ступени взросления героя. Ученый уделяет особое внимание фигуре повествователя, доминирующей в этом жанре, а также вводит дополнительное понятие «образовательная история», которая играет, по его мнению, промежуточную роль между обучением и развитием и интерпретируется в духовно-религиозном ключе. Процесс воспитания протагониста самой жизнью в таком случае воплощается в этапах духовного преображения человека, который проходит путь от изгнания из Рая через враждебный и недружелюбный мир к очищению и перерождению. Этот принцип находится в основе концепта «потерянного рая»: в начале романа представлен чистый, неискушенный персонаж, который после испытаний стремится вернуться к прерванной гармонии [Дильтей, 2001].

В отечественном литературоведении фундаментальный труд, посвященный изучению романа воспитания, принадлежит М.М. Бахтину

[Осовский, 2021]. Создатель новой теории европейского романа предлагает собственную классификацию, на которую мы опираемся в настоящем диссертационном исследовании. Известный литературовед разграничивает «роман испытания» и «роман воспитания», подчеркивая, что первый «исходит из готового человека и подвергает его испытанию с точки зрения также готового уже идеала», в то время как второй «противопоставляет ему становление человека <...> Жизнь с ее событиями служит уже не пробным камнем и средством испытания готового героя <...> Теперь жизнь с ее событиями, освещенная идеей становления, раскрывается как опыт героя, школа, среда, впервые формирующие характер героя и его мировоззрение» [Бахтин, 2012, с. 192]. Исследователь приходит к выводу о том, что роман воспитания – это художественная структура, организующим центром которой является идея становления индивида. Но границы, отделяющие роман испытания от романа воспитания, подвижны, так как основополагающие цели обоих типов произведений взаимосвязаны.

М.М. Бахтин специфицирует роман воспитания, выделяя внутри него несколько видов: роман странствий, роман испытания героя, роман биографический или автобиографический, собственно роман воспитания. В романе странствий, «временные категории разработаны крайне слабо», «становления, развития человека роман не знает» [Бахтин, 2012, с. 195], в романе испытания «герой готовый и неизменный. Все качества его даны с самого начала и на протяжении романа лишь проверяются и испытываются» [Бахтин, 2012, с. 202]. Специфической характеристикой этого вида, по мнению М.М. Бахтина, становится разработка «психологического времени». Но все же «между героем и миром нет подлинного взаимодействия; мир не способен изменить героя <...>, проблема взаимодействия субъекта и объекта, человека и мира в романе испытания не поставлена» [Бахтин, 2012, с. 202].

В биографическом романе также не присутствуют развитие и становление главного персонажа: «Меняется, строится жизнь героя, его судьба, но сам герой остается неизменным» [Бахтин, 2012, с. 203]. Роман воспитания же дает

«динамическое единство образа героя» [Бахтин, 2012, с. 203]. Эволюция внутреннего мира протагониста приобретает сюжетное значение, становление индивида «совершается в реальном историческом времени с его необходимостью, с его полнотой, с его будущим, с его глубокой хронотопичностью» [Бахтин, 2012, с. 201].

Анализируя проблематику и виды романа воспитания, ученый указывает на особый тип взаимоотношений протагониста с другими персонажами, а также подчеркивает уникальность хронотопа. Жанрообразующим признаком подобных сочинений является образ меняющегося героя. Отечественный теоретик определяет поэтику произведений этого жанра следующим образом: «В противоположность статическому единству здесь дается динамическое единство образа героя» [Бахтин, 2012, с. 202].

Классический европейский роман воспитания вбирает в себя черты романа странствия, романа испытания и биографического романа. В центре произведения находится фигура человека, ищущего самого себя. Формирование личности протагониста, динамический тип становления и развития – важнейшие черты подобного романного типа. Для его поэтики характерны следующие особенности: эволюция духовного мира, уроки жизни, изображение пути, который проходит герой с детства до своей физической и духовной зрелости, активная жизненная позиция, движение к гармонии и справедливости, моноцентрическая композиция, путь от индивидуализма к обществу.

Изучение современных форм романа воспитания и его модификаций выходит за границы имманентного анализа и включает рассмотрение экстраполитурных факторов и социальных функций подобных текстов. Литературоведы отмечают: «Роман воспитания, возникающий в литературе Просвещения и функционирующий на всем протяжении современности, выступает одной из культурных институций <...> на протяжении трех столетий он выполняет функции регуляции социума» [Садриева, 2007, с. 16]. По мнению данного исследователя, это происходит за счет таких особенностей

произведений о взрослении, как: «воспитывающая» авторская позиция, специфическая зона рефлексии, отвечающая за формирование читателя, мифологемы и литературные архетипы, которые обеспечивают ненавязчивое восприятие романа читателем и их взросление вместе с героем [Садриева, 2007, с. 18]. При этом происходит дифференциация просветительского и модернистского романов воспитания.

Для просветительского романа характерно рационализированное становление главного персонажа, а сам процесс нацелен на формирование образцового субъекта. В модернистском романе воспитания «предзаданные социокультурные смыслы и ценности оказываются не истинными, а ложными, и путь героя предполагает мучительный поиск собственного смысла» [Садриева, 2007, с. 24]. Дополняет эти размышления А.В. Теличко, по мнению которой, «формирующаяся к началу XX в. концепция личности восходит как к образу романтического героя (в его «контрастности», «многоаспектности», так и к опыту психологической прозы XIX в., а также разнородных проявлений рубежа веков» [Теличко, 2014, с. 36]. Литературовед, во многом, отталкивается от идеи Л.Я. Гинзбург о том, что «многоступенчатое» изображение человека в эпоху реализма наталкивается на определенные границы, тогда как «декадентская» личность, «обозначившаяся к концу XIX века, отличается именно тем, что переступает границы и строит себя из элементов, прежде запрещенных» [Гинзбург, 1979, с. 20–21].

Термин «*Bildungsroman*» появляется в трудах немецких мыслителей Ф. фон Бланкенбурга (F.F. Blankenburg) и Ф. Гегеля (G.W.F. Hegel). Первый из них фиксирует доминирующие тенденции теории романа, определяя современный ему тип подобных сочинений, опираясь на «Историю Агатона» (“*Geschichte des Agathon*”, 1766–1767) К.М. Виленда (Ch. M. Wieland, 1733–1813). Ученый выделяет два типа романа: произведения, которые он относит к первому типу основаны на каком-либо событии, работы второго типа базируются на развитии характера героя. Исследователь отдает предпочтение второму типу, поскольку он отображает духовную эволюцию персонажа, а

также вычленяет три фазы в структуре немецкого романа воспитания: юность, годы странствий, очищение. Первый этап чаще всего показывает воспитание героя в домашнем окружении, эта фаза является подготовительной. Во втором раскрываются особенности характера и изменения личности протагониста, начинаются его странствия, в которых любовь и дружба оказываются ключевыми ценностями. В финальной фазе происходит окончательное формирование героя [Blankenburg, 2019].

Фундаментальной работой, посвященной немецкому роману воспитания, в отечественном литературоведении является монография В.Н. Пашигорева. Продолжая размышления М.М. Бахтина, общим содержанием романа воспитания этот исследователь называет психологическое, нравственное и социальное формирование личности протагониста. По мнению этого литературоведа, роман воспитания – это роман «о формировании мировоззренческой позиции героя в результате уроков жизни, практического опыта, о многотрудных и мучительных поисках смысла бытия, общественного идеала, положительной программы» [Пашигорев, 1993, с. 34].

Моноцентричность в построении романа воспитания выражается, по мнению ученого, в биографизме нарратива и его субъективно-лирическом начале. В работе подчеркивается роль наставников, учителей жизни, способствующих духовному развитию главного действующего лица: «Немецкий роман воспитания показывает историю созидания личности изнутри, путь ее постепенного оформления и становления <...> филогенез через онтогенез» [Пашигорев, 1993, с. 40]. Ученый классифицирует романы воспитания на основании трех критериев: концепция личности, характер конфликта романа, жизненная (итоговая) программа героя и разграничивает типы романа воспитания, показывая их детерминированность тем или иным литературным направлением. В.Н. Пашигорев отмечает, что герои просветительских романов воспитания в своем развитии становятся полезными членами общества («Агатон» Виланда), приходят к осознанию необходимости практической деятельности. Их воспитание завершается в

основном в сфере полезного общественного труда («Годы учения Вильгельма Мейстера» И.Ф. Гете). Романтический герой может быть правильно понят лишь в его бесконечной устремленности к идеалу, в постоянной незавершенности характера [Пашигорев, 1990].

Отечественный литературовед А.В. Диалектова анализирует ключевые примеры романы воспитания в немецкой литературе XVIII века. Автор определяет данную жанровую разновидность следующим образом: «Под термином воспитательный роман, прежде всего, подразумевается произведение, доминантой построения сюжета которого является процесс воспитания героя: жизнь для героя становится школой, а не ареной борьбы, как это было в приключенческом романе» [Диалектова, 1972, с. 36]. Исследователь обозначает зыбкость жанровых границ анализируемого типа произведений, поскольку он постоянно развивается и меняется. По мнению А.В. Диалектовой, представляется возможным выделить систему жанрообразующих признаков романа воспитания, но и она не позволит полностью специфицировать данный тип.

Научные изыскания, посвященные исследованию английского романа воспитания, также играют важную роль в теории жанра. Это труды таких англоязычных филологов, как Дж. Бакли (J.H. Buckley), М. Хирш (M. Hirsch), С. Фрейман (S. Fraiman). Данные ученые уточняют жанровое определение романа воспитания. М. Хирш выделяет следующие его разновидности: роман формирования личности (the novel of formation), роман юности (the novel of youth), роман образования (the novel of education), роман ученичества (the novel of apprenticeship), роман взросления (the novel of adolescence), роман инициации (the novel of initiation), «роман о жизни» (the life-novel) [Hirsch 1979]. Дж. Бакли специфицирует жанровые характеристики рассматриваемого типа сочинений применительно к литературе Великобритании и отмечает такие черты викторианского романа воспитания, как: автобиографизм, история рождения (ребенок-сирота), научное и морально-этическое обучение (уроки жизни), скитания и испытания, душевный конфликт (внутренние противоречия

персонажа гораздо важнее внешних неурядиц), материальная независимость, любовь [Buckley, 1974]. Внутренняя жизнь протагониста в английском романе воспитания показана в тесной взаимосвязи с внешним действием, произведения имеют дидактическую направленность [Fraiman, 1994].

Монография теоретика литературы И.А. Влодавской посвящена английскому роману воспитания начала XX века. Хронологические рамки исследования обусловлены развитием данного жанра в британской литературе этого периода. К нему обращаются такие прозаики, как С. Батлер (S. Butler, 1835–1902), Дж. Джойс (J. Joyce, 1882–1941), Г. Уэллс (H. Wells, 1866–1946), Д.Г. Лоуренс (D.H. Lawrence, 1885–1930), А. Беннетт (A. Bennet, 1867–1931), У.С. Моэм (W.S. Maugham, 1874–1965). Последовательное изучение материала позволяет автору специфицировать свойства жанра, обозначить национальные особенности английского романа воспитания, «установить типологию героя и конфликта, равно как и определенные особенности сюжетостроения и стилевые тенденции, характеризующие жизнь жанра на данном историческом отрезке» [Влодавская, 1983, с. 150].

В центре исследования этого автора оказывается проблема типологии героя и конфликта. В работе выделены такие обязательные компоненты романа воспитания как: детство (включающее расставание с родительским домом), годы учений и годы странствий, становление и самоопределение героя. Именно они определяют тип конфликта: «Нагнетание отрицательных результатов становится источником драматизации конфликта, создания неких предельных, экстремальных ситуаций, испытывающих героя «на прочность», что или приводит его к гибели, или формирует, закаляет и помогает обрести себя и свое место в жизни» [Влодавская, 1983, с. 6].

Изучая английский роман воспитания, ученый предлагает следующую классификацию его подтипов, основанную на типологии системы персонажей: герой-исследователь (заурядный юноша, но обладающий особой чувствительностью и высоким духовным настроем), герой-художник (человека искусства, его духовные поиски и профессиональное самоопределение), герой-ученый

(человек, занимающийся наукой, его внутренний мир), маленький человек (противостояние внутренне слабого протагониста миру зла и несправедливости) [Влодавская, 1983, с. 135].

Английский роман воспитания, по мнению этого исследователя, ошибочно рассматривать обособленно от европейской литературной традиции, так как обычно в пределах одного произведения можно встретить то, что она именует жанровой «чересполосицей» [Влодавская, 1983, с. 134]. Однако во всех подобных сочинениях воспитание и формирование личности, остаются ведущим [Симкина, Меркулова, 2023], организующим началом, что, в конечном счете, и определяет их жанровую принадлежность.

Размышляя о связи романа воспитания с общими закономерностями развития культуры и общества, И.А. Влодавская выдвигает спорный, на наш взгляд, тезис о том, что влияние научных идей на роман воспитания можно усмотреть в мотивировках конфликта героя и общества в поэтике произведения, а именно, его сближении с интеллектуальным романом. Выделенные жанровые трансформации, такие как замедление действия, расширение рамок традиционного фабульного романа, представляются не вполне релевантными для характеристики жанровой динамики романа воспитания, с характерным для него тяготением к шокирующими событиям, неожиданным сюжетным поворотам, интенсификацией событий [Шалимова, 2018, с. 48].

В центре исследования С.В. Гайжунаса находится динамика жанровых структур романа воспитания. Построенная на большом фактическом материале, данная работа предлагает анализ нарративных особенностей и основных аспектов поэтики романа воспитания. Таким образом, показывается, что жанр, с одной стороны, обладает внутренней динамикой и инвариантной структурой, с другой, он обусловлен самим историко-литературным процессом [Гайжунас, 1984].

Исследователь Ю.С. Камардина, изучая английский роман воспитания XIX века, обобщает предшествующие работы в этой области и выделяет такие

жанрообразующие признаки романа воспитания как автобиографичность, универсальная история происхождения (сиротство, отсутствие душевной общности с родителями), обучение (в широком смысле), скитания, внутренний конфликт, испытание любовью, обретение материального благополучия [Камардина, 2015, с. 15].

В центре романа воспитания находится образ ребенка, сюжет строится вокруг взросления и формирования его личности [Byrnes, 1995]. В английском романтизме существенное влияние на изображение этого образа оказывают взгляды известного французского философа Ж.-Ж. Руссо (J.- J. Rousseau, 1712–1778): «Детальные указания Руссо по просвещенному воспитанию Эмиля оказывали большое влияние на достигших известности в начале XIX века писателей-романтиков» [Ненилин, 2006, с. 18].

Особенное значение образ ребенка имеет в творчестве У. Блейка (W. Blake, 1757–1827) и У. Вордсворт (W. Wordsworth, 1770–1850). Для первого из них именно ребенок является проводником доброты: “A simplicity and a kindness in the world that adults have lost and wish they could regain” [Frey, 1979, p. 212]. Поэт подчеркивает, что взрослые потеряли и хотели бы вновь обрести доброе и наивное восприятие жизни. В произведениях этого автора тема детства представлена амбивалентно: беззаботному и счастливому детству в сборнике «Песни невинности» (“Songs of Innocence”, 1789) противопоставлено трагическое изображение обездоленного детства в «Песнях опыта» (“Songs of Experience”, 1794): «Лейтмотив первого сборника – детство радостное; лейтмотив второго – детство поруганное» [Аникин, 1975, с. 197]. Определенная двойственность в изображении темы детства присутствует и в произведениях У. Вордсворт: «Частое обращение к образам детей <...> связано с мыслью поэта о том, что именно детскому сознанию свойственно то воображение, которое необходимо для романтической поэзии» [Михальская, 2007, с. 203]. Изображение чистоты души в творчестве этого поэта сочетается с кротостью, робостью, пугливостью, социальной незащищенностью детей. Раскрывается связь между сознанием и

подсознанием ребенка, проявляющаяся через образы природы [Халтрин-Халтурина, 2009, с. 50].

Как отмечает филолог Б. Хаферкамп (B. Haferkamp), в викторианскую эпоху тема невинности детей имеет иную смысловую нагрузку: акцент делается на изображении социума, в котором растет ребенок, тема детства часто приобретает трагическую окраску [Haferkamp, 1985, p. 12]. Профессор Оксфордского университета К. Хьюитт (K. Hewitt), исследуя произведения о взрослении молодых людей в английской литературе XX века, отмечает связь подобных текстов с обрядом посвящения [Hewitt, 2006]. Рассматривая значение детских образов в прозе Ч. Диккенса (Charles Dickens , 1812–1870) исследователи выделяют тип «детей-мучеников», олицетворяющих идею христианского самопожертвования и считают, что несчастливые дети являются одним из характерных образов в его творчестве [Волжанская, 2000, с. 237].

Особенное значение в творчестве этого великого английского романиста имеет сочинение «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» (“The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery, Which He Never Meant to be Published on any Account”, 1850). Это связано с такими особенностями поэтики романа как повествование от первого лица, автобиографизм, исповедальность, которые повлияли на последующую литературную традицию. По мнению исследователей, произведение «являет собой не только взгляд в прошлое и не только автобиографию. В повествовании раскрывается становление личности, формирование молодого человека, вступающего в жизнь и находящего свое призвание» [Михальская, 1987, с. 76]. Отличительную черту протагониста данного сочинения усматривают в том, что Дэвид Копперфилд преодолевает трудности, не теряя оптимизма и сохраняя доброту и веру в людей [Михальская, 1987, с. 77]. Свообразию жанра романа воспитания в творчестве известного английского классика посвящены также работы В.В. Ивашевой, Н.Л. Потаниной, Т.И. Сильман.

Тема взросления претерпевала изменения с учетом литературных традиций, типов национальных моделей романа воспитания, идиостиля отдельных европейских писателей (см. Приложение 2). Дети в творчестве романтиков представляют собой непорочные создания. У Ж.-Ж. Руссо, например, ребенок – это чистая душа, не тронутая цивилизацией. В литературе же XX века детские образы зачастую наделяются такими чертами, как озлобленность, эгоистичность, жестокость, мстительность. Примеры этого в английской литературе можно найти в таких произведениях, как «Повелитель мух» Уильяма Годинга (“Lord of the Flies”, 1954 by W. Golding, 1911–1993), «Заводной апельсин» Э. Берджесса (“A Clockwork Orange”, 1962 by A. Burgess, 1886–1966), «Осиная фабрика» И. Бэнкса (“The Wasp Factory”, 1984 by I. Banks, 1954–2013).

В национальных литературах Великобритании и США тема взросления имеет разные акценты [Анастасьев, 1976; Ненилин, 2006; Загарина, 2009]. Для английского романа воспитания характерен пафос правдоискательства, назидательность, социальные контексты взросления и формирования героя. Это связано со стремлением к «явной или закамуфлированной универсализации воспитания детей» [Шишкова, 2003, с. 6]. Исследователь отмечает: «У викторианских и современных авторов можно многому научиться, так как в Великобритании педагогический диалог (термин М.М. Бахтина) подростков с их взрослыми наставниками не прекращался с конца XVIII века» [Шишкова, 2003, с. 21]. Категория «английскости» раскрывается в неразрывной связи с менталитетом нации, социокультурным дискурсом. В художественном тексте наиболее полно данная категория воплощается на идеально-тематическом, образном и языковом уровнях [Меркулова, 2021].

Репрезентация темы взросления в американской литературной традиции имеет свою специфику. Выразительным примером будет сравнение образов Тома Сойера и Оливера Твиста. В романе «Приключения Тома Сойера» М. Твена большое значение имеют темы американского юга и свободы. В

повествовании подчеркиваются предпринимательские способности Тома, освещается мультикультурная проблематика. В «Приключениях Оливера Твиста» (“The Adventures of Oliver Twist”, 1837–1839). Ч. Диккенса важными являются проблемы сословного, классового неравенства, противопоставление добродетели и зла [Barth, 1984]. Для идей Ж.-Ж. Руссо, которые повлияли на развитие романа воспитания, девственная территория Америки оказалась более благодатной почвой, чем урбанизированная и цивилизованная Англия.

Исследованию романа воспитания в американской литературе посвящены труды таких зарубежных исследователей, как Т. Бос (T. Boes), С. Гилберт (S. Gilbert), С. Грэм (S. Graham), Э. Тэмлин (A. Tamlyn), а также отечественных литературоведов: Е.М. Загарыиной, Д.В. Затонского, Н.В. Киреевой, О.О. Несмеловой и др. В американской литературе зарождение романа воспитания происходит в последней трети XVIII столетия. Литературоведы связывают это с возрастающей ролью философии Просвещения в американском обществе в этот временной отрезок [Загарыина, 2010, с. 28]. В связи с самобытностью историко-литературного развития США американский роман воспитания изначально содержит элементы романа инициации, поскольку герой проходит испытания через деятельность [Шалимова, 2022]. В американских сочинениях конца XVIII – первой половины XX, относящихся к данному жанровому типу используются не гипотетические формы внутреннего поиска и взросления, которые доминировали в европейском романе воспитания. Они сменяются эмпирическими и воплощаются в сюжетной схеме инициации. В художественных текстах, созданных писателями США, показывается, как человек сталкивается с внутренними и/или внешними кризисами и преодолевает их. Роман воспитания в литературе этой страны имеет самобытные черты, связанные с историко-культурным контекстом развития американской нации, однако он не существует обособленно. Помимо взаимодействия с национальной моделью романа воспитания Великобритании, в него входят черты поэтики русского, немецкого и французского аналогов [Кларк, 2002; Негуляева, 2019]. С точки зрения

литературоведов, наибольшее влияние на роман воспитания в литературе США оказало творчество Ф.М. Достоевского [Львова, 2000; Бронич, 2009; Панова, 2021].

Размышляя о жанровой атрибуции романа инициации, представляется необходимым осмысление его места не только в контексте романа воспитания, но и феномена, который в современном литературоведении определяется как литература для молодого читателя (*teenage/young adult/ adolescent literature*). Несмотря на большое количество исследований, посвященных этой теме, проблемы поэтики и внутрижанровых структур в подобных нарративах исследованы слабо. В связи с этим представляется необходимым специфицировать роль философского, религиозного, социального значения романа инициации, определить его функции как социальной институции, а также особенности его рецепции аудиторией.

Термин «подростковая литература» используется применительно к текстам, адресованным читателю определенного возраста: подростки и юношество. Отмечается, что в XIX веке они не были отдельным адресатом, этот период взрослости не рассматривался как уникальный, заслуживающий отдельного подхода [Чарская-Бойко, Иванкива, 2015, с. 175]. Однако в США движение по обеспечению безопасности и благополучия подростков начинается уже в конце XVIII века, а в течение всего XIX века апробируются различные способы их адаптации. Это приюты, загородные спецшколы и даже «сиротские поезда», на которых беспризорных детей отправляли на запад, где оставляли работать на фермах или плантациях [Minz, 2006]¹. Тогда же в Америке разворачивается движение против грубого отношения к детям (*child abuse*). Актуальными становятся вопросы, связанные с условиями детского труда, работой с правонарушителями, школьным обучением, городской средой для детей и подростков [Minz, 2006].

В 1883-м году при Балтиморском университете создается первая лаборатория по изучению психического развития подростков. Ее возглавляет

¹ Именно такой вариант становится основой романа Дж. Ирвинга «Правила дома Сидра».

Г.С. Холл (G.S. Hall). Именно он стал основоположником направления, которое получило название «педология». Данную науку интересовал вопрос об особенностях интеллектуального и физического развития человека, проблема соотношения индивидуального и социального в формировании личности, рубежи и критерии инициации как экспликации взросления. Благодаря идеям ученого распространились популярные в настоящий момент постулаты о параллели между филогенезом и онтогенезом. Суть теории заключается в том, что развитие отдельного индивида повторяет эволюцию человечества в целом. Этот тезис был экстраполирован на литературный контекст [Стеценко, 2017]. В отечественной науке адептом педологии стал Л.С. Выготский (1896–1934). С точки зрения ученого, «биологическое и социальное оказывается подчас не двумя разными величинами <...> одно оказывается инойнием другого» [Выготский, 2021, с. 15]. Известный психолог выделил такие доминанты подросткового возраста, как: эгодоминанта (интерес к собственной личности), доминанта дали (установка на будущие перспективы), доминанта романтики (стремление к приключениям и героизму), доминанта усилия (тяга к сопротивлению и протесту) [Выготский, 2021].

Размышляя о проблемах взросления, следует отметить, что теория рекапитуляции Г.С. Холла, суть которой заключается в том, что взросление ребенка – это биогенетический процесс, поэтому подростковый период – стадия развития и лишь следствие полового созревания, была, во многом, скорректирована, благодаря исследованиям американского антрополога, главы исторической школы социальной антропологии Ф. Боаса (F. Boas). Его идеи стали основой трудов последователя ученого М. Мид (M. Mead) [Мид, 1988]. Представители психологической антропологии указывают на то, что изучение институтов социализации дает представление о культурно-исторической составляющей взросления и становится основной категорией психологической антропологии и той области, которая исследует этнографию детства². Ученые

² Школа «Культура и личность» А. Кардинера (A. Kardiner) при Колумбийском университете.

отмечают, что включение в социум – это интеграция ребенка в человеческое общество, освоение заданных ему ролей [Тендрякова, 2022, с. 33]. Механизмы взросления регулируют так называемые обряды детского цикла, доминирующую роль в которых играет инициация. По мнению социологов и психологов, грань, разделяющая детей и взрослых – конвенциональное понятие, оно трактуется в каждом историко-культурном контексте по-разному, очень часто свидетельством перехода человека из одного статуса в другой служит именно обряд инициации.

В середине XX в. благодаря трудам Ж. Пиаже (J. Piaget), посвященным возрастной психологии и когнитивному развитию, подростковый период как отдельная фаза в жизни человека изучается еще более пристально и подробно [Pearson, 2011, р. 169]. Интерес к образу подростка, переосмысление значимости этого периода связаны с теорией трех ступеней К. Бюллера (K. Bühler), психосоциальной теорией Э. Эрикссона (E. Erikson), а также культурно-историческим подходом Л.С. Выготского и Д.Б. Эльконина. Повышенное внимание к фигуре подростка, интерес к его внутреннему миру, признание права на отдельную нишу в социокультурном пространстве сделали эту тему ключевой для осмыслиения психологами, социологами, политиками, врачами и, безусловно, писателями [Любарт, 2012].

В качестве отличительных особенностей подростковой литературы называют социальную проблематику, повествование от первого лица, языковые особенности (молодежная речь), эксперименты с композицией. Одна из центральных проблем становится поиск самоидентичности: культурной, исторической, социальной, национальной, сексуальной и т.д. По мнению культурологов, временем наибольшего развития такого типа произведений становятся 1960 – 1970-е годы. Литература для подростков тесно связана с американской культурой [Carpenter, Prichard, 1999, р. 518–519]. Эпистолярная структура, форма дневника или интернет-блога дают голос тинейджеру, позволяют услышать историю от лица ее участника. Эти приемы определяют стилевые особенности прозы: использование разговорного, живого языка,

сленга. Основными темами становятся: кризис переходного возраста, конфликт со взрослыми, поиск своего места в мире [Pearson, 2011, p. 169]. Исследователи также отмечают, что взрослые в классической подростковой литературе – непонятные «оны», своего рода инопланетяне для подростка [Чарская-Бойко, Иванкива, 2015, с. 175]. Дети оказываются отделены от мира взрослых и часто именно они являются более ответственными и самостоятельными: «Родители редко бывают дома, набирает обороты торговля наркотиками, появляются страшные новые болезни <...> в этом мире невинность делает ребенка уязвимым. Детям приходится быть искушенными и начеку» [Калверт, 2009, с. 222–223].

В 1960–1970-е гг. в поле рассматриваемых произведений выделяется группа сочинений «проблемной литературы» (problem fiction), которая затрагивает такие социальные темы как развод, нищета, физические и умственные отклонения [Carpenter, Prichard, 1999, p. 427]. Некоторые литературоведы специфицируют этот жанр, выделяя в качестве отдельной его разновидности проблемный подростково-молодежный роман [Зелезинская, 2022]. В центре оказывается неразрешимая проблема, с которой сталкиваетсяprotagonist. Обозначаются следующие черты таких произведений: двоемирие, простой язык, одна сюжетная линия, подчеркнуто заурядный или с особенностями развития протагонист. При этом повествование ведется от первого лица. Характеристики героя-подростка меняются в сторону неидеальности, негероичности, обычности. Миссией центрального персонажа становится самоидентификация, принятие самого себя, ответственность. В таких сочинениях присутствуют трехчастные мотивные комплексы: проблемный мотив (суицид, насилие, смертельная болезнь), эмотивный мотив (страх, вина, отчаяние), этический мотив (любовь, свобода, ответственность, инаковость) [Зелезинская, 2022].

В американской литературной критике литература для юношества (young adult fiction), роман взросления (the novel of maturing, adolescence novel, coming of age novel), роман-кроссовер (crossover novel) роман воспитания и

роман инициации часто используются как синонимичные понятия. По мнению литературоведов, по мере развития литературы для подростков и молодежи наблюдается усложнение ее формы и содержания. Поэтика подобных романов вбирает мотивы, ранее считавшиеся предназначенными для взрослой аудитории: «Функции подростковый литературы меняются <...> мы начали говорить о многом из того, что раньше было запретным» [Соловьева, 2017, с. 90]. Усложнение языка и поэтики таких произведений делает необходимым преодоление нормативных установок, касающихся возрастных особенностей адресата. Следует подчеркнуть, что относительно целевой аудитории романа инициации, на наш взгляд, не следует говорить о какой-то определенной группе.

Литература, преодолевающая возрастные границы, не является чем-то новым. Уже в XIX веке присутствует миграция тем, образов и сюжетов из «взрослой» прозы в произведения, главными героями которых являются подростки [Crowe, 2001]. Называть такую литературу детской или подростковой было бы, на наш взгляд, не вполне корректно, потому как даже классические произведения так называемой литературы для детей (*kid literature*) были написаны для взрослых. Классическими примерами двуадресных произведений стали сочинения, которые несмотря на то, что вызывают интерес у юных читателей, были написаны не для них: «Оливер Твист» Ч. Диккенса, «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Убить пересмешника» Х. Ли и др. Исследователи считают, что «происходит дублирование и взаимопроникновение взрослой и детской литературы» [Арзамасцева, 2005, с. 470]. Роман инициации носит универсальный характер и может рассматриваться как литература о взрослении, что имеет вневременной характер.

Роман инициации является более универсальным жанровым типом по сравнению с подростково-молодежным проблемным романом. Последний, на наш взгляд, обозначает тип героя и читателя (подростково-молодежная среда) и выделяет конфликт (проблема, которая становится композиционно-

содержательным стержнем произведения), в то время как первый вбирает все обозначенные смыслы, указывая на тип героя (отсылки к возрасту и социальному статусу неофита), события (инициация как погружение в глубокий кризис и пространство встречи героев с самими собой), хронотоп (лиминальное пространство), сюжетообразующие мотивы (преодоление одиночества, физические испытания, обретение независимости и цельности). В этом нам видится принципиальное отличие романа инициации от литературы для молодого читателя и проблемного подросткового романа. Несмотря на некоторое сходство в нарративном устройстве, поэтологической структуре, сочинения такого типа носят более универсальный характер. Они предназначены для широкой читательской аудитории и раскрывают общечеловеческие проблемы. Роман инициации вбирает в себя такие жанровые формы, как литература для молодого читателя, проблемный подростково-молодежный роман, роман-кроссовер.

Отметим, что проблематика таких произведений влияет на их мотивно-тематические особенности. Они характеризуются совокупностью тем: смертельная болезнь («Виноваты звезды» Дж. Грина), суицид («Тринадцать причин почему» Дж. Эшера), физическое или психологическое насилие («Маленькая жизнь» Х. Янагихары), терактов («Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера), социальной дезадаптации («Хорошо быть тихоней» С. Чбоски). Но в романе инициации конфликт более многомерный, этому жанру свойственна сложность и диалектика, как на уровне формы, так и содержания.

По мнению исследователя М. Карта (M. Cart), который возглавлял секцию подростковой литературы американской библиотечной ассоциации, во второй половине XX века книжная индустрия переживает золотой век подростковой молодежной литературы. Исследование генезиса романа инициации дает представление о его связи с другими жанрами и направлениями: уже упомянутым выше романом воспитания, в первую очередь, подростково-молодежным проблемным романом и литературой для

молодого читателя в целом [Cart, 2016; Stratman, 2018]. Ученые связывают возникновение подростковой литературы и выделение ее в отдельную группу с тем, что во время Великой депрессии в США (1929–1939) произошло сокращение рынка труда, и молодые люди, оставшиеся без рабочих мест, отправились в школы и библиотеки. В 1941 г. в библиотечной сфере эта аудитория получила название «подростки» (teenagers), а в 1944 г. возник термин «молодой читатель» (young adult) [Cart, 2010; Tarr, White, 2018]. Писательница Э. Стриклэнд (A. Strickland) отмечает, что данное словосочетание закрепилось в литературном и библиотечном дискурсах в 1960-х годах, когда «американская ассоциация библиотечных услуг молодым читателям» в США (Young Adult Library Services Association) стала использовать его в отношении молодых людей в возрасте от 12 до 18 лет [Strickland, 2022]. Впоследствии произошло расширение границ этой возрастной группы от 15 до 24 лет [Kessler, 2022].

Возникновение литературы для молодого читателя (Young Adult Literature/YAL) принято связывать с романтической повестью «Семнадцатое лето» (Seventeen Summer, 1942) американской писательницы М. Дейли (M. Daly). Повествование в ней ведется от лица героини, которая только что окончила школу для девочек в маленьком американском городке. Здесь переплетены психологические и социальные мотивы: первая влюбленность, социальные различия, стереотипы, семейные взаимоотношения.

В подростковой прозе в противовес идеализированной картине мира детской литературы описывается реальная жизнь, наполненная стереотипами, противоречиями и психологическим разладом. Еще одним знаковым произведением этого жанра стал роман С. Хинтон (S. Hinton) «Изгои» (“The Outsiders”, 1967) [Eby, 2022]. Вышеназванные сочинения сближает то, что повествование в них предлагается от первого лица. Это – сюжетообразующая черта подростковой литературы. Но сюжетные линии и проблематика произведений разнятся: «Если М. Дейли писала о умиротворяющей атмосфере маленького городка в центре США, дружелюбных отношениях в семье

Морроу, то С. Хинтон переносит действие своего романа на городские улицы» [Чупрына, 2022, с. 150]. Героиней «Семнадцатого лета» была девушка из обеспеченной образованной семьи, протагонистами «Изгоев» стали братья Гризеры, оставшиеся сиротами после гибели родителей в автокатастрофе. Сюжет первого произведения не являлся выдуманным, умозрительно сконструированным, он опирался на личный опыт автора, что «апеллировало к возможному социальному и культурному опыту читателя» [Чупрына, 2022, с. 152]. В «Изгоях» нашли отражение реальные общественные конфликты и настоящие подростковые трудности, как физические, так и эмоциональные. Рубежным для формирования жанра подросткового романа является творчество Дж. Блум (J. Blume, 1938–). Примечательны такие произведения писательницы, как «Это ты, Бог? Это я Маргарет» (“Are You There God? It's Me, Margaret”, 1970), «Дини» (“Deenie”, 1973), «Навсегда» (“Forever”, 1975). В указанных сочинениях повествуется о психологических и физических переменах в жизни тинейджеров, трудностях взросления.

Подводя итог размышлениям о формировании и подвижности романа воспитания, можно прийти к заключению, что речь идет не о размывании границ жанра или утрате его своеобразия, а о расширении возможностей, обогащении нарративов новыми качествами. Анализ различных классификаций дает основание сделать вывод о сложности и неоднозначности выделения разных видов романа воспитания. Стадии развития или ступени, через которые проходит протагонист, универсальны, конфликт построен на столкновении оторванных от жизни идеалов героя с реальностью. Путь главного персонажа можно определить как движение к гармоничному восприятию мира, от эгоцентризма по направлению к людям.

Жизненный опыт основного действующего лица складывается из заблуждений и промахов, он неверно выбирает друзей, свое призвание, терпит разочарования в любви. Метод проб и ошибок становится обязательным условием его развития, движения вперед. Начальной точкой является обычно юношеский идеализм, мечтательность, максимализм, а

финальной – приобретение житейской мудрости. Конфликт в романе воспитания строится на столкновении героя с определенным укладом жизни, реальным положением дел. Во всех разновидностях романа воспитания автор по отношению к главному действующему лицу выступает как «историк», хроникер жизни и комментатор слов и поступков. В этом нам видится его принципиальное отличие от романа инициации, в котором историю, как правило, излагает сам protagonист.

Классический вариант романа воспитания показывает динамическое саморазвитие личности на духовном и интеллектуальном уровнях, процесс внутренней эволюции героя. Однако поскольку, начиная со второй половины XX века, данный тип романа показывает не постепенное формирование, а резкое изменение внутреннего мира главного персонажа, что предполагает революционные, а не эволюционные изменения, это понятие представляется не вполне актуальным на данный момент. Таким образом, выделение из романа воспитания романа инициации является этапом обновления традиции, и именно этот термин можно обозначить как наиболее релевантный, поскольку сюжетная схема инициации становится основой повествовательной модели рассматриваемого романного типа на современном этапе литературного процесса (см. Приложение 1).

Во время социальных и исторических изменений, порождающих переоценку ценностей, универсальность и архаичность сюжетной схемы инициации оказывается особенно востребованной, поскольку проблематизирует темы взросления и социализации подростков, изображает внутреннее преодоление, социальные и психологические трансформации. В нашей концепции роман инициации не противопоставляется роману воспитания, а выступает как жанровая модификация последнего, который вбирает в себя его концептуальные сюжетообразующие особенности, но трансформирует их, акцентируя сюжетную ситуацию взросления, перехода из детского мира во взрослый. Из идейного поля романа воспитания роман инициации наследует этап взросления, связанный с переходным периодом,

поскольку именно эта фаза представляется особенно значимой и проблемной для формирования личности, сопряженной с кризисным, травматическим опытом трансформации внутреннего мира главного героя. В романе воспитания обычно представлен длительный период жизни протагониста, показывается его эволюция от рождения до наступления физической и эмоциональной зрелости. Роман инициации же сосредоточен на кризисном, часто катастрофическом событии жизни центрального персонажа. Данный нарратив оказывается наиболее востребованным у читательской аудитории в наши дни, поскольку он, актуализируя архаические паттерны посвящения, репрезентирует социальную адаптацию героя, лишенную этической оценочности, и может изображаться со знаком минус.

Роман инициации взаимодействует со структурами прозы для молодого читателя, но имеет ряд отличительных качеств. Характеризуя героя романа этого типа, следует отметить, что конфликт произведения связан не только с глубокими экзистенциальными кризисами протагониста, но и историческими событиями начала XXI века (военные конфликты, теракты). Под воздействием глобальных социокультурных перемен последних десятилетий, событийным центром романа инициации становятся все более масштабные проблемы: потеря близких людей, случаи суицида, смертельные болезни, насилие. Подобные мрачные стороны реальной действительности нашли отражение в произведениях Дж. Грина, Дж. С. Фоера, Э. Сиболд, Х. Янагихары. Главные отличия романа инициации от подросткового проблемного романа можно усмотреть в том, что если последний сфокусирован на современном состоянии социальных проблем, где персонажи должны выучить некий урок, то роман инициации воспроизводит более многоаспектную и многоуровневую реальность. Это социальные вызовы, экзистенциальные кризисы, с которыми сталкиваются протагонисты, и вопросы самоидентификации личности. Социальные контексты встраивают роман инициации в парадигму психологических, религиозных, политических, философских, культурных дискурсов, что делает его полифоническим, поликонтекстным и расширяет

спектр аксиологии. Рассмотрению поэтики романа инициации посвящен второй параграф настоящей главы.

1.2. Роман воспитания и роман инициации: жанрово-композиционные особенности

На рубеже XX–XXI веков у человечества возникает ощущение разобщенности, децентрации, аксиологической амбивалентности нравственных категорий и, следовательно, необходимость переосмыслиния художественного текста. Кризис утраты привычных ценностей стал причиной расцвета романного типа, в котором само воспитание заменяется архаической инициацией. В настоящем исследовании обращение к сюжетной схеме инициации связано с попыткой теоретического и историко-литературного осмыслиния функционирования романа инициации в современной литературе США.

Началом в разработке теории романа инициации в западной науке стали достижения ритуально-мифологической школы и интерес к обряду инициации со стороны ряда научных дисциплин: философии, антропологии, истории религий и фольклористики. Особого внимания заслуживает литературоведческое осмысление феномена инициации. Исследование его структуры, особенностей наррации и генезиса не представлено целостно в теории литературы. Отечественные и зарубежные литературоведы анализируют отдельные произведения, тогда как формирование жанра, историко-литературный контекст его появления и развития не рассматриваются. У истоков изучения этой темы лежат работы французских авторов: С. Вьерна (S. Vierne), Л. Деома (L. Déom), Ж. Жака (G. Jacques), Л. Селье (L. Cellier).

Поскольку роман инициации связан с кардинальной трансформацией личности и статуса протагониста (поиск смысла жизни и своего места в ней), этот процесс развивается по сценарию обряда посвящения. Именно данный ритуал, по мнению М. Элиаде, труды которого стали отправной точкой в развитии теории романа инициации, разработанной французскими литературоведами, отражает осознание человеком собственной внутренней

неполноценности: «...родившись, человек еще не завершен, он должен родиться еще раз, духовно» [Элиаде, 1999, с. 112]. Филолог Л. Деом отмечает, что о романе инициации речь может идти в случае, если посредством испытаний, символически отсылающих к смерти, меняется внутренний мир главного героя [Déom, 2005, p. 80]. Поскольку концепция личности, обретающей себя, лежит и в основе романа воспитания, французские исследователи разграничивают эти жанровые формы [Vierne, 2000; Jacques, 2005, p. 65]. Критерием их дифференциации становится то, что для романа инициации важен переход героя от инфантильного состояния к зрелому, значимо радикальное перерождение его личности. Роман же воспитания показывает постепенное формирование протагониста, а не революционные изменения в его сознании. По замечанию Л. Селье, произведение может быть названо романом инициации, когда герой переживает символическую смерть и последующее возрождение [Cellier, 1977, p. 125].

Данной жанровой разновидности посвящены труды восточноевропейских филологов: Д. Ходровой [Hodrová, 1993], Л. Силард [Силард, 2003]. В отечественном литературоведении словосочетание «роман инициации» может заменяться термином «роман посвящения» [Литвиненко, 1999]. В работах этого автора он используется применительно к французскому историческому роману первой половины XIX века. Возникновению, развитию, взаимодействию жанров как испытанных форм времени посвящено исследование Н.Л. Лейдермана [Лейдерман, 1982]. Ученый отмечает, что жанры генетически связаны с архетипами. Поскольку в их основе лежит «ритуально-мировоззренческий тип» (термин Е.М. Мелетинского), а структура любого жанра мироподобна, то именно его структура отвечает за перекодировку и организует произведение в художественный образ жизни [Лейдерман, 1982, с. 21]. В полной мере это применимо к роману инициации, характерной чертой которого является «рифмование» с обрядом посвящения.

Роман инициации анализируется и на материале современной польской литературы, где выделяются его жанрообразующие признаки и модели

[Адельгейм, 2004]. Феномен романа инициации также изучается в белорусской традиции, где осуществляется попытка атрибуции этого жанра в системе романых форм [Борисеева, 2014].

В отечественном литературоведении через призму сюжетообразующих признаков романа инициации анализируется творчество Ч. Диккенса [Крупенина, 2016], с точки зрения языковой репрезентации данного феномена – творчество Г. Уэллса [Вишнякова, Карпухина, 2021]. Отдельные наблюдения над поэтикой жанра представлены в трудах В.Ю. Даренского, С.М. Подоляк, Л.Е. Пупиной, А.Ю. Чеботаревой, О.И. Чик.

Кризис рубежа ХХ–XXI веков выявил дискретность личности, потерянность человека, сделал необходимым переосмысление изображения действительности в художественных произведениях. Нравственный релятивизм обусловил развитие жанрового типа, в котором воспитание заменяется архаической инициацией, испытанием протагониста, проверкой его адаптации к жизни [Камардина, 2015].

Обращение персонажей к собственной сущности становится началом духовной перемены, их внутреннего роста. В центре композиции сочинения находится история героя, но первостепенную роль играют не события, благодаря которым он приобретает опыт и взрослеет, а сама возможность его перерождения [Esselborn-Krumbiegel, 1983, р. 145]. Продолжает эти размышления А.В. Теличко: в романе воспитания взросление – это линейный и конструктивный процесс, в романе же инициации старое «Я» растворяется и порождает новое «Я» [Теличко, 2014].

Внимание к сюжету инициации можно связать с процессом ремифологизации [Кузнецова, 2019]. Описывая инициацию такой, какой она предстает в мифах, теоретики литературы отмечают тот факт, что архетипические мотивы встречаются в героических и календарных мифах, при этом, инициация отражает переход посвящаемого из одной социальной группы в другую, своеобразную космизацию личности протагониста, уходящего из однородной общности женщин и детей. В символике инициации отражается, с

одной стороны, мотив индивидуализации личности, а с другой, ее вхождение в иной социум [Веселовский 1989; Мелетинский, 1994]. По мнению исследователей, писателей привлекают такие качества мифа как сакральность, архаичность, соотнесенность с общечеловеческими ценностями, универсальность [Смирнов, 1972; Струкова, 2016].

В основе любого нарратива о взрослении находится сюжет посвящения, предполагающий разрыв с прошлой жизнью и переживание кризиса. Подобные тексты, как уже было отмечено, реферируют к обряду инициации, присутствовавшему во всех архаических обществах. Во время таких практик неофиты преодолевали тяжелые испытания, в результате чего они становились полноценными участниками социальной жизни племени. В ходе посвящения происходила трансформация внутреннего мира юношей по причине сильных переживаний и переосмыслиния жизненной философии, а также в силу их приобщения к сакральному знанию. Все это вело к трансформации личности и ее переходу во взрослое состояние. В современном мире обрядов инициации не существует, но их роль заменяют другие формы культуры, особое место в которых занимает художественная литература. Психологические изменения, происходящие с протагонистом, при глубоком осмыслиении таких творений оказывают определенное влияние и на читателя.

Культурологи отмечают сходство самих структур инициации и мифа, эпоса, волшебной сказки, однако подчеркивают, что если для одних случаев (европейский роман воспитания с его обязательным путешествием) это сопоставление оправдано, то для других оно может рассматриваться лишь как совпадение универсалий повествования [Элиаде, 1999, с. 250]. Несмотря на то, что «уход и возвращение – через волшебную сказку – стали рамкой для большинства сюжетов, а характерный ритм потерь и приобретений обнаруживается во многих жанрах» [Мифы народов мира, 1994, с. 534], роман инициации связан с обрядом посвящения наиболее тесно. Три его этапа влияют на композиционную структуру, центральные мотивно-тематические

комплексы, специфику хронотопа, систему персонажей (учитель или наставник, двойник, помощник, герой/антигерой).

По мнению ученых, эти факты обуславливают необходимость анализа таких сочинений «в особом аспекте, связанном с их глубинной экзистенциальной функцией, как инициационных текстов, т. е. порождающих духовную инициацию в читателе за счет предельно концентрированной передачи опыта жизни на грани смерти, как символического «прохождения через смерть» и «второго рождения»» [Даренский, 2019]. В таком контексте инициация связана с экзистенциальной практикой символического перерождения, после которого protagonист романа инициации и читатель вместе с ним приобретают особый опыт, позволяющий им увидеть свой жизненный путь как бы со стороны, переоценить его. В широком смысле инициация стала универсальным термином, который мало связан с первобытной культурой и скорее обозначает в наше время феномен духовной трансформации, который, в той или иной форме, присутствует во всех культурах. Переживание смерти как духовная инициация трансформирует личность человека и меняет его сущность.

Особенности поэтики и нарративной организации романа инициации заключаются в совмещении философских и социальных дискурсов, художественном обобщении и экзистенциальном осмыслении протагонистом окружающего мира и своего места в нем, лексической емкости (речевой портрет героев, внутренние монологи, обращения к читателю), богатстве, целостности описаний, художественной точности.

Характерной чертой романа инициации, как и в классическом романе воспитания, остается моноцентризм повествования, подразумевающий, что второстепенные персонажи «очерчены слабо, схематично <...> так как выполняют в романе эпизодическую роль: способствуют в данный момент формированию характера героя» [Диалектова, 1972, с. 37]. Они изображены с точки зрения степени их влияния на его формирование. Роман инициации посвящен многогранному и объемному раскрытию внутреннего мира главного

протагониста, истории его инициации. В.Я. Пропп выделил первичные элементы, которые влияют на функции действующих лиц. Это «поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп, 2004]. Так, второстепенные персонажи наделяются такими ролями, как «отправитель», «даритель», «помощник», «антагонист», «ложный герой». Ученый описал два сюжетных цикла, объединяющих все многообразие волшебных сказок – посвящение (или инициация) и смерть. В работах автора приводятся различные функции, соответствующие той или другой группе, и отмечается, что они сливаются в одну общую систему, поскольку посвящение практически всегда включает умирание/оживление героя, путешествие в страну мертвых или иное царство, то есть, мотив инициации покрывает мотив смерти [Пропп, 2004].

Свойственные классической волшебной сказке предварительные испытания протагониста также восходят к мотивам инициации (помощник, даритель – это дух-покровитель или шаманский дух-помощник). Связь путешествия в страну предков и получения некого тайного знания, по мнению литературоведа, возникла из первобытных инициаций. Волшебные сказки в сюжетных схемах следуют структуре инициационного обряда, трактуя в соответствии с определенным историческим контекстом разные его элементы [Пропп, 2004, с. 22–25, 93–106]. Идея приобретения неофитами или «духом-покровителем» магических способностей реализуется в волшебном даре, который достается герою от кого-то из персонажей, воплощающих иное измерение. Страна мертвых и в волшебных сказках, и в обрядах инициации показана как хранилище этой реальности. Знания, полученные во время символической смерти и пребывания в сакральном мире, носят статус священных.

Исследователи подчеркивают универсальность классификации В.Я. Проппа, возможность ее применения к разным произведениям, поскольку методика ученого «вполне может пригодиться для анализа структуры литературных форм, таких как роман или пьеса...» [Дандес, 2003, с. 11].

Другую типологию сюжетов фольклорных сказок предложил финский фольклорист А. Аарне (A. Aarne). Он разработал методологию сравнительного анализа и классификации произведений фольклора, создав указатель сказочных типов. Классификацию этого ученого дополнил американский сказковед Ст. Томпсон (St. Tompson), который выделил в сюжетах сказок несколько элементов, составляющих их структуру. В 2004 году немецкий литературовед Г.-Й. Утер (H.-J. Uther) опубликовал дополненный и переработанный указатель сказочных сюжетов под названием «Типы международных фольклорных сказок» [Uther, 2011].

В романе инициации сохраняются отмеченные выше черты классического романа воспитания (моноцентризм, ступенчатость, поэтапность), но его повествовательная модель обретает четкую трехчастную структуру, которая генетически и типологически связана с этапами посвящения. Для исследования их репрезентации необходимо более подробно проанализировать структуру, а также социальный и философский смыслы обряда инициации.

Посвящение относится к таинствам перехода, одному из трех основных видов. Другие две группы представляют календарные, приуроченные к смене времен года и оккasionальные ритуалы, которые совершаются по какому-либо поводу. Обряды перехода были выделены в отдельную группу франко-бельгийским фольклористом А. ван Геннепом (A. van Gennep). По мнению ученого, их смысл состоит в том, чтобы дать возможность человеку перейти из одной социальной группы в другую. Сам переход при этом трактуется предельно широко и понимается как любое изменение условий жизни человека. Обычаям перехода присуща трехчастная структура: сегрегация (preliminal rites), то есть отделение индивида от старого окружения и его разрыв с прошлым, транзиция (liminal rites) – промежуточное, лиминальное состояние, инкорпорация (postliminal rites) – включение личности в ту или иную социальную группу в новом качестве. Наиболее важной, как в инициации, так и в пространстве художественного текста, оказывается лиминальная стадия. В этот период человек уже исключен из предыдущей

жизни, а в новую систему отношений еще не встроен. Переходное состояние становится рубежным и воспринимается, как выход за пределы профанного мира и взаимодействие с особой магически-религиозной ситуацией [Ван Геннеп, 1999, с. 18]. Именно встреча посвящаемого с сакральным делает его не равным себе прежнему, дает право занять новую социальную нишу.

Ритуалы перехода – широкая таксономическая категория. Их основной функцией является социализация личности. По мнению ученых, для реализации этой сложной и многоплановой программы – быть человеком своего времени и пространства, носителем культуры и представителем социума – существуют различные механизмы и институты социализации [Тендрякова, 2022, с. 48]. Для нашего исследования наиболее значимыми являются возрастные инициации. Поскольку путь к взрослению лежал через упомянутые выше ритуалы, они занимают важное место и представляют один из центральных институтов социализации, объединяющих наиболее ключевые дискурсы культуры: представления о взрослости, сакральные знания, стратификацию общества, гендерную социализацию.

Возрастные инициации получили осмысление на материале этнографических и культурологических исследований разных регионов мира. Наиболее подробно они описаны на основе австралийских корпусов. В 1899-м году вышла книга Б. Спенсера (B. Spencer) и Ф. Гиллена (F. Gillen) «Туземные племена центральной Австралии» (“The Native Tribes of Central Australia”). В 1904-м году появилась работа А.У. Хауитта (A.W. Howitt) «Туземные племена Юго-Восточной Австралии»³ (“The Native Tribes of South-East Australia”). Авторы этих монографий провели средиaborигенов несколько десятков лет. Ученые сами были посвящены в тайную жизнь общества и прошли обряд инициации наравне с подростками. Исследователи описали данный процесс как важнейший этап в жизни человека, который меняет его отношения с миром и окружающими людьми, а также в корне трансформирует посвящаемого как личность.

³ Примечательны также труды К. Штрелова, Т. Штрелова, А. Элькина, В. Уорнера.

Сегодня интерес к инициации уже не лежит в русле исключительно этнографии. К проблемам взросления и социальной адаптации человека проявляют внимание представители множества наук: социологи, психологи, педагоги. Анализируя проблемы становления и социализации, они приходят к выводу о несоответствии внутренней готовности личности к переключению на новый уровень и ожиданиям окружающей социальной среды. Исследователи отмечают, что современное общество исключает человека из определенной социальной группы и оставляет его в так называемой «лиминальной зоне», в поисках подходящей нейтральной полосы [Adams, Hayes, Hopson, 1976].

Состояние перехода, как поворотный момент в жизненном пространстве индивида, связано с переоценкой ценностей и реорганизацией отношений человека с окружающим миром. Обращение к обряду инициации в литературе делает возможным осознание читателем собственного «Я» через анализ произошедших с персонажами перемен.

Продолжительность посвящения может варьироваться от нескольких дней до нескольких месяцев. Инициируемые в это время ведут уединенный образ жизни и проходят различного рода физические и духовные испытания. Разрыв с прежним социальным окружением представляется как переход из мира обыденного в мир сакральный. Такое путешествие отождествляется со смертью и возрождением.

В обрядах инициации переход от прежней социальной позиции к новой осуществляется через символическую смерть. Представление о ней и последующем возрождении образует переходную лиминальную fazу. «Символическая смерть – центральный момент инициации <...> во всем, что происходит с неофитами, можно увидеть символику смерти» [Тендрякова, 2022, с. 64]. Особые состояния, которые переживают юноши, также могут рассматриваться как знаки смерти: потеря сознания, забвение прошлого, необходимость ходить обнаженными, молчаливость, пассивность, голод [Пропп, 2004; Элиаде, 2010]. Это же происходит с протагонистом в романе

инициации: через постижение сакрального, преодоление кризиса, ему/ей открываются новые сценарии жизни и пути развития.

Заключительная фаза инициации может быть представлена по-разному. Процесс инкорпорации бывает непродолжительным. В некоторых случаях, когда мальчики в сопровождении воинов входят в лагерь, с этого момента они уже считаются взрослыми самостоятельными мужчинами. Материалы других этнографических экспедиций позволяют ученым зафиксировать тот факт, что процесс инкорпорации носит постепенный и многоэтапный характер [Meggitt, 1966]. Данная особенность находит отражение в изображении этой стадии в романе инициации. Несмотря на то, что посвящение носит универсальный характер, его этапы, как и возраст протагониста, могут варьироваться.

Таким образом, возрастные инициации становятся комплексом посвящений, которые меняют социальную нишу, занимаемую человеком в обществе. Они обладают рядом исключительных признаков: приобщение к таинствам, ситуация перехода, поломка старой социальной позиции и поиск новой. Личностный кризис, который всегда сопутствует смене общественной роли, не только конструируется социумом и предписан традицией, но и связан с глубоким индивидуальным переживанием каждого человека [Артемова, 1987, с. 84].

Следуя вангеннеповской структуре обрядов перехода, английский антрополог В. Тернер (V. Turner) подробно описал лиминальную fazу. Учитывая ее особое положение, ритуалы разворачиваются в сакральном пространственно-временном локусе, священная земля – это территория на грани миров: «Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то, ни се – они в промежутке между положениями» [Тернер, 1983, с. 169]. По справедливому наблюдению ученого, во время перехода из одного статуса в другой, неофит перемещается в «пустыню бесстатусности» [Тернер, 1983, с. 171]. Ученый ввел в науку понятие «лиминальной личности», для которой отменяются все принятые нормы поведения, все «можно» и «нельзя» меняются вплоть до противоположного значения [Тернер, 1983, с. 234–236]. Так называемая

«пустыня бесстатусности» становится той основой, на которую накладываются новые ценности и смыслы. Неофиты оказываются в положении изгоев, пребывающих вне закона. Иногда это проявляется в том, что в некоторых обществах им позволяетя безнаказанно воровать и грабить [Van Геннеп, 1999; Adams, Hayes, Hopson, 1976]. Инверсия аксиологии отрицательных поступков, символика «антиповедения» подробно описана в работах Б.А. Успенского. Данное явление подразумевает образ действий, сознательно нарушающий общепринятые социальные нормы, например, перевернутость и замена регламентированных правил на их противоположность [Успенский, 1994, с. 320–332].

Указанная выше особенность имеет знаковое значение для романа инициации, в котором протагонист часто совершает действия, которые с точки зрения морально-этических норм общества, являются неоднозначными и даже скорее отрицательными. Действующее лицо лжет, участвует в убийстве, принимает наркотики или употребляет алкоголь. Здесь также присутствует параллель с теми травами и настойками, которые давали посвящаемым для того, чтобы вызвать промежуточные состояния сознания.

Особого внимания заслуживает сюжетный элемент, связанный с нанесением героями самим себе шрамов или увечий. Эти действия коррелируют с шрамированием, которое было частью обряда посвящения, потому как через боль неофиту открывалось новое знание и становилось доступно иное понимание мира. Наиболее эксплицитно этот прием представлен в романе Х. Янагихары «Маленькая жизнь», когда с помощью боли главный герой Джуд (Jude) пытается пережить разрушительный травматический опыт [Кислова, 2011]. Другим примером является роман «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера, в котором подросток Оскар (Oscar) оставляет на своем теле синяки с целью преодоления душевной боли. Физическое и моральное саморазрушения персонажей присутствует в произведениях Д. Тартт, Дж. Диаса, Дж. Евгенидиса и других современных авторов.

М. Элиаде выделяет три типа посвящения. К первому он относит коллективные обряды, которые символизируют переход от детства или юношества ко взрослому возрасту. Сюда же ученый включает соответствующие действия, которые проводятся индивидуально. Вторую категорию обрядов представляют процессы вступления в тайные общества. Большинство братств объединяют представителей сильного пола и составляют мужские союзы. Третья категория инициаций соотносится с приобщением к сакральному знанию. Специфика обрядов этой категории, по мнению ученого, заключается в той особой значимости, которую придает человеку индивидуальный опыт [Элиаде, 1999, с. 25].

В романе инициации фабула подчинена переходу главного героя от одного этапа к другому. Согласимся с мнением о том, что «эти этапы лучше всего назвать «образовательными ступенями», поскольку можно проследить, какой опыт приобрел герой в том или ином эпизоде жизни» [Мелетинский, 1976, с. 206].

Обращаясь к повествовательной модели инициации в тексте, необходимо обратить внимание на происхождение, природу и специфику этого явления. Наиболее важными ритуалами (обрядами) являются: инициация (посвящение юноши во взрослое состояние), календарное обновление природы, умерщвление вождей-колдунов, свадебные обряды [Фрэзер, 2017]. Насыщенность литературы и культуры архаическими мотивами обуславливает обращение к этому материалу в литературоведении представителей мифологической и ритуально-мифологической школ (В. Буслаев, А. Афанасьев, Дж. Кэмпбелл, М. Элиаде и др.). Ученые отмечают, что «ориентированность на поиски архетипических начал в романе XX века связана с разочарованием в историзме, в идее прогресса и с желанием «выйти» за пределы конкретного исторического времени и доказать существование вечных, неизменных начал в бессознательных сферах человеческой психики» [Введение в литературоведение, 2012, с. 22].

Поскольку обряд посвящения имеет общечеловеческий смысл и носит универсальный характер, не зависящий от национальной принадлежности культурной традиции, сюжетные элементы инициации присутствуют в литературном каноне разных стран.

В произведениях современной немецкой литературы, посвященных взрослению, раскрывается духовное становление героев, стремящихся к деятельности на благо людей. Они переживают различные испытания, соотносимые с возрастом. Сохраняются психологические интроспекции и присутствует развернутая рефлексия персонажей – черты, свойственные протожанру. Среди наиболее значительных современных текстов можно назвать такие, как «Гретхен», (“Gretchen, mein Mädchen”, 1988) К. Нестлингер (Christine Nöstlinger, 1936–2018), «На краю света я встретила Ноя» (“Am Ende der Welt traf ich Noah”, 2015) И. Крамер (Irmgard Kramer, 1969–) и др.

Знаковыми произведениями современной французской литературы, посвященных теме взросления, можно считать такие романы, как «Комната чудес» (“La Chambre des merveilles”, 2018) Ж. Сандрель (Julien Sandrel, 1980–), «Маленькая страна» (“Petit Pays”, 2016) Г. Фай (Gaël Faye, 1982–), «Отель дача» (“La Datcha”, 2021) А. Мартин-Люган (Agnès Martin-Lugand, 1979–). В них в большей степени по сравнению с американской прозой ощущается тяготение к традиционной детско-юношеской литературе. В фокусе внимания писателей оказываются приключения персонажей, выраженные в разного рода сюжетных перипетиях. Тональность таких сочинений преимущественно оптимистичная, протагонисты могут переживать внутренние кризисы, но их картина мира не подвергается деструкции.

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что в британской литературе, сконцентрированной на идее самовоспитания и самосовершенствования, важное значение имеет роман-призвание (vocation novel). Поскольку именно идея предназначения, поиска своего пути, развернутая в произведениях эпохи викторианства (романах Дж. Элиот (George Eliot, 1819–1880), Э. Троллопа (Anthony Trollope, 1815–1882) и др.)

может рассматриваться как доминирующая [Проскурин, 2005; Bentley, 2008; Golban, 2003]. В новейшей английской литературе создается особая реальность, формирующая кризисные психоэмоциональные ситуации, из которых стараются выбраться персонажи, находящиеся в состоянии внутреннего поиска [Подоляк, 2018]. Знаковыми можно назвать произведения таких авторов как К. Ишигуро (Kazuo Ishiguro, 1964–) «Не отпускай меня» (“Never Let Me Go”, 2005), Д. Лессинг (Doris Lessing, 1919–2013) «Пятый ребенок» (“The Fifth Child”, 2007), И. Макьюэна (Ian McEwan, 1948–) «Искупление» (“Atonement”, 2001), Дж. Барнса (Julian Barnes, 1946–) «Предчувствие конца» (“The Sense of an Ending”, 2011) и др.

Особое значение сюжет инициации приобретает в литературе США второй половины XX века, поскольку он связан с изображением судьбы молодого человека, его взросления, обретения своего места в мире, духовного становления. Исследователи обращают внимание на необратимость процесса инициации: «В столкновении с трудностями и болью, мальчик получал послание о том, что больше не может вернуться домой прежним» [Тернер, 1983, с. 133]. Ценностное поле инициации связано с достижением неофитом тайнств религии, смерти, сексуальности: «Смерть при посвящении одновременно означала конец детства, неведения и состояния непосвященности. Только после обрядовых испытаний подросток признавался ответственным членом общества» [Тернер, 1983, с. 134].

Изучению обрядов инициации, их социальных, философских, психологических, социокультурных функций посвящена кандидатская диссертация «Социокультурная трансформация ритуалов и обрядов инициации в мировой традиции», в котором рассматривается место феномена посвящения «как явления культуры в сознании общества, как механизма самосохранения, воспроизведения и регенерации культуры <...> современного общества» [Фирсова, 2005]. По мнению философа, инициация важна не только как институциональное и социальное событие, но и как «личный смысл», поскольку «человеческая жизнь полна глубинных кризисов, тревоги, потери и

обретения самого себя» [Фирсова, 2005]. Именно эта сторона обряда становится основой произведений рассматриваемого типа, сопряженных с ощущением одиночества, потерянности человека, поиска смысла жизни. Таким образом, структуры и сюжеты посвящения воспроизводятся в современной культуре на интуитивном уровне, поскольку «темы инициации живы в подсознании современного человека» [Ван Геннеп, 1999, с. 135].

Структурная и семантическая связь романа инициации с обрядом посвящения делает такие произведения значимыми с социальной, педагогической и психологической точек зрения, поскольку они содержат устойчивые архаические структуры. Изменяясь и эволюционируя, рассматриваемый тип романа сохраняет первооснову: в центре композиции остается история протагониста, его внутренняя эволюция, но пафос правдоискательства сменяется возможностью адаптироваться к современной жизни.

Так, форма романа инициации достаточно стабильна и статична, о чем свидетельствуют такие элементы поэтики, как: композиция, представляющая ступени взросления, система второстепенных персонажей (образ наставника, наличие антагониста и др.), хронотоп (кризисный хронотоп, большой город и др.). Содержание романа инициации является динамичным и подвижным: разнятся испытания, проблемные ситуации и вызовы, которые преодолевает protagonист. В результате сложной и противоречивой психологической борьбы, сопряженной с самоотречением и самопреодолением, он приходит к гармонии, а перед читателем разворачивается диалектика его духовного формирования и эволюция внутреннего мира.

Повествовательная модель анализируемого романа непосредственно связана с обрядовой схемой посвящения, локусы художественного пространства соответствуют этапам инициации. Классический роман воспитания показывает рождение и становление личности, внутреннюю динамику ее духовного роста. Для романа инициации важным является проявление определенных качеств характера в действии. В художественном

пространстве произведения возможность символически пройти посвящение означает способность протагониста проявить себя сильной, цельной, зрелой личностью, пережившей экзистенциальный переворот.

Такие особенности романа воспитания как конфронтация идей, интеллектуальные дискуссии, относительная стереотипность формы, динамизм содержания, в романе инициации трансформируются. Как уже было отмечено, второму типу сочинений свойственна схематичность композиции (трехчастная структура), в то время как его содержание варьируется в связи с особенностями критерия инициации, для которого общей характеристикой является экзистенциальный переворот в сознании протагониста, а частным выражением может быть доказательство собственного бытия, гендерная трансформация, внутреннее преображение, принятие себя и окружающего мира, обретение или утрата близкого.

Тип героя классического романа воспитания – это герой-правдоискатель. В романе инициации он часто предстает как герой-испытуемый. Рассматриваемому жанру не свойственна психологизация образа, развернутыеintrospeкции, мышление в парадигме добра и зла. При этом внутренняя суть центрального персонажа проверяется его готовностью или неготовностью действовать и меняться.

Общим выражением конфликта романа воспитания является движение центрального персонажа от инфантильно-индивидуального к социально-гармоническому восприятию мира. Конфликт в романе инициации нельзя охарактеризовать общей тенденцией, он всегда глубоко сопряжен с личностью протагониста, экзистенциальным поворотом его сознания, поэтому критерий прохождения инициации индивидуален.

Объединяющими чертами поэтики классического романа инициации можно назвать образы главных героев, нарративный вектор, речевую организацию повествования, стадии сюжета. Архаические обрядовые представления используются в качестве мифологического моделирования сочинения, поскольку исторически обряд посвящения был формой подготовки

посвящаемого к участию в хозяйственной, военной и религиозной жизни взрослых членов племени. В анализируемом типе романа актуализируется архетипическая сущность инициации, как обязательной и самой важной ступени взросления и развития. Посвящение в данном случае выступает как апогей социального и психологического изменения сути протагониста, это проверка его внутренней зрелости, готовности быть взрослым.

Жанры романа воспитания и романа инициации имеют существенные отличия в способе повествования: первый из них можно назвать описательным текстом, второй же является нарративным, так как события инициации образуют его сюжет и обладают фактичностью и результативностью [Шмид, 2003]. По мнению М.М. Бахтина, такого рода события состоят из неких общих моментов, представляющих конкретные архитектоники. Эта концепция коррелирует с феноменом инаковости и попыткой его осмысления, когда пространственно-временные и смысловые отношения сводятся к эмоционально-волевым центральным моментам: я, другой и я для другого [Бахтин, 1995].

Само событие, вслед за Ю.М. Лотманом, понимается нами как «перемещение персонажа через границу семантического поля», «значимое уклонение от нормы» или «пересечение запрещающей границы» [Лотман, 2023]. В художественном пространстве романа инициации нет развернутых внутренних монологов и метакомментариев протагониста. Его внутренний мир читатель познает через призму поступков и действий персонажа.

Критериями событийности в романе инициации являются: релевантность, непредсказуемость, консективность (причинно-следственная обусловленность), необратимость, неповторяемость [Шмид, 2003, с. 12–13]. В романе инициации главный герой попадает в экстраординарные условия, мир, в котором он проживает взросление, катастрофичен, а события/событие инициации интенсивны и сжаты.

В романе воспитания разворачивается полная и цельная история героя, в романе же инициации протагонист представлен в решающий момент его

жизни. Читатель не имеет возможности проследить всю историю развития персонажа, не знает, как происходило формирование его характера, каким образом сложилась система ценностей, какие факторы оказали влияние на его становление. Не представлено и завершение его судьбы – финал романа инициации часто остается открытым. Герой переживает внутреннюю трансформацию, но как он будет адаптирован, как поменяется его жизненный путь, читатель не знает.

Развернутым ретроспекциям и интроспекциям, философским (немецкий роман воспитания) и социальным (английский роман воспитания) дискурсам противопоставлена событийная, деятельная проверка героя в романе инициации. Разрушение романтических иллюзий, путь от инфантильного самосознания к взрослому постижению мира в сочинениях первого типа заменяется необходимостью быстрого действия в конкретной ситуации и обстоятельствах в произведениях второго. Здесь весь жизненный путь, цепочка знаковых встреч и духовных изменений героя преобразуются в важное событие, которое связано с обрядом инициации и выражено в трехчастной структуре. Критерием инициации является качественное изменение героя, экзистенциальный переворот, который служит показателем прохождения/непрохождения обряда.

Роман воспитания может охватывать разные стадии становления персонажа, представлять историю героя в длящемся пространственно-временном континууме. Роман инициации же сконцентрирован именно на периоде отрочества, который наибольшим образом связан с обретением протагонистом самостоятельности и независимости. Если роман воспитания изображает взросление как процесс, то семантическим центром романа инициации становится какое-то событие или цепочка событий.

В романе воспитания внутренний поиск центрального персонажа изображается в парадигме вечных, вневременных ориентиров, подразумевается положительная динамика его развития, преодоление эгоцентризма. Инициация же связана с процессом адаптации к жизни. Он не

всегда имеет ценностное измерение и касается, прежде всего, социализации действующего лица, его возможности встроиться в реальную жизнь. Вот почему опорными точками композиции в произведениях такого типа являются ситуации выживания, с которыми сталкиваются персонажи. Данные сочинения могут показывать отрицательные изменения в характере действующих лиц, поскольку задействуется весь комплекс жизненных ценностей [Lindsay, 2020, р. 423]. Роман инициации лишен аксиологической и этической оценочности и сосредоточен на возможностях/невозможностях адаптации героя к жизни и обретения им собственной идентичности.

Следует также отметить, что роман воспитания нацелен на интеллектуальные ценности (генетически он связан с эпохой Просвещения) [Пинский, 2011]. Тогда как в романе инициации центральной становится проблема адаптации героя ко взрослой жизни. Последний имеет практическую направленность и вписан в полидисциплинарный дискурс, поскольку связан с возрастной психологией, конфликтологией и социологией.

Для композиции романа воспитания характерны моноцентризм, ступенчатость, поэтапность. Нarrативная схема классического романа инициации распадается на три части, а движение героя между локусами художественного пространства символически соответствует стадиям обряда. Особенности романа воспитания, такие как биографизм, конфронтация идей, интеллектуальные дискуссии, относительная статичность, стереотипность формы, сменяются динанизмом содержания.

Как уже было сказано выше, с точки зрения репрезентации категории времени, посвящение имеет конечный характер. Соответственно, роман инициации обладает четкой временной структурой, поскольку показывает ключевые изменения в жизни протагониста и ограничен событием/событиями инициации. Это не целостная история протагониста, которая разворачивается от рождения до зрелости. Однако в сочинениях такого типа ретроспективно может присутствовать история его семьи, поскольку важной частью самосознания персонажей является национальная и родовая идентичность.

Обязательной чертой романа воспитания является фигура учителя или наставника. В романе инициации подобный образ также может присутствовать, но его роль значительно трансформируется. Учитель или директор не выполняет функцию поддержки по отношению к главному персонажу, не произносит слова напутствия, и даже может быть лжеучителем. Это происходит уже в произведении «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена (образ отца) и получает широкое распространение в последующей литературной традиции.

Роман инициации показывает становление протагониста в катастрофических обстоятельствах. Главным персонажем является человек, ищащий себя, преодолевающий кризисы, пытающийся обрести собственную идентичность. Вслед за М.М. Бахтиным мы рассматриваем его как особый тип романа, сюжетообразующим центром которого является образ меняющегося героя, его внутренняя динамика. Внутри данного типа формируется жанрово-видовая система, связанная с сюжетообразующим проблемным полем произведения. В зависимости от кризиса, с которым сталкивается герой, выделяются внутрижанровые разновидности произведений.

Развитие и масштабирование романа инициации в современной литературе США определяется важностью междисциплинарного полилога литературы с культурологией, социологией и психологией в осмыслении темы взросления, кризиса личности, подросткового возраста как такового. Роман инициации становится способом рефлексии над проблемой взросления с психологической и философской точек зрения. Его персонажи оказываются в ситуации выживания, испытывают духовные и физические муки.

Хронотоп в рассматриваемом типе сочинений имеет субъективный характер: время действия может занимать только несколько дней, каждый час приобретает символическое и психологическое значение. Сюжетообразующую роль здесь играют ретроспекции, благодаря которым протагонист целостно представляет свою историю и анализирует внутреннюю эволюцию. Воспоминания героя выполняют роль композиционного приема:

они выделяют кульминационные моменты повествования и опорные точки композиции. Так, можно увидеть сложность и многогранность внутренних изменений главного персонажа в романном настоящем, ибо события обогащаются глубоким подтекстом. Вслед за учеными, выделим следующие функции этого приема:

- необходимость обращения к прошлому для прояснения действий персонажей, происходящих в настоящем;
- усиление конфликта;
- информация о прошлом, которая позволяет героям выразить разный взгляд на одни и те же события;
- ключ к пониманию протагонистов и их интенций;
- создание чувства общности времен (прошлое – настоящее – будущее);
- сужение временных границ повествования в романном настоящем [Меркулова, 2006, с. 44].

Исповедальная тональность достигается за счет диалогичного взаимодействия между рассказчиком и читателем, что дает возможность более глубоко проникнуть в процесс понимания внутренней эволюции действующих лиц.

Авторское присутствие в романе инициации воплощается в сюжетно-композиционной структуре, создании речевого портрета персонажей, цветовой и образной символике, мотивно-тематических комплексах. Особое значение приобретает субъектный тип организации повествования, который воплощается в отказе от линейного изображения взросления и становления героя, ретроспективной композиции, сосредоточенной на узловых моментах истории центрального персонажа.

В романе инициации может использоваться повествование от первого и от третьего лица, но наиболее распространенным и выразительным является нарратив, в котором протагонист и рассказчик – одно лицо. В литературоведении употребляются два различных термина – «повествователь» и «рассказчик». Их различие определяется по-разному: с

точки зрения некоторых ученых, повествователь излагает события от третьего лица, рассказчик – от первого [Хализев, 1999, с. 219–240]. Другие исследователи подчеркивают факт меры выявленности: повествователь – «носитель речи, не выявленный, не названный, растворенный в тексте», рассказчик – «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [Корман, 1972, с. 33–34].

В. Шмид отмечает, что «повествователь» является инстанцией более «объективной», близкой автору, а «рассказчик» – более «субъективной» [Шмид, 2003, с. 38]. Понятие «нарратор», с точки зрения данного литературоведа, – функциональное, обозначающее носителя повествовательного начала, безотносительно к типологическим признакам».

В романе инициации использование фигуры нарратора связано с концентрацией внимания на внутреннем мире протагониста, который, излагая события, является одновременно действующим лицом, благодаря чему он пребывает одновременно в деятельной и рефлексивной позициях. Этот прием также существенно влияет на воплощение авторского замысла.

Степень взаимодействия рассказчика с читателем в романе инициации может быть разной: диалогизированный нарративный монолог [Шмид, 2003, с. 59] (прямые обращения к читателю), субъективно-объективное повествование (апелляция к читателю, но не ориентированность на него), повествование от третьего лица, (объективное повествование, в котором протагонист вписан в общую систему персонажей).

Повествование здесь строится от лица диегетического нарратора (в терминологии В. Шмida), отличительной особенностью которого является то, что он одновременно фигурирует в двух планах: в повествовании (как субъект), и в повествуемой истории (как объект). В таких произведениях автором моделируется определенный образ читателя, который позиционируется как понимающий и чуткий собеседник, нарратор прямо или косвенно обращается к нему и надеется, что будет услышан и понят. Апелляция выполняет экспрессивную функцию, а также играет важную

нарративную роль. Форма повествования в романе инициации – исповедальная ретроспективная наррация. Авторское присутствие в тексте реализуется в таком случае наиболее эксплицитно, так как нарратор является одновременно и повествователем, и действующим субъектом. Это своеобразное и сложное совмещение точек зрения и голосов автора, героя и реципиента. Подобный способ авторской презентации обеспечивает максимальную эмоциональную вовлеченность читателя, переживание взросления вместе с героем, определяя социальную значимость подобных текстов.

Если повествование в романе инициации строится от третьего лица, и фигура комментирующего рассказчика отсутствует, то внутритекстовый автор выступает как наблюдатель и создает ощущение объективности для полной и многогранной передачи внутреннего мира протагонистов. Однако данная форма повествования также сохраняет возможность выражения субъективности, что находит воплощение в самохарактеристике протагониста и его восприятии других персонажей.

Выразительным примером представленной модели является роман «Маленький друг» Д. Тартт. Он написан от третьего лица, а повествование строится линейно. Это единственное произведение писательницы, где используется такой способ речевой организации, противоположный ретроспективному исповедальному нарративу романов «Тайная история» и «Щегол». Например, в эпизоде похорон Либби (Libby), бабушки главной героини, который является одной из ключевых сцен романа, способность всеведущего нарратора проникать в сознание как главных, так и второстепенных персонажей показана наиболее отчетливо. Сначала представлена точка зрения центрального персонажа, девочки Гарриет (Harriet), ее горе, многократно усиливающее мотив одиночества в мире взрослых, затем то, что думает библиотекарь миссис Фонтейн (Mrs Fountain), внешний наблюдатель, и в завершение – мысли Эди (Ady), также переживающей глубокую потерю. Этот способ нарративного устройства позволяет автору сосредоточиться не только на внутренней жизни героини, но и представить

историко-культурный фон США, а также создать выразительные психологические портреты других персонажей, которые влияют на формирование протагониста.

В романе инициации рассказчик, как правило, назван и стилистически выделяется. Его рефлексия сопровождается многоплановыми комментариями, в которых используются различные регистры речи: это может быть обсценная лексика, сленг. Такие стилистические особенности, как стилизация устной речи, исповедальность, прямое обращение к читателю являются характерными для романа инициации, поскольку через речевой портрет глубже и многограннее раскрывается внутренний мир подростка.

Акториальный тип повествования, подразумевающий совпадение актора и нарратора, может быть представлен с большей объективностью, тогда апелляция к читателю выполняет меньшую повествовательную и импрессивную функцию. В тексте присутствуют метакомментарии, но связь между адресатом и нарратором редуцирована, их взаимодействие строится через откровенность последнего, искреннее объяснение причин и психологических оснований поступков и событий.

В повествовании от третьего лица воспроизводится полная картина художественной действительности, раскрываются разные художественные образы и точки зрения. Однако в моменты кульминации внутренний мир протагониста может изображаться с помощью включения в повествование элементов потока сознания (монологи Оскара (Oscar) в романе «Короткая и удивительная жизнь Оскара Bay» Дж. Диаса).

Возраст героев в романе инициации, как правило, соответствует возрасту неофитов, посвящаемых в архаическом обряде инициации. Следует отметить, что даже в случае, если повествование является ретроспективным (нелинейность – инвариантная черта поэтики романа инициации), и в романном настоящем нарратор взрослый и зрелый, то в фокусе его внимания может быть именно рубеж инициации, переходный период жизни. В таком случае, остраненная наррация, взгляд назад, делают рефлексию более

многогранной, так как перед читателем разворачивается диалектика души героя, развернутая во времени и снабженная его метакомментариями.

Поскольку границы взросления в современном мире подвижны и частично нивелированы, существуют произведения, в которых протагонист переживает кризисное испытание уже во взрослой жизни (например, сюжет *отложенной инициации* в романе «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни). Иногда протагонист не справляется с инициацией в юности в силу катастрофичности этого опыта и возвращается к этому во взрослой жизни. Иллюстрацией этого тезиса может послужить посттравматический нарратив романа Х. Янагихары «Маленькая жизнь», в котором Джуд ретроспективно обращается к своей истории и пытается освободиться от гнетущего опыта через проговаривание случившегося.

На этапе формирования романа инициации в литературе США XIX–XX веков в знаковых произведениях американской культуры нарратив посвящения может присутствовать как сюжетно-композиционный элемент. Протагонистом таких сочинений является относительно взрослый персонаж, проблема совершеннолетия становится ключевой. Определенный вклад в динамику и поэтику жанра вносят тексты, главными героями которых являются не подростки, а юноши, стоящие на пороге зрелости. Особенную роль такие книги играют в первой половине XX века. Это сочинения Дж. Лондона, Т. Драйзера, рассматриваемые в настоящей диссертации, а также произведения Н. Готорна (Nathaniel Hawthorne, 1804–1864), Г. Мелвилла (Herman Melville, 1819–1891), Э. Хемингуэя (Ernest Hemingway, 1899–1961), не вошедшие в основной материал исследования, но являющиеся важным литературным контекстом формирования и функционирования романа инициации. Таким образом, протагонистом не обязательно является подросток. Это обусловлено, во многом, самими практиками инициации, которые не являются строго регламентированными: «...возрастные инициации проводятся над молодыми людьми, но неофитом может стать и восьмилетний ребенок, и восемнадцатилетний юноша, у разных народов по-разному» [Тендрякова,

2022, с. 59]. Поскольку композиция романа инициации, как правило, не является линейной, в романном настоящем герой может быть и взрослым, сформировавшимся человеком, история которого разворачивается в прошлом. Примерами произведений с ретроспективной композицией являются такие романы инициации, как «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни, «Тайная история» Д. Тартт. Более сложно и экспериментально композиция выстроена в таких романах, как «Щегол» Д. Тартт, «Средний пол» Дж. Евгенидиса. В этих сочинениях модальности прошлого и настоящего совмещаются: перед читателем разворачиваются истории, содержащие события инициации protagonистов, которые случились в прошлом, многомерная рефлексия в романном настоящем и взгляд в будущее.

Большое значение в романе инициации имеют такие черты, как амбивалентность взрослых, поскольку подросток часто показан более осознанным и ответственным по сравнению со зрелыми персонажами, которыми он окружен. В подобных произведениях раскрывается определенный набор чувствительных тем, таких, как смерть, буллинг, насилие, социальная дискриминация, зависимость от алкоголя или наркотических веществ. В них показываются неконвенциональные отношения protagonистов с другими героями: любовь, семья, дружба обретаются за гранью привычных рамок. Раскрываются и негативные формы восприятия человеком самого себя, это может быть причинение себе вреда («селфхарм», от англ. “self-harm” – самоповреждение), неприятие своего тела или ненависть к себе.

Исповедальное и экзистенциальное единство романа инициации строится на инверсии универсальных мифопоэтических схем, которые существуют в отношениях диалогических взаимоотражений. Ими становятся образно-смысловые парадигмы мифологизированных паттернов мировосприятия: архаических (обряд посвящения), фольклорных (архитекторика волшебной сказки), литературных и историко-культурных (синтез романых жанровых форм). В американском романе инициации воплощаются архетипические литературные образы и сюжеты (структура

отлучки, испытаний, возвращения, повторяющиеся хронотопы), историко-культурные реалии (сериалы, газетные заметки, книги, которые читают герои), приобретающие в общекультурологических контекстах жанрообразующий характер. Следует, однако, отметить, что зачастую мировосприятие писателя и его художественное мироотражение выходит за рамки обозначенных сюжетных схем. Эта концепция открывается читателю, а для героя путь к подобному самоощущению становится сюжетом судьбы.

Архетипические модели, связанные с волшебной сказкой, эксплицируются при художественно-смысловой реконструкции нарратива и системы персонажей. Аллюзийные отсылки к нарративным клише присутствуют на уровне сюжетостроения и системы персонажей (даритель, наставник, антигерой). Выделенные мифологизированные модели в структуре личности протагонистов, а также упомянутые выше сюжетно-архетипические модели, существуют в отношениях рефлексийно-диалогических взаимоотражений и взаимопроекций. Архетипический сюжет инициации в рамках обозначенной многомодусной сюжетной парадигмы можно считать инвариантной доминантой, интегрирующей разновекторные коллизии в художественное единство и целостность. В основе романа инициации лежит событийно-смысловая схема обряда посвящения, однако семантическим центром таких произведений оказывается не событие как результат, а событие как процесс, то есть важнейшую роль играет не столько конечный итог инициации, сколько сам путь, драматизм каждого его этапа. Преодолев испытания, герои достигают определенной стадии духовного взросления, нового уровня бытийного самоопределения на пути к целостности и духовной самодостаточности.

Преображение протагониста в романе инициации не бывает однозначно-итоговым, завершиться может одна из форм или один из модусов инициации, но не сам процесс как таковой. Духовный рост носит вневременной характер, поскольку постижение истины, смысла жизни не является конечным. Перед героями открывается перспектива самого пути, его многомерность,

хтоническое иномирье основной части романа (буквальное – испытания, сопряженные с одиночеством, преодоление кризисов и метафорическое – внутренние страдания) сменяется духовным перерождением, очищением протагониста в финале. Центральный персонаж инстинктивно ищет способы спасения, которые в нравственно-психологических и этических романых модусах интерпретируются как способы духовного взросления и личностного становления, а на уровне символико-мифологического подтекста становятся путями инициации.

Нarrативная схема посвящения реализуется многовекторно и находит воплощение в виде парадигмы инвариантных сюжетно-смысловых коллизий, существующих в отношениях полифонического взаимоотражения (см. Приложение 3). С точки зрения нравственно-психологического и аксиологического наполнения, путь протагониста эксплицируется одновременно как экзистенциальная, социальная, фронтальная, сакральная и духовная инициации. В первом случае речь идет об осознании герояем самого себя. Проходя фронтальную фазу, протагонист пересекает границы семиотического поля, контуры «я» и «другого» размываются, открываются дискурсы инаковости: в себе, в окружающих людях, в жизни в целом. Во время сакральной инициации происходит встреча с воплощением непознаваемого, преображающая сознание. Этот этап может выражаться в молитве героя, мотивах прощения и искупления. Заключительный модус реализуется в сюжете поиска счастья и его истинного смысла, а также отказе от эгоизма. Так, архетипический сюжет инициации обладает многовекторной сюжетной парадигмой, но содержит инвариантную доминантную целостность, которая интегрирует разные коллизии в художественное единство (см. Приложение 4). Такой целостностью становится возможность любви и сострадания.

Сюжетная доминанта формирования героя, акцентирование психологического аспекта обуславливает особый тип повествования, им становится ретроспективная нелинейная полифоническая наррация. При этом заостряется психологическая экзистенциальная проблематика, подростковое

мировосприятие находит воплощение в языке произведений. Ключевой является тема переезда, перемещения в пространстве, причем не только в большой, но и в маленький, провинциальный город.

В американском романе инициации по-разному представлена фигура взрослого: это может быть понимающий, эмпатичный человек. Таковы образы родителей в произведениях Ст. Чбоски, Дж. Грина и др. Родители могут отсутствовать в принципе, в таком случае появляется замещающие их фигуры, например, миссис Барбур (Mrs Barbour), Хоби (Hobie) в романе Д. Таррт «Щегол». Зрелые люди могут быть представлены как дисфункциональные, обладающие детским инфантильным сознанием и даже проходить инициацию параллельным с подростком курсом, например, мама и сын в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко».

Следует также отметить, что американский роман инициации не ориентирован на читательскую аудиторию мальчиков или девочек, в отличие от классических произведений, в которых можно было разглядеть такую адресацию. По совокупности поэтических черт исследователи выделяют в литературе XIX-XX веков роман для девочек как отдельный жанр [Шишкова, 2003]. В романе инициации понятие литература для девочек (*chick literature*) и литература для мальчиков (*lad literature*) нивелируется, поскольку подростки проходят универсальные стадии взросления, включающие кризисные испытания и преодоления.

Ретроспективная композиция романа инициации позволяет выделить кульминационные моменты повествования. Читатель видит всю сложность и многогранность психологического процесса, происходящего в романном настоящем, события которого обогащаются глубоким подтекстом. Исповедальная тональность достигается благодаря диалогичному взаимодействию нарратора и читателя. Большое внимание уделяется аллюзивности, которая не только способствует закреплению жанровой традиции и определяет круг чтения героя и читателя, но и служит средством постижения мира. В романе инициации внимание уделяется как духовной

эволюции протагониста, так и физическому, телесному осознанию им самого себя.

Сочинения данного типа посвящены испытанию центральных персонажей. Общей художественной доминантой романа инициации является экзистенциальный переворот в сознании протагонистов. Итогом может стать изменение его/ее внутреннего мира, принятие себя и окружающих людей, возможность адаптации к жизни, преодоление травматического опыта. Содержание произведений варьируется в связи с характером переживаний главных героев. На основании доминирующих сюжетных особенностей, значимых мотивов и образов внутри данного жанрового типа формируются отдельные группы. Исследованию национальной модели романа инициации в американской литературе и рассмотрению видов романа инициации в современной прозе США посвящен третий параграф настоящей главы.

1.3. Роман инициации и его виды в литературе США

Национальная и культурная самобытность американской литературы связана с историческими особенностями развития США, менталитетом, традициями, образом жизни американцев [Солодовник, 1997]. Хронологические рамки американской литературы включают четыре столетия, почти половину этого срока определяют как «колониальный период» [Мишина, 1994]. Исследователи выделяют ключевые особенности культурно-исторического развития страны, которые во многом повлияли на национальную концептосферу. Отметим ключевые события, ставшие основой представлений об «особом американском пути» [Гиленсон, 2003, с. 22] и сформировавшие своеобразие национальной модели романа инициации.

Одним из таковых является колонизация. Первые поселенцы прибыли на территорию Северной Америки в начале XVII века, их образ жизни и восприятие мира связаны с пуританской доктриной, с одной стороны, духом равноправия, отсутствием расовых и сословных иерархий, с другой. Своеобразие этой социальной модели отражено в понятии «Новый Свет» [Баранова, 2009]. Характеристикой общества являлся его многоэтнический состав. Потоки иммигрантов составляли разнородные группы, вбирающие в себя различные культурные традиции. Так сформировалось явление, получившее определение «плавильный котел» (*a melting pot*). Именно поэтому центральными персонажами романа инициации становятся юноши, относящиеся одновременно к нескольким культурам. Это американец греческого происхождения Кэл Стефанидис (Cal Stephanides) в «Среднем поле» Дж. Евгенидиса, доминиканец Оскар Bay (Oscar Wao) в «Короткой и удивительной жизни Оскара Bay» Дж. Диаса, пуштун Амир (Amir) в «Бегущем за ветром» Х. Хоссейни. Указанные произведения, помимо темы взросления, раскрывают проблемы мультикультурности и дают голос второму поколению иммигрантов США [Толкачев, 2018].

Другим социальным аспектом, повлиявшим на культуру и менталитет США, стал рабовладельческий строй. Рабство существовало в южных штатах до окончания Гражданской войны (1861–1865). Это становится одной из доминирующих тем в сочинениях Г. Бичер-Стоу, М. Твена, У. Фолкнера, Х. Ли, Д. Таррт.

Освоение новых земель является важной чертой литературы и культуры США. Они определяют особенности менталитета американцев: любовь к свободе, индивидуализм, практицизм, оптимизм и влияют на мотивы американской словесности. Перечисленные особенности связаны с обживанием новых пространств, фронтиром (frontier), подвижностью территориальных границ [Turner, 2008]. Большое влияние на формирующуюся нацию, ее ценности имел фольклор и мифология коренных народов. Как известно, индейская мифология стала основой творчества Г. Лонгфелло, Ф. Купера, Г. Мелвилла и др.

Экономическое и культурное развитие США было неравномерным, поэтому для разных территорий характерны разные особенности. Так, выделяется территория Новой Англии, которая традиционно связана с именем автора «Песни о Гайавате» (“The Song of Hiawatha”, 1855), топос Американского юга (У. Фолкнер, Х. Ли, Д. Таррт), Средний Запад (К. Сэндберг, К. Льюис), Дальний Запад (М. Твен, Дж. Лондон). Регионализм, локальные характеристики во многом определили формирование национальной культуры в целом. В романе инициации можно обозначить такие традиционные полюсы, как северный/южный, провинциальный/столичный города. Свободное перемещение персонажей в пространстве раскрывает их внутренние искания.

Важную роль в идеологическом формировании новой нации сыграл пуританизм [Баранова, 2009; Солодовник, 1997]. Подвергшись в начале XVIII века гонениям в Англии, часть людей, проповедующих это учение, покинула страну и приняла активное участие в освоении Северной Америки (Плимутская колония, Массачусетский залив) [Слезкин, 1978]. В Америке

пуритане создают «Град на Холме» (a City upon a Hill), позиционируя себя в качестве избранников Бога [Boorstin, 1967]. Рассматриваемая идеология оказала огромное влияние на литературу и культуру в целом, а впоследствии стала и частью общегосударственной политики [Bremer, 1995]. В дальнейшем пуританизм сменяется многоконфессиональностью, ключевую роль начинают играть идеи демократии, толерантности, принятия инаковости.

Большое значение в духовной жизни американцев традиционно отводится так называемой «американской мечте». Это сложное явление включает в себя убеждения и надежды, связанные с принципами равенства, свободы, возможностями самореализации. Подобные идеи основываются на доктрине отцов-основателей демократической системы США. Следование американской мечте предполагает обретение успеха, личного благополучия трудолюбивыми, оптимистичными представителями американской нации. Данный постулат служит отправной точкой в дискуссии вокруг национального характера и менталитета жителей страны.

Учитывая специфику и уникальность исторического развития, следует отметить интерес писателей к самобытности и исключительности пути развития США, к «америкоцентризму» национальной литературной традиции. Исследователи отмечают большое количество произведений, включающих лексемы «Америка», «американский», «американец»: «Американец» (“The American”, 1877) Г. Джеймса (Henry James), «Американский претендент» (“The American Claimant”, 1892) М. Твена (Mark Twain), «Америка в замешательстве» (“Puzzled America”, 1935) Ш. Андерсена (Sherwood Anderson), «США» (“U.S.A.”, 1930–1936) Д.Р. Дос Пассоса (John Roderigo Dos Passos), «Америка» (“America”, 1956) А. Гинзберга (Allen Ginsberg) [Гиленсон, 2003]. Монументальность художественных задумок воплощается в тяготении авторов к эпическим жанрам тетralогий, трилогий, романных циклов (произведения Ф. Купера, М. Твена, Т. Драйзера, У. Фолкнера, Дж. Стейнбека и др.).

Литературоведы отмечают желание американских прозаиков создать национальный текст, эпическое полотно общенационального масштаба, «великий американский роман» (Great American Novel) [Балдицын, 2004]. Под этим термином понимают сюжетно-композиционный, образный, стилистический набор приемов, характерных для определенного корпуса текстов, воплощающих национальную самобытность и имеющих инвариантные черты. В основе данной жанровой дефиниции находится программная статья Дж.У. де Фореста (John William De Forest) с одноименным названием (“Great American Novel”, 1868). Литератор выделяет следующие черты «американского романа»: бунтарство, хронотоп провинциального города, тема прошлого, американская мечта и ее дуальность, значимость конкретного человека и его истории, чувство юмора.

Концепция великого американского романа предполагает наличие в произведениях высоких литературных достоинств, необходимых для создания определенной национальной и культурной идентичности США [Засурский, 1981; Слезкин, 1980]. Поскольку он стремится к закреплению канона, некой эталонности, то имеет ряд общих тем: бегство от цивилизации к природе (Г. Мелвилл), борьба человека против обстоятельств (Н. Готорн), взросление и становление личности (М. Твен, Х. Ли) [Зверев, 1982].

Эстетический колорит литературных сочинений связан с такими особенностями национального характера, как прагматизм и здравый смысл. Этим объясняется распространение так называемой «литературы факта» (faction): документалистики, мемуарно-автобиографического жанра в американской литературе. Традиции синтеза документального и художественного связана с прагматизмом национальной философии, а также проникновением документалистики в художественные нарративы [Несмелова, 2017, с. 6].

Данная особенность отражается и в романе инициации, доминирующим способом речевой организации в котором, как было отмечено, является повествование от первого лица, с присущей ему субъективизацией,

исповедальностью, принципом доверия к себе, автобиографизмом [Мишина, 1992]. Развитие литературы связано с газетно-журнальным делом: многие писатели начинали свой путь как журналисты (М. Твен, У. Уитмен, Э. Хемингуэй, Дж. Стейнбек). Отсюда возникают такие художественные особенности, как внимание к деталям, жизненным реалиям, документальное начало, острые социальные проблематика [Слезкин, 1981; Старцев, 1972].

В истории американской литературы хронологически выделяется несколько этапов, в рамках которых развитие и определенные трансформации переживает роман инициации.

Первый из них охватывает период от начала поселений (1612) до Гражданской войны. Это литература эпохи Просвещения и революции (Б. Франклин, Т. Джефферсон, Т. Пайн). Особым явлением в мировой литературе стал американский романтизм (творчество Г. Лонгфелло, В. Ирвинга, Э. По, Г. Мелвилла, Г. Торо). Он связан с аболиционизмом, самым ярким примером этого явления стало знаменитое сочинение «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу [Толмачев, 1997]. Черты романа инициации присутствуют в произведениях указанных авторов на уровне отдельных элементов поэтики: автобиографический нарратив, тема духовного становления, проблема преодоления жизненных трудностей.

Второй период – это эпоха от окончания Гражданской войны до завершения Первой Мировой (1865–1918). В этот период подходит к концу освоение новых или «свободных» земель. Америка становится индустриальным, стремительно развивающимся государством. В литературе доминирующим направлением является реализм, преобладает романский жанр (творчество М. Твена, Г. Джеймса, Т. Драйзера). В качестве протагонистов произведений часто выступают подростки, многогранно раскрывается тема взросления и поиска своего места в меняющемся обществе.

Третий этап называют «золотым веком» литературы США. Он охватывает не очень длительный, но значимый для истории национальной литературы период (1918–1940). Появляются работы в области драматургии

(творчество Ю. О'Нила, Т. Уильямса и др.). Продолжает развитие американский роман (творчество Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Дж. Стейнбека, Дж. Д. Пассоса и т. д.), в котором инициация играет уже сюжетообразующую роль.

Четвертый этап охватывает время с 1940 по 2000 годы. В этот период обогащается тематика и стилистика произведений, важное место занимает литература так называемого «потерянного поколения». Участники Второй Мировой войны продолжают традиции Э. Хемингуэя, У. Фолкнера и др. Для передачи травматического опыта используется нарратив инициации, роман Дж. Д. Сэлинджера становится рубежным для формирования этого типа.

Современная или новейшая американская литература (литература начала XXI века), которая является объектом изучения в настоящем диссертационном исследовании, характеризуется разноплановостью, многовекторностью, эклектизмом. С одной стороны, она продолжает традиции национальной литературы как с точки зрения содержания (ключевые мотивно-тематические комплексы, тип героя, проблематика), так и формы (тип наррации, хронотопа, этапы развития сюжета). С другой стороны, новейшая литература США становится мультикультурной, полиэтничной, «американский акцент» совмещается с «европейским опытом» [Венедиктова, 1993].

При исследовании романа инициации в современной американской литературе необходимо учитывать культурологические, философские и социологические контексты. Инициация, как социально-философская категория, изучение которой требует междисциплинарного подхода, при литературоведческом рассмотрении раскрывается с новой стороны.

Для анализа произведений мы оцениваем культурно-историческую ситуацию начала XXI века в стране, связывая ее с деконструкцией устоявшихся социальных, этнических и гендерных норм [Новикова, 2022]. На фоне вышеупомянутых тенденций вопросы самопознания и инаковости становятся актуальными: происходит формирование нового

гипериндивидуалистического образа мышления, повышается уровень свободы самоидентификации. Отражение этих сложных и глубоких процессов составляет основу творческого замысла современных писателей. Анализируя образную систему произведений, мы рассматриваем наиболее важные, на наш взгляд, аспекты становления персонажей: психологический, этнический и социальный.

Именно литература североамериканского континента на сегодняшнем этапе развития задает тенденции в области YA Fiction [Afanasyeva, Baranova, Chupryna, 2020], феномена, с которым взаимодействует роман инициации. По мнению исследователей, «в последние годы детская и юношеская аудитория <...> расширяется, растет количество издателей, создающих secteur jeunesse («сектор детской и юношеской прессы»)» [Викулова, Кулешова, Вяткина, 2014]. К специфическим характеристикам романа инициации ученые относят наличие интриги в начале повествования; разноплановый, напряженно развивающийся сюжет; включение в нарратив ярких, запоминающихся героев; юмористические вставки и неожиданный финал [Cole, 2008]. Ученые отмечают, что такие произведения «прокладывают невидимую тропу между юным и зрелым читателем, одинаково увлекая обоих, позволяя каждому видеть в тексте то, что соответствует возрасту, кругозору, насущным проблемам развития личности – подростка или взрослого, скрытые смыслы или интертекстуальные (интермедиальные) отсылки к знакомым феноменам культуры» [Рогачевская, 2019, с. 116]. С точки зрения некоторых литературоведов, «с детьми начали говорить о многом из того, что раньше было запретным. Можно ли обсуждать с ними темы смерти, войны, холокоста? Порог информационного и технологического взросления с каждым годом снижается» [Соловьева, 2017, с. 90]. При этом происходит параллельный процесс инфантилизации взрослых [Cain, 2020; Сабельникова, 2016], что приводит к перераспределению социальных ролей и нивелирует возрастную границу читательской аудитории.

Примечательно тематическое разнообразие художественных текстов (обширный тематический спектр, отсутствие табуированных тем), их высокая общественная значимость (экстрапитературность, функции социальной институции, которые вбирает в себя нарратив), полидисциплинарность (взаимодействие литературы с кинематографом, театром, изобразительным искусством, фотографией, телевидением). Необходимо также упомянуть мультикультурность и разноклассовость сочинений (протагонистами становятся представители разных этносов и социальных слоев), расширенную реальность (по мотивам произведений создаются игры, сайты психологический помощи, телесериалы и киновселенные). Значимой оказывается рецептивная амбивалентность: такие работы могут оказывать терапевтический эффект, а могут напротив, вызывать ретравматизацию, негативно воздействуя на эмоциональную сферу читателя.

В литературе США роман воспитания, ставший основой романа инициации, не существовал в чистом виде. Некоторые черты его поэтики были заимствованы из английской литературы, но американская национальная модель подобных работ обладает безусловной самобытностью [Коренева, 1997]. Жанровое своеобразие данного типа сочинений в этой стране глубоко связано с национальным историко-культурным контекстом, прежде всего, автобиографическими нарративами, дневниковыми записями, жизнеописаниями прошлых лет [Luedtke, 1992]. В жизненном пути героя, который создал себя самостоятельно (*self-made man*) «в определенном смысле отражен сценарий преодоления трудностей предками-колонистами» [Недедова, 2021, с. 41].

В восприятии большинства американских писателей ребенок является символом чистоты, нового мира, в котором главную роль играют ценности свободы и имеются неограниченные возможности развития [Засурский, 1984; Иткина, 2002]. Его образ соотносится с Новым Адамом [Баранова, 2009], так как дитя воспринимает мир интуитивно и непосредственно, а это именно то, что требуется для освоения нового континента [Carpenter, Prichard, 1999]. Во

многом, данная точка зрения соотносится с творчеством трансценденталистов, для которых «взгляд, освобожденный от груза культурно-исторических ассоциаций, сосредоточенный на настоящем моменте, это взгляд ребенка» [Иткина, 2002, с. 64], в чем можно усмотреть продолжение диалога с романтической традицией репрезентации этого образа. С другой стороны, утрата наивности, адаптация к жизни, взросление и инициация вносят в образы детей диалектику и амбивалентность. Литературоведы отмечают, что именно «конец невинности» становится доминирующей темой национальной литературы [Hurst, 1990; Rabkin, Greenber, Olander, 1983]. Поэтому проблемы инициации, вхождения подростков в мир взрослых являются существенными для американской литературы и раскрываются в творчестве таких авторов, как У. Фолкнер, Г. Миллер, Дж. Д. Сэлинджер, Дж. Апдейк [Аствацатуров, 2016; Иткина, 2011; Савинич, 2020]. Некоторые ученые считают, что Ник Адамс (Nick Adams), сквозной герой ранней новеллистики Э. Хемингуэя, вызывает очевидные ассоциации с Гекльберри Финном [Гиленсон, 2003, с. 209].

Рассматривая тему взросления в англо-американской литературной традиции, исследователи выделяют сюжет инициации как один из базовых, но трактуют его в отрицательном ключе: «...инициация, нередко выступающая в контексте американской литературы как синоним потери невинности, приравнивается с авторской позиции и в читательском восприятии к акту приобщения ко злу» [Ненилин, 2006, с. 229]. Однако инициацию протагониста, с нашей точки зрения, следует воспринимать не как утрату доброго и светлого начала, но скорее как поиски и нахождение себя, обретение внутренней гармонии, целостности и определения своего места в мире взрослых людей.

Определяя значение темы инициации в американской литературе, отдельные литературоведы полагают, что от М. Твена до Дж. Д. Сэлинджера «детская точка зрения утверждается как истинная, совпадающая с точкой зрения самого творца художественного мира, т. е. автора» [Иткина, 2002, с. 65]. По мнению ученого, даже в тех произведениях, где тема взросления

не главенствует формально, ее нравственное и эстетическое влияние весьма ощутимо.

В литературе США второй половины XX века тема взросления становится более многогранной и неоднозначной: фиксируется появление большого количества отрицательных детских образов, их жестокость, даже бесчеловечность [Spann, 1970, р. 150–151]. Такие сочинения имеют особую повествовательную структуру. Им присуще исповедальное, доверительное обращение к читателю, особый тип героя, фронтирность [Turner, 2010]. На этом этапе историко-литературного развития роман инициации интернационализируется и приобретает синкетическую, гибридную жанровую структуру [Шалимова, 2018].

В рассматриваемый период роман инициации в значительной степени берет на себя социальные функции и влияет на читателя, который, сопереживая герою, взрослеет и меняется вместе с ним. Этому способствует его поэтика: наррация от первого лица, исповедальность («новая искренность»), актуальная проблематика (буллинг в школе, проблемы адаптации особенных детей, переживание потери, насилие, суицид, девиантное поведение). Многие сочинения в современной литературе США типологически и генетически связаны с романами о взрослении XX века, а именно с прозой Э. Хемингуэя, Дж. Д. Сэлинджера, Р. Брэдбери, Ст. Чбоски и др. В работах наших современников большое значение приобретают мотивы: одиночества («Маленькая жизнь» Х. Янагихары), смерти («Милые кости» Э. Сиболд), физической или ментальной девиации главного героя, межэтнических различий («Короткая и удивительная жизнь Оскара Уо» Дж. Диаса).

Сюжетная модель инициации в литературе США рассматривается литературоведами на материале отдельных произведений, но теоретически этот жанровый тип не концептуализирован. Как отмечалось выше, основой нашего изыскания является фундаментальная работа В.Я. Проппа, посвященная нарративным структурам сказки: «...цикл инициации – древнейшая основа сказки <...> Другим циклом <...> является цикл

представлений о смерти» [Пропп, 2004, с. 308]. В американском романе инициации обозначенные дискурсы нераздельны, поскольку посвящение предполагает преодоление символической смерти и последующее воскрешение. Подобное понимание посвящения позволяет концептуализировать воздействие таких произведений на сознание и мировосприятие читателей, поскольку они репрезентируют преображение человека в плане духовного идеала.

В современном романе инициации США большое значение имеет образ родителей. Отец и мать протагониста могут быть как понимающими и поддерживающими детей (произведения Дж. Грина), так и холодными, отстраненными от них людьми (произведения Д. Тартт). Показательными примерами являются рассказы Р. Брэдбери «Вэльд» (*“The Veldt”*, 1950) и «Маленький убийца» (*“The Small Assassin”*, 1946), в которых юные персонажи, воплощая темное начало, становятся причиной гибели своих мамы и папы. Имена героев рассказа «Вэльд» Питер (Peter) и Венди (Wendy) реферируют к произведению Дж. Барри «Питэр Пэн и Вэнди» (*“Peter Pan and Wendy”*, 1911), но персонажи этого сочинения лишены света и чистоты. Существует в литературе США и противоположная тенденция, например, в творчестве Дж. Д. Сэлинджера и Х. Ли, дети изображаются у этих авторов идеализированно. Иначе представлена тема взаимоотношений старшего и младшего поколений в работах Дж. Грина, Э. Сиболд, Дж. Евгенидиса, Дж. С. Фоера.

Американский роман инициации имеет особую повествовательную структуру. Ему присуще наличие протагониста, для которого его личная история представляет абсолютную ценность. Рассматриваемый жанровый тип в литературе США, исходя из характерных историко-литературных и культурных особенностей генезиса, включает в себя тему фронтирности, освоения новых земель: «Для фронтира были характерны суровый быт, граница вызвала к жизни социально-психологический тип первопроходца, пионера. Это способствовало формированию таких качеств национального

характера, как свободолюбие, <...> оптимизм, вера в перспективы быстрого обогащения» [Замятин, 1998, с. 79]. Мотивы освоения незнакомых территорий, темы поиска свободы, противопоставления своего и чужого, «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 2023, с. 282], что формирует событие и меняет внутренний мир протагониста – данные черты поэтики являются сюжетообразующими в американской модели романа инициации. В творчестве М. Твена тема фронтирности является центральной [Kolodny, 1992]. Объяснение этому можно обнаружить в биографии известного романиста: «Твен происходил из семьи, чья судьба тесно переплелась с американским фронтиром. Детские годы писателя прошли на Миссисипи, в городке Ганнибал, в ту пору Ганнибал был последним форпостом цивилизации, дальше шли почти неосвоенные земли» [Зверев, 1991, с. 470].

В романах США тема детства «тесным образом связана с концептом «американского Адама», как неотъемлемой части «американской идеи» [Ненилин, 2006, с. 121]. Отмечается, что здесь детские образы играют более активную роль в развитии сюжета: «Вслед за М. Твеном и другие американские писатели <...> подчеркивают в детстве силу естественности, но не созерцательной, а действенной...» [Эпштейн, Юкина, 1979, с. 253].

Значительную роль в поэтике жанра играет деятельная, активная жизненная позиция персонажей: «Американский мальчик меньше старается понять действительность такой, какова она есть, и больше пытается ее изменить, пересоздать в соответствии со своим желанием и выдумкой» [Эпштейн, Юкина, 1979, с. 252]. В рассматриваемой литературной традиции в качестве основополагающих, генетически связанных с формированием романа инициации, выступают такие произведения, как: «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена, «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Убить пересмешника» Х. Ли, «Хорошо быть тихоней» Ст. Чbosки.

Роман инициации в литературе США конца XX века содержит большое количество литературных и культурных аллюзий. Книга становится одним из

ключевых образов художественного произведения. Персонажи читают сочинения, которые влияют на их внутренний мир, сопутствуют взрослению. Можно говорить о внутрижанровой аллюзивности романа инициации. Ярким примером сочинения, в котором ключевая роль отводится читаемым текстам, является «Хорошо быть тихоней» Ст. Чбоски. В романе можно найти упоминания многих книг, которые являются своеобразной школой не только для главного героя, но и для читателя. Они помогают расставить ориентиры в литературе. В интертекстуальном поле романа присутствуют постоянные референции к музыке, кинематографу, телешоу. Упоминаются такие важные с точки зрения передачи психологических нюансировок романы, как: «Убить пересмешника» Х. Ли, «Питер Пэн» Дж. Барри, «В дороге» Дж. Керуака, «Великий Гэтсби» Ф.С. Фицджеральда, «Гамлет» У. Шекспира, «Посторонний» А. Камю, «Уолден, или Жизнь в лесу» Г.Д. Торо и др. Таким образом, доминирующими темами романа инициации являются: свобода, познание protagonистом себя через скитания и путешествия, внутренний выбор, взросление, одиночество. Репрезентативным, с точки зрения внутрижанровой аллюзивности в новейшей литературе, является роман Д. Таррт «Щегол», в котором на всех уровнях текста присутствует рецепция произведений, типологически связанных с темой воспитания и взросления (творчество Ч. Диккенса, Дж. Д. Сэлинджера, Ф.М. Достоевского, Дж. Роулинг) [Гевель, Шалимова, 2022].

Нarrативы романа инициации в современной литературе США коррелируют с сюжетными схемами, описанными В. Я Проптом, Дж. Кэмбеллом, Дж. Фрэзером. Как уже было отмечено, они вбирают в себя мощный национальный контекст: прообразом для героя становится Новый или Американский Адам (self-made man), который проделал путь «из грязи в князи» (rags to riches). В произведениях отражаются традиционные мотивы и историко-культурные особенности литературной традиции Северной Америки.

Образ Нового или Американского Адама является одним из ключевых. Этот термин используется для обозначения личности, формирующей новые принципы опоры на себя и выступающей своеобразным контрастом европейцу [Баранова, 2010, с. 11]. Новый Свет становится топосом, в котором человек может начать жизнь заново, метафорически это Сад, в котором колонистам предлагается шанс на спасение. Данный образ является архетипическим для литературы США, его основы были заложены в произведениях колониальной словесности XVIII века, углублялись и трансформировались в последующей литературной традиции. В XIX веке они находят воплощение в произведениях Г. Торо, Р. У. Эмерсона, У. Уитмена. В XIX веке история героя индивидуализируется, дополняется нарративами обретения успеха и свободы, «американской мечты» [Leclair, McCaffry, 1983]. Последняя оказывает влияние на путь героя, сценарий и развитие его жизненного пути. Исследователи литературы США отмечают: «В конце XIX – начале XX вв., когда Америка превращается в индустриальную страну, писатели в своих романах проводят параллели между «американской мечтой» и «американской трагедией» (Т. Драйзер, Ш. Андерсон, С. Льюис)» [Загарина, 2009, с. 186].

Важным для пути героя становится индивидуальный успех (*individual success*), необходимость полагаться на себя и доверие к себе (*self-reliance*). Исторической основой этого повествования можно считать судьбу Б. Франклина, которая репрезентирует модель достижения американской мечты. Первым сочинением, в котором отчетливо присутствуют черты рассматриваемого романного типа, является «Автобиография» Б. Франклина. Крупнейший мыслитель, политический и общественный деятель, он наделяет свой труд как художественными, так и идеологическими смыслами. Благодаря поэтапному описанию становления протагониста произведение можно назвать американским романом воспитания с непридуманным ведущим лицом [Данилина, 2011]. Это повествование становится одним из наиболее знаковых для американской культуры, в том числе для романа инициации поскольку

затрагивает проблемы становления личности и поиска человеком своего места в мире.

В эпоху романтизма данный тип романа не получил широкого распространения в литературе США, поскольку в центре изображения произведений писателей-романтиков находится уже сформировавшийся и статичный герой, который преодолевает сложные жизненные обстоятельства [Николюкин, 1968; Храповицкая, 2007]. Рубежным стало творчество М. Твена. Сочинение «Приключения Гекльберри Финна» сыграло значительную роль в формировании национальной модели романа воспитания и его перехода в роман инициации в литературе Северной Америки. Традиции «мемуарной» разновидности романа воспитания Б. Франклина присутствуют в автобиографическом произведении «Воспитание Генри Адамса» Г. Адамса. Художественным центром нарратива становится анализ центральным персонажем своего личностного становления и возмужания. Воспитание «...отражает психологическое и эмоциональное взросление протагониста, накопление им жизненного опыта» [Николюкин, 1984, с. 62]. История молодого человека, его надежд и разочарований лежит в основе «Мартина Идена» Дж. Лондона. Это повествование носит автобиографический характер, в нем изображается становление творческой личности. Мартин является собой пример человека, который сделал себя сам, пройдя путь от моряка до знаменитого писателя. Но в ходе этого пути персонаж переживает разочарование, терпит творческий кризис и в итоге принимает решение об уходе из жизни, что свидетельствует о непройденной инициации протагониста.

В литературе XX века ведущими нарративами становятся поиски Американской мечты, которые базируются на вере в собственную исключительность, возможностях, которые дает страна и надежде на индивидуальный успех каждого ее гражданина. Сюжетная схема инициации оказывается востребованной для воплощения указанных смыслов, возникает тип героя, который, переживая взлеты и падения, обретает свое место под солнцем [Затонский, 1988; Мендельсон, 1970]. Так, в произведении

«Американская трагедия» Т. Драйзера исследуется, как меняется в течение времени характер героя: социальный успех знаменует его личностный распад [Avery, 2017, p. 54]. Судьба протагониста прослеживается от детства до трагического финала, а три части знаменуют основные ее этапы. Писатели «потерянного поколения» также обращаются к элементам инициации для того, чтобы передать военный опыт, последующее разочарование и ощущение обреченности. В таких произведениях на первый план выходит не поиск счастья, а темы разочарования и одиночества (работы Ф. С. Фицджеральда, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера) [Горбунов, 1974; Николюкин, 1988].

В американской литературе второй половины XX века роман инициации выходит на первый план, поскольку его сюжетная схема позволяет отразить многообразие внутренних кризисов и конфликтов, с которыми сталкивается человек. Структуры произведения становятся более сложными, обогащаются элементами «черного юмора», пародийными и карнавальными приемами, интертекстуальностью. Еще большее значение приобретает голос подростка, исследование темы взросления, становления, что воплощается в отходе от традиционного, последовательного описания этого периода. Основой жанра остаются произведения М. Твена, однако сам текст оказывается более сжатым, сосредоточенным на событиях инициации, хронологические рамки развития сюжета сужаются, нарратив интенсифицируется. Наиболее примечательными произведениями этого периода являются такие романы, как «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Вино из одуванчиков», «Лето, прощай» Р. Брэдбери, «Убить пересмешника» Х. Ли. Именно в сочинении Дж. Д. Сэлинджера эксплицитно проявилась трехчастная композиционная структура романа инициации и его жанровые маркеры.

Носителями жанра в американском романе инициации второй половины XX–начала XXI веков становятся такие категории поэтики как система персонажей, где протагонист – изменяемая величина, поскольку он переживает внутреннюю трансформацию, а второстепенные герои, как правило, остаются статичными. Важна также сюжетная структура поиска, пространственно-

временная организация текста, ретроспективная композиция и тот факт, что повествование ведется от первого лица. Такой тип наррации – важная стратегия национальной литературной традиции. Она сочетает доверие к себе и опыт первопоселенцев, фиксирующих бытие и окружающий мир в форме дневников и мемуаров. Не менее значимо наличие в повествовании тем любви и утраты, мотивов преодоления, освобождения, которые представляют собой сюжетообразующие элементы.

Наиболее знаковыми романами инициации в современной литературе США являются такие сочинения, как: «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера, «В поисках Аляски», «Бумажные города», «Виноваты звезды» Дж. Грина, «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вай» Дж. Диаса, «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни, «Средний пол» Дж. Евгенидиса, «Тайная история», «Маленький друг», «Щегол» Д. Тартт и др. Именно поэтому данные произведения, как высокие образцы жанра, стали материалом исследования настоящей диссертации.

Главные проблемы романа инициации начала XXI века – взросление, самоидентификация подростков и преодоление ими возрастных кризисов. По своей жанровой природе американский роман инициации является многомерным, поскольку содержит черты травелога, исповедального, социально-психологического романа. Признаки травелога обнаруживаются в путешествии героя, которое является не только перемещением в пространстве, но и способом самопознания. Расставаясь с привычным миром, персонаж оказывается в новой обстановке и встречается с иным собой. Исповедальность раскрывается в форме повествования, которое ведется от первого лица и становится типичным способом нарративной организации романа инициации. Влияние социально-психологического романа на роман инициации можно усмотреть во взаимосвязи индивидуальных и социальных начал: после испытаний герой либо возвращается в общество, обретает гармонию с внешним миром, либо окончательно покидает его. Это воздействие ощущается

в развернутых интроспекциях, которые раскрывают внутренний мир протагонистов и позволяют увидеть их психологический портрет.

Событийная насыщенность обуславливает пространственно-временную плотность романа инициации: время носит субъективный характер и зависит от смысловой и содержательной ценности момента. Пространство, как правило, делится на привычные, обыденные топосы и новые, лиминальные, чуждые для героя. Последним становится территория большого города, где герой переживает экзистенциальные озарения. Однако город также испытывает действующие лица голодом, холодом и одиночеством.

Особое место в романе инициации занимает исследование культурных кодов, этнической идентичности и самосознания подростков, которые представляют собой разные национальные группы. Этой теме посвящены романы Дж. Диаса «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау», Х. Хоссейни «Бегущий за ветром», Дж. Евгенидиса «Средний пол». Темы мультикультурализма, самопознания и самоопределения играют в указанных сочинениях ключевую роль.

Комплексный анализ художественного материала, внимание к идейно-художественному своеобразию произведений, пространственно-временной организации, системе персонажей, повествовательным моделям, позволяет нам выделить внутри большой группы романов, сюжетообразующей схемой которых является инициация, несколько видов, а также предложить их **инновационную классификацию**. Критерием выделения того или иного вида стал экзистенциальный вызов (тип конфликта), с которым сталкивается протагонист, а также способ его разрешения (выход из кризиса) (см. Приложение 5).

В основе этой типологии лежит целостный анализ художественного материала в единстве содержания (тематические и образные пласти, поэтика мотивов, деталей, символов) и формы (нarrативные стратегии, жанровые константы). Новым также является критерий выделения той или иной жанровой формы внутри романа инициации. Это – экзистенциальный вызов, с

которым сталкивается протагонист, а также способ разрешения сюжетной ситуации (выход из кризиса). Рассмотрим поэтику и структуру *романа-идентификации, романа-кризиса и романа-посттравмы*.

Характеризуя *роман-идентификацию*, следует отметить, что этот вид романа инициации более приближен к классическому варианту романа воспитания, поскольку изображает процесс становления человека и его результат. Трагические события начала века, повлиявшие на американское сознание, привели к смене философской парадигмы и литературных традиций. Дихотомия добра и зла, истинного и ложного становится предельно размытой. Повседневность предстает через призму непосредственного восприятия протагониста, с одной стороны, и как череда ощущений/отражений, с другой. В *романе-идентификации*, как правило, можно выделить одну доминирующую проблему, которая становится событием инициации для главного героя, но в тематическое поле попадает множество вызовов современности, которые взаимодействуют с глубоко личными переживаниями. Главный персонаж – не аутсайдер или бунтарь, это обычный человек, что подчеркивает его типичность, соотносимость с читателем, а также позволяет выделить сугубо индивидуальные черты.

В произведениях рассматриваемого вида присутствует дихотомия социального и индивидуального. Она связана со своеобразием конфликта: прохождение посвящения имеет двойственный характер и предполагает как успешную социализацию, так и обретение собственной идентичности, определенной гармонии с собой. Изоляция индивида от общества не может привести к релевантным результатам. В то же время достоинство человека не измеряется его ценностью только как члена социума, поскольку право быть свободной, осознанной личностью не зависит от общества или государства. Взаимодействие внешних и внутренних структур в романе инициации делают конфликт более сложным и многогранным, поскольку путь героя связан как с его социализацией, так и обретением самого себя. Без понимания персонажем своей личности и разрешения внутренних противоречий, внешний конфликт

также не может быть преодолен. Принятие катастрофичности реальности как имманентной данности делает возможным углубление protagonистов в собственный внутренний мир и выстраивание определенной безопасной вселенной внутри себя. Изображение многообразия внешнего мира сопряжено с отказом от ксенофобии, большей степенью толерантности героев. Протагонист *романа-идентификации* одновременно становится объектом и субъектом процесса познания, его рефлексия находится в плоскости самопознания/самоопределения.

В основе нарративов находится эволюция внутреннего мира героев, показан путь расставания с иллюзиями, потери и обретения. В качестве примеров подобных сочинений можно упомянуть такие романы как «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса (проблемная социализация), «Средний пол» Дж. Евгенидиса (физическое перевоплощение) «Песнь Ахилла» М. Миллер (мировоззренческие изменения). Важное значение в *романе-идентификации* отводится теме телесности, духовных и физических трансформаций protagonista через сюжетообразующие мотивы испытаний, утрат и смерти. В определенном смысле происходит нивелирование фабулы, поскольку важна концентрация на эмотивном пространстве произведения.

По форме наррации это исповедальное нелинейное повествование, которое позволяет увидеть формирование protagonista в различных временных отрезках. Главному герою свойственна дуальность, аксиологическая амбивалентность, он одновременно и хороший, и плохой. Это порождает двойственность хронотопа: путь центрального персонажа лежит через сакральные и профаные топосы: дом, школа, вокзал, приют и др. Финал сочинений рассматриваемого вида утверждает уникальность, неповторимость опыта, идею индивидуализации жизненного пути через гендерное, этническое, культурное, национальное разнообразие и равноправие. Происходит смена релятивизма нравственных категорий, вариативности поведенческих установок при помощи некой устойчивой конструкции нравственных

ориентиров, прагматики принятия данности мира со всеми его несправедливостями и жестокостями.

Вторым видом романа инициации является *роман-кризис*. Феномену преодоления кризиса посвящены работы таких ученых, как Г. Олпорт (G. Allport), Э. Фромм (E. Fromm) З. Фрейд (S. Freud), Э. Эриксон (E. Erikson) и др. Они являются основоположниками исследования данного психологического конструкта, ставшего основой рассматриваемого вида романа инициации. По мнению психологов, преодоление предполагает волевое поведение, целенаправленные действия, четкую мотивацию поступков. Именно эти характеристики становятся основополагающими для поведения protagonists *романа-кризиса*. В лексикографических источниках представлены различные дефиниции термина. Так, в «Толковом словаре» В.И. Даля глагол «преодолеть» объясняется при помощи следующих синонимов «одолеть, осилить, побороть, победить, превозмочь, покорить, низложить и подчинить себе». Автор иллюстрирует его употребление примерами: «преодолевают врага в битве, страсти свои в борьбе с ними, лень свою, отвращение от чего и пр. Преодолев сам себя, преодолеешь первого врага своего» [Даль, 2022, с. 374].

В словаре под редакцией С.И. Ожегова находим такие пояснения: «преодолеть – значит пересилить, справиться с чем-нибудь (Преодолеть препятствие преграду. Преодолеть все трудности)» [Ожегов, 2003, с. 354].

В аналогичном издании Д.Н. Ушакова этот термин трактуется так: «преодолеть – одолеть, победить (устар.). Преодолеть врага. В переносном значении – осилить что-нибудь, справиться с чем-нибудь/с каким-нибудь затруднением. (Преодолеть все препятствия. Преодолеть трудности. Пересилить, превозмочь. Преодолеть свою лень. Преодолеть горе. Проблема преодоления различного рода препятствий интересует специалистов разных направлений, в том числе и психологов)» [Ушаков, 2000, с. 218].

Таким образом, под преодолением кризиса понимается изживание различного рода препятствий на пути к гармоничной, самостоятельной жизни

человека, наполненной самореализацией, развитием и конструктивной деятельностью.

В зарубежных изысканиях понятие «преодоление» рассматривается в рамках концепции «копинга» (“to cope” (англ.) – справляться, бороться, совладать). Впервые оно было введено психологом Л. Мерфи (L. Murphey) в исследовании, посвященном взрослению и рубежным кризисам развития личности. Эти размышления продолжает основатель гуманистической психологии А. Маслоу (A. Maslow), отмечая, что само понятие преодоления кризиса (coping) предполагает попытку решения какой-либо проблемы или, по меньшей мере, столкновение с ней. Преодоление кризиса, с его точки зрения, означает, что для решения того или иного проблемного вопроса задействуются все личностные качества человека. Это могут быть особенности характера индивида, его эмоции, реакция на жизненные трудности, цели и желания [Maslow, 1971, р. 133]. Исследователи отмечают, что «...потребность в преодолении несколько схожа с потребностью личностной идентичности, так как обе потребности направлены на индивидуализацию...» [Фромм, 2014, с. 124]. В некоторых работах также делается акцент на способность человека преодолевать кризисы и жизненные трудности психосоциального характера. Этому, по мнению ученых, способствуют качества эго, то есть те достоинства, которые раскрываются в различные периоды развития [Эриксон, 2021, с. 312].

Иначе представлена проблема преодоления в теории психоанализа. По мнению психологов, переживание кризисной ситуации порождает сильную тревогу, избавиться от которой можно двумя способами [Фрейд, 1993, с. 73]. В первом случае люди обращаются к проблеме и разрешают ее, невзирая на препятствия. Иначе говоря, личность вступает во взаимодействие с кризисной ситуацией, стремясь уменьшить ее воздействие. Второй случай предполагает защиту от состояний тревоги через искажение или отрицание проблемы. Способы искажения А. Фрейд называет защитными механизмами. Ими могут стать эскапизм или агрессия, возникающие от того, что человек не в состоянии преодолеть барьеры на пути к своей цели и переживает фрустрацию [Фрейд,

1993, с. 115]. Первый сценарий делает возможным успешное прохождение инициации, в то время как второй блокирует возможности взросления и обретения субъектом самого себя. Преодоление становится многоаспектным комплексным явлением, совмещающим попытки человека найти баланс между внутренними («интрапсихическими» [Haan, 1982, р. 17]) требованиями, правилами среды и теми противоречиями, которые между ними возникают.

Протагонистом данного вида романа инициации может быть «неудобный» ребенок/подросток или персонаж с особенностями развития. В такой прозе показывается преодоление дезадаптации героев, их постепенное встраивание в социум, обретение в нем своего места. Сочинениям этого вида свойственно наличие детективного элемента, призванного выполнять развлекательную функцию, но часто он служит смысловым и сюжетным утяжелением, создающим для протагониста пространство испытаний. В таких романах нет назидательности, в них представлена многовекторная картина мира, где отсутствуют ориентиры и деление на хорошее и плохое. Компенсация отсутствия дидактизма происходит за счет принятия действующим лицом существующих законов, инаковости, разных способов самопроявления, эмотивного смысла надежды, спокойствия, смирения, любви и прощения.

В рассматриваемых сочинениях герой, преодолевая экзистенциальный кризис, совершает какое-то активное действие. Он борется со смертельной болезнью («Виноваты звезды» Дж. Грина), переживает кризисные жизненные обстоятельства, например, гибель близких («Маленький друг» Д. Тартт), старается искупить вину за совершенные прежде ошибки, например, предательство («Бегущий за ветром» Х. Хоссейни). Для подобных произведений характерны такие структурно-семантические особенности как отсутствие табуированных тем, наличие шокирующих элементов, резкие сюжетные повороты, презентация дисфункциональных отношений.

В качестве заключительного вида можно выделить *роман-посттравма*. Он представляет собой нарратив, в котором протагонист преодолевает боль,

опустошение после утраты, заново «собирает» себя. Этот путь обновляет героя и делает его иным. Освобождение в таком контексте понимается как раскрепощение человека. Это – «устранение ограничений, в результате чего какой-либо субъект становится свободным» [Немов, 2007]. Действительно, сюжет произведений рассматриваемого типа строится вокруг воспоминаний и переживаний персонажами последствий травмирующего опыта. Исповедальная наррация становится попыткой избавиться от тяжкого эмоционального груза [Джумайло, 2014].

Интерес к изучению природы травмы в последнее время становится все более существенным и приобретает полидисциплинарный характер. Он обусловлен осмыслением трагического опыта XX века, а также наличием тяжелых и драматических переживаний в личной жизни человека. Их причиной могут быть такие события как потеря близких, насилие, разрушительные для личности отношения, зависимость от алкоголя или наркотических веществ. Доказательством этого служит междисциплинарное направление по исследованию травмы (*trauma studies*). Под термином «травма» ученые понимают не физическую, а ментальную рану, когда под действием сильного эмоционального потрясения искажается осознание времени, себя и мира, что позже проявляется в снах и воспоминаниях [Caruth, 1996, р. 4]. С психологической точки зрения акцент делается на травмирующем событии, независимо от его длительности, так как считается, что оно необратимо влияет на внутренний мир человека. Травма постоянно возвращает человека к случаям, связанным с негативными эмоциональными переживаниями, парализующими чувства. Амнезию и попытку подавления этого опыта можно считать единственной защитой сознания.

Жертва впадает в забвение, старается вычеркнуть произошедшее из памяти, но оно продолжает преследовать индивида через кошмары, видения, проявляется в страхах и неадекватном поведении. По мнению ученых, исследовавших посттравматическое стрессовое расстройство, диссоциация не позволяет травме стать частью общей автобиографической памяти, что

приводит к формированию «двойной системы» [Goldberger, Breznitz, 1993]. Иными словами, если нормальная память воспроизводит мысли и события единым потоком, то из-за травмы воспоминания хранятся словно отдельно друг от друга [Van der Kolk, 1991, р. 169]. Термин диссоциация широко используется в современной психологии и обозначает защитный механизм, который притупляет осознание эмоционально-подавляющей информации. Наиболее частыми проявлениями данного вида расстройства называют эмоциональное онемение, дереализацию (похожее на сновидение ощущение реальности), деперсонализацию (отсутствие связи с собственным телом), неспособность воспроизвести детали произошедших событий [McNally, 2005, р. 172].

Протагонисты подобных нарративов пребывают в одиноком катастрофическом мире, поэтому центральный персонаж не всегда занимает активную позицию, частью его внутреннего становления может быть эскапизм, уход в молчание. Он может совершать саморазрушительные действия, в том числе осуществлять попытки суицида. Таким сочинениям свойственна инверсия призрачного и реального миров, их взаимозаменяемость. Потустороннее пространство часто приобретает нереальные фантастические черты. В сюжетное поле встраивается интерлюдия голосов, в том числе ушедших, утраченных протагонистом людей (сны, видения). Финал *романа-посттравмы*, при условии успешного прохождения героем обряда инициации, сопряжен с пониманием и принятием другого, социальной адаптацией.

Роман-посттравма показывает способы облегчения переживаний таких страшных событий, как террористический акт («Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера), физическое и эмоциональное насилие («Маленькая жизнь» Х. Янагихары) и даже убийство («Милые кости» Э. Сиболд). Последнее сочинение заслуживает особого внимания, поскольку повествование в нем начинается после смерти главной героини, но ведется от ее лица.

Основными чертами поэтики романа инициации являются: событийная насыщенность, философская проблематика (экзистенциальное познание, преодоление кризисов), субъективизация времени и пространства, исповедальность повествования. Самоосознание героя происходит одновременно в нескольких плоскостях: он познает себя как часть этноса/социума/семьи и как личность.

В новейшей литературе США присутствуют традиционные мотивы, которые, однако, претерпевают некоторую трансформацию. Этическое поле романа инициации формируется внутри традиционных для американской литературы мотивных комплексов. Особое значение в конструировании его аксиологической целостности имеет мотив предопределения, так как он сопряжен с духовными поисками персонажей и идеей принятия, к которой они приходят в итоге своего пути познания окружающего мира. Немаловажными являются мотивы избранности и достоинства, поскольку протагонисты таких сочинений часто ощущают свою особую миссию, что может иметь как положительный, так и отрицательный эффект («Мартин Иден» Дж. Лондона, «Американская трагедия» Т. Драйзера). Наиболее значимыми можно назвать мотивы свободы и одиночества, которые сопряжены с процессом самоидентификации персонажей, попытками преодолеть кризис и освободиться от травмы. Мультикультурная проблематика обуславливает присутствие мотива равенства, через который выражаются представления о толерантности и равноправии. Попытка эскапизма персонажей, желание начать жизнь заново воплощаются в мотиве диких просторов («Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Приключение Гекльберри Финна» М. Твена). Усердная работа протагониста над самим собой, собственным самосовершенствованием может коррелировать с мотивом трудолюбия («Автобиография» Б. Франклина и др.).

Внутри романа инициации можно выделить различные разновидности и вариации посвящения, связанные с его характером и результатом. Таким образом, с точки зрения вовлеченности субъекта, это могут быть

индивидуальная (один протагонист), *последовательная* (два или более центральных персонажа проходят инициацию поступательно) и *параллельная*, в том числе *групповая* (синхронный для нескольких героев процесс) инициации. Ее вариации детерминированы результатом этого действия. Это *успешно пройденная* (положительный итог), *антиинициация* (протагонист совершает аморальный поступок, такой как убийство или самоубийство), *отложенная*, в том числе *посмертная* (отсроченный характер), *прерванная* (резкое прекращение в силу непреодолимых внешних обстоятельств), *незавершенная* (открытый финал) инициации.

Таким образом, основными чертами поэтики романа инициации в современной литературе США являются: событийная насыщенность, философская проблематика (экзистенциальное познание, преодоление кризисов, освобождение от последствий травмы), субъективизация времени и пространства, исповедальность повествования. Данные характеристики можно проследить во всех его видах. Самоосознание героя происходит одновременно в нескольких плоскостях: он познает себя как часть этноса/социума/семьи и как личность.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Роман воспитания зародился в Германии и получил там широкое распространение, основы его изучения были заложены немецкими литературоведами. Для поэтики таких сочинений характерны следующие особенности: эволюция духовного мира протагониста, уроки жизни, изображение пути, который проходит герой с детства до своей физической и духовной зрелости, активная жизненная позиция, движение к гармонии и справедливости, моноцентрическая композиция, путь от индивидуализма к обществу.

Роман инициация является жанровой модификацией романа воспитания, он вбирает в себя сюжетообразующие черты последнего, однако представляет отдельную разновидность, поскольку в произведениях этого типа изображается не поступательное развитие и эволюция персонажа, а переломное событие жизни протагониста, его испытание. Это становится ключевым отличием романа инициации от романа воспитания.

В литературе США роман инициации имеет специфические национальные черты. Он взаимодействует с национальной мифологией, содержит ведущие мотивы ранней американской словесности, отражает историко-культурный контекст (опора на себя, многонациональный этнический состав, регионализм, феномен американской мечты, бегство к природе и др.).

В новейшей литературе роман инициации имеет черты, сформированные вызовами современности. В нем отражаются проблемы социальной дезадаптации, безответственных взрослых, принятия другого, вопросы гендерной, социальной, национальной, культурной идентичностей. Роман инициации сосредоточен не на процессе становления героя, а на кризисных моментах в его жизни и способах их преодоления. Основные нарративные особенности таких произведений – трехчастная структура, исповедальность, а также тот факт, что повествование ведется от первого лица.

Подводя итог размышлениям о вопросе целевой аудитории романа инициации, следует отметить, что этот жанровый тип носит универсальный характер и апеллирует как ко взрослой аудитории, так и к подростковой. Это еще раз указывает на преемственную связь романа инициации с романом воспитания и отделяет его от литературы для молодого читателя, которая носит массовый характер, рассчитана на молодежную аудиторию и не содержит большого количества аллюзий и реминисценций.

Типичный для романа инициации способ наррации от первого лица, усложненный диалогизмом и сменой фокала, позволяет эксплицировать многоаспектность окружающего мира. Прием ненадежной наррации передает неоднозначность восприятия реальности, многовекторность картины мира, размытость истины, некатегоричность суждений. Индивидуализм в романе инициации не равен эгоцентричности и эскапизму, поскольку в нарративе подчеркивается ценность отдельной личности, ее уникальность и самостоятельность, необходимость эмпатии и понимания хрупкости и нестабильности окружающего мира. Поэтому герои часто нарочито негероические, они наделены психическими травмами, физическими недостатками, переживают кризис собственной идентичности. Именно так утверждается гендерное, культурное, этническое разнообразие и равноправие.

В романе инициации можно выделить два семантических вектора. Первый связан с интроспекцией, погружением в мир личных переживаний протагониста. Он позволяет абстрагироваться от вызовов современности и неразрешимых социальных противоречий. Вторым становится реалистическое повествование, в котором, напротив, педалируются и заостряются проблемы повседневной жизни. В обоих случаях на идеином, мотивном, сюжетном, пространственно-временном уровнях освещаются вопросы, связанные с глобальным обществом. Это самоубийство, смерть, потеря близкого, теракты, смертельная болезнь, насилие, интеллектуальная или физическая недостаточность, дискrimинация, непреодолимые психологические травмы.

Анализируемый тип романа занимает немаловажное место в современной американской литературе. При этом пристальное внимание писателей эпохи обращено к человеку, его ментальному и духовному становлению: способам преодоления испытаний, социальной адаптации. В сочинениях этого периода можно усмотреть наличие сюжетных ситуаций, которые отмечались и в более ранних произведениях. Однако в новейшей литературе подобный модус выходит на первый план в силу отсутствия табуированных тем, социальных функций, которые он на себя берет.

Концепция исследования не предполагает противопоставления романа воспитания и романа инициации. Последний является жанровой модификацией первого, но меняется поэтика произведений: роману инициации свойственны такие черты, как лапидарность формы, актуальная современности проблематика, нелинейность способов повествования. Он отвечает вызовам современности: в основе конфликта находится кризис протагониста и экспликация путей его преодоления/непреодоления (критерий успешности инициации).

Американская литература о взрослении пронизана национальными мифами, проблемами подросткового и юношеского самоосознания. Исследование аксиологии и идеалов литературы о взрослении, образов и метафор детства и юношества с одной стороны, идиостиля и индивидуальных художественных решений отдельных писателей, с другой, позволяет делать обобщенные выводы об особенностях и функционировании романа инициации в американских историко-литературных контекстах.

Образная репрезентация инициации на разных этапах историко-культурного развития, в том числе проблемы нормы, жанрового канона, позволяют уйти от атрибуции романа инициации как подросткового жанра, поскольку он в полной мере вписан в практики «взрослого» нормотворчества (цензуры, табуизации). Так, роман инициации выполняет особую посредническую функцию, соединяя между собой экспериментальные

(различные вариации подростковой прозы) и традиционные дискурсы (роман воспитания).

Роман инициации в литературе США лишен дидактически-воспитательной направленности, стереотипов и конвенций: образ «плохих» (непослушных, бросающих вызов стереотипам) героев созвучен идеям трансценденталистов и соответствует принципам «доверия к себе» и свободного самоопределения. Взросление и обретение самостоятельности имеют особую ценность в жанре автобиографии, затем превращаются в макрометафору для описания этнорасовых и национальных реалий и, наконец, становятся отдельным нарративом, выражающим диалектику социального и индивидуального (поиск героями собственной идентичности, преодоление травмы и др.).

Романтизация сменяется опытом психологизации и деидеализации. Для литературы XX века ключевую роль играет образ амбивалентного, во многом запутавшегося в самом себе героя. В XXI веке проблема взросления раскрывается через темы сексуальности, смерти, ключевые для американской словесности мотивы равенства, трудолюбия, диких просторов, а также свободы, одиночества, предопределения.

Маргинальные сюжеты, дуальность проблематики (социальное и личностное становление) фиксируют взаимную проницаемость романа инициации и сочинений подростковой литературы, которая касается не только рецептивной сферы, но и становится системообразующим фактором, влияющим на функциональную пограничность жанра в художественной системе современности.

С течением времени сюжет инициации, всегда имевший большое значение, перемещается с жанровой периферии к центру американского литературного канона. Именно сюжет посвящения становится художественным конструктом перехода от традиционной заимствованной из английской литературы интерпретации ценности взросления к его

современной сакрализации/десакрализации, ремифилогизации и демифилогизации.

Социокультурный анализ динамики романа инициации в литературе США, его идеально-философского контекста, а также реконструкция американских особенностей социализации человека позволяют связать данный жанр с проблемой национальной идентичности. Перенос идей формирования личности человека и взросления на этнорасовый контекст, относительность и варьируемость существующих мифометафор формируют специфически американскую идеологическую модель романа инициации. Последний в современной литературе США ставит перед читателями глубокие философские вопросы: потеря близкого, предательство, одиночество, смерть и не предлагает на них готовых ответов. В нем раскрываются идеи индивидуализма, свободы, разнообразия, обретения собственной идентичности человеком в поликультурном мире. Это связано с историко-культурными и социальными контекстами начала XXI века: сменой культурной парадигмы, принципом многообразия, процессами децентрации и десубъективации, размыванием бинарности, а также пониманием сакрального, смещением оценочных категорий, границ добра и зла.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОМАНА ИНИЦИАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ США

2.1. Вопросы совершеннолетия героя в американской литературе XVIII–XIX веков

История становления романа инициации в американской словесности детерминирована культурно-историческим контекстом развития США. Анализ художественного наследия предполагает обязательное рассмотрение центральных «осей» или понятийных узлов, связывающих литературу, как часть духовного наследия, с национальной традицией [Баранова, 2010, с. 3].

Долгое время культура зарождающегося общества на североамериканском континенте отождествлялась с «привезенными» из Новой Англии и Европы идеями [Баранова, 2010, с. 4]. Однако по мере освоения этой территории у первопоселенцев складывалась собственная система ценностей. Психологические и философские открытия, которые в рассматриваемый период литературного развития не могли быть выражены в устоявшихся, канонических жанрах, нашли воплощение в пограничных формах – эпистолярной и дневниковой прозе, автобиографиях и мемуарах. Структурообразующей основой данных нарративов является сюжет посвящения, который связан как со внутренними поисками индивида, так и с его социализацией.

Чтобы проследить процесс «жанроформирования» [Норец, 2014] произведений необходимо не только провести сравнительный анализ их структур для определения типологически сходных «кодов», но также выделить присущие им статичные и динамичные признаки. В качестве инструментария нами принят набор характеристик, предложенный отечественными литературоведами Н.Д. Тамарченко [Тамарченко, 1986] и М.В. Норцом [Норец, 2014]. Существенным компонентом жанровой матрицы романа инициации является герой. По мнению Н.Д. Тамарченко, конфликт в художественном произведении строится на несовпадении его внутренней

сущности с сюжетной ролью, что приводит к отказу от действия или совершению неадекватного поступка. М.В. Норец описывает противоположный сценарий, где центральный персонаж является носителем мировоззрения, не совпадающего с тем, что характерно для жителей окружающего мира. С нашей точки зрения, в романе инициации присутствуют оба эти начала, поэтому в настоящей диссертации учитываются как психологические, так и социальные парадигмы самосознания героев.

Другим структурным компонентом рассматриваемых сочинений является событие. Оно представляет собой встречу protagonista и antagonista из противоположных частей художественного мира [Тамарченко, 2008]. Для данной работы эта дефиниция может быть расширена, поскольку в результате трансформаций, произошедших с действующими лицами трансформаций, они не только познают инаковость и разнообразие мира, но и встречаются сами с собой.

Немаловажную роль в романе инициации играет структура нарратива. Она понимается литературоведами как «единый источник развертывания сюжета – основная (и обладающая «родовой» спецификой) ситуация» [Тамарченко, Тюпа, Брайтман, 2004]. В романе инициации это ключевые испытания посвящения, выполняющие функцию опорных точек композиции.

Комплексное рассмотрение выбранных для анализа произведений, помимо обозначенных выше элементов, учитывает речевую организацию повествования (тип наррации) и пространственно-временное устройство (хронотоп). Для выявления средств моделирования смыслов на уровне организации текста используется предложенный французским структуралистом и нарратологом Ж. Женеттом (Gérard Genette) термин «фокализация» [Женетт, 1998, с. 204]. Он обозначает пространственно-временную позицию субъекта, его «голос», определяющий нарративный дискурс, и аксиологию, то есть концептуальные семантические пласти художественного текста. На основе предложенной ученым классификации, в романе инициации выделяют такие виды фокализации, как нулевая

(focalisation zero), когда повествование ведется всеведущим автором, внутренняя (focalisation interne), где нарратором является один из персонажей и внешняя (focalization externe), в которой события излагаются объективно, без возможности нарратора проникать в сознание персонажей [Женетт, 1998, с. 204].

Выявление сюжетно-композиционных особенностей романа инициации обусловило обращение к учению В.Я. Проппа, посвященного классификации постоянных и переменных элементов в структуре волшебных сказок [Пропп, 2004]. К первому типу ученый относит поступки, которые герой совершает для развития сюжета, а ко второму – стиль произведений, мотивировку персонажей и иные атрибуты действий. Вслед за известным теоретиком, нами выделяются инвариантные элементы, характерные для рассматриваемых сочинений: «отлучка» (уход, отъезд героя как начало пути посвящения), нарушение запрета (функции запрета в романе инициации может выполнять общество), появление антагониста, новый облик и имя персонажа, решение задачи (завершение процесса инициации) [Пропп, 2004, с. 57].

Для определения «архитектонически устойчивого» ядра анализируемого типа романа, его жанровой матрицы и жанровой доминанты [Норец, 2014] в данной главе докторской диссертации применяется комплексный подход к анализу произведения как художественного целого. Основой изучаемого материала является корпус работ, в которых сюжетообразующая канва базируется на нарративе посвящения, организующем такие уровни поэтики как:

- сюжетообразующий, когда опорные точки композиции от начала и до конца связаны с трехчастной структурой процесса инициации: что служит завязкой, обуславливая уход protagonists от привычной жизни и осознание ими необходимости взросления, определяет кульминацию – личностные кризисы, через которые проходят центральные персонажи, и развязку – успешное/неуспешное преодоление испытаний;

- тематический, в котором одна из определяющих тем – тема личностного и социального самоопределения;
- повествовательный, где речь идет о роли сюжета инициации: от нарративной рамки (XIX век – первая половина XX века) до конституирующей основы, обладающей повествовательным потенциалом со своей внутренней композицией, скрытым сюжетом, предполагающим активную роль читателя-интерпретатора (вторая половина XX века);
- характерологический, когда внутренние качества персонажей проявляются во время кризисных испытаний;
- пространственный, в котором кризисный хронотоп является одним из ключевых элементов поэтики романа инициации;
- лингвистический, где предлагается речевой портрет персонажей, стилистические повествовательные особенности.

Истоки романа инициации, как нам видится, следует искать в жанре автобиографии, который повлиял на развитие ведущих художественных методов и направлений американской словесности. Этим обусловлено включение в материал данной главы докторской диссертации таких значимых для литературы североамериканского континента произведений, как «Автобиография» Б. Франклина, «Воспитание Генри Адамса» Г. Адамса и др. Хронологический принцип исследования обусловил обращение к наиболее значимым сочинениям литературы США, связанным с темой становления личности и взросления через преодоление кризисных испытаний, что позволяет проследить жанровую трансформацию романа инициации.

Поскольку художественно-эстетические принципы романтизма, реализма и модернизма отражают особенности культуры и других форм общественного сознания на том или ином отрезке историко-литературного развития, нами учитывается влияние указанных парадигм на поэтику рассматриваемых сочинений. Синтез романтизма и реализма нашел отражение в исканиях героев-подростков, имеющих положительный исход (сочинения Л.М. Олкотт и М. Твена), критический реализм обусловил презентацию

непройденной инициации взрослых protagonистов («Мартин Иден» Дж. Лондона, «Американская трагедия» Т. Драйзера), модернизм повлиял на экспериментальную композицию таких произведений, как «Медведь» У. Фолкнера, «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Вино из одуванчиков» Р. Брэдбери и др.

Точной отсчета в эволюции романа инициации можно считать «Автобиографию» Б. Франклина. Художественное наследие мыслителя неоднократно становилось предметом изучения отечественных литературоведов (К.М. Баранова, М.П. Баскина, А.А. Елистратова, М.М. Коренева, Л.А. Мишина, Т.И. Сильман, А.И. Старцев) и их зарубежных коллег (P.W. Conner, M. Cunliffe, M. Meltzer, G.S. Wood, E. Wright). Общеизвестно, что известный просветитель, помимо того, что занимался литературной деятельностью, был ученым-естественноиспытателем, общественным и политическим деятелем, издателем, что представляет несомненный интерес. По мнению исследователей, «по традиции его имя ассоциируется с эпохой просветительского гуманизма, ярким воплощением которого был он сам» [Баранова, 2010, с. 111]. Б. Франклин – автор произведений, оставивших существенный след в развитии американской культуры и становлении национальной литературы. Роман инициации, в основе которого находятся философские темы поиска нравственных ориентиров и самоопределения человека, не стал исключением.

Одним из самых значимых сочинений автора является «Автобиография», которую можно назвать первым классическим произведением в Новой Англии. В данной работе сформулирована стратегия самосовершенствования, ставшая основой важных для американской культуры постулатов доверия к себе (self-reliance), пути человека, который сделал себя сам (self-made man), американской мечты (American dream). Это позволяет сделать вывод о том, что «во второй половине XVIII века – первой половине XIX века складывается материальный или pragматический культурно-языковой код, который формируется во многом благодаря взглядам Б. Франклина» [Баранова,

Чуприна, 2015, с. 9]. Иными словами, творчество литератора представляется существенным с точки зрения его влияния на американскую словесность в целом и на роман инициации, в частности.

Писатель создавал «Автобиографию» в течение девятнадцати лет своей жизни, с 1771-го по 1790-й годы, с небольшими перерывами. Сам автор предпочитал называть этот труд «мемуарами», поскольку позиционировал данное сочинение как воспоминания о событиях своего жизненного пути. Его структурно-композиционное членение предполагает выделение четырех частей, каждая из которых отсылает к определенному периоду жизни автора. Представляется, что широкую известность этот памятник словесности получил по причине несомненной исторической важности, а также художественной ценности для культуры США, поскольку именно его литературоведы рассматривают как первое произведение, в котором отражена американская культурно-языковая картина мира [Американская культурно-языковая..., 2019]. Художественным центром «Автобиографии» являются категории, во многом ставшие основой культурного самосознания нации, зарождение которой «с самого начала предполагало независимость духа, свободу и предприимчивость» [Баранова, 2010, с. 29].

Исследователи сравнивают этот текст со своеобразным учебным пособием по морали. Несмотря на определенный дидактизм повествования, в «Автобиографии» впервые появляется положительный герой, который доказывает возможность подняться на самый верх социальной лестницы, опираясь на свое трудолюбие и разум. Относительно стиля произведения следует отметить, что Б. Франклин активно использует повседневный бытовой язык, простые предложения, прибегает к иронии, приводит примеры из жизни. Если в «Альманахе Бедного Ричарда» автор обращается прежде всего к представителям низшего сословия различного возраста, то «Автобиография» нацелена на молодого читателя. Именно с этим связана простота стилистического оформления произведения, что дает возможность доступно и понятно донести идею возможности самосозидания, обратив внимание на

конкретные шаги воплощения этой теории в жизни. Особое значение в контексте нашего исследования отводится первой части сочинения, повествующей об отрочестве протагониста, его юности. Такая структура, по мнению Л.А. Мишиной, заимствована Б. Франклином у английских писателей Дж. Буньяна (John Bunyan, 1628–1688) и Д. Дефо (D Defoe, 1660–1731) [Мишина, 1992, с. 50]. Сочинение адресовано сыну писателя Уильяму (William) и написано в эпистолярной форме.

Для данной работы ключевым представляется воссоздание процесса становления личности, а также репрезентация сути американского характера. В этом контексте будет целесообразно упомянуть сочинение «Личное повествование» (“Personal Narrative”, 1740) Дж. Эдвардса, современника Б. Франклина. Оно также посвящено становлению личности человека, способам достижения намеченной цели. Как и «Автобиография», анализируемый труд затрагивает темы духовного совершенствования и психологической эволюции личности. Однако те постулаты, которые в нем формулирует автор, воспринимаются как своеобразные ступеньки, которые человек должен пройти, чтобы достичь нравственной цели, и они связаны с его желанием приблизиться к Богу. «Автобиография» же показывает всестороннее становление личности, индивидуальные и социальные дискурсы, объединяя мотивы предопределения, свободы, равенства, трудолюбия. Таким образом, можно утверждать, что произведение Б. Франклина является ключевым текстом, посвященным описанию пути к успеху, нравственному самосовершенствованию. Его можно считать своеобразной исповедью, когда через призму личного опыта, нарратор формулирует напутствия и дает советы подрастающему поколению.

Сюжетообразующими становятся такие элементы сочинения, как простое происхождение главного героя, мотивы поиска самого себя, своего призыва, разрыв с прошлым миром (переезд, скитания, путешествия), опора на свои силы, выражаящаяся в усердии, умении обходиться малым, доброта и открытость по отношению к людям: “...near three hundred miles from my home,

at the age of seventeen <...> without the least recommendation, or knowledge of any person in the place, and very little money in my pocket” [Franklin, 1997, p. 44]. Из приведенной цитаты следует, что protagonист оказывается далеко от дома, без какой бы то ни было поддержки и рассчитывать ему приходится только на себя. Именно такие изменения становятся переломными испытаниями во время его инициации, что свидетельствует о разрыве с миром детства и начале самостоятельной жизни.

Художественным центром «Автобиографии» Б. Франклина является рассказ о его жизни: он повествует о бедной многодетной семье, тяжелом труде и об успехе, которого автор добился в итоге. Произошло это исключительно благодаря способностям и труду просветителя. Он рассматривает автобиографию как пример, который будет полезен не только сыну, изначальному адресату сочинения, но и многим другим молодым людям. Протагонист анализируемого произведения подчиняет свою жизнь реализации тринадцати добродетелей, главными из которых можно считать воздержание, порядок, трудолюбие, бережливость. Главный персонаж ежедневно анализирует свои достижения, выставляет себе оценки⁴. Основными его качествами становятся рассудительность и рационализм, обозначенные как «культ разума». Здесь можно увидеть референцию к просветительским идеям. Следовательно, будучи представителем американской нации, последователем пуританизма, Б. Франклин исповедует идеи французских мыслителей Ф. Вольтера (Francois Voltaire, 1694–1778) и Ж.Ж. Руссо (Jean-Jacques Rousseau, 1712–1778) [Реизов, 1969]. Имя Б. Франклина связывают с эпохой просветительского гуманизма, воплощением которого стало не только творчество, но и сама жизнь этого незаурядного человека. Становление

⁴ В данном диссертационном исследовании подобный тип героя будет описан нами далее на материале романа «Мартин Иден» Дж. Лондона. Существенная разница двух сочинений состоит в том, что Дж. Лондон показывает внутренние переживания и духовные терзания М. Идена, в то время как герой Б. Франклина рационален, рассудочен, ему не свойственны никакие сомнения.

личности, духовный рост, жизненные перипетии и их влияние на характер героя легли в основу «Автобиографии».

Демократизм, простота стиля изложения, «народность» привлекают самых разных читателей к трудам мыслителя и его личности. Подобные черты определяют тональность последующих литературных сочинений автора, затрагивающих тему духовного становления человека в американской литературе. Это практическая направленность (все теории протагонист «Автобиографии» апробирует на себе), уважительно-доверительное отношение к читателю, оптимистическая направленность мыслей и поступков главного персонажа. Поскольку изначально сочинение было адресовано сыну Б. Франклина, оно открывается обращением “Dear son” [Franklin, 1997, p. 13], но отеческая, благожелательная тональность определила характер контакта между нарратором и реципиентом в целом.

В «Автобиографии» присутствует наложение индивидуальных и социальных дискурсов. К первым можно отнести самосовершенствование, веру в себя, ко вторым – желание принести людям пользу, быть полезным социуму). Совмещение этих семантических и повествовательных пластов показывает, как никому неизвестный юноша (“a boy of no origin”) стал почитаемым гражданином своей страны. В произведении излагается не только то, что он делал, чтобы достичь морального совершенства, но и перечисляются события, сформировавшие его личность. Особое внимание уделяется профессиональному самоопределению: “I disliked the trade, and had a strong inclination to go to sea; but my father declared against it” [Franklin, 1997, p. 22]. Поскольку из фабулы сочинения следует, что юный Бенджамин, несмотря на запреты, отправляется в странствие, можно заключить, что он руководствуется только своими мыслями, чувствами и рассчитывает исключительно на самого себя.

Указанные направления реализуются через систему мотивов: герой является выходцем из простого сословия, ему знакомы бедность и нужда, в юности он мечтает о море, чувствует тягу к путешествиям, освоению новых

пространств, но также ощущает в себе писательский талант и необходимость его развивать: “From my infancy I was passionately fond of reading, and all the money that came into my hands was laid out in the purchasing of books. I was very fond of voyages” [Franklin, 1997, p. 22]. Средствами достижения данной цели становятся трудолюбие, самообразование, часто ночные занятия, поскольку герою необходимо совмещать тяжелый физический труд днем ради выживания с необходимостью усердных занятий в свободное время. Эти черты будут раскрыты далее в произведениях М. Твена, Дж. Лондона, Г. Мелвилла. Самопознание осуществляется через деятельную коммуникацию. Так формируются представления об истинных и ложных ценностях, хороших и плохих людях. Другой опорой для протагониста становится литература, поскольку именно благодаря чтению и сочинительству он совершенствует свой духовный мир, лучше узнает жизнь и самого себя: “Thus I escaped being a poet, and probably a very bad one; but, as prose writing has been of great use to me in the course of my life, and was a principal means of my advancement” [Franklin, 1997, p. 30]. В любой ситуации нарратор сохраняет оптимистичный взгляд на мир, альтруизм, веру в себя и окружающих людей. Он довольствуется малым, обладает выносливостью, духовной и физической стойкостью. В сложных ситуациях героя выручают чувство юмора, практицизм, а также нравственность, основанная на добродетелях.

Подростку, которого мы видим в произведении Б. Франклина, еще не свойственны личностные кризисы, он не имеет травматического опыта, его задачей является адаптация к жизни, успешность, возможность служить людям, жить в гармонии с самим собой, а также просветительская деятельность, в которой он видит свое предназначение. Таким образом, промежуточный этап инициации в этом произведении ранней американской словесности, не сопряжен с духовными муками, следствием которых зачастую становится символическая смерть и перерождение героя. Это поступательный процесс, предполагающий физические и нравственные испытания, которые успешно преодолевает герой «Автобиографии». Их результатом является

успех, который он обретает, не только без труда встраиваясь в общество, но и превращаясь в уважаемого человека.

Анализируемое сочинение характеризуется наличием мозаичного сюжета [Баранова, 2010, с. 159]. Поскольку нарратив представляет собой воспоминания, ретроспективная композиция позволяет нарратору сосредоточить свое внимание на наиболее знаковых моментах собственной жизни. «Автобиографию» с романом инициации сближает то, что повествование посвящено событиям, повлиявшим на формирование и взросление протагониста. Поскольку Б. Франклин создает свой труд, будучи уже зрелым человеком, он делает определенные выводы, предлагает свои обобщения и дает советы. Подобные характеристики отличают данное произведение от последующих литературных трудов, посвященных теме становления личности и взросления, ведь роман инициации лишен назидательности и этических оценок. Именно в этом видится секрет популярности и социальной значимости последнего: принятие многообразия мира, его амбивалентности. «Автобиография» же ценна тем, что обладает безусловной воспитательной значимостью, при этом повествователь обращается к читателю в доверительно-дружеской манере.

Как было обозначено в первой главе настоящего диссертационного исследования, одним из жанровых маркеров романа инициации является присутствие мотивов свободы и равенства, раскрывающих мультикультурную проблематику [Сидорова, 2007]. Вопросы свободы, равенства и толерантности освещаются в статьях и памфлетах, созданных в последние десятилетия жизни Б. Франклина. В качестве дополнительного материала, обеспечивающего широкое поле рассмотрения жанровой эволюции, обратимся к «Историческому очерку конституции и правительства Пенсильвании» (“Historical Review of the Constitution and Government of Pennsylvania”, 1759). В нем мыслитель раскрывает противоречия между арендаторами и лендлордом, желающим подчинить себе людей, работающих на его земле. По наблюдению литературоведов, таким образом просветитель доказывает «право

пенсильванского народа на самостоятельное национальное существование» [Баскин, 1956, с. 19]. Примечательно, что автор очерка не отделяет себя от пенсильванцев. Он один из колонистов, свободный, как и его соотечественники, поскольку, с точки зрения автора, все граждане страны должны находиться в равном положении и не подвергаться дискриминации или политическому гнету.

По мнению исследователей, «в анализируемом сочинении мотив свободы является основным и проходит через все повествование» [Баранова, 2020, с. 11]. Если в «Историческом очерке» свобода выражается в политической и экономической независимости, то в работе «Терпимость в Старой Англии и в Новой Англии» (“Toleration in Old and New England”, 1772) Б. Франклин, обращаясь к различным вероисповеданиям, вводит понятие толерантности к иным, отличным от собственных, религиозным взглядам. Примечательно, что эту небольшую по объему статью мыслитель подписывает как «Житель Новой Англии», то есть, используя литературную маску, типизирует нарратора, придает его взглядам обобщенный характер. Таким образом, в публицистических сочинениях Б. Франклина феномен свободы раскрывается через мотивы физической, экономической, религиозной независимости, а также толерантности и принятия инаковости. Эти же смысловые акценты присутствуют в романе инициации на современном этапе историко-литературного развития.

Значимым является и мотив равенства, который лежит в основе не только художественных сочинений прозаика, но и его публицистики. Например, в произведении «К сведению тех, кто собирается переехать в Америку» (“Information to Those Who Would Remove to America”, 1784) Б. Франклин обозначает, что для человека, который прибывает в эту страну, важнее всего является умение что-то делать, быть полезным обществу, в то время как сословные различия не представляются сколь бы то ни было существенными. Отдельное внимание уделяется расовым различиям. Изображая сильные и слабые стороны каждой нации, мыслитель показывает

их равноправие. В этом отношении показательны «Заметки относительно дикарей Северной Америки» (“Remarks on the Politeness of the Savages of North America”, 1784) и труд «О работорговле» (“On the Slave-Trade”, 1790). Тема рабства получает резкое осуждение автора. Б. Франклин открыто выступает за его отмену. Как известно, писатель основал первое в США аболиционистское общество, выпустившее «Обращение к населению» (“Appeal to the Population”, 1789), в котором выдвигается тезис о необходимости уничтожения рабства как социального института.

Несмотря на то, что рассмотренные выше высказывания не принесли должного результата при жизни мыслителя, в конечном итоге, его идеи привели американское общество к пониманию необходимости отмены рабства. Обозначенные мотивы свободы и равенства оказали значительное влияние на последующую литературную традицию и были эксплицированы в романе инициации (творчество М. Твена, Х. Ли, Х. Хоссейни, Д. Таррт, Дж. Евгенидиса).

Проанализированные выше произведения позволяют сделать следующие обобщения: идеи, которые Б. Франклин вкладывал в свои труды, состоят в формировании нравственного и гражданского идеала соотечественников. Формулируя нравственные законы, которым должен следовать человек, автор прибегает к собственному опыту, иллюстрирует каждый тезис конкретным примером. Именно личностно-ориентированный способ наррации, человеческий контакт писателя и читателя, искренность и чувство юмора, которые присутствуют в описании самых серьезных и драматичных жизненных перипетий, стали основой романа инициации в литературе США. Сохранились в нем и ключевые элементы американской словесности: мотивы свободы, равенства, трудолюбия, диких просторов, предопределения. Труды мыслителя имеют ярко выраженные национальные корни, которые, с одной стороны, уходят вглубь колониальной словесности, а с другой, влияют на поиски духовно-нравственных основ в современной американской литературе США, в парадигму которых вписан роман инициации.

Рубежным для формирования рассматриваемого типа произведений становится XIX век. Идейные и сюжетно-образные мотивы, психологические портреты персонажей в этот период развития литературы эволюционируют и усложняются, в то время как нравственные оценки происходящего становятся не столь однозначными [Ивашева, 1995].

Первым сочинением, в котором сочетается «беллетризованная проповедь» и объективное изображение семейного быта, предвосхитившее появление американского реализма, литературоведы называют роман Л.М. Олкотт «Маленькие женщины» [Поляков, Полякова, 2020, с. 87]. В зарубежной американистике исследования, посвященные его анализу, в основном, связаны с биографическим и культурно-историческим контекстом творчества писательницы [Elbert, 1987; Stern, 1999; Trites, 2009].

Отечественные литературоведы уделяют внимание различным аспектам поэтики произведения. Одни исследователи выявляют в романе жанрообразующие черты литературы для детей и анализируют специфику их репрезентации [Белова, 2013]. Другие дают оценку творческому вкладу классика американской словесности в развитие социокультурной жизни США, учитывая новаторский взгляд писательницы на гендерные и семейные проблемы [Шишкова, 2019]. Ученые также рассматривают этико-педагогическую концепцию Л.М. Олкотт и художественные средства ее воплощения в рассматриваемом сочинении [Поляков, Полякова, 2020].

Роман «Маленькие женщины» посвящен описанию взросления четырех сестер семьи Марч (the March): Маргарет (Margaret), Джо (Jo), Бет (Beth) и Эми (Amy). Нarrатив автобиографичен, поскольку основан на детских воспоминаниях автора: у писательницы было три сестры. Л.М. Олкотт следует уже сложившейся в США традиции женской и воспитательной литературы. Однако обращение к собственному жизненному опыту позволяет ей избежать схематичности и назидательности: главные персонажи книги имеют реальных прототипов, это члены семьи известного трансценденталиста Бронсона Олкотта (Bronson Alcott), отца писательницы [Crawford, 1995; Stern, 1984].

Коммерческий успех первой части книги побудил прозаика создать ее продолжение – «Хорошие жены» (“Good Wives”, 1869), «Маленькие мужчины» (“Little Men”, 1871), «Ребята Джо» (“Jo’s Boys”, 1886). Литературоведы связывают популярность рассматриваемых сочинений не только с совершенством композиции и стиля, но и с реалистичностью характеров, редко достигающей такой степени в американской литературе [Anthony, 1938]. В рамках нашего исследования особое значение имеет первая часть цикла, поскольку в ней изображается нравственное становление юных героинь и переломные моменты их отрочества, которые являются событиями инициации для каждой.

Текст синтетичен с точки зрения жанровой структуры, в нем совмещаются черты романа воспитания, святочного рассказа и семейной саги. Большое значение имеет отражение идей секуляризованного протестантизма, что находит воплощение в высоких нравственных идеалах действующих лиц, их моральных установках. В романе описывается быт небогатой американской семьи, переживающей лишения войны между Севером и Югом. Героиням от двенадцати до шестнадцати лет, их отец служит капелланом в армии северян. Мать показана как добрая, заботливая, чуткая женщина, которая прививает дочерям христианские ценности любви, всепрощения, кротости. В монологах миссис Марч (Marmee March) сформулированы нравственные посылы и законы гармоничной жизни, ключевая роль отводится преодолению эгоизма и альтруизма. Помимо достоверности деталей и многогранности психологических характеристик, в романе представлена реалистическая концепция личности, формируемой средой, однако «главным для автора представляется вовсе не приспособление человека к нравам и обычаям общества, но его нравственное совершенствование» [История литературы США, 2003, с. 218].

Примечательно, что в центре нарратива находится коллективный субъект: истории четырех сестер разворачиваются одновременно, показывается взросление каждой из них: обретение личного счастья, профессиональное

самоопределение, служение близким. В этом произведении представлен женский тип инициации [Шалимова, Сафонова, 2022]. Героинь объединяет общая семейная история, но они обладают непохожими привычками и склонностями и по-разному видят свое предназначение. Событийная канва строится на описании символического пути девочек к нравственному идеалу через преодоление своих пороков и искушений повседневной жизни. Кольцевая композиция обрамляет повествование и знаменует начало и завершение испытаний, между которыми проходит ровно год: произведение начинается и заканчивается описанием предрождественского времени. Данный хронотоп показан как время чудес, надежд на светлое счастливое будущее и спасение, чему способствует включение в нарратив традиционных примет праздника. Это подарки, семейный пир, постановки домашнего театра, добрые слова и добрые пожелания друг другу.

Читатель знакомится с сестрами Марч в драматичную для них минуту: девочки размышляют над тем, что поменялось в их жизни из-за Гражданской войны, и как следует вести себя в сложившихся обстоятельствах: “*Christmas won’t be Christmas without any presents,*” grumbled Jo, lying on the rug. “*It’s so dreadful to be poor!*” sighed Meg, looking down at her old dress” [Alcott, 2017, p. 13]. Это первое Рождество, когда они могут остаться без подарков и не имеют возможности нарядиться к празднику, что ощущается героями как нечто ужасное. Они чувствуют себя потерянно и не понимают, как помочь взрослым и найти свое место в это нелегкое для всех время. Значимым эпизодом становится чтение вслух письма отца, образ которого идеализируется и имеет исключительно положительные характеристики.

После этого девочки решают еще больше внимания уделять работе над собой, каждая называет свои недостатки. По словам Эми, она постараётся не быть эгоистичной и станет лучше, чтобы не разочаровать папу: “*I am a selfish girl! but I’ll truly try to be better, so he mayn’t be disappointed in me by-and-by*” [Alcott, 2017, p. 26]. Мэг замечает, что она слишком много внимания уделяет своей внешности и недостаточно трудолюбива: “*I think too much of my looks*

and hate to work, but won't any more, if I can help it" [Alcott, 2017, p. 26]. Джо обещает, что будет исполнять свои обязанности и развивать те качества, которые дороги отцу: "I'll try and be what he loves to call me, 'a little woman' and not be rough and wild, but do my duty here instead of wanting to be somewhere else, said Jo" [Alcott, 2017, p. 27]. Бэт обещает быть более усердной, свою цель она видит в том, чтобы к возвращению родителя стать воплощением того, что он ценит в жизни больше всего. Символично, что девочка вытирает слезы синим армейским носком, который вяжет: "Beth said nothing, but wiped away her tears with the blue army sock and began to knit with all her might <...> while she resolved in her quiet little soul to be all that Father hoped to find her" [Alcott, 2017, p. 27]. В повествование вводится тема войны через необходимость деятельного участия и помочь тем, кто в ней участвует.

Мать предлагает дочерям воскресить в памяти детскую игру в пилигримов, которые держат путь в Небесный Град (*Celestial City*). В ее основе лежит отсылка к произведению английского писателя и проповедника Джона Беньяна (John Bunyan, 1628–1688) «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» ("The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come", 1678–1688), которая особо почиталась в семье писательницы. В ней главный герой по имени Христианин (*Christian*) следует в Небесный Град. Его тяготит груз грехов, а путь сложен и тернист, но в finale он достигает желаемого совершенства. То же происходит и с героями «Маленьких женщин». Произведение «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» служит сюжетной и духовной основой рассматриваемого сочинения, к нему реферирует эпиграф романа, названия глав и домашняя игра девочек, с помощью которой показан путь их нравственного совершенствования. В соответствии с авторским замыслом, для них каждое духовное испытание на протяжении всего этого года является этапом взросления, а финал, презентирующий апофеоз семейного счастья, знаменует осознание своего жизненного предназначения и инициацию.

Способом воплощения духовной эволюции героинь становятся их добрые дела. Так, настоящее Рождественское чудо происходит в бедной семье, когда туда, словно ангелы, приходят сестры Марч и отдают членам семейства свой праздничный завтрак, а сами едят простой хлеб. В соответствии с каноном святочного рассказа этот поступок предполагает поощрение за проявленные бескорыстие и великодушие. В романе Л.М. Олкотт добро возвращается буквально: девочки получают щедрые гостинцы от мистера Лоренса (Mr. Laurence), который, став свидетелем их милосердия, посыпает им вознаграждение: “Is it fairies?” asked Amy. “It’s Santa Claus,” said Beth. “All wrong. Old Mr. Laurence sent it,” replied Mrs” [Alcott, 2017, p. 46]. По словам миссис Марч, от этого подарка, хоть он преподнесен не феями и не ангелами, нельзя было отказаться, поскольку он имеет сакральный смысл: “I could not refuse, and so you have a little feast at night to make up for the bread-and-milk breakfast” [Alcott, 2017, p. 46]. Благодаря данному подношению героини имеют возможность устроить рождественский пир как воздаяние за свой скромный завтрак.

Одной из опорных точек композиции сочинения становится решение Джо расстаться со своими роскошными локонами ради того, чтобы на вырученные средства мать семейства могла отправиться на фронт навестить мужа. Это решение демонстрирует такие черты юной героини, как христианское смиление и готовность к самопожертвованию: “It doesn’t affect the fate of the nation <...> It will be good for my vanity <...> I was wild to do something for Father” [Alcott, 2017, p. 271]. Джо замечает, что несмотря на то, что не в ее силах изменить судьбу нации, она может помочь отцу, что имеет неоспоримую ценность в этом случае.

На анализируемое произведение также повлияла структура традиционного романа воспитания, например, книга И.В. Гете «Вильгельм Мейстер». Это можно усмотреть в том, что каждый эпизод содержит определенный нравственный урок, основанный на передаче христианских ценностей [Аникст, 1986]. Сочинение насыщено элементами реализма,

поскольку затрагивает темы бедности и социального неравенства, отражает детали быта, значимые историко-культурные события [Паррингтон, 1963; Храповицкая, 2005]. Характеры главных героинь меняются под влиянием внешнего мира, но в целом архитектоника романа подчиняется логике развития их внутренней эволюции, движения к реализации собственного потенциала. В итоге мечты девочек сбываются, все они обретают счастье.

В повествовании присутствуют прямые обращения писательницы к читателям, она словно выстраивает с ним диалог: “As young readers like to know “how people look,” we will take this moment to give them a little sketch of the four sisters” [Alcott, 2017, p. 18]. Из приведенной выше цитаты следует, что поскольку членов читательской аудитории обычно интересует, как выглядят персонажи, им будут предложены портретные описания действующих лиц. Примечательна апелляция к реципиентам в finale произведения: “So grouped, the curtain falls <...> Whether it ever rises again, depends upon the reception given to the first act of the domestic drama called Little Women” [Alcott, 2017, p. 398]. Автор сообщает, что продолжение истории зависит от того, как читатели воспримут первую ее часть. Эта черта впоследствии станет одной из ключевых в романе инициации, построенном на тесном, даже дружеском, взаимодействии нарратора и реципиента.

Каждая из девушек обладает уникальными личностными характеристиками. Значимо портретное описание старшей сестры. Как было отмечено выше, Мег с большим вниманием относится к своему внешнему виду: “What have you done? I'm spoiled! I can't go! My hair, oh, my hair!” [Alcott, 2017, p. 52]. Незначительный, казалось бы, эпизод, когда Джо портит ее прическу перед балом, становится поводом для расстройства и даже отчаяния.

Наиболее многогранным и противоречивым образом в романе можно назвать Джо, прототипом которой является сама писательница. Девочка показана как сильная, смелая, стремящаяся к саморазвитию, самостоятельная личность, обладающая литературным талантом. Одним из способов ее описания становятся характеристики этого персонажа другими действующими

лицами, что позволяет автору выразить симпатию и одновременно иронию по отношению к своим героям. Джо является собирательным образом девушки нового времени, поскольку она открыто выражает идеи свободомыслия и независимости, именно мотив свободы является для этого образа ключевым.

Воплощением добродетели в сочинении является Элизабет, которая наделяется ангельскими чертами. Она обладает такими качествами, как кротость и доброта: “Elizabeth, or Beth <...> with a shy manner, a timid voice, and a peaceful expression which was seldom disturbed” [Alcott, 2017, p. 19]. В тексте подчеркивается внутреннее умиротворение героини, ее спокойная красота.

Психологический портрет младшей сестры, Эми, представлен довольно амбивалентно. Она миловидна и привлекательна, но бывает капризна и упрямая. Этую героиню прозаик представляет читателю следующим образом: “Amy, though the youngest, was a most important person, in her own opinion at least <...> carrying herself like a young lady mindful of her manners” [Alcott, 2017, p. 19]. Из приведенной выше цитаты следует, что Эми позиционирует себя как значимого человека, и ее манера держаться сравнима с поведением юной леди.

Несмотря на такие разные внутренние и внешние характеристики, сферу интересов (мечты Джо о литературе, Бэт о музыке, Эми о живописи, Мэг о благополучии и семейном счастье), сестер объединяет доброта, благородство, а также готовность помочь ближнему.

Забота друг о друге выражается в традициях, которые соблюдаются в семье. Каждая из сестер старается окружить миссис Марч вниманием и любовью: “The girls flew about, trying to make things comfortable, each in her own way” [Alcott, 2017, p. 20]. Другим примером является утренняя и вечерняя песня мамы, которая создает в доме атмосферу любви и взаимоподдержки: “The first sound in the morning was her voice as she went about the house singing like a lark, and the last sound at night was the same cheery sound, for the girls never grew too old for that familiar lullaby” [Alcott, 2017, p. 31]. В романе акцентируется, что они никогда не смогут стать слишком взрослыми для

хорошо им знакомой колыбельной, поскольку она является основой их внутреннего благополучия и семейным фундаментом.

Домашний мир наполнен такими занятиями как театральные постановки, чтение, игры, в том числе в литературное лото, что демонстрирует особый пиетет перед этим видом искусства. Помимо упомянутой игры в пилигримов, сестры основывают «Пиквикский клуб» (Pickwick Club), где разыгрывают сцены из знаменитого произведения Ч. Диккенса.

Сюжетообразующую роль в романе играет топос дома. Он складывается из таких составляющих, как огонь в камине, совместный семейный ужин, вечернее рукоделие. Для девочек это место становится пространством тепла и уюта. Здесь они всегда чувствуют себя в безопасности. По принципу антитезы описывается дом мистера Лоренса: он шикарный, но бездушный и опустевший: “Yet it seemed a lonely, lifeless sort of house, for no children frolicked on the lawn, no motherly face ever smiled at the windows, and few people went in and out, except the old gentleman and his grandson” [Alcott, 2017, p. 36]. Автор указывает на безжизненность этого жилища, единственными обитателями которого являются пожилой джентльмен и его внук.

Общаясь с Лори и учитывая, что он лишен материнской заботы, сестры отмечают, что семейное тепло – это то богатство и сокровище, которым они имеют возможность поделиться со своим другом. Возникает дилемма материальных и духовных ценностей. Последние оказываются гораздо более значимыми для представителей семьи Марч: “Rich or poor, we will keep together and be happy in one another” [Alcott, 2017, p. 42]. В богатстве или бедности, они могут обрести счастье, помогая и поддерживая друг друга. Учитывая то, что в романе система персонажей имеет свою специфику (коллективный субъект), инициация протагонистов происходит одновременно. В жизни каждой героини случаются события, которые становятся рубежными для ее взросления.

Джо получает свой главный урок во время конфликта с младшей сестрой, в результате которого в порыве ярости последняя уничтожает ее бесценную рукопись. Испытывая досаду и гнев, Джо отталкивает Эми и не берет ее с собой

на каток. Младшая сестра, не осознавая того, что лед тонок и опасен, бежит за Джо и едва не погибает, оказавшись в воде: “...the splash of water, and a cry that made Jo’s heart stand still with fear” [Alcott, 2017, p. 137]. После этого драматичного происшествия сестры мирятся. Между Джо и миссис Марч происходит откровенный и важный разговор, мама делится с дочкой своим опытом: “...we all have our temptations, some far greater than yours, and it often takes us all our lives to conquer them” [Alcott, 2017, p. 140]. В результате Джо осознает необходимость самоконтроля в проявлении чувств.

Для Мэг значимым событием становится бал, описанный в главе с символичным названием «Мэг отправляется на Ярмарку Тщеславия» (“Meg Goes to Vanity Fair”). Героиня впервые оказывается в светском обществе, но из-за желания понравиться окружающим, предает саму себя: “...they were not particularly cultivated or intelligent people, and that all their gilding could not quite conceal the ordinary material of which they were made” [Alcott, 2017, p. 167]. Мэг осознает, что внешний облик людей не соответствует их внутреннему миру, а поведение неестественно. Мотив одиночества в романе представлен амбивалентно: с одной стороны, героини стремятся преодолеть разобщенность, а с другой, именно уединение становится неотъемлемой частью их взросления.

Тяжкое бремя выпадает на долю Бэт. Девочка, проявляя милосердие и великодушие, заботится о больном ребенке и переживает горе – на ее руках умирает младенец: “I tried to warm its feet <...> but it didn’t stir, and I knew it was dead” [Alcott, 2017, p. 303]. После этого эмоционального потрясения Бэт заболевает, поскольку недуг передается и ей. Тревоги о здоровье сестры и переживания о ней становятся испытанием для всех девочек: “How dark the days seemed now, how sad and lonely the house, and how heavy were the hearts of the sisters <...> while the shadow of death hovered over the once happy home!” [Alcott, 2017, p. 308]. Все маленькие женщины внутренне меняются и проходят инициацию через постижение христианской любви и сострадания.

В главе с символичным названием «Эми в Долине Уничтожения» (“Amy’s Valley of Humiliation”) показано взросление этой героини. Девочка является единственной из сестер, кто посещает школу. С данным местом связано ее перемещение в иное пространство, где встречаются разные трудности: “During the fifteen minutes that followed, the proud and sensitive little girl suffered a shame and pain which she never forgot” [Alcott, 2017, p. 122]. Эми впервые сталкивается с физическим наказанием, после которого миссис Марч принимает решение о домашнем обучении дочери.

Отметим, что незнакомые места исключаются из романа, поскольку ценностно не совпадают с домашним миром семьи. В этом можно усмотреть уникальность анализируемого произведения, так как традиционно события инициации сопряжены с освоением новых пространств. В «Маленьких женщинах» центром притяжения является дом: туда возвращаются героини, и именно там они начинают осознавать главные вещи и духовно меняются.

Роман имеет религиозно-дидактические черты: каждая глава включает в себя моральные обобщения, а все произведение завершается счастливым финалом, квинтэссенцией которого становится духовный гимн, знаменующий возвращение отца. В эпилоге изображен счастливый брак одной из сестер. Рождественское время приносит благополучные перемены и символизирует путь инициации человека, что сопряжено с духовным преображением. Высокие нравственные идеалы протагонистов обусловлены профессией отца-священника, воспитанием матери, интеллектуальной атмосферой, в которой растут девочки. В сочинении эксплицитно представлено символическое посвящение каждой из героинь: проходя путь взросления, они взрослеют и развиваются свои лучшие черты, что дает возможность говорить об успешно пройденной инициации. Это испытание мировоззрения персонажей (художественной и смысловой доминантой является духовная эволюция героинь) и преодоление тягот социума (из-за исторических событий семья пребывают в ситуации кризиса).

Безусловно, значимыми нарративами в формировании романа инициации, его жанрового ядра и основных черт поэтики стали и произведения М. Твена. Имя романиста является знаковым в истории американской литературы. Его сочинения отражают ключевые проблемы, связанные с культурно-историческими поисками нации, формированием самосознания и национальной идентичности, репрезентацией идеально-художественного своеобразия «великого американского романа» [Балдицын, 2004, с. 52]. По мнению исследователей, «возрастная детерминация затрагивает ряд важных проблем – гносеологических, социально-психологических и др.» [Викулова, 2014, с. 234]. С этой точки зрения представляется важным анализ реализации сюжетной схемы инициации в центральной трилогии писателя, поскольку темы взросления, внутренней эволюции протагонистов являются для американской литературы, во многом, ключевыми [Шалимова, 2017]. В контексте нашего исследования особенно значима третья часть цикла, поскольку в ней изображен процесс взросления и внутренней эволюции протагониста.

Автобиографическая трилогия М. Твена включает в себя такие романы, как «Приключения Тома Сойера», «Жизнь на Миссисипи» и «Приключения Гекльберри Финна». В указанных сочинениях в полной мере выразился способ мировосприятия их создателя и его художественный темперамент. Заметную роль в этих работах играет воспроизведение эмоциональных ощущений, живых впечатлений, свободных ассоциаций, наблюдений над жизнью. Погружение в мир детства и отрочества является для прозаика способом постижения окружающей действительности, естественным состоянием, поэтому структурообразующей осью упомянутых сочинений становится сюжетная схема инициации.

Основой первой части трилогии стали художественно преображеные реальные факты биографии М. Твена. В описании места действия угадывается город Ганнибал (Hannibal), родина писателя. В психологическом портрете тети Полли (Aunt Polly) присутствуют черты характера его матери. Главный герой

романа Том Сойер также представляет автобиографическую фигуру, его имя символизирует собирательность и типичность этого образа. Окружающая протагонистов действительность показана через призму восприятия подростка, поэтому, казалось бы, незначительные события становятся весьма релевантными, а взрослая жизнь, напротив, представлена как скучная, состоящая в основном из запретов. Погружение читателя в сферу детства достигается благодаря «эффекту присутствия», смоделированному писателем: экспозиционные описания становятся второстепенными, и читатель словно видит мир глазами главного героя.

В романе «Приключения Тома Сойера» находят воплощение характерные черты авторского стиля: пародийное начало, фантасмагория, лиризм. Симптоматична поэтика его заглавия. Главное место в нем отводится слову *приключения*, в чем можно усмотреть референцию к классическим английским романам, например, «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (“The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe...”, 1719) Д. Дефо (Daniel Defoe, 1660–1731), «Приключения Родрика Рэндома» (“The Adventures of Roderick Random”, 1748) Т. Смоллетта (T. Smollett, 1721–1771), «Приключения Перигрина Пикля» (“The Adventures of Peregrine Pickle”, 1751) того же автора.

Само рассматриваемое сочинение лишено как четкой структуры, так и композиционной выверенности. Оно представляет собой скорее цепочку эпизодов, благодаря чему достигается соответствие мировосприятия Тома его импульсивному темпераменту. В произведении не только воспевается поэзия детства, но и разворачивается сюжет бегства от цивилизации, скучных школьных уроков, церковных проповедей и нравоучений старшего поколения. Знаковыми местами взросления протагониста становятся лес, река, пещера и необитаемый остров, где его ожидают приключения и тайны, яркая, неординарная и свободная жизнь. Значительный пласт нарратива занимают диалоги, которые воспроизводят живую речь действующих лиц и передают ассоциативность мышления детей.

Роман «Жизнь на Миссисипи» становится гимном великой реке. В 1882 году писатель совершил плавание по ее водным просторам. Итог поездки – это произведение, аналогов которому ещё не было в американской литературе. В его основе находятся документальные данные, которые перемежаются публицистическими отступлениями, статистическими вкраплениями и авторскими оценками, что можно рассматривать в качестве своеобразной энциклопедии знаний о главной реке США. Первая часть включает в себя некоторые главы другой работы известного романиста – «Старые времена на Миссисипи» (“Old Times on the Mississippi”, 1876). Описание нового путешествия, уже не юного лоцмана, а прославленного автора, начинается с двадцать второй главы. Весь нарратив характеризуется ностальгической тональностью, однако содержит и критические зарисовки относительно социального устройства американского юга, некоторых аспектов менталитета его жителей. Более глобально эти особенности воплощены в заключительной части трилогии.

«Приключения Гекльберри Финна» – не только вершина творчества М. Твена, но и одно из ключевых произведений американской словесности в целом. Писатель работал над ним в течение почти десяти лет и завершил, будучи уже зрелым художником. В этом романе отсутствует как импровизация, так и ассоциативность в построении композиции, характерные для его более ранних творений. Данная работа является примером стилистического мастерства, точности языка. Она содержит выразительные речевые портреты героев и имеет четкую сюжетно-композиционную структуру.

Книга открывается отсылкой к заключительным событиям «Приключений Тома Сойера». Нарратор обращается к читателям напрямую, заявляя, что если они не знакомы с вышеназванным романом, то им вряд ли что-то известно о герое нового сочинения: “You don't know about me without you have read a book by the name of The Adventures of Tom Sawyer; but that ain't no matter. That book was made by Mr. Mark Twain, and he told the truth, mainly”

[Twain, 2023, p. 6]. С точки зрения организации повествования, третья часть трилогии представляет собой диегетический нарратив [Шмид, 2003, с. 47]. Рассказчик одновременно повествует о своей жизни и является главным действующим лицом. Переключение фокала и смена способа наррации придают изложению исповедальную тональность. В истории о Томе Сойере рассказ ведется от третьего лица, а в «Приключениях Гекльберри Финна» – от первого. Это позволяет глубже и многограннее показать эволюцию как внутреннего мира героя, так и его самосознания.

Если в первой части трилогии местом действия является провинциальный город, то в третьем представлена панорама всей американской жизни. Примечателен выбор центральных персонажей романа. Его протагонисты – подросток Гекльберри/Гек Финн (Huckleberry/Huck Finn), который бежит от семейного неблагополучия и беглый раб Джим (Jim), мечтающий обрести свободу для себя и своей семьи. По наблюдению ученых, «это позволило представить глубокий и болезненный конфликт белой и черной рас, а также магистральную тему национальной культуры – бегство к природе. В этом романе <...> идиллия и романтизм выветриваются напрочь» [Балдицын, 2004, с. 52].

Мозаичное построение сюжета позволяет включить в повествование обширные социальные контексты и разнообразную галерею характеров. По мнению исследователей, в жанровом плане роман можно считать «эпосом дороги» [Гиленсон, 2003, с. 209]. Он принадлежит к своеобразному жанру путешествия, перемещения героя по дороге жизни в пространстве и времени. Классическим образцом этого жанра является роман М. де Сервантеса (Miguel de Cervantes, 1547–1616) «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (“El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha”, 1605). В произведении М. Твена дорогой становится река, а средством передвижения – плот, на котором плывут герои. Для юноши это – надежный приют, здесь он чувствует себя как дома [Camfield, 2022]. Река – не просто ключевой топос и выразительный фон взросления героя, но и художественная модель мира, микрокосм, который

«символизирует разные этапы человеческой жизни: юность и зрелость, неискушенность и опытность – и становится ключевым символом инициации героя» [Анцыферова, 2013, с. 12].

Ученые, размышляя об особой роли этого произведения в истории американской литературы, подчеркивают, что «подобно первопроходцам, осваивавшим новый континент, обездоленный сирота Гек и беглый раб Джим плывут по великой реке Миссисипи в поисках свободы и человеческого братства. Через эту параллель индивидуального онтогенеза и национального филогенеза проходят мотивы дороги, фронтира, близости к природе, естественного человека и расового антагонизма» [Стеценко, 2017, с. 395]. Благодаря такой структуре в этом романе находят воплощение ведущие мотивы национальной литературы [Баранова, 2010, с. 204], которые раскрываются через совмещение индивидуально-личностных (история Гека) и общечеловеческих (социальный фон, историко-культурные приметы времени) контекстов, что является жанровым маркером романа инициации.

По наблюдениям литературоведов, «твеновская мифологизация собственной юности на Миссисипи была оченьозвучна с юностью самой американской нации, с ее динамичностью и готовностью к изменениям. Вместе с тем она рождала ностальгическое ощущение безвозвратной потери этой «старой жизни на Миссисипи» [Анцыферова, 2013, с. 9]. И, действительно, прибрежные городки, где останавливаются персонажи, далеки от образа идиллической Америки, чему посвящена книга о Томе Сойере, хотя этот герой занимает особое место в системе персонажей последней части трилогии. Союз мальчиков и тайный обряд клятвы на крови, который проводит Том, становится для Гека важной опорой: “Now, we'll start this band of robbers and call it Tom Sawyer's Gang. Everybody that wants to join has got to take an oath, and write his name in blood” [Twain, 2023, p. 56]. Так, в пародийном, юмористическом ключе, собственном творчеству М. Твена в целом, показана изолированность детей от мира взрослых, нарушение преемственности поколений. Появление Тома в начале романа и в finale произведения, а также внутренние обращения к нему

Гека во время переломных событий жизни, когда герой особенно остро ощущает «хрупкость жизни и потребность понимания» [Чуприна, 2014, с. 74], свидетельствуют об особой роли этого персонажа в жизни подростка-нarrатора, которую не может сыграть никто из взрослых.

Роман «Приключения Гекельберри Финна» серьезнее и сложнее предыдущих историй. Помимо личной драмы протагониста, рассказа о его взрослении, важную роль в нем играют социальные контексты. Это многоуровневый текст в стилевом и смысловом планах, в котором за повествовательным и событийным пластами просматриваются аллегорический, символический и философский.

Анализируемый нарратив имеет традиционную трехчастную структуру [Ван Геннеп, 1999, с. 15]. Первый этап посвящения героя характеризуется разрывом с предыдущей жизнью. Однако, учитывая судьбу главного персонажа, следует отметить, что путь внутреннего познания Гека, лиминальный этап его инициации отчасти является все же продолжением предыдущей жизни мальчика. Подросток свободолюбив, для него важно находиться в тесной связи с природой: “Living in a house and sleeping in a bed pulled on me pretty tight mostly, but before the cold weather I used to slide out and sleep in the woods sometimes, and so that was a rest to me. I liked the old ways best, but I was getting so I liked the new ones, too, a little bit” [Twain, 2023, p. 26]. Нарратор отмечает, что при любой удобной возможности ему хотелось бы вернуться к прежней жизни, хотя постепенно он начинает привыкать и к новым порядкам: жизни в доме и комфорту.

Структурно-семантическим стержнем здесь оказывается сюжет инициации протагониста. Гек изобретателен, физически силен, обладает логикой и смекалкой. Мальчик живет без родителей, он вынужден выживать и бороться за жизнь. Появление отца лишь усугубляет ситуацию: жестокость родителя по отношению к Геку представляет для последнего постоянную угрозу. Само же присутствие взрослого мужчины в жизни сына обусловлено лишь желанием обогатиться за его счет. Жизнь с отцом лишена какой бы то ни

было надежности, он не только не является ответственной фигурой, но груб и несправедлив по отношению к Геку.

Дом вдовы Дуглас – временное пристанище главного героя. В нем подросток мечтает о свободе, возможности снова ходить в поношенной одежде, спать в бочке. Его тяготит необходимость учиться в школе. Но когда в жизни Гека возникает отец, который презирает книги и любой способ получения знаний, мальчик понимает, что у него есть реальная потребность посещать занятия. Он начинает привыкать к упорядоченной и спокойной жизни, где нужно ходить в школу, пользоваться столовыми приборами, соблюдать распорядок дня. Моральные принципы родителя, вернее, их отсутствие и нравственные постулаты вдовы вступают в неразрешимое противоречие. Гек легко расстается с местом, где он обитал, но он лишается крайне необходимого наставника. Ведь основная функция такой фигуры в становлении подростка – приобщение к правилам социума, духовным законам и передача опыта. Своеобразным учителем Гека в этом отношении становится беглый раб Джим.

Символично место, в котором прячутся герои: это хижина в лесу, который является традиционным топосом посвящения. Здесь Гек, уже привыкший выживать, опираясь только на самого себя, проявляет находчивость, физическую силу, совершенствует навыки охоты и рыбалки. Испытаниями на этом этапе становятся физические муки мальчика. Он ощущает голод и даже страх за свою жизнь. Вот почему он вынужден прибегать к различным практикам выживания. Немаловажными являются и сакральные переживания, которые также важны для посвящаемых. Большое внимание во внутренних монологах Гека отводится размышлениям о Боге, Его роли в жизни человека, провиденциальности как таковой. Молитва становится элементом божественного познания, с одной стороны, и реферирует к традиционному для американской словесности мотиву предопределения, с другой [Баранова, Афанасьева, 2016, с. 10]. По ходу развития сюжета герой несколько раз обращается или хочет обратиться к Создателю, но по разным причинам это не

представляется возможным: “And I about made up my mind to pray <...> So, I kneeled down. But the words wouldn't come” [Twain, 2023, p. 78]. Гек хочет обратиться к Господу, но не может так поступить, поскольку его мучают сомнения, и слова молитвы не приходят к нему. Похожие эмоции испытывает при попытке помолиться Холден Колфилд (Holden Caulfield), главный герой романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»: “I felt like praying or something, when I was in bed, but I couldn't do it. I can't always pray when I feel like it” [Salinger, 2006, p. 54]. Герои хотят получить общение с Богом, но не знают, как это сделать, поскольку социальная институция церкви вызывает у них непонимание и даже отторжение, как и неискренняя вера других людей.

Когда главный герой ощущает реальную угрозу от родителя, он решает сбежать от отца, и ему удается это сделать. Во время побега подросток инсценирует собственную смерть. Отметим, что это является одной из ключевых практик инициации [Ван Геннеп, 1999, с. 9]. Все последующее путешествие мальчика связано со сменой «личин» – он неоднократно предстает под чужими именами, переодевается, что тоже свойственно посвящаемому во время его пути. Особенно примечательны эпизоды, в которых протагонист выдает себя за девочку, а также финальная сцена, где его принимают за Тома Сойера. Некоторое время Гек словно живет жизнью своего товарища, чей образ он всегда воскрешает в сердце в трудные моменты своей жизни: “I did wish Tom Sawyer was there; I knew he would take an interest in this kind of business, and throw in the fancy touches. Nobody could spread himself like Tom Sawyer in such a thing as that” [Twain, 2023, p. 112]. По мнению мальчика, только Том может найти способ разрешения самых сложных и даже безвыходных ситуаций и сложностей.

Исследователи отмечают, что таким образом «Твен демонстрирует не только многообразие жизни, но и ее противоречивость, неоднозначность, труднопостижимость, переплетение правды и вымысла, несоответствие внешнего и внутреннего, неразрывность комического и трагического» [Стещенко, 2017, с. 397]. Те же функции выполняет прием ненадежной

наррации, когда правом вести повествование наделяется подросток. Благодаря динаминости и непосредственности его сознания передается идея разнообразия и многовекторности окружающего мира.

Значимым фактором в поэтике романа становится дружба Гека и Джима. Это художественное открытие М. Твена, поскольку ему удалось избежать идеализации чернокожего героя. Автор смог показать его слабые стороны (иногда он изображен как излишне наивный, недостаточно образованный человек) и вместе с тем передать великодушие, доброту этого персонажа, психологический портрет которого обретает дополнительные коннотации благодаря речевым характеристикам. В его речи повсеместно используются просторечия, а также диалектная лексика. Как уже было отмечено выше, беглый негр является наставником Гека. В романе типичная оппозиция учитель versus ученик во многом трансформирована. Обычно посвящаемого во время инициации сопровождают мудрейшие и старейшие представители племени. Между неофитом и его спутником/спутниками существуют близкие отношения, основанные на безусловном уважении и доверии. Джима же Гек воспринимает как не очень интеллектуально одаренного человека, лишенного должного образования. В комическом ключе изображается вера беглого раба в приметы, незнание базовых законов мироустройства. Ему свойственны элементы невежества, например, непонимание одновременного существования большого количества языков и многое другое. Однако он обладает огромной внутренней силой, четким пониманием разницы между хорошими и плохими поступками, а также доброй душой.

Нравственные муки, которые испытывает Гек, пытаясь принять решение о том, следует ли ему доложить о беглом негре, знаменуют эволюцию духовного мира главного героя. Ключевым эпизодом здесь является сцена, когда подросток пишет письмо, указывая местонахождение Джима. Ему кажется, что именно так следует поступать законопослушному гражданину и христианину. Но он понимает, что более значительным для него оказывается Джим-человек, обладающий неповторимым внутренним миром и

заслуживающий, как и всякий другой, безусловного права на свободу, а потому Гек замечает: “And got to thinking over our trip down the river; and I see Jim before me all the time <...> talking and singing and laughing <...> how glad he was when I come back out of the fog; <...> and would always call me honey, and pet me and do everything he could think of for me, and how good he always was” [Twain, 2023, p. 161]. Мальчик вспоминает добрые поступки своего друга и наставника, проявления заботы, великодушия с его стороны и приходит к финальному решению: “All right, then, I'll go to hell”— and tore it up” [Twain, 2023, p. 162]. Гек приходит к выводу, что лучше уж он будет гореть в аду, чем предаст такого человека, и рвет письмо.

Так, на первый взгляд, являясь несостоительной фигурой для роли учителя, именно Джим дает главному герою уроки проявления милосердия и сострадания, альтруизма и всепрощения. В полной мере эти качества Гека проявляются в эпизодах, связанных со спасением сирот от недобрых намерений Герцога (the Duke) и Короля (the King). Вышеупомянутые события становятся одним из испытаний инициации, сопряженных с нравственным выбором. Они объединяют сразу несколько аспектов: встреча со смертью, переиначивание реальности (ложь, обман окружающих), духовный рост Гека, который решает идти на риск во имя справедливости.

Значимы в социальном плане эпизоды, изображающие вражду семейств Гренджерфордов (The Grangerfords) и Шефердсонов (The Shepherdsons), а также некоторые комические сцены, связанные с Королем и Герцогом, которые, на самом деле, являются плутами и обманщиками. Эти образы заслуживают особого внимания, поскольку, с одной стороны, они представляют собой весьма курьезные фигуры, с которыми связана стихия шутовства, бурлеска, пародии, а с другой — мошенников, угрожающих спокойствию окружающих. В конце романа данные персонажи получают по заслугам. Указанные протагонисты также играют важную роль в процессе взросления Гека: это своего рода лжеучителя, поскольку они живут за счет того, что обманывают других. Однако благодаря развивающейся сюжетной

линии, в романе присутствует интермедиальный аспект – театральная постановка по пьесе У. Шекспира (W. Shakespeare, 1564–1616) «Ромео и Джульетта» (“Romeo and Juliet”, 1599), которую создают персонажи. Театральное искусство переводит события их жизни и тревоги, которые они переживают в романном настоящем, на более высокий уровень осмыслиения. Так, например, история вражды семейств Гренджерфордов и Шефердсонов предстает более многогранно благодаря инсценировке вышеназванной пьесы.

Таким образом, можно заключить, что проанализированное произведение М. Твена связано с национальными контекстами, такими, как дихотомия природы и цивилизации, независимости и рабства. В нем раскрываются мотивы свободы, предопределения, ключевую роль играют символы, например, река как воплощение жизни. Примечателен и тип главного героя: он не принадлежит миру культуры, но становится воплощением чистого, наивного, детского взгляда на существующую реальность. Способ повествования типичен для романов инициации. Это наррация от первого лица, с доминирующей исповедальной тональностью, которая содержит прямые обращения к читателю. Сюжет инициации становится структурообразующей моделью. В романе показаны как испытание мировоззрения Гека, так и его испытание социумом, чему подчинены трехчастная композиция, хронотоп произведения (лес, река, город), система второстепенных персонажей, каждый из которых, в той или иной степени, становится учителем для Гека. Инициация протагониста – это не только физические трансформации и испытания, но и его внутренняя эволюция, символическое перерождение.

Одно из ключевых событий процесса посвящения – эпизод, в котором Гек принимает решение относительно судьбы Джима. В данный момент человечность для героя становится важнее предрассудков. Теплые воспоминания о беглом негре, который стал проводником и наставником героя, чувство благодарности к нему, побеждают, а потому совершение предательства становится невозможным. Роман завершается открытым финалом: “But I reckon I got to light out for the Territory ahead of the rest, because

Aunt Sally she's going to adopt me and civilize me, and I can't stand it. I been there before” [Twain, 2023, p. 245]. Гек отправляется в новое путешествие, выбирая вольную и свободную жизнь на природе, поскольку знает, что попытки сделать его «цивилизованным», то есть обычным человеком, несостоятельны.

В классическом смысле инкорпорация Гека не показана, но он обретает гармонию с самим собой, следует зову сердца, определяя для себя дальнейший путь. Таким образом, для подростка прохождение инициации – это утверждение своей независимости и цельности, обретение собственной идентичности.

Художественные особенности «Автобиографии» Б. Франклина повлияли на последующие произведения, повествующие о становлении личности человека, и во многом определили такие сюжетно-композиционные особенности романа инициации как апелляция к личному опыту, исповедальная тональность, дневниково-мемуарная форма повествования. В творчестве американских писателей XIX века раскрываются темы внутренней свободы и чистоты, выражается пренебрежение к условностям и наивность мировосприятия центральных персонажей. Поэтому М. Твен обращается к типу героев-подростков, а Л.М. Олкотт изображает внутренний мир юных героинь, утверждающих свою самостоятельность. Протагонисты в сочинениях прозаиков США, как правило, занимают маргинальное положение в обществе, их судьба связана с историческими событиями. Вот почему, с одной стороны, они не всегда могут повлиять на нее, а с другой, часто проявляют себя гораздо свободнее и ответственнее взрослых. Сюжет инициации раскрывает как диалектику души персонажей, так и сложность их пути. Эти художественные особенности станут ведущим принципом повествования в сочинениях второй половины XIX – первой половины XX века, которые будут рассмотрены во втором параграфе данной главы.

2.2. Проблема противоречивости взросления в американской литературе первой половины XX века

Важным этапом становления романа инициации становится рубеж XIX–XX веков. В это время его поэтика обогащается мотивами экзистенциального поиска protagonистов. Развиваются мотивы свободы, одиночества, отчуждения персонажей от внешнего мира, поиска собственной идентичности [Афанасьева, 2023; Зверев, 1992; Несмелова, 1999].

Как и прежде, существенную роль в литературном процессе США продолжает играть автобиография. По мнению американского литературоведа У. Берри (W. Berry), уже у своих истоков она обладала не только политическим, но и социально-дидактическим пафосом [Berry, 1997, p. 612]. Тем, что через автобиографические нарративы человек может лучше понять самого себя объясняется востребованность и даже популярность этого жанра в американской литературе. Именно в поиске ответа на вопрос о смысле бытия, а также возможности через историю частной жизни обозначить универсальные общечеловеческие траектории судьбы нам видятся точки пересечения автобиографии и романа инициации.

Схожи и определяющие жанровые маркеры. Французский филолог Ф. Лежен (F. Lejeune) рассматривает автобиографию как ретроспективное прозаическое повествование индивида о его существовании, в котором акцент делается на развитии личности. Отличительной чертой считается честное изложение фактов, так называемый «автобиографический пакт», предполагающий, что автор достоверно описывает собственную жизнь [Lejeune, 1982, p. 193].

Исследователи предлагают различные подходы к внутрижанровой типологии таких произведений, выделяя их «субъективную» и «объективную» разновидности. Первая, которую также называют «автобиографией духа» [Мишина, 1994 с. 20], предполагает, что основное внимание уделяется психологическим состояниям и внутреннему миру центральных персонажей. Ключевыми компонентами второй являются «воспоминания» и «хроники»

[Shumaker, 1954, p. 106]. Субъективная автобиография (автобиография духа) легла в основу романа инициации, поскольку в основе и того, и другого лежат исповедальная ретроспективная наррация и доминанта взросления.

Одним из сочинений, вписанных в данную парадигму, стало мемуарно-автобиографическое произведение Г. Адамса «Воспитание Генри Адамса». Оно является важным документом духовной жизни эпохи, поскольку позволяет автору эксплицитно представить историю героя, который сделал себя сам. По происхождению Генри Адамс относится к одному из известных семейств страны. Его прадед был вторым президентом США, а отец – видным политиком. Будущий писатель учился в Гарвардском и Берлинском университетах, несколько лет посвятил дипломатической службе в Европе. Он занимался интенсивной научной работой, сочетая исследовательскую деятельность с художественным творчеством. Главным произведением мыслителя стал вышеупомянутый трактат, поскольку он является одной из первых попыток критической рефлексии относительно потерянности человека в обществе массовой культуры и политики.

Изображение характера как постоянно изменяющегося, «текучего» явления, перманентно взаимодействующего с внешними силами, сближает его с романом инициации. Согласимся с точкой зрения литературоведов относительно того, что с указанного сочинения берет начало новая разновидность автобиографии, которая в отличие от известного произведения Б. Франклина, прослеживает «не культурацию, а воспитание характера» [Мишина, 1994, с. 19]. В соответствии с изложенной выше классификацией, это автобиография духа, акцентирующая внутреннюю эволюцию протагониста. На фоне всеобщего распада изображается рефлексирующее сознание центрального персонажа, его путь от рационального к интуитивному способу познания мира, что также отличает данный нарратив от «Автобиографии». Г. Адамсу удается передать историко-культурную специфику XX века как принципиально нового этапа в развитии человечества. Автор не только показывает картину жизни американского народа на

протяжении нескольких десятилетий (личная история центрального персонажа вписана в общенациональный контекст), но и ставит своей целью рассмотрение событий американской истории в мировой парадигме. Подобный ракурс автобиографического повествования положил начало новому философскому направлению в художественно-документальной литературе США и процессу жанровой генерализации [История литературы США, 2009, с. 24], в том числе оказав влияние на жанровую динамику романа инициации.

Центральное место в рассматриваемом нарративе отведено вопросам, связанным с отношением человека к окружающему миру и поиску гармонии с самим собой. В начале книга была адресована узкому кругу читателей, и популярной она стала уже после кончины автора. Данное сочинение имело подзаголовок «Исследование многообразия XX века» (“A Study of Twentieth Century Multiplicity”), который можно интерпретировать как аналитико-философскую характеристику этого труда. Термин «воспитание» употреблялся Г. Адамсом в широком значении как постепенное формирование героя, история его внутренней эволюции. Подобный нарратив отвечает формуле отечественного публициста и писателя А.И. Герцена «история в человеке», поскольку он вписан в широкий историко-социальный контекст [Гиленсон, 2003, с. 159]. В автобиографии отразились основные факты жизни Г. Адамса: учеба в Гарварде, дипломатическая служба в Европе, преподавание, журналистика, научная работа. Важной особенностью романа является его нарративная структура. Герой сочинения – отшельник, который смотрит на внешний мир как бы со стороны. Выбор повествовательной манеры изложения от третьего лица позволяет показать, что конкретный путь развития протагониста отражает типичную ситуацию американского общества, где научный прогресс приводит к гибели индивидуальности. В нарративе присутствуют фрагменты «чужих историй»: рассуждения о литературе, политике, образовании, науке соседствуют с биографическими данными и являются необходимым материалом авторской рефлексии [Морозова, 2019, с. 226]. Указанные черты размыают границы классической (франклиновской)

автобиографии и указывают на переосмысление проблемы традиционализма и новаторства в контексте синтеза жанров, в том числе становления новых модификаций романа инициации.

Другим примером автобиографии духа является «История рассказчика» (“A Story Teller’s Story”, 1924) Ш. Андерсона (Sherwood Anderson, 1876–1941), в которой раскрывается литературная жизнь Америки через судьбу писателя и его духовные искания. Данный текст является похожим на то, которое было рассмотрено выше и не будет подвергаться подробному анализу.

В автобиографии «Черный» (“Black Boy”, 1945) Р. Райта (Richard Wright, 1908–1960) отражаются проблемы и духовные поиски темнокожих американцев. Творческую манеру Р. Райта отличает глубоко исповедальный характер повествования. Анализируемое произведение передает осознание темнокожим подростком себя и своего места в американском обществе. Здесь описаны сложность взаимоотношений с окружающими, а также социальные и психологические кризисы. Протагонист раскрывается как личность, стремящаяся запечатлеть в своем сознании все стороны бытия через наррацию автора-участника событий в прошлом и автора-повествователя в настоящем. Указанные временные контрапункты показывают подростка, эмоционально воспринимающего действительность, и рационально мыслящего взрослого. Обозначенные произведения определили спектр проблем, которые в дальнейшем получили развитие и философское осмысление в романе инициации: а именно в сочинениях Дж. Лондона, Х. Ли, Д. Таррт, Дж. Евгенидиса и др. Их общей характеристикой является попытка персонажей оценить свой жизненный путь как отдельный эпизод масштабного целого, с одной стороны, и как единичный, частный, глубоко индивидуальный опыт, с другой. Через указанные характеристики раскрывается становление рефлексирующей личности нового времени, ее духовные поиски и стремление к ранее неизвестным образам и идеалам.

Автобиографический пласт лежит в основе многих сочинений Дж. Лондона. Жизнь писателя была столь же увлекательной, как и его книги.

Ее можно рассматривать в качестве истории восхождения индивида к признанию и славе. В отечественном литературоведении этому прозаику отводится особое место. Изучению его наследия посвящен большой корпус работ, среди которых следует отметить труды Я.Н. Засурского, А.М. Зверева, С.М. Батурина, Б.А. Гиленсона, А.С. Мулярчика и др., отличающиеся разнообразием критических подходов. Ученые обращают внимание на такие аспекты творчества известного романиста, как взаимоотношение человека и цивилизации, место индивидуума в окружающем мире [Зверев, 1993]. Творчество классика американской литературы также исследуется с точки зрения репрезентации романтических традиций в его прозе [Богословский, 1975; Быков, 1973]. Литературоведы изучают художественный мир автора как динамично развивающуюся художественную целостность [Лунина, 2010].

Одной из причин его популярности в России является отмеченная американским поэтом У. Уитменом (Walt Whitman, 1819–1892) близость духовного склада русских и американцев. Точками соприкосновения истории литературы называют просторы стран, освоение новых территорий, широту души [Гиленсон, 2003, с. 237].

Неординарность личности писателя была предопределена его детством и юностью. В те годы Дж. Лондон был постоянным посетителем публичной библиотеки. Чтобы помочь семье, он трудился на консервной фабрике, его рабочий день длился более десяти часов. На заработанные деньги юноша приобрел небольшое судно, на котором совершал первые выходы в море.

Рассмотренный этап стал временем «устричного пиратства». Позднее он был затронут романистом в сочинении «Джон ячменное зерно» (“John Barleycorn”, 1913). Вскоре после этого он стал работать в рыбачьем патруле. Данный опыт повлиял на характер писателя, определил его любовь к морю, с одной стороны, сформировал мужество и стойкость, с другой. Американский прозаик описал многие эпизоды своего плавания в очерке «Тайфун у берегов Японии» (“Typhoon off the Coast of Japan”, 1893). В дебютном произведении писателя проявляются особенности его стиля: простота и четкость изложения,

острый социальный контекст, а также формируется тип героя, который показан как сильный, непоколебимый, но одновременно рефлексирующий и тонкий человек. Динамизм сюжета достигается за счет того, что персонажи изображаются в экстраординарных обстоятельствах. Особую роль в типологии протагонистов Дж. Лондона играют герои цикла «Северные рассказы» (*“Northland Stories”*, 1876–1916). Ключевыми чертами их характеров становятся мужество, отвага и внутренняя сила. Они испытывают жизненные сложности и пробуют себя в разных профессиях [Haley, 2011].

Сам писатель, приняв решение о том, что ему необходимо самообразование, начал усиленно заниматься. Он освоил школьную программу и поступил в Калифорнийский университет. Литературоведы отмечают, что как все самоучки, постигавшие и теорию, и практику самостоятельно, Дж. Лондон полагался на свой личный опыт и доверял исключительно собственным знаниям и представлениям [Орлова, 1967; Танасейчук, 2017; Tavernier-Courbin, 1983]. В 1909-м году он вернулся на родину после двухлетнего морского путешествия. Итогом этой поездки стало создание его программного произведения – романа «Мартин Иден», сюжет которого строится вокруг центрального персонажа, его внутренней эволюции, надежд и разочарований. При этом особая роль отводится уже отмеченному выше автобиографическому пласту [O’Connor, 1964].

В основе нарратива лежит инициация главного героя. Будучи физически зрелым, взрослым человеком, Мартин Иден переживает психологическое, интеллектуальное и эмоциональное взросление. Основной темой сочинения является становление сильной личности. Литературоведы указывают на особую роль реализации идеи «сверхчеловека» в творчестве Дж. Лондона. Помимо рассматриваемого сочинения, ее можно усмотреть в романе «Морской волк» (*“The Sea Wolf”*, 1904). Ученые пишут: «Мартин Иден, с одной стороны, продолжает галерею типичных лондоновских персонажей – одиночек из северных рассказов, с другой, представляет собой новый тип героя-интеллектуала» [Кутеева, 2009, с. 86].

Главный герой является во многом резонером, поскольку выражает ключевые для автора мысли о творчестве, наблюдения над природой писательского труда. Исходной точкой внутренней трансформации Мартина Идена и одновременно завязкой романа, является эпизод в доме Морзов (the Morse) и знакомство молодого человека с девушкой по имени Руфь (Ruth). Любовь к ней облагораживает протагониста, ему хочется быть достойным ее. Таким образом начинается путь его инициации. В романе показаны этапы внутренней эволюции главного героя. Исключительность Мартина проявляется в том, что он сочетает в себе черты «здорового животного» и утонченного интеллектуала. Этим объясняется то, что в его образе присутствуют дионисийские и аполлоновские черты [Кутеева, 2009]. Свои впечатления от знакомства с Мартином Руфь описывает следующим образом: “In similar ways she had experienced unusual feelings when she looked at wild animals in the menagerie, or when she witnessed a storm of wind, or shuddered at the bright-ribbed lightning” [Eden, 2017, p. 155]. Девушка уподобляет их тем чувствам, которые она испытывала, когда видела животных в зверинце или когда смотрела на бурю и вздрагивала от вспышек молний. Постепенно юноша эволюционирует, он учится контролировать себя, приобщается к миру философии и искусства.

Внутреннее становление Мартина сопровождается тем, что молодой человек осознает наличие ряда противоречий в своей личности: “He was appalled at the problem confronting him, weighted down by the incubus of his working-class station <...> Having shaken himself free from his old companions and old ways of life, and having no new companions” [Eden, 2017, p. 33]. Герой лишает себя привычной среды общения, его друзья остаются в прошлом, но он пока не обретает новых. Романист отмечает, что главный персонаж обладает физической силой, однако его ум еще не окреп, а внутренний мир только формируется. Сигнал «свой – чужой» [Afanasjeva, Baranova, Chupryna, 2020, p. 1104] больше не воспринимается протагонистом как нечто значительное, поскольку он отстраняется от всех людей. С этими обстоятельствами связан

первый этап инициации: он отдаляется от прежнего мира, начинается промежуточная стадия его испытаний.

Важным аспектом психологического преображения Мартина является процесс переоценки ценностей, происходящий с ним после общения с семейством Морз. В их доме герой впервые знакомится с поэзией английского поэта А.Ч. Суинберна (A.Ch. Swinburne, 1837–1909), оказавшего влияние на его внутренний мир и формирование этических установок. Именно тогда начинается процесс постижения литературы и философии, протагонист занимается самообразованием, много читает. Образ книги является одним из ключевых для романа инициации как в классической литературе, так и современной. Художественное творчество влияет на внутренний мир персонажей, позволяет постигать окружающий мир и глубже познать самих себя. В рассматриваемом нарративе на личность главного героя влияют произведения таких авторов, как У. Шекспир (W. Shakespeare, 1564–1616), Р. Киплинг (J. R. Kipling, 1865–1936), А. Теннисон (A. Tennyson, 1809–1892) и др. Он проникается идеями немецкого философа Ф. Ницше (F. W. Nietzsche, 1844–1900), английского философа и социолога Г. Спенсера (H. Spencer, 1820–1903) и натуралиста Ч. Дарвина (Ch. R. Darwin, 1809–1882).

Чтобы передать дискомфорт, который ощущает Мартин, оказавшись в этом доме, автор показывает его физическое состояние. Невозможность обрести свое место в социуме, ощущение себя на периферии общественной жизни передается через определенную внешнюю неуклюжесть, непонимание, какое положение необходимо занять в пространстве: “His heavy arms hung loosely at his sides. He did not know what to do with those arms and hands <...> he lurched away like a frightened horse, barely missing the piano stool” [Eden, 2017, p. 4]. Молодой человек не понимает, как следует держать руки, его движения порывисты и неловки. Внимательный взгляд Руфи фиксирует небрежность его внешнего облика, неаккуратность в одежде, но одновременно подмечает физическую силу и мужественность Мартина Идена: “Likewise her feminine eye took in the clothes he wore, the cheap and unaesthetic cut, the wrinkling of the coat

across the shoulders, and the series of wrinkles in the sleeves that advertised bulging biceps muscles” [Eden, 2017, p. 6]. Впоследствии внешняя сила юноши соединяется с его духовной волей, а одежда становится безукоризненной: “He must make a personal reform in all things, even to tooth-washing and neck-gear, though a starched collar affected him as a renunciation of freedom” [Eden, 2017, p. 22]. Он осознает, что должен ухаживать за собой, ибо его наружность – часть внутреннего преображения и свободы. Эти изменения немедленно замечает его возлюбленная. Однако юная героиня обращает внимание лишь на внешний облик, в то время как внутренний мир персонажа оказывается скрыт от нее.

Движущей силой на пути героя к обретению целостности и психологической зрелости является любовь. Он желает сохранить это чувство в себе во что бы то ни стало: “All things may go astray in this world, but not love” [Eden, 2017, p. 150]. Однако внутри Мартина начинается процесс разочарования в жизни. Очень скоро он понимает, что за внешним лоском часто стоит пустота. Так, картина, которую герой замечает на стене в гостиной респектабельной семьи и воспринимает как шедевр, на самом деле таковой не является. При ближайшем рассмотрении оказывается, что она не имеет даже какой-либо эстетической или художественной значимости: “The beauty faded out of the canvas” [Eden, 2017, p. 123]. Переоценка ценностей в сознании протагониста идет параллельно с его самопознанием, поиском своего места в мире: “Who are you, Martin Eden? Who are you? What are you? Where do you belong?” [Eden, 2017, p. 123]. Центральный персонаж задает себе вопросы о том, кто он такой, что он из себя представляет, силясь понять, каково его предназначение в жизни.

Кульминацией духовного кризиса мужчины становится сцена, где Мартин безуспешно пытается отыскать в кармане папиросную бумагу: “He was not aware that the pocket was empty or that he had even reached for the materials with which to roll a cigarette” [Eden, 2017, p. 123]. Так передается душевное состояние героя: опустошенность и ощущение тщетности поисков. Ближе к финалу романа мотив одиночества усиливается, протагонист уже отчетливо

осознает свою потерянность и беспомощность: “One day Martin became aware that he was lonely. He was healthy and strong, and had nothing to do. The cessation from writing and studying, the death of Brissenden, and the estrangement from Ruth had made a big hole in his life” [Eden, 2017, p. 386]. Утрата друга, разрыв с любимой, разочарование в ней, понимание тщетности своего самопожертвования – все это становится непосильным для героя испытанием.

Из-за духовных изменений, произошедших с Мартином, иные сценарии жизни оказываются невозможными для него. Помимо Руфи, на его пути встречается еще одна девушка, Лиззи Коннолли (Lizzie Connolly). С ней молодой человек мог бы обрести семейное благополучие. По его словам, он испытал искушение сделать ее счастливой, но оказался неспособным на самопожертвование: “You’re not a brute, and you’re a damn poor Nietzschean. You’d marry her if you could and fill her quivering heart full with happiness. But you can’t, you can’t. And it’s a damn shame” [Eden, 2017, p. 123]. Мартин называет себя ницшеанцем. По его словам, ему следовало бы жениться на девушке, но он не смог позволить себе иметь счастливую жизнь простого обывателя. Персонаж теряет моральные и нравственные ориентиры, собственное предназначение ускользает от него: “Well, he had will <...> will strong enough that with one last exertion it could destroy itself and cease to be” [Eden, 2017, p. 384]. Из приведенной выше цитаты следует, что его воля к жизни оборачивается потребностью разрушить свое бытие.

Когда герой чувствует себя потерянным и несчастным, он обращается к стихам американского поэта Г. У. Лонгфелло (Henry Longfellow, 1807–1882) для того, чтобы передать свое состояние:

“The sea is still and deep;
All things within its bosom sleep;
A single step and all is o’er,
A plunge, a bubble, and no more”
[Eden, 2017, p. 226].

Молчаливое море, в котором все спит без тревоги и горя, может, по мнению протагониста, принять его, позволив навеки уснуть в глубине этих вод. Представляется, что можно говорить об оппозиции «море – лес» как пространстве посвящения в романе инициации. Во многом эти топосы противопоставлены друг другу: если в романе М. Твена и повести У. Фолкнера, которая будет рассмотрена далее, лес помогает героям, то в сочинении Дж. Лондона море становится последним пристанищем протагониста. Происходит определенная трансформация мотива диких просторов в американской литературе: структурно-семантическое наполнение этой категории варьируется в зависимости от типа протагониста и его внутренней силы/слабости.

Разочаровавшись в том, что его окружает, Мартин принимает решение покинуть Сан-Франциско. Город ненавистен ему. Уже во время пути на Таити, он осознает, что проблемой является не внешнее пространство, а его собственная внутренняя раздробленность, отсутствие желания жить: “Life was ill, or, rather, it had become unbearable thing” [Eden, 2017, p. 226]. Персонаж не принимает людей, все окружающее кажется ему ложью, а сама жизнь невыносимой.

Ключевое значение в описании финального этапа жизни героя отводится мотиву сна, который становится для него спасением: “He slept much. After breakfast he sought his deck-chair with a magazine he never finished. The printed pages tired him” [Eden, 2017, p. 442]. Итогом внутреннего кризиса является его перманентное пребывание в состоянии покоя и одиночества, окружающие люди вызывают в нем только отторжение. История Мартина Идена завершается вечным сном в его любимых Южных морях. Образ моря играет символическую роль. Он появляется в начале романа, поскольку Мартин только что вернулся из плавания, морем пропахла вся его одежда: “smacked of the sea” [Eden, 2017, p. 3]. В finale сочинения тот же образ знаменует прощание протагониста с жизнью. Герой приходит к выводу о том, что в жизни есть место только страданию. Испытывая боль в момент самоубийства, он с горькой

иронией замечает, что это не муки смерти, а муки жизни, с которыми он навсегда прощается.

Роман состоит из нескольких частей: постановка протагонистом цели, упорный труд, который должен его приблизить к желаемому результату, осуществление мечты и последующее за этим разочарование. С точки зрения сюжетной схемы инициации, можно сказать, что архитектоника текста включает в себя несколько этапов: изоляция Мартина и отторжение привычного круга общения, физические и нравственные испытания, уход из жизни. В произведении представлен пример непройденной героем инициации: он справляется с выпавшими ему испытаниями, но утрачивает смысл жизни и теряет себя духовно.

Инициация Мартина имеет начальную точку отсчета (влюблённость в Руфь и принятие решения о самосовершенствовании) и финал (это вновь стихотворение А. Ч. Суинберна, которое становится своеобразным ключом к выходу из сложившейся ситуации). Мартин читает строки автора, с чьей поэзии когда-то начался путь его становления:

“...That no life lives forever;
That dead men rise up never;
That even the weariest river
Winds somewhere safe to sea” [Eden, 2017, p. 445].

Особенно привлекают внимание героя строки о том, что умерший человек уже не может стать живым. Он понимает, что только смерть может успокоить его, а вечный сон станет ему наградой: “He looked again at the open port. Swinburne had furnished the key” [Eden, 2017, p. 445]. Герой прощается с жизнью, открытый иллюминатор становится его спасением.

Нarrатив посвящения в романе имеет кольцевую композицию: он начинается и завершается морским плаванием, в то время как сами испытания связаны с образом города, его улицами и маленькими неудобными комнатами,

в которых размещается протагонист⁵. Именно там он усердно трудится, порой не выходя на улицу несколько дней. На сон Мартин Иден отводит себе не более пяти часов в сутки, о пропитании практически не заботится. Главным противоречием, которое приводит к трагическому исходу, можно назвать дихотомию социального и индивидуального в становлении его личности. Мотив избранности сменяется мотивом одиночества. Молодой человек проходит инициацию с точки зрения того, что он воспринимается окружающими как полноценный член их общества и состоявшийся писатель, но утрачивает смысл жизни и желание двигаться дальше.

Сюжет инициации становится структурообразующей осью одного из центральных произведений литературы США – романа Т. Драйзера «Американская трагедия». Протагонистом в нем является юноша Клайд Грифитс (Clyde Griffiths). Знаковым для осмыслиения жанровой динамики подобных сочинений этот текст представляется в силу того, что здесь показана инициация, которая сопровождает основные этапы взросления центрального персонажа: переходный возраст, отрочество, юность. В каждом из указанных периодов Клайд сталкивается с ситуациями выбора и принимает решения, которые все сильнее отдаляют его от истинного взросления и понимания самого себя [Засурский, 1980; Ковалев, 1987].

Первая книга, представляющая собой экспозицию сочинения, посвящена формированию характера главного героя. Впервые читатель видит его в окружении семьи: “With these three, but walking independently behind, was a girl of fifteen, a boy of twelve and another girl of nine, all following obediently, but not too enthusiastically, in the wake of the others” [Dreiser, 2017, p. 4]. Группа людей показана в атмосфере большого шумного пространства. Они исполняют церковные гимны и раздают христианскую литературу, в то время как город

⁵ Замкнутый, закрытый хронотоп комнаты, где герой не может даже встать во весь рост, поскольку физически не помещается там, а также ощущает определенное духовное удушье, можно встретить в других произведениях, изображающих нравственные и интеллектуальные муки центральных персонажей, например, роман Ф.М. Достоевского (1821 – 1881) «Преступление и наказание» (1866), К. Гамсун (Knut Hamsun, 1859 – 1952) «Голод» (“Sult”, 1890) и др.

живет своей жизнью, а прохожие практически не замечают проповедников: “Yet the little group seemed unconscious of anything save a set purpose to make its way between the contending lines of traffic and pedestrians which flowed by them” [Dreiser, 2017, p. 5]. Клайд сторонится своей семьи и стыдится ее положения в обществе: “...he felt ashamed, dragged out of normal life” [Dreiser, 2017, p. 7].

За основу сюжета взято развитие личности юноши и его взаимодействие с социумом. На момент начала повествования ему двенадцать лет. Действие разворачивается в небольшом американском городе Канзас-Сити (Kansas City). Мальчик растет в семье уличных миссионеров, воспитывающих детей в соответствии с религиозными доктринаами. Родители часто переезжают с одного места на другое, поэтому дети не получают должного образования. Подросток избегает своих отца и матери, из-за чего растет замкнутым и одиноким. Клайд не испытывает должного пieteta к их занятию еще и потому, что его, как и других детей, обязывают участвовать в уличных песнопениях, которые ему явно не по душе, к тому же они вызывают насмешки сверстников: “... he did not wish to do this anymore, that he and his parents looked foolish and less than normal – “cheap” was the word <...> to express his full measure of resentment at being compelled to participate in this way” [Dreiser, 2017, p. 12]. По мнению мальчика, его семья выглядит глупо и выставляет напоказ собственную бедность.

Из внутреннего монолога подростка становится очевидно, что, с его точки зрения, та жизнь, которую он вынужден вести в родном доме, лишает его возможности самовыражения и определения своей идентичности [Savinich, 2016, p. 60]. С юных лет он мечтает прекратить такое бедственное существование: “Other boys did not have to do as he did. He meditated now more determinedly than ever a rebellion by which he would rid himself of the need of going out in this way” [Dreiser, 2017, p. 25]. По мнению протагониста, он не обязан вести навязанный родителями образ жизни и волен выбирать свой собственный путь, соответствующий его способностям и амбициям.

Потребность «выбиться в люди» определяет несоответствие реального положения Клайда и его устремлений к легкой жизни: “For Clyde was as vain

and proud as he was poor. He was one of those interesting individuals who looked upon himself as a thing apart – never” [Dreiser, 2017, p. 25]. Герой является настолько же гордым и тщеславным, насколько он беден. Размышляя о будущем, он подчеркивает, что заурядный, обывательский способ жизни ему не подходит: “Wasn't it menial, as miserable as the life he had thus far been leading, to wear old clothes and get up so early in the morning and do all the commonplace things such people had to do?” [Dreiser, 2017, p. 18]. Так раскрывается в произведении мотив избранности: носить потрепанную одежду, вставать рано утром чтобы провести день в заботах и труде – все это кажется Клайду жалким и недостойным его.

Переломным событием в развитии сюжета является побег из дома старшей сестры Клайда Эсты (Esta). После этого происшествия он понимает, что тоже заслуживает иного пути и не обязан следовать родительской воле. Юноша втайне устраивается на службу в шикарный отель в качестве коридорного. Наблюдая за жизнью состоятельных постояльцев, он еще больше утверждается в своем стремлении к роскошной, наполненной материальными благами жизни. Этот период в определенной степени восполняет пробел в его образовании: он учится понимать людей, видит их тайные желания и стремления, больше узнает о сути человеческой природы.

Важным этапом внутреннего становления молодого человека становится история его отношений с Гортензией Бригс (Hortense Briggs). Кульминацией развития данной сюжетной линии является автокатастрофа, когда из-за небрежности водителя автомобиля, в котором находится Клайд, гибнет ребенок. Для того, чтобы скрыться от преследования полиции, юноша бежит из Канзас-Сити в Чикаго. Описанным событием завершается его юность. Навсегда покинув родительский дом, он вступает во взрослую самостоятельную жизнь: “For true to the standard of the American youth, or the general American attitude toward life” [Dreiser, 2017, p. 20]. В определенном смысле заканчивается и формирование личности данного героя.

Во второй части романа протагонист встречается с Сэмюэлом Гриффитсом (Samuel Griffiths), состоятельным владельцем фабрики по производству воротничков, который приходится ему дядей, но последний давно не поддерживает связь с семьей Клайда. После лишений и скитаний, с которыми юноша сталкивался во время странствий по различным городам Америки, он попадает в благополучный мир, где перед ним открывается возможность сделать собственную карьеру. Главный герой переезжает в вымышленный город Ликург (Lycurgus) и начинает службу на фабрике своего дяди. Этот момент является переломным в его судьбе, поскольку молодой человек оказывается ближе к тому обществу, частью которого хотел бы стать сам. В жизни главного персонажа появляются две девушки, с которыми связаны возможные сценарии развития его последующей жизни: это Роберта Олден (Roberta Alden), работница предприятия, и Сондра Финчли (Sondra Finchley), дочь влиятельного фабриканта. Сначала протагонист испытывает симпатию к Роберте, но впоследствии увлекается Сондрой, благодаря которой начинает вести образ жизни, типичный для «золотой молодежи», о котором он всегда думал. Несмотря на разницу в социальном статусе, молодые люди мечтают о свадьбе, столь желанной для главного героя. Сообщение Роберты Олден о своей беременности разрушает все планы Клайда. Он готов на любой шаг, чтобы уйти от ответственности за жизнь нерожденного ребенка, поскольку добивается признания в высшем обществе Ликурга и расположения Сондры.

В третьей части «Американской трагедии» показана внутренняя борьба главного героя. Он принимает серьезное решение, которое приводит к трагической гибели Роберты. Здесь детально описан судебный процесс над Клайдом, итогом которого становится приговор: казнь Клайда на электрическом стуле [Сухих, 2015].

В романе показаны возможные пути развития судьбы центрального персонажа, из которых он никак не может выбрать свой собственный. Это происходит в силу несформированности его внутреннего «я», а также желания

быть не тем, кем он является на самом деле. Смена городских пространств подчеркивает внутреннюю уязвимость и растерянность Клайд, а также его попытку убежать от самого себя. Ему сложно пройти инициацию из-за надломленности и внутренней двойственности характера. В произведении представлены разные стадии инициации, однако ни в подростковом, ни в более зрелом возрасте он не справляется с испытаниями полностью. Давление родителей в детстве сделало невозможным самоидентификацию персонажа и лишило юношу внутреннего стержня. Молодой человек способен лишь подстраиваться под условия окружающего мира и следовать им, стараясь оправдать социальные ожидания. Можно выделить следующие этапы становления личности главного действующего лица, сопряженные с его антиинициацией, под которой мы пониманием поведение с отрицательной динамикой, инициацию со знаком «минус»:

Детство. Клайд показан как целеустремленный и внимательный мальчик, понимающий, что заслуживает большего, чем та жизнь, которую он ведет. Событиями инициации для него становятся: разрыв с родительским домом, попытка самостоятельного заработка (мир отеля становится для героя определенной школой жизни), дружба со сверстниками, первая влюбленность.

Подростковый возраст. Герой сохраняет в себе такие качества, как амбициозность, общительность, но продолжает жить как бы не своей жизнью. Постепенно он идет к собственной цели, пренебрегая добрыми отношениями с близкими. Особого внимания заслуживает автомобильная катастрофа, в которую оказывается вовлеченным Клайд и следующий за этим событием его побег из Канзас-Сити.

Юность. Этот этап связан с освоением нового городского пространства и иной сферой самореализации. Он включает работу на фабрике дяди, попытку перейти на новый уровень материального благополучия, а также процесс ухаживания за Робертой и Сондрой.

В финале романа Клайд предстает перед читателем как запутавшийся в самом себе молодой человек, вызывающий одновременно осуждение и

сочувствие читателя [Хабибулина, 2020]. В полном отчаянии он совершаet убийство, в результате которого переживает раскаяние и полное опустошение. Т. Драйзер подробно раскрывает эмоции, мысли и чувства протагониста, помещая их в центр повествования. Переживания юноши показаны ярче и выразительнее, чем страдания Роберты и горе родителей девушки после ее утраты. Страхи, сомнения, чувство вины главного героя изображены столь многогранно, что реципиент психологически идентифицирует себя с ним и испытывает к нему жалость и сочувствие.

Помимо детального описания внутреннего мира персонажей, в своем романе Т. Драйзер исследует американскую действительность, ставшую выразительным фоном трансформации внутреннего мира героев [Драйзер, 1953].

Литературоведы считают, что «американская мечта – одна из главнейших составляющих менталитета, культуры, истории, социальной и политической жизни США» [Коновалова, 2009, с. 3]. В отечественной американистике подчеркивается взаимосвязь понятий «американская мечта» и «американская трагедия» [Зверев, 1978; Ларина, 2017; Карасик, 2011]. По наблюдениям ученых, «американская трагедия» <...> должна быть исследована как явление <...> неразрывно связанное с «американской мечтой», а в немалой степени и порождающееся теми идеалами, коллизиями и противоречиями, которые открываются за данным понятием» [Зверев, 1978, с. 136]. Отсюда следует, что успешная инициация, поскольку она включает в себя обязательную социальную адаптацию, оказывается крайне затруднена или даже невозможна в обществе, в котором идеи равенства и одинаковых возможностей для каждого уже далеко не так очевидны, как это было в понимании писателей конца XVIII–XIX веков.

На этапе формирования романа инициации его черты могут присутствовать и в средних эпических формах, таких как повесть. Именно так происходит с произведением У. Фолкнера «Медведь». Тема взросления и психологического становления личности является также одной из ведущих в

«многоголосных» произведениях писателя. Этим объясняется тот факт, что центральными персонажами во многих сочинениях классика становятся юноши, стоящие на пороге зрелости.

На творчество писателя во многом повлияла его биография. Родился он в штате Миссисипи (Mississippi). Его прадед участвовал в войне Севера и Юга на стороне южан. Творчество прозаика относится к южной традиции в литературе США. Героями своих сочинений У. Фолкнер делает простых людей, живущих в сельской местности американского Юга, воплощением которого становится вымышленный округ Йокнапатофа (Yoknapatawpha), где разворачиваются действия основных сочинений автора, в том числе его знаменитого романа «Шум и ярость» (“The Sound and the Fury”, 1929) [Brooks, 1990]. Южной спецификой обусловлено своеобразие темы поиска истины и взросления: местом действия становятся лес, поле или даже кладбище. Именно так все происходит в романе «Осквернитель праха» (“Intruder in the Dust”, 1948). Испытания, выпавшие на долю персонажей, подчеркивают их отличительную способность: умение «не сгибаться под ударами судьбы – качество, свойственное американскому характеру в целом, но особенно ярко выраженное в произведениях южных авторов» [Савинич, 2013, с. 47].

Центральный персонаж повести «Медведь» – молодой человек, переживающий посвящение в охотники. Исследователи отмечают, что «герой-подросток Айк Маккаслин (Isaac McCaslin), как и Гек Финн, проходит своеобразную инициацию и стоит перед нравственным выбором. Рядом с Геком негр-примитив Джим, рядом с Айком – охотники» [Стеценко, 2017, с. 401]. Из приведенной выше цитаты следует, что референции к литературным традициям, заложенным М. Твеном, выполняют в нарративе У. Фолкнера важную семантическую функцию. Ключевое значение в обоих сочинениях отводится процессу инициации, который разворачивается на лоне природе, а не в городе. В произведении М. Твена символическим потенциалом наделяется река, именно умение воспринимать знаки воды, ее «подсказки» становится для Гека и Джима путем к спасению. В повести У. Фолкнера местом действия

является лес. И уже он испытывает персонажей [Грибанов, 2001]. Центральный конфликт трансформируется и углубляется за счет того, что природа олицетворяется, воплощаясь в образах медведя Старого Бена (Old Ben) и собаки Льва (Lion). По мнению ученых, это обусловлено определенными изменениями в историко-культурной ситуации США, интенсификацией экологического сознания и пониманием базовых различий бытия природы и человеческого социума: «Филогенез общества и онтогенез отдельного индивидуума линейны и конечны, природа же вечна и развивается циклично» [Стеценко, 2017, с. 401].

В художественном мире прозаика внутренней силой наделяются именно те персонажи, которым удалось сохранить связь с природой [Bassett, 1975]. В начале повествования Айку Маккаслину шестнадцать лет. Он обладает особой чувствительностью и восприимчивостью к миру: «Айк – человек, по фолкнеровским понятиям, здоровый, даже, можно сказать, символически здоровый, воспринимает мир с острой, чуть не катастрофической напряженностью» [Анастасьев, 1976, с. 401]. Благодаря нелинейной композиции, свойственной роману инициации, читатель узнает о том времени, когда герой был в возрасте десяти – тринадцати лет (в finale описываемых событий ему двадцать один год). Данный способ наррации позволяет писателю показать многогранное и развернутое во времени становление внутреннего мира протагониста.

Инициацией для Айка становится охота на Старого Бена, это событие во многом определило его жизненный путь [Hunt, 1972; Smart, 1965]. В лесу скрывается не просто большой необыкновенный медведь, а тайна Бытия. Выслеживая хищника, Айк осваивает ремесло охотника и становится частью мужского союза, а также познает и принимает систему ценностей, в которых «...схватка важнее победы, а ценность человеческой личности определяется ее стойкостью» [Савинич, 2013, с. 52]. Следует отметить, что такие взгляды прививает сыну герой другого сочинения американского классика Томас Сатпен (Thomas Sutpen), протагонист романа «Авессалом, Авессалом»

(“Absalom, Absalom!”, 1936). Он принуждает своего сына Генри (Henry) смотреть на поединок с негром-рабом, демонстрируя силу духа и выносливость. В повести наставник Айка, пожилой индеец Сэм Фазер (Sam Father), также учит подростка тому, что нельзя отступать от намеченной цели. У. Фолкнер концентрирует внимание читателя на взгляде собаки, словно пронизывающем насеквоздь. Данная портретная характеристика используется писателем при описании личности Сатпена, безразличного к другим людям и внешним обстоятельствам, и живущим ради единственной цели – разбогатеть и создать патриархальную семью.

Охота на медведя имеет для Айка обрядовый смысл. Встреча подростка с лесом и его законами – символическое новое рождение, позволяющее ему осознать величие природы и понять, что отношения с ней должны выстраиваться в рамках высоких моральных и нравственных правил: “...they were brute beasts and he was not, but only a little different – an eagerness, an abjectness, a sense of his own fragility and impotence against the timeless woods” [Faulkner, 2016, p. 9]. Протагонист ощущает бессилие, которое является не трусостью, но признанием величия вековой чащи и собственной хрупкости. Айк учится контактировать с природой и понимать ее. Ритуал охоты становится знаково-символическим, во время этого действия у мальчика сжимается сердце от волнения: “He felt the old lift of the heart, as pristine as ever, as on the first day” [Faulkner, 2016, p. 18]. Это состояние описывается как древний и чистый восторг – те чувства, которые составляют основу инициации.

Просторы и сила природы противопоставляются друг другу: “...it was wilderness, men myriad and nameless even to one another in the land where the old bear had earned a name” [Faulkner, 2016, p. 21]. В лесу люди становятся беспомощными и безымянными, в то время как медведь обладает именем и является там полноправным хозяином. Он выступает как воплощение вечной силы и непобедимости природы: “...through which ran not even a mortal beast but an anachronism indomitable and invincible out of an old dead time, a phantom, epitome and apotheosis of the old wild life which the little puny humans swarmed

and hacked at in a fury of abhorrence and fear...” [Faulkner, 2016, p. 23]. Писатель использует при описании медведя такие эпитеты как «неуязвимый» (*invincible*) и «неукротимый» (*indomitable*), он называет его «апофеозом» (*apotheosis*) дикой жизни. Рядом со зверем люди выглядят крошечными и ничтожными.

Частью инициации Айка можно считать встречу со смертью. Убийство медведя и последовавшие за ним смерти Льва и Сэма становятся для юноши глубокими экзистенциальными переживаниями. В отличие от друзей-охотников, выполняющих роль спутников и наставников Айка, сам он является частью цивилизованного мира, поскольку принадлежит к среде состоятельных землевладельцев. Перед молодым человеком встает нравственный выбор: жить в культурном или естественном мире. Один из его наставников, произносит ключевые для самоопределения героя слова: “It covers all things which touch the heart – honor and pride and pity and justice and courage and love” [Faulkner, 2016, p. 27]. Честь, гордость, сострадание, любовь называются главными ценностями, за которыми нужно следовать. Все эти духовные доминанты протагонист находит для себя в природе.

Айк отказывается от права получить причитающиеся ему как наследнику земли и леса своих предков. Он считает, что на них, как и на людей, распространяется постулат свободы. Молодой человек осваивает ремесло плотника и проводит оставшуюся жизнь в лесу, воспринимая его как свой дом и семью. Благодаря этой невидимой связи юноша становится гармоничной частью жизненного круговорота и получает бессмертие, его символизируют могилы Старого Бена, Сэма и Льва, исчезнувших в лесных зарослях. Айк приобретает мудрость и обретает целостность: “...farms and banks to keep yourselves from having to find out what this boy was born knowing and fearing too maybe but without being afraid” [Faulkner, 2016, p. 31]. В произведении присутствует вывод о том, что люди занимаются разными делами, которые отдаляют их от того главного знания, которое, например, Айку дано с рождения.

В мире У. Фолкнера человека учит и воспитывает сама жизнь. Об Айке Маккаслине сказано, что его университетом был лес: “...then the wilderness the old bear ran was his college” [Faulkner, 2016, p. 36]. Таким образом подчеркивается, что природа является лучшим учителем для человека и самым подходящим пространством для его становления как личности.

Процессы познания и взросления изображаются как постижение тайнств и определенное служение высшим силам [Barth, 1972]. Ореолом загадочности покрыты описания леса, охоты, медведя и собаки. Обряд инициации происходит в том числе благодаря посвящению тринадцатилетнего мальчика в охотники через помазание кровью, что становится символом познания великой тайне бытия: “He was thirteen then. He had killed his buck and Sam Fathers had marked his face with the hot blood, and in the next November he killed a bear” [Faulkner, 2016, p. 26]. Постижение пространства леса и приобщение к сакральным знаниям старшего поколения делают Айка полноценным участником этого процесса: “...he had become as competent in the woods as many grown men with the same experience” [Faulkner, 2016, p. 37]. Восприимчивая душа подростка, живой ум, наблюдательность и внимание к словам наставников вскоре позволяют ему стать одним из лучших. Он прекрасно ориентируется в лесу, чувствует себя в нем своим: “By now he was a better woodsman than most grown men with more. There was no territory within twenty-five miles of the camp that he did not know...” [Faulkner, 2016, p. 43]. На этой территории не остается места, которое было бы ему незнакомо и не покорилось ему.

Приобретение протагонистом таких качества, как верность, смелость, любовь, выступающих в единстве – это ступени в процессе познания. У. Фолкнер противопоставляет понятия «страх» и «трусость». Сэм учит своего подопечного отличать друг от друга два эти чувства: “Be scared... But don't be afraid” [Faulkner, 2016, p. 34]. Мотив диких просторов раскрывается за счет того, что, когда мальчик идет вглубь леса, где происходит его встреча с медведем, в метафорическом смысле он знакомится с самим собой, испытывая ощущение непостижимости, таинственности мира, чувствуя себя его частью.

Не случайно в повести появляется сравнение леса с морем: “It did not walk into the woods. It faded, sank into the wilderness without motion as he had watched a fish, a huge old bass, sink back into the dark depths of its pool and vanish without even any movement of its fins” [Faulkner, 2016, p. 33]. Медведь после встречи с мальчиком ускользает, уплывает в чащу, словно рыба. Образы леса и зверя приобретают в нарративе мифологическое звучание. Чаща (wilderness) в мировосприятии американских пуритан воспринималась как место греха и зла, которое следует преобразовать в сад. В рассматриваемом сочинении данный топос раскрывает проблему познания и взросления.

Мальчик нуждается именно во встрече со Старым Беном, что указывает на символический смысл этого эпизода. Созерцание и визуальный контакт с животным необходимы подростку. Сближение происходит в тот момент, когда у него нет с собой ружья, компаса или часов, он находится на лоне природы в своей первозданной чистоте. До этого момента Айк не мог увидеть медведя и встретил его, осознав необходимость покориться стихии. Подросток заблудился, почувствовал себя беспомощным в лесу, а благодаря зверю смог выбраться из чащи [Broughton, 1974].

Протагонист проходит инициацию, проявляя необходимые для этого качества. По мнению современных литературоведов, «...американский континент в силу специфики своих географических и климатических условий требует от человека настойчивости, упорства, непреклонности» [Савинич, 2013, с. 53]. Жители Северной Америки отличаются решительностью и стойкостью, однако эти черты имеют и оборотную сторону. Когда Айк спустя несколько лет возвращается к могилам Льва и Сэма, он размышляет о том, что на самом деле они живы, поскольку он ощущает их незримое присутствие в своей жизни: “...because there was no death, not Lion and not Sam: not held fast in earth but free in earth and not in earth but of earth...” [Faulkner, 2016, p. 22]. Так в повести У. Фолкнера артикулируется мысль о бессмертии и целостности души, которая продолжает существование и после физической гибели, воплощаясь во всем сущем [Татаринова, Татаринов, 2018; Coffee, 1983].

В конце произведения, когда повзрослевший юноша возвращается в лес, где прошло его детство, он не узнает его. В неизведанном таинственном пространстве, каким помнит его молодой человек, не осталось больше загадки и естественной дикости: здесь проложена железнодорожная дорога, построена лесопилка. Автор не только показывает взросление и внутреннее становление юноши, но и выражает определенное сомнение относительно пути развития всей нации, ее гуманизма и отношения к природе. Сюжетная схема посвящения имеет архаические, исторически свойственные обряду инициации черты: главный герой является частью мужского союза, имеет опытного наставника; место действия – это лес; во время охоты проверяются такие качества личности как выносливость, физическая сила, смекалка. Айк проходит буквальную инициацию: его посвящают в охотники, смысловым центром данного события является самоидентификация персонажа. Для этого ему необходимо проявить внутреннюю зрелость: умение замечать и понимать знаки природы, осознавать ее сакральный потенциал. Молодой человек изолирован от общества, осваивая охотничий промысел, он находится в замкнутом топосе леса, то же происходит с неофитами во время инициации.

Помимо природы, фоном взросления может быть городская среда. Именно большой город является пространством инициации в известном романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Примечательна творческая биография автора: еще при жизни он воспринимался как «живой классик», с одной стороны, и «писатель-невидимка», с другой [Hamilton, 2011; Salinger, 2000]. Неоднозначному восприятию образа прозаика способствуют также противоречащие друг другу факты его биографии: он родился на Манхэттене (Manhattan) и мог сделать многообещающую карьеру, но закончил свою жизнь отшельником в Нью-Гэмпшире (New Hampshire). Будущий романист ненавидел военную службу, но добровольно пошел на фронт. Критики обращают внимание на его увлечение восточной философией и дзэн-буддизмом [Гайсмар, 1976], что влияет на стиль его произведений, где

присутствуют недосказанность и отсутствие однозначных трактовок [Белов, 1985].

Дебютное произведение этого классика американской литературы «Подростки» (“The Young Folks”) было опубликовано в 1940 году. В нем обозначены ключевые для творчества писателя и поэтики романа инициации темы: сложность обретения человеком собственной идентичности, исключительность подросткового периода жизни. Рассказ «Легкий бунт на Мэдисон-авеню» (“Slight Rebellion off Madison”) впоследствии вошел в структуру романа «Над пропастью во ржи».

По мнению литературоведов, жизнь персонажей произведений Дж. Д. Сэлинджера не имеет четких границ, они словно отрекаются от самих себя [Аствацатуров, 2016]. Отмечается, что автор развивает классическую для литературы США тему: страх потери чистоты и гармонии при восприятии окружающего мира [Иткина, 2002]. Как и М. Твен, прозаик XX века показывает общество через призму восприятия подростка, что подчеркивает отрицательные черты окружающего мира. Такой тип наррации придает тональности повествования доверительный характер (“intimacy of the child (or adolescent) narrator”) [Tanners, 1996, p. 342]. Основанием для сопоставления сочинений «Приключения Гекльберри Финна» и «Над пропастью во ржи» служат нарратив приключений и живой разговорный язык, а также самоирония центральных персонажей.

В числе литературных предшественников Дж. Д. Сэлинджера также называют Н. Готорна (Nathaniel Hawthorne, 1804–1864), Г. Мелвилла (Herman Melville, 1819–1891), Э. Дикинсон (Emily Dickinson, 1830–1886), У. Уитмена (Walt Whitman) и др. [Белов, 1985, с. 24]. Писатель наследует черты поэтики, ставшие основой романа инициации в его творчестве. Например, хронотоп Рождества (оппозиция смерти и воскресения как элемент духовного преображения центрального персонажа) сравнивается со схожим мифологическим узлом в «Моби Дике» Г. Мелвилла. Протагонистом романа является «не просто хулиганистый смутьян, а бунтарь-моралист, являющийся

промежуточным звеном между изгоями и отшельниками американского романтизма <...> и героями «контркультуры» мятежных 60-х годов» [Белов, 1985, с. 63].

Ученые-американисты обращают внимание на связь прозы Дж. Д. Сэлинджера с модернистской литературой XX века. Доказательством этого служит использование писателем мифа как способа моделирования художественного мира: «...явление или событие он описывает двумя культурными кодами, сразу в двух системах понятий: с одной стороны, архаической (мифологической), с другой – современной (социально-политической и конкретно-бытовой)» [Гольтер, 2013, с. 106]. Двойное кодирование объясняет присутствие в нарративе как архаической символики (образы ржаного поля, дома), так и современных реалий (ночной Нью-Йорк, отели, музыкальные бары), формирующих сюжет инициации. В связи с этим исследователи предполагают, что основным элементом нарратива можно назвать архетипический сюжет странствия, имеющий значение поиска смысла жизни [Галинская, 1975; Борисенко, 2001]. В образе протагониста акцентируется эволюция от эгоцентризма к принятию окружающего мира [Lettis, 1964].

Литературоведы также отмечают влияние на творчество Дж. Д. Сэлинджера художественного наследия Ф.М. Достоевского. Примечательна полемика ученых о том, какой труд русского писателя больше всего подходит для сопоставления с романом «Над пропастью во ржи». В качестве «литературного брата Холдена» называется Аркадий Долгорукий, протагонист сочинения «Подросток» (1875) [Львова, 2000, с. 103]. Произведения американской и русской литературы объединяют сходные темы: взросление человека, одиночество и поиск индивидом самого себя. Это отражается в исповедальной форме повествования. Главные герои переживают нравственное становление и символическую смерть. Сходны и религиозно-нравственные аспекты творчества двух писателей: Дж. Д. Сэлинджер, также и как Ф.М. Достоевский, развивает идею спасения души любовью и красотой

[Коротченко, 2021]. Центральные персонажи близки по возрасту и обладают схожим мировосприятием. Они одновременно стремятся к уединению и ищут родственную душу. Излагая то, что с ними происходит, оба нарратора надеются на понимание и пытаются найти гармонию с самими собой.

Поскольку роман инициации предполагает тесный контакт нарратора и реципиента и, соответственно, имеет влияние на эмоциональную сферу читателя, коротко обозначим особенности рецепции анализируемого сочинения Дж. Д. Сэлинджера. В течение многих лет он был запрещен в США, и тем не менее является бестселлером своего времени. Можно предположить, что исследуемый текст оказывает амбивалентное воздействие на аудиторию. С одной стороны, он рассчитан на то, что читатель переживает психологическое взросление вместе с центральным персонажем, с другой, имеет деструктивное влияние на реципиента [Lemay, 1992]. Как известно, поклонником данного романа был Джон Хинкли (John Hinckley), который в 1981 году совершил покушение на президента США Рональда Рейгана (Ronald Reagan). Это сочинение было любимым художественным произведением Марка Чепмена (Mark Chapman), убийцы Джона Леннона (John Lennon), основателя британской группы «Битлз» (“The Beatles”). Преступник в своих показаниях подчеркивал, что на злодеяние его подтолкнул главный герой романа, а своим поступком ему хотелось привлечь внимание общественности к этой книге.

Дж. Д. Сэлинджер создавал свой бестселлер более десяти лет, в том числе во время войны [Salinger, 2001]. Выбрав в качестве нарратора подростка, он доверил ему мысли о духовном пути человека, вере и любви, а затем, будто исполнив мечту своего героя, в расцвете литературной славы более, чем на пятьдесят лет, писатель стал отшельником. Идея уединения, бегства от цивилизации, которая выступила не только сюжетообразующей осью романа, но и определила судьбу самого прозаика, является важной частью самосознания американцев. Примером художественного произведения, где раскрывается эта мысль, является сочинение Г.Д. Торо (Henry David Thoreau, 1817–1862) «Уолден, или Жизнь в лесу» (“Walden; or Life in the Woods”, 1854).

В возрасте двадцати семи лет писатель-трансценденталист решил вести уединенный образ жизни и поселился в построенной им собственоручно хижине на берегу Уолденского пруда (Walden Pond) в штате Массачусетс (Massachusetts). Такой эксперимент полной изоляции был призван противопоставить свободу материальным ценностям общества потребления и остановить отчуждение человека от самого себя. Эта особенность американского менталитета повлияла на национальную модель романа инициации, в которой эскапизм является частью мировоззрения центральных персонажей и расширяет смыслообразующее поле подобных нарративов.

В сочинении Дж. Д. Сэлинджера особая роль отводится заглавию, в нем содержится отсылка к поэзии Р. Бернса (Robert Burns, 1759–1796): “If a body catch a body coming through the rye”. It made me feel better. It made me feel not so depressed any more” [Salinger, 2006, p. 6]. Подросток слышит, как эти строчки напевает малыш на улице. Данная аллюзия является определенным ключом к пониманию внутреннего мира протагониста и выражает его страх расстаться с детством (“universal fear of growing up”) [O’Sullivan, 2005, p. 51]. Литературоведы отмечают, что конфликт анализируемого романа строится на противопоставлении личности и общества: «Холден живет в жестоком мире, который бездушно, как автомат, стремится либо сломить свою жертву, либо перекроить ее» [Лидский, 1968, с. 248]. Его историю можно рассматривать как обряд инициации, взросления, постижения мира и поиска самого себя.

Здесь нарратор изображается эксплицитно, он описывает свой внутренний мир. Через лексическое и синтаксическое своеобразие речи главного героя выражается его индивидуальность. В начале романа протагонист обращается к читателю и подчеркивает нестандартность того, о чем пойдет речь: “If you really want to hear about it, the first thing you'll probably want to know is where I was born, an what my lousy childhood was like <...> and all that David Copperfield kind of crap, but I don't feel like going into it” [Salinger, 2006, p. 6]. Аллюзия к роману Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» используется для противопоставления литературной традиции: “Besides, I'm

not going to tell you my whole goddam autobiography or anything. I'll just tell you about this madman stuff that happened to me around last Christmas..." [Salinger, 2006, p. 6]. В классическом романе воспитания, примером которого выступает вышеупомянутое произведение, излагается полная история становления протагониста от рождения до зрелости. Холден же не намерен перечислять все факты своей биографии и готов сосредоточиться только на ключевых ее эпизодах, иначе говоря, на событиях инициации.

Внимания заслуживает возраст протагониста: "I was sixteen then, and I'm seventeen now, and sometimes I act like I'm about thirteen" [Salinger, 2006, p. 33]. На момент описываемых событий ему шестнадцать лет, но ведет он себя как тринадцатилетний подросток, что подчеркивает переходность данного периода и условность временных границ. Характеристиками личности главного персонажа можно назвать чувствительность и ранимость: "...I was crying and all. I don't know why, but I was. I guess it was because I was feeling so damn depressed and lonesome" [Salinger, 2006, p. 141]. По словам Холдена Колфилда, он часто плачет, страдая от подавленности и одиночества, которые старается преодолеть, рассчитывая на отклик читателя и обращаясь к нему. Так выражается надежда на то, что тот, кому адресовано повествование, разделяет его ценности.

Изображая взросление героя, прозаик использует традиционные элементы нарратива инициации: трехчастную композиционную структуру, мотивы одиночества и свободы, постижение сакрального. Поскольку первая стадия его посвящения сопряжена с постижением социоментального опыта [Мулляр, 2011, с. 64], Холден узнает общество и познает самого себя через городское пространство, параллельно с этим стараясь найти ответы на волнующие его вопросы. Важное значение в структуре хронотопа занимает дорога, поскольку она является пересечением временных и пространственных векторов, а также местом знакомства с людьми разного социального статуса и носителями разных ценностей.

Во время своего путешествия Холден испытывает не только душевные, но и физические страдания, например, когда он участвует в драке: “You never saw such gore in your life. I had blood all over my mouth and chin and even on my pajamas and bath robe. It partly scared me and it partly fascinated me. All that blood and all sort of made me look tough” [Salinger, 2006, p. 69]. Из-за встречи с агрессией и болью происходит вынужденное взросление подростка, хотя внутренне он не готов к нападению и необходимости защищать себя: “I'm not too tough. I'm a pacifist, if you want to know the truth” [Salinger, 2006, p. 69]. Герой называет себя пацифистом и говорит о том, что ему не свойственны проявления жестокости.

Холден пытается ответить самому себе на вопрос о том, кем он является на самом деле, и каково его предназначение. Для этого он примеряет на себя разные социальные роли и профессии, обдумывает возможные сценарии жизни. Юноша даже рассматривает вариант жизни в монастыре: “Listen. What's the routine on joining a monastery?” [Salinger, 2006, p. 69]. В силу своего максимализма молодой человек мечтает о радикальных переменах, например, возможности отшельничества. Другой крайностью является идея притвориться глухонемым: “I'd pretend I was one of those deaf-mutes. That way I wouldn't have to have any goddam stupid useless conversations with anybody” [Salinger, 2006, p. 112]. По мнению Холдена, это избавит его от необходимости вести с людьми поверхностные разговоры. Элементом духовного поиска является и то, что главный герой использует разные вымышленные имена, меняя их в общении с разными случайными встречными и попутчиками: “Rudolf Schmidt, I told her. I didn't feel like giving her my whole life history. Rudolf Schmidt was the name of the janitor of our dorm” [Salinger, 2006, p. 86]. В данном случае он берет себе имя швейцара его учебного корпуса. В общении с другим собеседником юноша использует имя Джима Стила: “I told them my name was Jim Steele, just for the hell of it” [Salinger, 2006, p. 82]. Так реализуется элемент романа инициации, связанный с желанием протагониста примерить на себя разные имена и социальные роли в поисках собственной идентичности.

Особого внимания заслуживает место действия. Нью-Йорк в восприятии Холдена бездущен и холоден: “What made it worse, it was so quiet and lonesome out, even though it was Saturday night” [Salinger, 2006, p. 104]. Даже в субботний вечер город пустынен. Окружающий мир представлен как недружелюбная по отношению к герою среда: “I didn't know then that the goddam hotel was full of perverts and morons. Screwballs all over the place” [Salinger, 2006, p. 85]. Характеризуя обитателей отеля, в котором герой остановился, он употребляет слова «психи», «идиоты», «извращенцы», что выражает его мировосприятие и пренебрежительное отношение к людям вокруг.

Переживая глубокий экзистенциальный кризис, протагонист анализируемого романа ощущает измененные состояния сознания, граничащие с безумием: “But I'm crazy. I swear to God I am. About halfway to the bathroom, I sort of started pretending I had a bullet in my guts” [Salinger, 2006, p. 115]. Холден считает себя не вполне адекватным и воображает, что ранен. В другом эпизоде ему кажется, что он серьезно болен: “Anyway, I kept worrying that I was getting pneumonia, with all those hunks of ice in my hair, and that I was going to die” [Salinger, 2006, p. 122]. Холден то обеспокоен тем, что у него воспаление легких, то считает, что у него рак: “I figured I'd be dead in a couple of months because I had cancer” [Salinger, 2006, p. 272]. С помощью этих воображаемых физических недугов передается вся глубина его внутренних переживаний и противоречий. Протагонист осмысляет тему смерти и конца земного существования.

Поскольку инициация предполагает постижение не только тайнств чего-то священного (религиозные переживания героя), смерти (его воспоминания о погившем брате), но и сексуального опыта, Холден тоже с ним сталкивается: “I keep making up these sex rules for myself, and then I break them right away” [Salinger, 2006, p. 115]. Герой говорит о том, что создает некоторые правила для себя, но затем отказывается от них. Подобные мысли наследуют центральные персонажи романа инициации в современной литературе, где

телесное самосознание является такой же неотъемлемой частью взросления, как психологическая зрелость [Шалимова, 2023].

Проходя путь инициации, Холден испытывает промежуточные состояния сознания: “After I got across the road, I felt like I was sort of disappearing” [Salinger, 2006, p. 181]. Ему периодически кажется, что он исчезает и теряет свою физическую оболочку. Он ощущает головокружение и тошноту: “I got sort of dizzy and I thought I was going to pass out or something again” [Salinger, 2006, p. 181]. В моменты отчаяния подросток даже чувствует потребность проститься с жизнью: “What I really felt like, though, was committing suicide. I felt like jumping out the window” [Salinger, 2006, p. 231]. Во многом это происходит из-за того, что Холден лишает себя сна, перманентно чувствует голод – физический дискомфорт усиливает его духовные мучения, и он готов выпрыгнуть из окна.

Особую роль в анализируемом сочинении приобретает образ дома. В романах инициации это место обычно служит для героя отправной точкой последующего пути, оно связано с миром детства и семьи. Путь Холдена в произведении начинается в школе, а финальной точкой является санаторий. Подросток проникает в свой дом инкогнито, в разговоре с сестрой Фиби (Phoebe) он размышляет о своем предназначении и будущей профессии. В течение трех дней, когда он находится в различных точках города, герой рассуждает о вере, любви и смысле человеческого бытия. Вместо наставников главный герой общается со случайными людьми, а сам окружающий мир кажется ему безумным. В начале и в конце произведения он встречается с учителями, которые могли бы оказать ему серьезную поддержку и дать добрый совет, но ни с мистером Спенсером (Mr. Spencer), ни с мистером Антолини (Mr. Antolini) настоящего диалога у него не получается. Холден Колфилд чувствует нежелание взрослеть, поскольку этот процесс ассоциируется у него с утратой чистоты, внутренней свободы и мечты.

В основе нарратива рассматриваемого произведения лежит сюжет посвящения, в тексте можно усмотреть присутствие черт романа-путешествия

и исповедального романа. Кризисным событием является побег Холдена из школы, оно раскрывает цепочку внутренних противоречий протагониста. Такие особенности формы как повествование от первого лица, обращения к читателю, ретроспекция, совмещение в речи разных регистров (высокие философские размышления и низкий подростковый сленг) делают данное сочинение ключевым для становления рассматриваемого типа. Именно оно является точкой отсчета романа инициации как сформировавшейся целостности. Этому способствует своеобразие его содержания: через скитания по городу герой-подросток ищет самого себя и, преодолевая кризисные моменты взросления, внутренне меняется.

В художественном мире писателей США первой половины XX века путь к гармонии с окружающим миром и взрослению лежит через сохранение интуиции и чистого сознания. Сюжет посвящения реализуется через противопоставление параллельных процессов: научный прогресс, который приводит к гибели индивидуальности (Г. Адамс), взросление героя, тяготеющего к природе, и развитие цивилизации, ее разрушающей (У. Фолкнер), путь к американской мечте, которая обрачивается трагедией (Т. Драйзер), социальный успех, ведущий к распаду личности (Дж. Лондон), поиск подростком своего места в мире (Дж. Д. Сэлинджер). Эти факторы расширяют восприятие рассматриваемых сочинений в контексте проблематики социальное versus индивидуальное до философских тем познания истины в условиях земного существования.

2.3. Национальная специфика американского романа инициации второй половины XX века

Существенные изменения роман инициации претерпевает в литературном процессе США во второй половине XX века в связи с историческими событиями и сопряженными с ними мировоззренческими кризисами. Сюжетная схема посвящения, эксплицирующая взросление героя, социальные и психологические изменения его личности, поиск своего места в мире обуславливает обращение к ней таких разных авторов, как Р. Брэдбери, Дж. Ирвинг, Ст. Чбоски и др. Повествовательная модель сочинений этих писателей вбирает в себя историко-культурные обобщения, социальные вызовы, отражение собственных философских взглядов прозаиков и, конечно, фактов их биографии [Несмелова, 1998].

Сюжет посвящения стал основой ключевых произведений классика американской литературы Р. Брэдбери. Так, протагонист романа «451 градус по Фарингейту» (“Fahrenheit 451”, 1953) Гай Монтэг (Guy Montag) проходит тяжелый путь от неприятия естественных чувств и эмоций к полному погружению в них и, как следствие, отрицанию существующего мироустройства [Шалимова, Дрянговская, 2019]. Это перемещение за пределы общества потребления (границы города), а также глобальные внутренние перемены, где тяга к разрушению сменяется желанием самосовершенствования и самостоятельного мышления.

Путь нравственного становления и взросления становится также структурообразующей осью повести «Вино из одуванчиков» этого автора. Труды некоторых исследователей посвящены анализу лингвистического и стилистического своеобразия данного произведения [Пашкеева, 2012; Mengeling, 1971]. В других работах нарратив детства исследуется в сравнительно-сопоставительном аспекте с иными произведениями о взрослении [Knight, 1967]. Однако в аспекте репрезентации сюжета инициации рассматриваемое сочинение ранее не изучалось.

Центральным персонажем анализируемой повести является Дуглас Сполдинг (Douglas Spaulding), которому двенадцать лет. Возраст героя указывает на то, что его личность формируется, и сам он меняется. В жизни мальчика происходят как внутренние, так и внешние трансформации. Каждый прожитый день открывает ему новые стороны бытия. Время действия произведения – лето 1928 года. Для подростка это особенная пора, где каждый день наполнен событиями и открытиями. Дуглас ведет дневник, где он фиксирует происходящие события и свои размышления о них. Такая форма рефлексии делает эксплицитным взросление мальчика. Самонаблюдение, самоанализ, самопознание и стремление к самосовершенствованию – эти процессы играют ключевую роль в становлении его внутреннего мира.

В поле зрения нарратора попадают разнородные события, например, такие как замена городского трамвая на автобус или переезд друга в другой город. Смерть прабабушки заслуживает особого внимания, поскольку заставляет Дугласа иначе посмотреть на жизнь и меняет его внутренний мир. Иными словами, с протагонистом происходит то, что литературоведы определяют как «существенное становление человека» [Бахтин, 1975]. Доминанта взросления приобретает в повести сюжетообразующее значение. Большую роль имеет мозаичное построение нарратива, благодаря которому раскрываются истории сразу нескольких обитателей Гринтауна (Green Town). Объединяющим началом служит личность главного героя. Дуглас может быть активным участником событий или занимать позицию наблюдателя и только внимательно следить за происходящим, но в обоих случаях он приходит к осознанию чего-то нового.

Процесс становления протагониста выражается в его наблюдениях, зафиксированных в дневнике: он регулярно записывает туда свои мысли о жизни. Благодаря этим заметкам, перед читателем открывается история взросления юного персонажа. Каждый переход на новую ступень развития приобретает выраженный характер. Усложняется рефлексия главного персонажа, его наблюдения становятся более разносторонними и глубокими.

Важное место в романе отводится сенсорным модальностям, которые влияют на становление личности мальчика. Дуглас уделяет внимание таким, казалось бы, незначительным впечатлениям как запахи и звуки: “... sounds of ice wagons passing on brick avenues, the rush of silver sky rockets and the fountaining of lawnmowers mowing through ant countries” [Bradbury, 2013, p. 45]. Это может быть стук колес тележки с мороженым, шорох скошенной травы, потрескивание качелей, стрекот сверчков, голоса взрослых. Подросток подмечает принципиальную разницу мировосприятия взрослых и детей: “The reason why grownups and kids fight is because they belong to separate races <...> Separate races, and never the twain shall meet” [Bradbury, 2013, p. 58]. По мнению мальчика, они принадлежат к двум отдельным мирам, которым невозможно понять друг друга.

Рассматриваемое произведение носит автобиографический характер. Дуглас – второе имя писателя. Р. Брэдбери провел детство в городе, похожем на Гринтаун [Литвинова, 2008; Johnson, 1980]: “...born and raised in Waukegan, which I renamed Green Town for my novel...” [Bradbury, 2013, p. 7]. Прозаик отмечает, что в детстве он был мечтательным, восприимчивым ребенком и искал слова, чтобы выразить свои чувства и страхи: “...words that could describe my personal nightmares, fears of night and time from my childhood, and shaped stories from these” [Bradbury, 2013, p. 4]. Придумывать истории мальчик начал в двенадцать лет, именно в этом возрасте находится и главный герой его повести. Детство самого писателя выпало на сложное время (1930-е годы в США получили название «Великой депрессии» как обозначение экономического кризиса). Как и его герой, в то время он был окружен большой семьей, любящими и заботливыми родственниками. По этой причине семейные ценности всю жизнь оставались для автора основными. Многие близкие люди стали прототипами персонажей его романов. Так, например, он замечает: “I borrowed my friend John Huff from my childhood in Arizona and shipped him East to Green Town so that I could say good – bye to him properly” [Bradbury, 2013, p. 4]. В соответствии с наблюдениями создателя текста,

обращение к воспоминаниям о дорогих людях позволяет символически попрощаться с ними, в то же время навсегда сохранив их в сердце.

Окружающее воспринимается протагонистом как нечто новое и неизведанное. Р. Брэдбери передает идею ценности каждого мига для взросления человека [Платыгина, 2013]: “This summer night deep down under the stars was all things you would ever feel or see or hear in your life, drowning you all at once” [Bradbury, 2013, p. 50]. В этот период жизни человек особенно восприимчив, и даже одна летняя звездная ночь может оставить в душе отпечаток на всю жизнь. Мир детства описывается в светлых тонах, дети сравниваются с ночными птицами: “As suddenly as night birds the children flew by” [Bradbury, 2013, p. 101], а также подсолнухами: “The children sat up, turning their heads, like sunflowers after the sun” [Bradbury, 2013, p. 98]. В повести раскрывается и тема зла, его олицетворением является Душегуб (The Lonely One). Он знаменует внешнюю опасность, победа над которой становится частью взросления героев повести.

Главным открытием Дугласа является то, что он обладает живой восприимчивой душой, а его жизненный путь глубоко индивидуален и не похож ни на чей другой. Протагонист формулирует описанное озарение короткой и емкой фразой “I’m alive” [Bradbury, 2013, p. 21]. Сообщение о том, что он жив звучит в самом начале произведения. Это осознание сопровождается ощущением страха встречи с неизведанным: “Douglas felt but did not feel the deep loam, listening, watchful <...> Come out, wherever you are, whatever you are! He cried silently” [Bradbury, 2013, p. 23]. Подростку кажется, что он чувствует рядом с собой чье-то незримое присутствие. Это одновременно завораживает и пугает его, он призывает невидимого наблюдателя выйти на свет.

Психологические изменения происходят не только с Дугласом, но и с его десятилетним братом Томом (Tom), который тоже взрослеет и ищет ответы на экзистенциальные вопросы: “ ...the more Tom talked, the closer the great Thing came, it wasn’t scared of Tom, Tom drew it with his breath, Tom was part of it!”

[Bradbury, 2013, p. 25]. Мальчик переживает процесс внутреннего роста, он старается соотнести свое бытие с космическим масштабом существования человека.

Частью инициации центрального персонажа становится его озарение: понимание и принятие того факта, что он действительно существует: “I’m really alive! <...> I mustn’t forget, I’m alive, I know I’m alive, I mustn’t forget it tonight or tomorrow or the day after that” [Bradbury, 2013, p. 36]. Дугласа поражает осознание того, что он жив, он думает, что никогда не забудет этого чувства. Как и в повести У. Фолкнера «Медведь», действие происходит в лесу, где подросток находится в сопровождении отца, который вспоминает, что испытывал похожие чувства, будучи примерно в таком же возрасте. Из чащи Дуглас выходит уже другим человеком, за ним следуют брат и отец, словно прикрывая его. Мальчик уже не чувствует себя одиноко, напротив, он надежно защищен: “...his brother and his quiet father followed behind, allowing him to pathfind the forest alone out toward that incredible highway which would take them back to the town...” [Bradbury, 2013, p. 40]. Из мира природы протагонист вновь попадает в городскую среду. Таким образом намечается противопоставление этих пространств: “The town. The wideness. The houses. The ravine. Douglas blinked back and forth. But how to relate the two, make sense of the interchange when...” [Bradbury, 2013, p. 40]. Дуглас задает себе вопрос о том, как соединить эти сферы. Он хочет понять, в чем их сходство и различия.

Подросток приходит к выводу о том, что жизнь состоит как из обыденных событий и ритуалов, так и открытий и даже откровений. Он указывает на глубокую связь этих полисов бытия: “In other words you do an old familiar thing, like bottling dandelion wine, and you put that under RITES AND CEREMONIES. And then you think about it, and what you think, crazy or not, you put under DISCOVERIES AND REVELATIONS” [Bradbury, 2013, p. 63]. Простые ежедневные дела протагонист относит к обрядам и церемониям. В то время как размышления о них, саму сферу рефлексии он причисляет к открытиям. Рутина жизни, ее регламентированный ход могут обретать

философски-символическое значение. Для Дугласа такими церемониями становятся изготовление вина из одуванчиков, запуск первого летнего фейерверка, сбор дикого винограда, приготовление обеда бабушкой – все эти события важны для его психологического формирования и обретения внутренней целостности.

Оптимизм главного персонажа передается через его способность радоваться простым вещам, например, новым теннисным туфлям: “It was because they felt the way it feels every summer when you take off your shoes for the first time and run in the grass” [Bradbury, 2013, p. 180]. Они, как и вино из одуванчиков, выступают метафорой начала жизни. Автор использует определенную градацию в построении образов, где вино из одуванчиков и туфли – это метафора лета, в то время как сам летний сезон обозначает всю жизнь: “Dandelion wine. The words were summer on the tongue. The wine was summer caught and stoppered” [Bradbury, 2012, p. 39]. В самом выражении «вино из одуванчиков», на его взгляд, содержится словно закупоренное в бутылку лето.

До определенного момента в повести доминирует идиллический хронотоп [Бахтин, 2003]. Постепенно в жизни протагониста возникают события, не вписывающиеся в его прежнее видение мира. Сначала пожилая соседка Мисс Бентли (Miss Bentley) убеждает ребят, что когда-то и она была молодой, чему они верят с большим трудом. Затем приходит известие о том, что на смену любимых персонажами трамваев придут автобусы. Мальчик воспринимает это с изумлением, граничащим с отчаянием: “They can’t take off the trolley! <...> no matter how you look at it, a bus ain’t a trolley. Don’t make the same kind of noise. Don’t have tracks or wires, don’t throw sparks, don’t pour sand on the tracks...!” [Bradbury, 2013, p. 148]. Такие характеристики трамвая, как успокаивающий пассажиров шум, наличие проводов, которые иногда искрятся, возможность посыпать рельсы песком являются для героя волшебными и неразрывно связаны с детством.

Центральный персонаж испытывает потрясение, когда узнает, что его друг Джон Хаф (John Huff) переезжает в другой город. Известие об этом настигает его как раз в тот момент, когда он думает о том, что все ценное будет с ним вечно: “Douglas walked through it thinking it would go on this way forever” [Bradbury, 2013, p. 158]. После этой разлуки для Дугласа становится невозможным отрицание как скоротечности жизни, так и существования смерти: старший приятель делится с ним воспоминанием об утрате возлюбленной, в городе происходит убийство, уходит из жизни прабабушка мальчиков. Ощущение неизбежности конца сопряжено с тональностью оптимизма и светлой грусти, заключенных в мудрых словах прабабушки о том, что она будет рядом в течение долгого времени: “I'm not really dying today. No person ever died that had a family. I'll be around a long time” [Bradbury, 2013, p. 63]. По словам представителя старшего поколения, тот, у кого есть семья, не может уйти бесследно, на земле останется его продолжение.

Скорбь по потерявшему близкому человеку обостряет ощущение конечности собственного бытия. Дуглас не хочет умирать, но внутренний голос произносит фразу о том, что так или иначе, это обязательно произойдет: “I don't want to die! Douglas screamed, without a sound. You'll have to anyway, said the voice, you'll have to anyway...” [Bradbury, 2013, p. 180]. С героем происходит важное для инициации осознание неизбежности ухода из жизни, сопряженное с постижением сакрального, которое выражается через мотив предопределения.

Протагонист расстается с представлениями о цикличности времени, свойственными ему в начале повествования и базирующимися на детском понимании мира, где из года в год события повторяются и как бы идут по кругу. Изменения в его жизни, которые он называет озарениями и осознаниями, подталкивают подростка к тому, чтобы проститься с прежней моделью времени. В finale повести он понимает, что время движется по прямой, линейная парадигма сменяет циклическую. Описанное изменение

знаменует закономерный процесс взросления мальчика, переход от детства к подростковому возрасту становится его инициацией.

Финал повести остается открытым. Нить повествования обрывается августом 1928 года. Дуглас ощущает, что внутренне созрел для того, чтобы перейти к новому этапу жизни. В результате произошедших с ним за три летних месяца событий прежние представления о жизни оказались в прошлом, его сознание изменилось. Естественные, казалось бы, принципы словно впервые открываются протагонисту, испытываемое им потрясение выражается с помощью заглавных букв, которые использует Дуглас, делая запись в своем блокноте: “SO IF TROLLEYS <...> AND FRIENDS CAN <...> GO AWAY FOREVER... THEN... I, DOUGLAS SPAULDING, SOME DAY... MUST...” [Bradbury, 2013, p. 326]. Подросток размышляет о том, что, если трамваи, приятели, близкие люди могут уйти навсегда, значит и он сам однажды должен будет завершить свой земной путь.

Герою приходится принять неизбежное, но то, что за этим следует, остается за пределами повествования. Процесс его инициации завершен, перед персонажем открываются новые горизонты и сценарии жизни. Становление Дугласа Спэлдинга воплощено в его эмоциональных, физических и духовных осознаниях. Ключевую роль в повести «Вино из одуванчиков» играет формирование самосознания центрального персонажа. Во внутреннем мире протагониста происходят трансформации, результатом которых является развитие его личности и изменение мировоззрения, а конечным итогом – взросление. Можно отметить динамическое единство этого образа – от завязки повести к ее кульминации и развязке, постигая жизнь, переживая психологические и экзистенциальные изменения, он проходит путь постепенного развития.

Проблематика взросления лежит в основе романа «Убить пересмешника» известной американской писательницы Х. Ли. Здесь раскрываются проблемы возрастной и нравственной идентификации подростков. Как и в творчестве Р. Брэдбери, это воплощается в духовных

исканиях героев, проходящих обряд инициации и обретающих самих себя через процессы самопознания и взросления [Волкова, 2016]. Исследователи также подчеркивают наличие в произведении автобиографических мотивов и преемственную связь с традициями М. Твена [Blackall, 2007]. Однако по сравнению с рассмотренными выше произведениями, в романе «Убить пересмешника» иными становятся смысловые доминанты и способы их репрезентации.

Ученые указывают на связь данной работы с традициями южной готической прозы и романа воспитания [Selitrina, 2022], определяя ее жанр как «феминистский» воспитательный роман (*feminist Bildungsroman*). Обращение к проблемам социального неравенства и ксенофобии, ощущение героями собственной провинциальности, обреченности и постоянной угрозы позволяют литературоведам отнести анализируемый роман к жанру «южного нуара» [Анцыферова, 2015, с. 166]. Указанные темы затрагиваются во многих литературных трудах американских прозаиков – «Хижина дяди Тома» (“Uncle Tom’s Cabin”, 1852) Г. Бичер-Стоу (Harriet Beecher Stowe, 1811–1896), «Унесенные ветром» (“Gone with a Wind”, 1936) М. Митчелл (Margaret Mitchell, 1900–1949) и др.

В южной литературе особый интерес представляет репрезентация вопросов взросления: детское мировосприятие сопряжено с описанием проблем и бед взрослого мира. Сюжетообразующим событием может стать беззаконие (например, убийство, насилие), в расследование которого вовлечены дети. О семантической доминанте взросления в романе Х. Ли, разнице мировосприятия детей и взрослых, говорит его эпиграф: “Lawyers, I suppose, were children once” [Lee, 2012, p. 3]. Здесь слово «юристы» (*lawyers*) можно рассматривать как взрослость, а значит рассудительность и социально детерминирующий тип мышления, в то время как дети (*children*) являются носителями настоящих гуманистических ценностей. Характерологическое значение эпиграфа заключается в том, что он дает ключ к пониманию образа

Аттикуса Финча (Atticus Finch), адвоката, сохранившего в себе возможность непосредственного и чистого, а значит детского, взгляда на мир.

Местом действия романа «Убить пересмешника» является вымышленный город Мейкомб (Maycomb), который располагается в Алабаме (Alabama), одном из южных штатов США. Это наиболее консервативная и ортодоксальная часть Америки, для которой свойственна расовая сегрегация, существовавшая в южных штатах до 1960-х годов. Хронотоп провинциального города наделяется особыми характеристиками. О нем рассказчица сообщает, что это не просто старый, но и как бы уставший город: “Maycomb was an old town, but it was a tired old town when I first knew it” [Lee, 2012, p. 4]. Описание южного города в литературе США обычно связано с изображением сонной и медленной жизни, словно «застывшей» во времени. В анализируемом романе тоже подчеркивается замкнутость этого топоса, неспешность, неторопливость жителей, отсутствие каких-либо перемен: “There was no hurry, for there was nowhere to go, nothing to buy and no money to buy it with, nothing to see outside the boundaries of Maycomb County” [Lee, 2012, p. 6]. Именно поэтому можно сказать, что Мейкомб как бы устал и не хочет развиваться, а мышлению горожан свойственна некоторая ограниченность. Такой топос становится отличительной чертой рассматриваемого произведения и выделяет его из ряда других сочинений, относящихся к роману инициации, поскольку статика пространства не совпадает с внутренней динамикой нарратива.

Как уже было отмечено, фон «американской глубинки» играет важную роль в становлении детей и влияет на некоторые особенности нарратива романа инициации. Правом вести повествование в романе наделяется девочка Джин-Луиза Финч (Jean Louise Finch) по прозвищу Глазастик, которая является «одновременно повествователем и главным героем» сочинения [Дубнякова, Кашина, 2017, с. 42]. Она рассказывает не только о своем взрослении, но и о тех изменениях, которые происходят с ее братом Джемом (Jem), а также их другом Диллом (Dill). Ретроспективная композиция и повествование от лица взрослой героини создают временную перспективу для оценки случившегося:

“When enough years had gone by to enable us to look back on them, we sometimes discussed the events leading to his accident” [Lee, 2012, p. 4]. Мудрый, то ироничный, то сочувствующий взгляд Глазастика делает повествование многомерным и объемным. Девочка не только рассказывает о мыслях, чувствах, событиях своей жизни, но и показывает, как взрослеют ее сверстники. Например, она подмечает подростковые изменения в поведении и образе мыслей Джема, когда в силу переходного возраста он становится раздражительным и стесняется публичных проявлений дружбы с сестрой: “He was now positively allergic to my presence when in public” [Lee, 2012, p. 178]. Другим примером является история побега Дилла из дома, благодаря чему в повествование, с одной стороны, вводится приключенческий элемент, а с другой, показывается неблагополучие семейного уклада.

В анализируемом романе представлены и эпизоды описательно-уточняющего характера. Их можно увидеть в репрезентации образа Аттикуса Финча. Ведь он не только принципиальный и справедливый адвокат, но также сдержанный, добрый и нежный отец. В нарративе детально представлена история семьи Рэдли (Radley), быт криминально-маргинальной семьи Юэлов (Ewell), уклад жизни горожан Мейкомба. «Повествователь-наблюдатель» передает определенные когнитивные фоновые знания читателю, а также формирует эмоционально-оценочное восприятие того, что существует в реальности. Данный прием работает на «создание многоплановости литературного образа, наглядную и убедительную передачу читателю нюансов в психологическом портрете героя» [Чуприна, 2014, с. 73].

С семантической точки зрения композиция романа характеризуется двуплановостью: с одной стороны – это погружение в мир личных переживаний героев и событий их взросления, а с другой – изучение социальной проблематики. Ученые характеризуют данное сочинение как «выходящее к познанию существенных сторон действительности через преимущественное обращение к внутреннему миру личности, ее морально-психологическим проблемам, неразрывно связанным с общим социально-

историческим колоритом и духом времени» [Мулярчик, 1988, с. 48]. Нarrатив начинается с описания истории предков Глазастика и Джема. Раскрываются их семейные истории, благодаря чему в повествование вводятся историко-культурные и семейные контексты. Погружаясь в родословную protagonистов, читатель может установить определенную связь анализируемого сочинения с традиционным классическим романом воспитания, где тот или иной персонаж подробно излагает историю предшествующего поколения и своего появления на свет. В анализируемом произведении таким образом поясняется, почему дедушка героя Саймон Finch (Simon Finch) поселился в Мэйкомбе: он спасался от проявлений религиозной нетерпимости в Англии.

Основными топосами романа являются дом, улица и ее обитатели, жилище Страшилы Рэдли (Boo Radley), школа, церковь и суд. Значимыми событиями взросления для подростков можно считать их общение со Страшилой, сопряженный с этим страх, берущий начало в предрассудках; подарки, которые он им оставляет, постепенное узнавание истинной сущности данного персонажа, спасение детей в finale романа. Не менее важными являются взрослые protagonисты, такие, как Аттикус, няня Кэлпурния (Calpurnia), тетя Александра (Aunt Alexandra), мисс Моди (Miss Maudie), мисс Кэролайн (Miss Caroline), миссис Дюбоз (Mrs Dubose). Фигура отца показана особенно весомо. Он представляет собой вариант ответственного родителя, являющегося другом и наставником для своих детей, лишенных материнской заботы. Главная героиня не испытывает тоски по матери, поскольку потеряла ее, будучи совсем маленькой: “Our mother died when I was two, so I never felt her absence” [Lee, 2012, p. 10]. Для Джема же отсутствие мамы – это большое испытание: “He remembered her clearly, and sometimes in the middle of a game he would sign at length, then go off and play by himself behind the car-house” [Lee, 2012, p. 10]. Как следует из приведенный цитаты, мальчик часто вспоминал маму и грустил от того, что ее нет рядом.

Нравственной мерой для Аттикуса является возможность честно и прямо смотреть в глаза детям, быть для них примером для подражания. Он пытается

привить им важные ценности, такие как терпимость, свобода мышления, уважение к другим и необходимость взаимопонимания между людьми через способность ощущать себя на месте другого человека: “...until you climb into his skin and walk around in it” [Lee, 2012, p. 206]. Анализируемый роман – это произведение, где дети не одиноки. Они не переживают процесс взросления вдали ото всех, рядом с ними находится понимающий, предлагающий поддержку наставник. Благодаря отцу формируются лучшие черты характеров Глазастика и Джема. И они понимают это. Например, во время школьного спектакля, когда главной героине нужна помощь, и брат поддерживает ее, девочка замечает: “Jem was becoming almost as good as Atticus at making you feel right when things went wrong” [Lee, 2012, p. 342]. По словам девочки, в сложных ситуациях Джем умеет утешить почти также, как Аттикус В заключительной сцене романа указывается, что в любой ситуации отец поможет как более опытный человек и добрый друг: “He would be there all night, and he would be there when Jem waked up in the morning” [Lee, 2012, p. 378]. Глазастик уверена, что он будет рядом всю ночь и утром, когда брат проснется.

Тем не менее в романе Х. Ли дети и взрослые оказываются на разных полюсах, обладают различной степенью свободы и типом мировосприятия, их отношения во многом конфликтны. Ребенок находится в подчинении у старших, он – объект воспитания, назидания и даже наказания. Подростки ограничены в своих действиях, но они свободны внутренне, так как не успевают усвоить все поведенческие догмы, условности и нормы. Их мышление не сковано общепринятыми моделями поведения и предрассудками. При этом главное действующее лицо, отец героев, находится на их стороне, в этом отличительная черта произведения. И ему, и детям приходится столкнуться с отторжением и агрессией со стороны горожан, которые проповедуют другие ценности и попадают во власть существующих стереотипов. Мировоззрение семьи Аттикуса создает культурное и нравственное пространство, альтернативное провинциальным нравам [Стещенко, 2017]. Так, процесс взросления и усвоения уроков морали

связывается не с нравоучениями, проповедями, назиданиями, а проявляется в активном взаимодействии с окружающим миром, в самом жизненном опыте и испытаниях, которые выпадают на долю героев.

Дело по защите афроамериканца Тома Робинсона (Tom Robinson), за которое берется Аттикус, становится событием инициации как для него самого, так и для Джема с Глазастиком. Мужчина формулирует значимость происходящего следующим образом: “This case, Tom Robinson’s case, is something that goes to the essence of a man’s conscience – Scout, I couldn’t go to church and worship God if I didn’t try to help that man” [Lee, 2012, p. 138]. По сути, с нравственной точки зрения этот случай является принципиальным для адвоката. По его мнению, если он не поможет тому человеку, то не сможет больше ходить в церковь и молиться. Именно данную мысль он передает своим детям.

Жизнь подростков наполнена происшествиями, связанными со школой, общением со сверстниками и другими взрослыми, развлечениями и затеями: “Routine contentment was: improving our treehouse that rested between giant twin chinaberry trees in the back yard, fussing, running through our list of dramas based on the works of Oliver Optic, Victor Appleton, and Edgar Rice Burroughs” [Lee, 2012, p. 77]. Как следует из цитаты, они перестраивали свой древесный домик, ссорились, разыгрывали в лицах литературные сочинения. Иными словами, помимо городских историй, работы отца, у младшего поколения была своя жизнь, наполненная фантазиями и курьезами.

Изменения в жизни детей начинаются, когда Глазастик идет в школу. Джем предупреждает сестру, что там все будет не так, как дома. В комическом ключе показано, что он начинает сторониться Джин-Луизу и провожает ее только до входа в здание. В самой же школе мальчик делает вид, что они не знакомы. Еще одним испытанием становится критика учительницы, которая считает, что девочка читает не так, как следует. А Глазастик гордится этим умением, поскольку чтению ее обучила чернокожая няня. В этот же день происходят и другие события. Учитель просит девочку встать перед классом и

бьет ее линейкой по рукам, а затем ставит в угол: “Miss Caroline Fisher, our teacher, hauled me up to the front of the room and patted the palm of my hand with a ruler, then made me stand in the corner until noon” [Lee, 2012, p. 77]. Прежде героиню никогда не наказывали физически, и произошедшее становится для нее серьезным испытанием.

Примечательны также эпизоды, связанные с бунтом Джема и разрушением сада миссис Дюбоз, которая плохо отзывалась об их отце из-за того, что он пытался защитить Тома Робинсона. Дама саркастично заметила, что Аттикус «обожает чернокожих» (nigger-loving propensities) [Lee, 2012, p. 271]. За то, что сад был испорчен, дети понесли наказание, которое стало для них не просто актом повиновения, но важным этапом взросления, поскольку оказалось сопряжено со смирением, познанием другого и умением сочувствовать даже недругам.

Страшила Рэдли воспринимается жителями города как злодей. В его описании присутствуют стереотипные для такого героя характеристики. Люди считают, что он выходит по ночам, заглядывает в чужие окна, ему приписываются мелкие преступления, совершаемые в Мейкомбе: “People said he went out at night when the moon was down, and peeped in windows. When people’s azaleas froze in a cold snap, it was because he had breathed on them. Any stealthy small crimes committed in Maycomb were his work” [Lee, 2012, p. 37]. Однако это несправедливое суждение. Тем выразительнее оказывается развенчание данного мнения в finale романа. Дети утверждают, что Артур Рэдли хороший, но одинокий человек, заслуживающий жалости и любви: “Boo was our neighbor. He gave us two soap dolls, a broken watch and chain, a pair of good-luck pennies, and our lives” [Lee, 2012, p. 318]. Глазастик перечисляет все подарки, которые сделал им Страшила, и главным из них оказывается то, что он спас им жизнь после нападения на детей Боба Юэла. Особого внимания заслуживает сцена, когда девочка провожает Страшилу до дома: “I had never seen our neighborhood from this angle” [Lee, 2012, p. 318]. По ее мнению, это событие позволило увидеть квартал с другой стороны. Короткая прогулка

накладывает неизгладимый отпечаток на ее мировоззрение, буквально и метафорически меняет угол зрения подростка.

Героине в полной мере становятся понятны слова отца о необходимости понимания и принятия инаковости, которые он произносит в начале произведения: “Atticus was right. One time he said you never really know a man until you stand in his shoes and walk around in them. Just standing on the Radley porch was enough” [Lee, 2012, p. 319]. По мнению Аттикуса, невозможно понять человека, не ощущив себя на его месте. Так акцентируется мотив равенства. Ключевое значение имеет вывод, к которому приходит Глазастик: “As I made my way home, I thought Jem and I would get grown but there wasn’t much else left for us to learn, except possibly algebra” [Lee, 2012, p. 319]. Девочка замечает, что им с братом уже не придется учиться чему-то серьезному, потому что главные уроки жизни они получили, и их взросление можно считать состоявшимся. Именно это заключение становится обобщением опыта подростков и подводит определенную черту в инициации персонажей.

Таким образом, в анализируемом сочинении Х. Ли инициация показана не по канонам классической схемы, когда герои расстаются с предыдущим миром и оказываются в новом месте. Взросление персонажей здесь происходит в замкнутом пространстве города Мэйкомб, в привычном окружении, которое в силу определенных событий меняется вместе с ними. Специфика инициации в этом романе состоит в совмещении сюжетных линий, связанных с социальными событиями (судебный процесс, через который выражается расовая сегрегация общества) и личным опытом взросления детей. Это такие события, как дружба Глазастика и Джема с Диллом; история побега последнего; появление нового взрослого – тети Александры; адаптация подростков к ее методам воспитания. Не менее важны в этом отношении поход Глазастика и Джема в церковь с Кэлпурнией, пожар, встреча с разъяренными жителями города у тюрьмы и храброе поведение Глазастика; сцена суда; попытка побега и убийство Тома Робинсона. Большое значение для инициации

имеет также кульминация развития сюжета – школьный спектакль, когда происходит нападение на детей и их спасение Страшилой.

В произведении показано чередование каникулярного и школьного циклов, где летнее время сопряжено с освоением новых городских пространств, в том числе жилища Страшилы Рэдли, играми, спектаклями, а школьный период – это процесс получения знаний и поведение в рамках устоявшихся норм и правил. При всей справедливости и последовательности защиты, в суде дело Тома Робинсона было проиграно Аттикусом. Однако само это событие изменило взгляды горожан, сделало обитателей Мэйкомба более человечными. Несмотря на то, что пространство остается неизменным, в нем происходят внутренние трансформации. Они касаются всех персонажей, как взрослых, так и детей, которые проходят инициацию через преодоление кризисов взросления и переживание социально значимых событий.

Как было отмечено выше, в романе «Убить пересмешника» Джем и Глазастик не покидают город. Несмотря на свои проказы, они, безусловно, послушные дети, у которых сложились доверительные и теплые отношения с отцом. Приключенческий элемент включается в повествование и раскрывается благодаря образу Дилла, лучшего друга Глазастика и Джима. В Мэйкомбе он пришлый человек, который приезжает в город только летом. Совершив побег из дома, мальчик привносит свежие идеи для их общих игр и театральных постановок. В процесс инициации включаются как детские авантюры и происшествия, так и криминальные события, переживая которые подростки приобретают новые знания о мире, становятся более зрелыми, учатся различать игру и реальность. Смерть Тома Робинсона, покушение на жизнь подростков Бобом Юэлом – это важные моменты их инициации и вхождения во взрослый мир.

Процесс становления личности человека также лежит в основе произведений Дж. Ирвинга. Наиболее значимыми сочинениями писателя являются такие книги как «Мир глазами Гарпа» (“The World according to Garp”, 1978) и «Молитва об Оуэне Мини» (“A Prayer for Owen Meany”, 1989)

[Киреева, 2007; Des Pres, 1978]. Они, в той или иной степени, затрагивают проблему взросления. Литературоведы подчеркивают, что в таких повествованиях внимание притягивается к процессу изменения главного действующего лица, «постепенному усложнению его духовной организации» [Загарина, 2008, с. 309].

Важное значение в творчестве Дж. Ирвинга имеет произведение «Правила дома Сидра». Протагонистом в нем является сирота Гомер Уэллс (Homer Wells), живущий в приюте Сент-Клауд (St. Cloud's), который располагается в штате Мэн (Maine). Рядом с ним находится наставник – доктор Уилбур Ларч (Dr. Wilbur Larch). О последнем сообщается, что по мнению коллег он служит дьяволу, но сам он считает, что пребывает на службе у Господа: “His colleagues called this “the Devil’s work”, but it was all the Lord’s work to Wilbur Larch” [Irving, 1993, p. 18]. Свою миссию этот персонаж видит не только в заботе о брошенных детях, но и в помощи женщинам, желающим избавиться от нежелательной беременности. Так, Мелони (Melony), одна из воспитанниц Сент-Клауда, говорит, что он распоряжается жизнями людей: “What he means is, he’s playing God – he gives you your history, or he takes it away!” [Irving, 1993, p. 46]. Иными словами, доктор Ларч играет решающую роль в судьбе тех, с кем встречается.

Автор отмечал, что хотел написать роман о сиротах, поскольку указанная тема является универсальной, однако недостаточно исследованной проблемой [Bernstein, 1989]. Вот почему Гомер, главный герой сочинения, никогда не знал своих родителей, о его происхождении ничего не известно. Как и многие другие дети, он рождается и получает свое имя в приюте. Так его называет сестра Анджела (Nurse Angela), взяв за основу кличку одного из котов в своей семье. Есть у имени протагониста и другие референции. Оно отсылает к личности древнегреческого поэта Гомера. Этим подчеркивается умение центрального персонажа рассказывать истории, ведь именно благодаря данному таланту он развлекает и успокаивает маленьких обитателей приюта перед сном. В качестве книг для чтения юноша выбирает романы Ч. Диккенса

«Приключения Дэвида Копперфилда» и Ш. Бронте (Charlotte Bronte, 1816–1855) «Джейн Эйр» (“Jane Eyre”, 1847), что тоже неслучайно. Эти произведения являются классическими повествованиями о судьбе сирот, которые, несмотря на жизненные обстоятельства, стали успешными и счастливыми [Королева, 2020].

Впервые читатель знакомится с Гомером Уэллсом, когда он еще юн и неопытен. Автор так описывает внешность протагониста: “Homer Wells had a good, open face; it was not a face that could hide things – every feeling and thought was visible upon it, the way a lake in the open reflects every weather. He had a good hand for holding and eyes you could confess” [Irving, 1993, p. 101]. Из приведенной выше цитаты следует, что на лице юноши отражались его внутренние переживания, а взгляд был открытым. Он производил впечатление человека, на которого можно положиться и которому можно доверить свои мысли и переживания.

Все попытки героя покинуть приют и обрести семью заканчиваются неудачно. Автор доводит эту сюжетную линию до абсурда, подчеркивая невозможность Гомера расстаться с местом своего рождения. Первая семья возвращает мальчика обратно, так как он никогда не плачет. Другие приемные родители откровенно мучают ребенка, пытаясь заставить его вести себя так, как это делают другие дети. Члены семьи Дрейперов (the Draper family) принуждают Гомера повторять слова о том, насколько он себе омерзителен: “I am vile, I abhor myself” [Irving, 1993, p. 126]. От них мальчик сбегает. Последняя семья, решив отправиться с Гомером в путешествие, погибает.

По мнению доктора Ларча, тот факт, что протагонист так и не обретает семью, нарушает естественный ход вещей, поскольку приют не должен становиться начальной и конечной точкой существования тех, кто остался без попечения родителей: “...an orphanage that is not a way-station to a better life, but an orphanage that is the first and last stop, and the only station the orphan will accept” [Irving, 1993, p. 29]. После всех неудачных попыток устроить дальнейшую жизнь мальчика, окружающие его люди приходят к выводу о том, что Гомер

неотделим от места своего обитания: “Nurse Angela and Nurse Edna – and, finally, Dr. Wilbur Larch – were forced to admit that Homer Wells belonged to St. Cloud’s. The determined boy was not put up for adoption anymore” [Irving, 1993, p. 6]. Вот почему и врач, и обе няни больше не пытаются определить его в приемную семью.

Первый этап становления духовного мира персонажа связан с его пребыванием в относительно безопасном замкнутом пространстве приюта. Это детство и отрочество, когда доктор обучает его медицине. Затем Гомер покидает Сент-Клауд и уезжает с Кенди (Candy) и Уолли (Wally) в поместье Океанские дали (the Ocean View Orchards). Там происходит его знакомство с иной жизнью: различными слоями общества, профессиональными сферами, разными человеческими характерами. Поскольку инициация Гомера носит успешный характер, ее заключительная фаза знаменуется инкорпорацией в социум в новом статусе. Он возвращается в приют после смерти Ларча в роли врача. Протагонист принимает свое предназначение, поскольку способность к врачеванию Гомера можно воспринимать как дар. Посвящение завершается тем, что он продолжает путь своего наставника, следует его воле и даже берет другое имя, в соответствии с желанием последнего. В новой, искусственно созданной доктором, биографии Гомера, он официально является врачом и продолжателем дела своего наставника.

Образ учителя в романе имеет свою специфику. Доктор Ларч не только заменяет сиротам отца, но и берет на себя функции Бога, о чем прямо заявляет: “I have been given the choice of playing God or leaving practically everything up to chance <...> when it is possible to play God – we should seize those moments” [Irving, 1993, p. 119]. Гомер занимает особое место в его сердце. К этому ребенку директор приюта относится с большой теплотой и трепетом, поскольку видит в мальчике своего ученика и последователя. Он следит за всеми этапами становления его личности и в какой-то момент, как считает последний, даже руководит его действиями: “...he had felt Dr. Larch’s eyes so riveted to his hands that his hands seemed not his own – they moved with such

smooth purpose that Homer was sure that Dr. Larch had discovered a way to make that perfect” [Irving, 1993, p. 159]. Во время операции протагонисту начинает казаться, что не он сам проводит необходимые хирургические манипуляции, а доктор Ларч мысленно направляет движения его рук.

Как опытный человек Уилбур Ларч понимает, что Гомеру по мере его взросления предстоит покинуть приют. С точки зрения директора, это временный этап, и возвращение юноши обратно – неизбежно: “...the more complex with intrigue, the more gossip-ridden, the better <...> throws himself into society – the way an otter takes to the water” [Irving, 1993, p. 120]. Доктор осознает, что его воспитаннику непременно захочется стать частью социума, со всеми пересудами и интригами, и как только выпадет случай, он это сделает, ибо для него столь же неотвратимо, как прощание с приютом, так и новая встреча с ним. Именно об этом мечтает доктор Ларч: “What Larch dreamed of was that Homer would venture out in the world and then choose to come back to St. Cloud’s” [Irving, 1993, p. 145]. И такой момент действительно наступает. Гомер начинает понимать, что есть нечто большее, чем мир приюта и профессия акушера. Иными словами, начинается его знакомство с другим социумом. Окружающая жизнь, которая была ограничена Сент-Клаудом, расширяется. Новая профессия и иное окружение открывают протагонисту разнообразие и красоту мира: “What a new sense of security Homer had felt in that moment <...> and what a sense of freedom” [Irving, 1993, p. 290]. Центральный персонаж испытывает неизвестное ему прежде чувство защищенности и свободы.

Такой же сильной эмоцией для него является любовь к Кенди: “It was a feeling that rushed him from nowhere – and he knew, looking at Wally’s fond and handsome face, that it was a feeling with nowhere to go” [Irving, 1993, p. 323]. Она сравнима с громом среди ясного неба, ибо возникает независимо от того, есть ли надежда на счастливый финал. Поскольку его возлюбленная замужем, юноша думает, что у такого чувства скорее всего нет будущего. Глядя на добре, располагающее лицо Уолли, мужа девушки, протагонист ощущает это особенно отчетливо.

Ему потребуется расстаться с иллюзиями и сделать нравственный выбор. Автор прибегает к используемому многими писателями сюжетному ходу, когда какой-то из пропавших второстепенных героев считается умершим, в то время как на самом деле он жив. Так, думая, что законный муж Кенди, погиб на войне, главные персонажи романа начинают жить как семья, у них появляется сын Энджел (Angel): “They shared both a love and a grief, for neither of them would have permitted each other this moment if there were not at least parts of each of them that had accepted Wally’s death” [Irving, 1993, p. 322]. Из приведенной выше цитаты следует, что они одновременно ощущали и любовь, и боль, поскольку гибель Уолли, сколь бы трагичной она ни была, сделала возможным их счастье. После того, как раненый Уолли возвращается, образуется любовный треугольник. Кенди и Гомер решаются рассказать ему всю правду, и последний отправляется обратно в приют, поскольку там, по его мнению, расположен его истинный дом.

Приведенные жизненные сложности не только делают сильнее характер центрального персонажа, но и показывают его ранимость, уязвимость, подчеркивают то, насколько он рефлексивный и вдумчивый человек. Его до слез трогает проявленная доктором нежность: “Homer Wells cried because he’d never known how nice father’s kiss could be, and he cried because he doubted that Wilbur Larch would ever do it again” [Irving, 1993, p. 164]. Гомер плакал, потому что узнал, что такое отцовский поцелуй и одновременно с этим осознал, что едва ли этот момент повторится.

Он мучительно размышляет о законах бытия и том, одинаковы ли они для всех: “And what were the rules at St. Cloud’s? What were Larch’s rules? <...> Clearly Candy was observing some rules, but whose? And did Wally know what the rules were? And Melony – did Melony obey any rules?” [Irving, 1993, p. 169]. Перечисляя значимых для себя людей, Гомер сilitся понять, какими нравственными и духовными постулатами они руководствуются, едины ли эти правила для всех людей. Обозначенные нравственные вопросы отражены в заглавии романа. «Правила дома Сидра» – это не только буквальный свод

предписаний и жизненных установок виноделов, но и выражение нравственных поисков протагониста, его попыток обрести свое место в мире.

Главный герой задает самому себе вопрос, своей ли жизнью он живет, тот ли это путь, о котором он мечтал в детстве [Reily, 1991]. Автор разворачивает перед читателем размышления персонажа, прибегая к интертекстуальности. Как отмечалось выше, Гомер думает о своем предназначении, читая юным воспитанникам роман Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд». В тяжелые моменты жизни он повторяет начальные строки романа: “Whether I shall turn out to be the hero of my own life, or whether that station will be held by anybody else, these pages must show” [Irving, 1993, p. 89]. Именно желание стать хозяином собственной жизни определяет его поступки и поведение.

Психологическое взросление Гомера выражается в его решении вернуться обратно в приют: “Suddenly, it was clear to him – where he was going. He was only what he always was: an orphan who’d never been adopted <...> In his forties, a man should know where he belongs” [Irving, 1993, p. 594]. Он выражает мысли о том, что законное право на него имеет только Сент-Клауд, поскольку, пройдя свой путь, он считает, что остался тем, кем был всегда – неусыновленным сиротой.

События, происходящие с сорокалетним мужчиной вне приюта, влияют на решение приносить пользу именно там, где находится его истинный дом. Долгое время он делает все, чтобы побороть это чувство, но все-таки осознает, что несмотря на то, что ему нравится то место, где он живет сейчас, его сердце и мысли остаются с доктором Ларчем: “...he was crying; he realized that although he loved where he was, he loved Dr. Larch more than anyone else” [Irving, 1993, p. 91]. Для осознания этого персонажу требуются годы борьбы с самим собой и более глубокое проникновение в человеческую природу. В приюте он берет на себя роль лекаря, помогая воспитанникам не только физически, но и духовно, как до этого делал Уилбур Ларч.

Ключевое значение в «Правилах Дома сидра» имеет нарратив посвящения: проходя испытания, центральный персонаж стремится обрести самого себя и понять свое призвание, он также хочет быть полезным окружающим людям. Основные моменты взросления главного действующего лица выражаются в его инициации, что происходит через взаимодействие с окружающим миром. Внимание читателя акцентируется на переломных событиях в жизни героя (обретения и потери, разочарования, преодоление эгоцентризма), поскольку именно они оказывают влияние на формирование внутреннего мира и обретение протагонистом независимости и собственного «я». Значимыми мотивами являются предопределение и одиночество [Афанасьева, 2012].

Значительный вклад в становление американского романа инициации внесла своим дебютным романом «Тайная история» Донна Тартт. Данное произведение стало бестселлером и было переведено на двадцать четыре языка, включая русский. Причиной такой популярности во многом является гибридная жанровая структура, нелинейность нарратива, диегетический повествовательный дискурс [Clough, 2015; Fowler, 1989]. Многомерность поэтики текста достигается за счет обращения к детективной истории, эстетике и драматургии античной трагедии, экфрастических отступлений [Назирова, 2016]. По мнению одних ученых, «Тайная история» – это «сложное в жанровом отношении произведение, в котором синтезированы черты триллера, психологического и философского романа» [Назирова, 2016, с. 43]. Другие литературоведы называют рассматриваемое сочинение «синкретизмом детектива, романа нуар и греческой трагедии в современном антураже» [Григорян, Блинова, 2016, с. 198]. С нашей точки зрения, в нем, помимо указанных жанровых разновидностей, важное значение имеют такие особенности как: нарративная организация, пространственно-временная структура, специфика системы персонажей, функционально-семантическая роль референций к античным источникам.

Анализируя образы и детали данного романа, литературоведы отмечают «структурообразующее влияние античной литературы» на него [Анцыферова, 2015, с. 22]. Этим, на их взгляд, обусловлена аналитическая композиция, позиция рассказчика, сходная с хором в трагедии, появление «мага» или «жреца некоего тайного культа», с которым связано функционирование в тексте дионисийского и аполлонического начал. По мнению других ученых, замысел произведения гораздо сильнее связан с идеями Ф. Ницше [Гаранина, 2017]. Влияние идей этого философа на внутреннее становление протагониста романа инициации уже рассматривалось нами на материале «Мартина Идена» Дж. Лондона. В «Тайной истории» ключевыми являются положения философа из его книги «Рождение трагедии из звука музыки» (*Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*, 1872). Концепция вышеупомянутого мыслителя, предполагающая наличие «живой стены» между индивидом и действительностью с целью сохранения «идеальной почвы и поэтической свободы», стала основой конфликта романа Д. Тартт [Ишимбаева, 2016, с. 79]. В центре нарратива находится преступление, на которое протагонисты решаются, вдохновившись теориями своего наставника Джюлиана Морроу (Julian Morrow). По мнению ученых, он «соблазняет учеников лекциями с ницшеанским подтекстом, во время которых и закладывает в их головы мысль об абсолютной свободе и <...> рисует схему возрождения сверхчеловека в дионисийских мистериях» [Ишимбаева, 2016, с. 79]. Именно концепция сверхчеловека впоследствии стала основой антиинициации персонажей, предполагающей, что протагонист проходит испытания со знаком «минус», поскольку они имеют разрушительный характер и представляют угрозу для других людей.

Особое значение имеет заглавие романа. Оно отсылает читателя к произведению византийского историка Прокопия Кесарийского (*Procopius Caesarensis*, между 490 и 507 – после 565 до н. э.). Исполняя обязанности военного летописца, он создал восьмитомную «Историю войн» (*Ὑπέρ τῶν πολέμων λόγοι, Ἰστορίαι*, 540 до н. э.) и снабдил ее неофициальным

дополнением, которое с греческого языка переводится как «Тайная история» (“The Secret History”). Таким образом, роман Д. Тартт, написанный от первого лица, словно представляет альтернативную и истинную точку зрения на события. Анализируя первый вариант заглавия «Бог иллюзий» (“The God of Illusions”), литературоведы отмечают, что он во многом является метафорой всего произведения, поскольку реферирует к преодолению героями иллюзорных представлений о мироустройстве [Черноземова, 2018]. Один из эпиграфов романа взят из произведения «Государство» (“Πολιτεία”, 360 до н. э.) древнегреческого философа Платона (Πλάτων; 428/427 г.г. или 424/423 г.г. – 348/347 г.г. до н. э.): “Come then, and let us pass a leisure hour in storytelling, and our story shall be the education of our heroes” [Tartt, 2017, p. 11]. Из данной цитаты следует, что речь здесь пойдет о воспитании и внутреннем формировании героев.

В прологе сообщается о сюжетообразующем событии – убийстве студента Банни (Bunny): “The snow in the mountains was melting and Bunny had been dead for several weeks before” [Tartt, 2017, p. 9]. В начале романа этого персонажа не было в живых уже несколько недель. Имена преступников известны читателю, а последующее развитие сюжета лишь раскрывает мотивы, истинные причины убийства и его последствия. В нарративе присутствует прямая отсылка к роману «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, она появляется в напряженный момент внутренних страданий героя и звучит как прорвавшийся внутренний голос: “It was I killed the old pawnbroker woman and her sister Lizaveta with an axe and robbed them” [Tartt, 2017, p. 424]. Протагонист осознает, что они с друзьями совершили страшное необратимое зло и в своем сознании приравнивает его к убийству Родионом Раскольниковым старухи-процентщицы и ее сестры в романе русского писателя.

Персонажи романов Ф.М. Достоевского и Д. Тартт – студенты, которые совершают два убийства – намеренное и случайное. Герои произведений «испытывают свои намерения на прочность, чтобы доказать, что проверка не была напрасной» и получают наказание в виде мук совести, одержимости

мыслью не быть пойманными. Их объединяет и особый тип психологизма: внутренние метания, переживания персонажей, их страхи и муки совести [Назирова, 2016]. Убийство студента в романе «Тайная история» является повторением сюжетной ситуации романа «Бесы». Дело студента Иванова («нечаевское дело») легло в основу романа. Речь идет об убийстве группой студентов слушателя Петровской сельскохозяйственной академии Ивана Ивановича Иванова 21 ноября 1869 года, совершенном кружком «Народная расправа» («нечаевцы»), возглавляемым С.Г. Нечаевым [Баранов, 1998]. Для преступления был избран грот на берегу заболоченного пруда, труп студента обернули в пальто, нагрузили кирпичами и опустили в воду под лед, надеясь скрыть произошедшее до весны. Ф.М. Достоевский знал о подробностях дела не только из газет, но и из рассказов Ивана Сниткина (брата жены), студента Петровской академии, который был лично знаком с Ивановым и некоторыми из его убийц. Этот случай, взятый за основу романа «Бесы», отчетливо коррелирует с обрамлением смерти Банни, которого убивают пятеро студентов в лесу, сталкивая с обрыва. В тексте можно усмотреть специальное использование роли снега, который, напротив, скрывает тело и затрудняет поиски. Такой отсылкой Д. Тартт словно уравнивает революционный пафос и дионисийско-ницшеанские мотивировки совершения преступления героями Д. Тартт. Референции к сочинениям классика русской литературы не случаины в современном американском романе инициации (прежде всего, речь идет о творчестве Д. Тартт). Полифония его романов, изображение личности в переходных состояниях сознания (аффект, внутренний кризис, потрясение) представляются продуктивными для поэтики рассматриваемых текстов.

Повествование строится как воспоминание двадцативосьмилетнего героя Ричарда Пейпина (Richard Papen). Читатель изначально знакомится с главной интригой романа, но, несмотря на это, история разворачивается как детективная, с использованием типичного для греческой трагедии приема перипетии, резкого сюжетного поворота.

Открытие тайны в прологе романа нивелирует приключенческий элемент и делает центром повествования трансформацию высокого аполлонического увлечения героями культурой Древней Греции в разрушительную деструктивную дионисийскую силу, воплотившуюся в убийстве, которое становится их антиинициацией. Нарратор занимает нейтральную позицию, его повествование объективно и бесстрастно. Оно строится на оппозиции реального мира, в котором пребывают герои и миры идей, античного «эйдоса» как мыслительной абстракции, противопоставленной всему житейскому и бытовому [Лосев, 1974]. Важной чертой повествования является исповедальность. Рассказчик излагает историю через много лет после того, как она произошла, пытаясь осмыслить случившееся и через наррацию освободиться от него: “I suppose at one time in my life I might have had any number of stories, but now there is no other. This is the only story I will ever be able to tell” [Tartt, 2017, p. 9]. По мнению Ричарда, если бы все сложилось иначе, он мог бы рассказывать о многом другом, но в его жизни была только одна история, и лишь ее он может изложить.

Действие романа происходит в небольшом колледже в Вермонте (Vermont), куда в возрасте девятнадцати лет приезжает изучать греческий язык главный герой. Следует заметить, что это знаковый и симптоматичный для Д. Тартт топос, многие детали и образы университетского мира автобиографичны. В 1981 году писательница поступила в Университет Миссисипи, затем перевелась в Бенningтонский колледж (штат Вермонт), специализирующийся в области «свободных искусств», где училась на отделении классической филологии.

Ричард попадает в элитный кружок интеллектуалов, учеников Джулиана Морроу, которых объединяет любовь к античной культуре и греческому языку. Закрытый колледж и обособленная от всех группа учеников, которая занимается в отдельном корпусе, называемом «Лицей» (Lyceum), образует квадратично замкнутый топос, где ученики Джулиана – самостоятельная социальная группа. Герои описываются как замкнутые и отчужденные люди:

“...they shared a certain coolness, a cruel, mannered charm which was not modern in the least but had a strange cold breath of the ancient world” [Tartt, 2017, p. 41]. Как следует из цитаты, все они обладали некой отстраненностью от реального мира и своеобразным шармом. В них не было ничего от современности, а чувствовалось дыхание античного мира. Любовь к культуре Древней Греции формирует отдельное сообщество молодых людей: “In a certain sense, this was why I felt so close to the others in the Greek class. They, too, knew this beautiful and harrowing landscape, centuries dead; they’d had the same experience of looking up from their books with fifth-century eyes” [Tartt, 2017, p. 223]. Ричард сообщает, что одногруппники были близки ему по той причине, что, как и он сам, они смотрели на мир глазами жителей пятого века до нашей эры. Персонажи совершают убийство, словно находясь в некотором ирреальном пространстве, но последствия, к которым приводит это действие, настигают их в реальной действительности.

Образ Джулиана вписывается в традиционную архетипическую парадигму «учитель-ученик», однако представляется сложным и неоднозначным и, скорее, является ложным наставником. Приобщая учеников к знаниям, именно он внушает им мысль о собственной исключительности, возможности быть демиургами, познавая тайны бытия и его глубины. Так в романе реализуется традиционный для американской словесности мотив избранности, однако приобретающий новые коннотации: подобное мировосприятие может быть губительным и опасным. Гармоничное восприятие эллинами самих себя как органичного элемента вселенной противопоставляется самопозиционированию героев романа, которые чувствуют свою уникальность, ведущую ко вседозволенности.

Друзьями Ричарда становятся пятеро студентов: Генри (Henry), Фрэнсис (Francis), Банни (Bunny), близнецы Камилла (Camilla) и Чарльз (Charles). Примечательна характеристика Генри. Он отличается особым интеллектом, владеет несколькими языками, как древними, так и современными. Филологи обращают внимание на фамилию Винтер (Winter), отмечая ее «зимнюю»

семантику, «связанную с ледяным умиранием природы» [Ишимбаева, 2016, с. 81]. Именно этот персонаж становится идейным вдохновителем вышеупомянутых protagonистов и призывает их к совершению убийства.

Другой студент, Банни, привлекает внимание символикой своего прозвища. Дело в том, что одно из значений английского слова (“*bunny*” – «кролик, крольчонок») привносит в него дополнительный смысл: как известно, это животное в американской культуре является пасхальным символом. Поэтому образ Банни связан с темами невинности и чистоты, диссонирующими, однако, с деталями его портретной характеристики и описанием внутреннего мира.

Примечательна внешность Фрэнсиса: “Angular and elegant, he was precariously thin, with nervous hands” [Tartt, 2017, p. 26]. Этот молодой человек выглядит элегантно, его локти имеют острые выступы, а движения характеризуются нервозностью. Персонаж вызывает у рассказчика ассоциации с Альфредом Дугласом (Alfred Douglas), другом английского писателя и драматурга Оскара Уайльда (Oscar Wilde, 1854–1900).

Еще одними участниками кружка являются близнецы Чарльз и Камилла: “...much alike, with heavy dark-blond hair and epicene faces as clear, as cheerful and grave, as a couple of Flemish angels” [Tartt, 2017, p. 27]. У них густые русые волосы и отстраненные, но ясные и радостные лица, которые сравниваются с лицом ангелов на картинах фламандцев. В их описании Д. Тартт использует типичный для ее творчества прием характеристики персонажа через аллюзивное обращение к изобразительному искусству [Черноземова, 2016], что в полной мере проявится в романе «Щегол». Характеризуя брата и сестру, Ричард наделяет их качествами, которые, по его мнению, можно встретить лишь у персонажей фильмов и книг: “...they suggested a variety of picturesque and fictive qualities” [Tartt, 2017, p. 28]. Юноша так выражает свои впечатления от общения с ними: “...it was as if the characters in a favorite painting, absorbed in their own concerns, had looked up out of the canvas and spoken to me” [Tartt, 2017,

р. 29]. Ему казалось, что с ним заговорили персонажи любимой картины, которые ненадолго отвлеклись от собственных мыслей и забот.

Характерными чертами романа «Тайная история» являются эстетизм, культивированный красоты, уже отмеченная филологичность: текст насыщен аллюзиями к произведениям античных авторов и классиков последующих эпох. Это образует «двойное кодирование» нарратива: за детективным сюжетом скрыт интертекстуальный подтекст, по-настоящему доступный только подготовленному читателю [Heinemann, 2015]. Еще на первом занятии между персонажами возникает беседа, которая косвенно затрагивает основные идеи романа. Генри говорит о том, что отталкивающие вещи способны восхищать зрителя, если они запечатлены в произведениях искусства. Вторит ему и Джюлиан: “...the bloodiest parts of Homer and Aeschylus are often the most magnificent” [Tartt, 2017, p. 49]. По его мнению, наиболее жестокие сцены в произведениях античных авторов являются и самыми впечатляющими. Достойными и заслуживающими внимания эпизодами он называет убийство Агамемнона, гнев Ахилла, Диониса на погребальном костре: “The murder of Agamemnon and the wrath of Achilles. Dido on the funeral pyre” [Tartt, 2017, p. 50].

Благодаря упоминанию театральной постановки студентами части трагедии древнегреческого драматурга Эсхила (*Αἰσχύλος*, 525 до н. э. – 456 до н. э) автором вводится в нарратив категория интермедиальности [Джумайло, 2018]. Спектакль является предзнаменованием убийства, поскольку в основе трагедии лежат культовые празднования в честь бога плодородия Диониса, на архаичном этапе подразумевающие жертвоприношения. Также с помощью этого приема реализуется многоплановость структуры анализируемого романа: упоминание текста-первоисточника – его отражение – воплощение судьбе персонажей. Показательным оказывается и обращение к трагедии Еврипида (*Εὐριπίδης*, 480 – 406 до н.э.) «Вакханки» (*Βάκχαι*, 405 до н. э), которую рассказчик интерпретирует как торжество варварства и хаоса над разумом: “...it was a triumph of barbarism over reason: dark, chaotic, inexplicable” [Tartt,

2017, p. 51]. Дионисийские мистерии воспринимаются героями как возможность быть свободными: “To be absolutely free! <...> we can rip away the veil and look that naked, terrible beauty right in the face” [Tartt, 2017, p. 52]. Иными словами, мотив избранности в данном сочинении дополняется мотивом свободы. Обретение независимости видится персонажам в созерцании обнаженной, устрашающей красоты.

Такое понимание сакральных таинств сопряжено с убийством как неким сакральным действием: “It was heart-shaking. Glorious. Torches, dizziness, singing. Wolves howling around us and a bull bellowing in the dark. The river ran white. It was like a film in fast motion, the moon waxing and waning, clouds rushing across the sky. Vines grew from the ground so fast they twined up the trees like snakes” [Tartt, 2017, p. 188]. Ричард описывает преступление как волнующее событие, в котором присутствуют такие атрибуты как факелы и пение. Героям даже кажется, что они слышат вой волка и рев быка, река бурлит молоком, луна прибывает и убывает, виноградные лозы вырастают и оплетают деревья прямо на их глазах. Можно говорить о том, что в их сознании происходит подмена понятий: вместо того, чтобы преодолевать сложности, сопряженные с взрослением и обретением собственной идентичности, они совершают кровопролитие.

Во время ритуального убийства, персонажи пребывают в особом состоянии духа: “You saw Dionysus, I suppose? I had not meant this at all seriously, and I was startled when he nodded as casually as if I’d asked him if he’d done his homework. You saw him corporeally! Goatskin? Thyrsus?” [Tartt, 2017, p. 189]. По мнению участников случившегося, они видели Диониса со всеми свойственными этому древнегреческому богу реквизитами: он был в козлиной шкуре и с тирсом. Миметически воспроизводя эстетику и воссоздавая внешние атрибуты греческой трагедии, Д. Тартт делает ее жанровые признаки и поэтику внутренней основой романа инициации.

Эпилог представляет собой квинтэссенцию основных сюжетных линий и мотивов (прежде всего, мотива одиночества). С одной стороны, судьба героев

разрешается в соответствии с каноном греческой трагедии, а с другой, включает в себя сюжет антиинициации. Это самоубийство Генри, ранение Ричарда, расставание близнецов, бегство Джулиана, потеряянность Фрэнсиса. Итогом данного процесса становится деструкция персонажей, чувство вины или даже смерть.

Можно сделать вывод о том, что сюжетообразующим элементом романа является история становления героев, сопряженная с мотивами учителя *versus* ложного учителя, разрушительной *versus* созидательной силы искусства. Нarrатив совмещает жанровые признаки романа инициации, детектива, университетского романа. Анализируемый роман представляется частью метатекста о взрослении, в котором реализуются инвариантные в творчестве Д. Тартт модели, обнаруживаемые и в последующих романах писательницы: одиночество героя в собственной семье, ее неприятие (Ричард «Тайная история», Гарриет «Маленький друг») или утрата (Тео «Щегол»), постижение мира через литературу (Ричард «Тайная история», Гарриет «Маленький друг») или искусство («Щегол»), детективная составляющая.

Рецепция античной культуры является ключевой темой и сюжетообразующим элементом как на внешнем уровне, так и на уровне философской проблематики романа. Наррация Ричарда рассчитана на преодоление собственной греховности и очищение. Исходом его антиинициации можно назвать последовавшие за ней события: участие в похоронах Банни, общение со следователями, разрушение дружеского союза, но главное – перманентный страх, одиночество и потеря жизненных ориентиров.

Представляется продуктивным взгляд на творчество Д. Тартт с точки зрения социального потенциала ее произведений, способа взаимодействия или пакта между читающим и пишущим [Турышева, 2015]. В таком дискурсе литературное сочинение, посредством выделения нарративных инстанций внутри него, обнаруживает их гомологичность, равнозначимость для писателя и реципиента. Популярность романа инициации связана с меняющимся

восприятием возраста, поколенческой идентичности. Можно говорить о переоценке личности, подвижной во времени. Литература оказывается вписана в ряд иных социокультурных практик, общей тенденцией развития которых можно назвать антропологический поворот, характеризующийся взаимодействием бытового повседневного опыта и специфического гуманитарного знания, опосредованного литературным воображением [Венедиктова, 2007]. Продолжая литературные традиции прошлого, Д. Тартт соединяет свои романы и с настоящим: учитывая полидисциплинарность современного культурного пространства, важной является serialная парадигма: сериалы «Половое воспитание» (*“Sex education”*, 2019), «Эйфория» (*“Euphoria”*, 2019), которые продолжают намеченные писательницей сюжетные линии.

Роман инициации «Тайная история» становится претекстом к таким сочинениям американских прозаиков XXI века, как «Некоторые вопросы теории катастроф» М. Пессл (*“Special Topics in Calamity Physics”*, 2006 by Marisha Pessl, 1977–), «Тайное место» Т. Френч (*“The Secret Place”*, 2014 by Tana French, 1973–), «Маленькая жизнь» Х. Янагихары. В творчестве Д. Тартт можно выделить целый спектр тем, образов и сюжетов с прогностическим потенциалом: они обозначены в ее сочинениях, но полноценно развиваются в вышеназванных романах. Прагматику произведений писательницы можно усмотреть в особого рода художественной соблазнительности ее творений, что достигается за счет рецептивных конвенций и нарративной логики: повествование ведется от первого лица, автор постоянно апеллирует к читателю. Особенно отчетливо рецептивный след от романа Д. Тартт «Тайная история» можно обнаружить, анализируя его восприятие и прочтение подростками [Цветкова, 2010]. Манера одеваться, увлечения, семиотика поведения, отношения между героями воспринимаются как эталон, тиражируются, вызывают подражания. Доказательством этого служит явление, называемое «Темной академией» (*“Dark Academia”*) [Howalter, 2009]. Для представителей указанной субкультуры романы писательницы имеют

особое значение. Приверженцы этой эстетики, подобно героям «Тайной истории», позиционируют себя как закрытую, элитарную группу молодежи, сфера интересов которой – искусство, литература, философия. Наибольшее внимание они уделяют внешним атрибутам: изысканная одежда, утонченность, интеллектуальность. Однако не менее важно и содержание: тяга к знаниям, любовь к литературе и языкам. Это влияет на внутреннее становление подростков, их взросление и инициацию.

Знаковым в формировании романа инициации является сочинение Ст. Чбоски «Хорошо быть тихоней». Его композиция носит ретроспективный характер. Основными топосами являются школа, дом, городские пространства, больница. В нарративе получают полноценное звучание идеи, намеченные в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Они оказали большое влияние на композицию, психологический портрет центрального действующего лица и систему второстепенных персонажей: поиск учителя, самопознание индивида через литературу, преодоление одиночества и др. Общими в произведениях являются темы дружбы и любви, отражение социокультурных реалий – черты, которые впоследствии наследует роман инициации в новейшей литературе США.

Протагонистом сочинения Ст. Чбоски является подросток Чарли (Charlie), которому по ходу повествования исполняется шестнадцать лет. Роман пронизан автобиографическими мотивами, что подчеркивает и его эпиграф: “For my family”⁶ [Chbosky, 2019, p. 4]. Он написан в эпистолярной форме, нарратив строится на дружеских посланиях к читателю, которые начинаются с прямого обращения: “Dear friend”. Для Чарли реципиент – более взрослый и опытный человек, который разделяет с ним ценности и является «дорогим другом».

⁶ Такие посвящения указывают на то, что жанр автобиографии продолжает оказывать влияние на роман инициации как в литературе XX века, так и в новейшей литературе (посвящение романа «Щегол» маме писательницы).

Роман начинается с изменений в жизни главного героя: он становится учеником старшей школы. Этим обусловлена потребность подростка рассказать о своих переживаниях: “The reason I wrote this letter is because I start high school tomorrow and I am really afraid of going” [Chbosky, 2019, p. 16]. Чарли не чувствует себя комфортно, он побаивается переступить порог нового образовательного учреждения.

Письма Чарли, по сути, являются дневником, где он отражает события внешнего мира и фиксирует свои внутренние изменения. Благодаря этому происходит погружение читателя в сознание персонажа. Его рассказ сопровождается рефлексией и воспоминаниями. Ретроспекции используются нарратором для описания наиболее важных и сложных событий, таких как амбивалентные воспоминания о тете Хэлен (Aunt Helen) или боль и чувство вины из-за самоубийства лучшего друга Майкла (Michael).

Образ протагониста раскрывается через его сочинения. В них Чарли излагает мысли о прочитанных книгах и говорит о влиянии, которое литература оказывает на его взросление. Творческая работа, связанная с романом «Над пропастью во ржи» особенно дорога подростку. Он получает книгу от своего педагога и наставника Билла (Bill): “Bill gave me one book to read over the break <...> It was Bill’s favorite book when he was my age. He said it was the kind of book you made your own” [Chbosky, 2019, p. 105]. То же самое любила читать его мама, когда была совсем юной: “And my mom gave me some of the books she loved when she was a kid. One of them was The Catcher in the Rye” [Chbosky, 2019, p. 105]. Она передает сыну книги, которые нравились ей в детстве, данное издание оказывается среди них.

Впоследствии Чарли дарит дорогие его сердцу книги в качестве прощальных подарков друзьям, когда они уезжают в колледж: “I gave Patrick On the Road, Naked Lunch, The Stranger, This Side of Paradise, Peter Pan, and A Separate Peace. I gave Sam To Kill a Mockingbird, The Catcher in the Rye, The Great Gatsby, Hamlet, Walden, and The Fountainhead” [Chbosky, 2019, p. 217]. Примечательно, что во всех перечисленных произведениях англоязычной

литературы, в той или иной степени, присутствует сюжет инициации. Таким образом формируется корпус сочинений, которые не только воздействуют на внутренний мир персонажей романа, но и могут быть полезны читателям. Чарли отмечает: “It has also helped me while I’m trying to figure out what’s wrong with me. It didn’t give me any answers necessarily, but it was helpful to know that someone else has been through it” [Chbosky, 2019, p. 196]. По мнению мальчика, перечисленные выше книги помогают ему понять самого себя. Они не дают конкретных ответов, но показывают, что другие люди тоже проходили через те же трудности, с которыми столкнулся он сам.

Главному герою романа не хочется взрослеть, поскольку для него важно сохранить внутреннюю чистоту: “I walked over to the hill where we used to go and sled. There were a lot of little kids there “I watched them flying <...> I think it would be great if sledding were always enough, but it isn’t” [Chbosky, 2019, p. 104]. Протагонист смотрит на малышей, которые катаются с горки, и сокрушается о том, что во взрослой жизни для счастья недостаточно именно этого.

Чарли испытывает одиночество и непонимание в своей семье, где принято скрывать эмоции. Например, когда после просмотра телешоу подросток случайно видит, как плачет его отец, он с трудом может поверить, что это возможно: “I walked to the kitchen, and I saw my dad making a sandwich... and crying. He was crying harder than even my mom. And I couldn’t believe it” [Chbosky, 2019, p. 19]. Для родителя мальчика открытое проявление чувств недопустимо: “Not everyone has a sob story, Charlie, and even if they do, it’s no excuse” [Chbosky, 2019, p. 30]. Мнение родного человека заставляет протагониста быть замкнутым и скрытым. Так, он много лет носит в себе страшную тайну о пережитом физическом насилии со стороны тети Хелен, человека, которому он доверял. Посттравматический синдром и внутренняя изоляция приводят главного героя к одиночеству и внутреннему кризису: “I know that I brought this all on myself <...> I’d do anything not to be this way I just wish that God or my parents or Sam or my sister or someone would just tell me what’s wrong with me. Just tell me how to be different in a way that makes

sense” [Chbosky, 2019, p. 148–149]. Чарли не принимает себя таким, какой он есть. Он считает, что у него нет целостности.

Настоящей опорой для мальчика оказывается учитель Билл, который скорее является его другом, нежели наставником. В прощальном разговоре с Чарли он говорит: “I’m not your teacher anymore <...> I do consider you a friend, Charlie” [Chbosky, 2019, p. 168]. Билл дарит подростку веру в себя: “Charlie, you’re one of the most gifted people I’ve ever known” [Chbosky, 2019, p. 168]. Он называет его одним из самых одаренных людей, которых когда-либо знал.

Несмотря на сложности, протагонист является положительным героем, которому свойственно позитивное мировосприятие, в отличие от типичных персонажей романа инициации, находящихся в состоянии глубокого внутреннего кризиса. В описании его чувств преобладают светлые интонации. Он испытывает искреннюю любовь к Сэм, Патрику, отлично учится и старается приносить родителям радость. Герой переживает состояния просветления, «эпифаний» [Халтрин-Халтурина, 2011]: “Sam sat down and started laughing. Patrick started laughing. I started laughing. And in that moment, I swear we were infinite” [Chbosky, 2019, p. 168]. По его словам, в моменты, когда его близкие друзья счастливы, все они смеются, он ощущает, что их души бесконечны. Внутреннюю гармонию ему помогает обрести увлечение дзэн-буддизмом, которым он проникается благодаря дружбе со школьной приятельницей Мэри-Элизабет (Mary Elizabeth): “Mary Elizabeth told me that the thing about Zen is that it makes you connected to everything in the world...” [Chbosky, 2019, p. 168]. Через эту философию Чарли старается ощутить причастность ко всему, что есть в мире.

В исследуемом романе присутствуют аллюзии не только на классические художественные произведения, но также на фильмы, музыку, культурные традиции. Это, например, традиционная рождественская игра «Тайный Санта» (“Secret Santa”), празднование Дня благодарения (Thanksgiving Day), выпускной бал. В нарративе упоминаются такие фильмы, как «Выпускник» (“The Graduate”, 1967), «Общество мертвых поэтов» (“Dead Poets Society”,

1989), популярные телешоу и телесериалы. Тинейджеры участвуют в школьной постановке шоу «Рокки Хоррора» (“The Rocky Horror Picture Show”), что воспринимается ими как шуточная инициация: “I think this is the initiation for new cast members” [Chbosky, 2019, p. 157]. Обряд посвящения проходят новички школы. Упоминание культурных реалий является своеобразным мостиком к роману инициации в новейшей литературе США, где постижение искусства играет немаловажную роль в становлении protagonистов.

Таким образом, в данном романе показана инициация подростка. Он переживает типичные для своего возраста трудности: непонимание со стороны родителей, поиск собственного круга общения, первую любовь. Особенностью романа является его эпистолярная форма, а также то, что нарратор хранит тайну, о которой сообщается, несмотря на исповедальное повествование, не сразу. Другой характерной чертой этого сочинения можно назвать внимание к литературе: чтение книг для подростка становится такой же школой жизни, как события, происходящие с ним в реальности.

Можно сделать вывод о том, что для произведений второй половины XX века, объединенных темой взросления, обряд инициации выступает сюжетообразующей основой. Доминирующим способом повествования является исповедальный нарратив, реципиент мыслится активно реагирующим, разделяющим ценности нарратора. Структурообразующей осью сочинений становится усиление внутреннего психологизма центральных персонажей (Ст. Чбоски), актуальная социальная проблематика (Х. Ли, Дж. Ирвинг). Большое внимание уделяется аллюзиям к классическим образцам, литература служит средством постижения мира и взросления protagonистов. Сюжетно-композиционные особенности, пространственно-временная структура, особенности повествовательной модели становятся основой романа инициации в новейшей литературе США, исследованию поэтики которого посвящена третья глава настоящей диссертации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Комплексный анализ художественных произведений с учетом таких основополагающих, на наш взгляд, теоретических аспектов, как тип протагониста, система второстепенных персонажей, хронотоп, специфика нарратории, опорные точки композиции (ключевые события посвящения) позволил выявить динамику романа инициации и проследить историю его становления в литературе США (см. Приложение 6).

В своих работах авторы XVIII–XIX веков запечатлевали процесс формирования новой нации через обобщение индивидуального опыта личности и ее взаимодействия с социумом. Этим нарративам свойственен созидательный, оптимистический характер, устремление протагонистов к достижению благородных целей. В литературной традиции XX века частично сохраняется дневнико-мемуарная форма и мозаичность сюжета,ственные прозе предыдущих столетий, однако оптимизм и вера в себя сменяются пессимизмом относительно возможностей внутренней гармонии и нахождения индивидом своего места в мире.

Взросление и обретение самостоятельности имеют особую ценность в жанре автобиографии, затем они превращаются в макрометафору для описания этнорасовых и национальных реалий и, наконец, становятся отдельным нарративом, выражющим диалектику социального и индивидуального (поиск героями собственной идентичности, преодоление травм и др.). Романтизация сменяется опытом реалистической психологизации и деидеализации.

Точкой отсчета развития романа инициации можно считать «Автобиографию» Б. Франклина. Протагонистом является молодой человек, выходец из простого сословия, от лица которого ведется повествование. В произведении представлена внутренняя фокализация, это – ретроспективный автобиографический нарратив, обладающий назидательным пафосом. Местом действия является городское пространство, время – долгий отрезок жизни нарратора, от юности до физической и духовной зрелости.

Ключевым событием инициации можно считать профессиональное становление протагониста и его нравственное самосовершенствование.

В романе Л.М. Олкотт в качестве героя выступает коллективный субъект, это девочки в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет. События разворачиваются в небольшом городе на севере США, важное значение имеет топос дома. Время действия занимает год, композицию обрамляет празднование Рождества. Повествование ведется от третьего лица (нулевая фокализация), присутствует психологическая интроспекция внутреннего мира героинь. В сочинении раскрывается женская инициация, частью которой является осознание героинями необходимости служения людям, деятельной любви к ним и понимание важности сохранения домашнего очага.

В широко известном произведении М. Твена «Приключения Тома Сойера» представлена инициация мальчика-сироты, частью которой является блуждание в пещере, поиск клада, инсценирование собственной смерти. Эти происшествия имеют очевидные отсылки к обрядам перехода. Психологизм персонажей передается через внешние события, которые разворачиваются не только в городских (Сент-Питерсберг), но и загородных (река Миссисипи, остров Джексон) пространствах.

Важной вехой становления романа инициации является другой роман М. Твена – «Приключения Гекльберри Финна», который можно считать показательным примером рассматриваемого вида сочинений, поскольку в нем присутствуют характерные жанровые маркеры: повествование от первого лица, внутренняя фокализация (речь подростка); наличие в системе второстепенных персонажей: наставника (Джим), двойника (Том Сойер), лжеучителя (отец Гека); динамический пространственный вектор (плавание по реке Миссисипи, широкая география), а также временные характеристики (сжатое время, интенсификация событий).

На поэтику романа инициации влияет смена культурных парадигм рубежа XIX-XX веков. Смысловой доминантой нарратива становится не только положительная программа развития главного персонажа, но и

отрицательное его движение, итогом которого становится непройденная инициация. В романе Дж. Лондона «Мартин Иден» разворачивается история взрослого героя, который, несмотря на свой возраст, не справляется с испытаниями, посыпаемыми ему судьбой. Сочетание в произведении черт неоромантизма и реализма выражается в жанровом синтезе (совмещение «романа о художнике» и романа инициации), изложении событий от третьего лица с эксплицитным фокусом на внутреннем мире протагониста и его психологическом взрослении, неоднозначном finale. Мартин Иден справляется с испытаниями, но в ходе инициации теряет самого себя и утрачивает смысл жизни, итогом этого процесса становится его самоубийство.

Реалистические тенденции преобладают в романе Т. Драйзера «Американская трагедия». Рассказ здесь ведется от третьего лица, представлена относительно полная ретроспектива жизни персонажа, которая позволяет писателю показать обратную сторону пути героя к успеху, а именно – совершение протагонистом преступления и последующее наказание в виде казни.

Моделирование архаического обряда инициации представлено в повести У. Фолкнера «Медведь». Местом формирования личности подростка является лес, а основными событиями становится посвящение протагониста в охотники и выслеживание им дикого зверя. Сочинению свойственна нелинейная композиция, совмещение внешней и нулевой фокализаций. Его можно назвать нетипичным примером репрезентации инициации в силу эксплицирования обрядовой части посвящения.

Рубежное значение в развитии романа инициации имеет сочинение Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». В нем представлена ретроспективная исповедальная наррация (повествование ведется от лица подростка) с присущей ей внутренней фокализацией. Пространством посвящения является большой город. Особое значение отводится предрождественскому времени, так подчеркивается одиночество героя и создается выразительный фон его взросления. Лаконичность временной рамки

(действие романа занимает три дня) приводит к интенсификации внутренних событий протагониста.

Положительную тональность инициация имеет в повести Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков». Данному нарративу свойственен импрессионизм, поскольку центральная роль отводится внутренней жизни протагонистов: ассоциативной памяти, духовным озарениям. Местом действия является небольшой город, а временем – одно лето из жизни центрального персонажа. Возрастные и экзистенциальные кризисы героев сочинения показаны как органическая и естественная часть взросления.

В романе Х. Ли «Убить пересмешника» взросление протагонистов вписано в социальную проблематику и вызовы времени. События взрослого мира (судебный процесс, через который выражается расовая сегрегация общества) сочетаются с личными происшествиями в жизни действующих лиц (обучение в школе, постижение инаковости, квинтэссенцией которой можно считать образ Страшилы и др.). Инициация происходит вне классической схемы, поскольку герои остаются в замкнутом пространстве города Мэйкомб, в привычном окружении, которое в силу определенных событий меняется вместе с ними. Благодаря повествованию от первого лица передаются психологические нюансы взрослой эволюции персонажей.

Обозначенные выше особенности присутствуют и в романе Дж. Ирвинга «Правила дома Сидра», местом действия которого является приют, а главным героем – сирота. Перед читателем разворачивается длительный период жизни протагониста, представлена относительно полная картина его взросления. Эта особенность сочинения, так же, как и наррация от третьего лица (внешняя и нулевая фокализации), отсылают к классическому роману воспитания, что является отличительной чертой данного произведения.

В сочинениях XX века («Хорошо быть тихоней» Ст. Чбоски, «Тайная история» Д. Тартт) представлена поэтика романа инициации, которая затем станет доминирующей в новейшей литературе США. Это внутренняя фокализация, дневниково-эпистолярная форма («Хорошо быть тихоней»),

ретроспективная композиция («Тайная история»). Ключевыми событиями инициации protagonists становятся: переживание посттравматического синдрома, преодоление последствий поворотного события (убийство, расследование преступления), активным участником которого является центральный персонаж.

Таким образом, был сформирован ряд жанровых доминант романа инициации (тип протагониста, сюжетные ситуации, ключевые образы и мотивы, вид испытания, тип наррации) и модификаций (рефлексивность и психологизм, трехчастная структура произведения, доминанта взросления и поиска индивидом самого себя, нелинейная организация нарратива). Благодаря такому подходу удалось систематизировать данные об историко-литературных этапах формирования изучаемого типа сочинений: создать теоретическую модель его жанроформирования, выявить относительно устойчивую доминанту и модификации, охарактеризовать национальную модель романа инициации. Структурно-типологический подход к исследованию материала позволил прийти к заключению о том, что протагонист проходит обязательные испытания или иные моменты инициации, совершает похожие поступки, в то время как художественные детали, мотивы, психологические портреты персонажей являются непостоянными, подвижными.

Жанровые маркеры романа инициации подвергаются воздействию различных факторов: философских (мировоззренческие сдвиги), нравственных (переоценка ценностей), социальных (общественно-исторические изменения), что становится основой их дивергентности. Постоянными признаками таких произведений являются сюжетные элементы ухода и последующего возвращения центральных персонажей, конфликта между их интенцией и силой обстоятельств, взаимосвязь циклической (схожесть начальной и конечной сюжетной ситуаций) и кумулятивной («нанизывание» событий внутри рамки) сюжетных схем.

Социокультурный анализ динамики идеино-философского контекста романа инициации в литературе США позволил связать данный жанр с

проблемой национальной идентичности. Перенос идей формирования личности и взросления на этнорасовый контекст, относительность и варьируемость существующей мифометафоры формируют специфически американскую идеологическую модель романа инициации.

Духовные поиски персонажей содержат сразу два культурных кода: с одной стороны, архаический (мифологический), а с другой – современный (социально-политический и конкретно-бытовой). Протагонисты совмещают черты трикстеров и культурных героев, имеют промежуточное социальное положение (часто в нарративе возникает тема сиротства). Они свободно перемещаются в пространстве, а потому мотивы свободы, одиночества, диких просторов раскрывают внутреннюю эволюцию персонажей. Анализ сочинений американских писателей в контексте особенностей поэтики романа инициации в литературе США, его идеально-философских особенностей и национальной специфики позволяет говорить о произведениях такого типа как отдельной художественной целостности в жанро-видовой системе эпических форм (роман и повесть). Они ставят перед читателями философские вопросы: проблемы инаковости и равноправия, насилия и одиночества, нахождения человеком своего места в мире.

Процесс миграции взрослой литературы в детскую также связан с тем, что происходит как на уровне отдельных сюжетных структур, так и целых нарративов. Здесь просматривается двойная адресация подобных работ: творения Л.М. Олкотт, М. Твена, Х. Ли не создавались в качестве книг для детей. Писатели США рассматривают процесс взросления не как линейно односторонний, предполагающий окончание детства при переходе во взрослую жизнь. Для них это сложная динамика становления личности, попытка сохранить лучшие детские черты во взрослом сознании. Иными словами, концепция взросления в американском романе инициации выходит за рамки возрастной психологии и социологии, направляясь к истокам национального сознания, и восходит к вечным темам взаимодействия природы

и цивилизации, естественного и искусственного, а также эстетическим категориям вымысла и реальности.

ГЛАВА 3. ТИПОЛОГИЯ РОМАНА ИНИЦИАЦИИ В НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ США

3.1. Роман-идентификация в современной литературе США

3.1.1. Проблемная социализация героя в романе Дж. Диаса «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау»

Вызовы времени и связанные с этим трансформации сознания, переживаемые современным человеком, влияют на векторы развития литературного процесса. Итогом этих изменений становится острая, во многом сенсационная проблематика, которую разрабатывают в своих сочинениях писатели начала XXI века. Одним из аспектов можно назвать ощущения разобщенности в обществе и тоски, любой индивид испытывает их в той или иной степени. Именно поэтому центральным персонажем романа инициации в литературе США нашего столетия становится герой-одиночка, переживающий спектр расстройств, связанных с социальным неравенством, непохожестью на других людей и, как следствие, испытанием собственной идентичности и мировоззрения.

Иным вариантом развития сюжета можно назвать кризис преодоления протагонистом какого-то катастрофического события, например, смертельной болезни, гибели близкого человека или чувства вины за поступок, совершенный в прошлом. Современные американские прозаики обращаются к проблемам социальной дезадаптации, принятия другого, вопросам культурной самобытности. Роман инициации сосредоточен не на процессе становления главного героя, а на критических моментах его жизни. Такого рода события могут быть связаны с травмой центрального персонажа и презентацией возможных способов освобождения от ее последствий.

Как указывалось выше, вопросы взросления, обретения человеком собственной идентичности остаются магистральными в американской литературе в начале нового столетия. Сюжетно-композиционным стержнем

таких произведений по-прежнему является структура инициации, которая носит универсальный характер и присутствует как в реалистических, так и модернистских и постмодернистских дискурсах [Киреева, 2013; Фролов, Несмелова, Хабибуллина, 2016; Stierstorfer, 2003]. Наряду с использованием литературных аллюзий и реминисценций, античных и средневековых образов ученые отмечают обращение современных американских писателей к сюжету инициации, что открывает возможности репрезентации взросления персонажа через преодоление испытаний [Шалимова, 2023].

Примечательно разнообразие тем и отсутствие табуированных вопросов, полидисциплинарность создания художественных произведений (взаимодействие с кинематографом, театром, изобразительным искусством, фотографией и телевидением). Протагонистами романов-инициаций становятся представители разных этносов и социальных слоев, опыт осознания собственного «я» для многих из них имеет катастрофический характер. При анализе жанровой структуры подобных сочинений и их нарративной организации мы учитываем следующие аспекты:

- нормативный (система дифференциальных структурных характеристик жанра: тип героя, хронотоп, второстепенные персонажи, нарративная организация),
- генетико-эволюционный (историко-типологические черты романа воспитания и автобиографии, которые американский роман инициации унаследовал от предыдущих литературных эпох),
- рецептивно-коммуникативный (прагматика романа инициации, воздействие на читателя, социальные функции).

В данной главе диссертации рассматриваются наиболее показательные примеры с точки зрения выявления в них своеобразия функционирования типологических моделей романа инициации. Подробному анализу подвергается одно произведение каждого вида, но в качестве дополнительного материала, обеспечивающего широкое поле сравнения, привлекаются сочинения американской литературы последних десятилетий, которые не

анализируются нами подробно, однако их изучение необходимо для более полного представления о поэтике выделенных видов.

Как уже было отмечено, в новейшей литературе США внутри романа инициации формируется собственная жанрово-видовая система. Критерием выделения той или иной разновидности становятся сюжетообразующие события (кризисы), с которыми сталкиваются протагонисты, а также такие категории поэтики как система второстепенных персонажей, хронотоп, специфика наррации, опорные точки композиции (ключевые события посвящения).

Идейно-художественное своеобразие *романа-идентификации* как разновидности романа инициации наиболее сходно с классическим романом воспитания. Через такие события в нем представлено самоопределение протагониста и его эволюция, путь расставания с иллюзиями и обретение самого себя. Самоидентификация протагонистов строится на основе их физического перевоплощения («Средний пол» Дж. Евгенидиса), мировоззренческих изменений («Песнь Ахилла» М. Миллер), а также испытания героя социумом («Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса). Приведем примеры других произведений, в основе которых находится самоидентификация персонажей. Она может быть показана благодаря приему ремифологизации. С Троянским циклом мифов связан роман К. Вольф (Christa Wolf, 1929–2011) «Кассандра» (“Cassandra”, 1983). Центральным персонажем романа М. Этвуд (Margaret Atwood, 1939–) «Пенелопиада» (“The Penelopiad”, 2005) является Пенелопа. Внутренний мир этой героини играет в нем центральную роль. Взгляд Брисеиды, пленницы, из-за которой разгорается вражда между Ахиллом и Агамемноном (Agamemnon), становится ключевым в романе П. Баркер (P. Barker, 1943–) «Безмолвие девушек» (“The Silence of the Girls”, 2018). История Клитемнестры (Clytemnestra) и Электры (Electra) отражается в сочинении «Дом имен» (“House of Names”, 2017) К. Тойбина (C. Toibin, 1955–). В произведении К. Маккалоу

(С.М. McCullough, 1937–2015) «Песнь о Трое» (“The Song of Troy”, 1998) участники Троянской войны поочередно повествуют о ее событиях. Художественной особенностью последнего является наличие нефиксированной фокализации, перемещение так называемой «точки зрения», поскольку правом повествования наделяется каждый из участников произошедшего.

Проблемная социализация протагониста является основой сочинения П. Остера (Paul Auster, 1947–) «4321» (“4321”, 2017). В нем представлено четыре альтернативных сценария взросления юноши Арчи (Archie Ferguson) через переживание разных испытаний и физическое перевоплощение. В романе Энджи Томаса (Angie Thomas, 1988–) «Вперед, к вершинам!» (“On the Come Up”, 2019) показан путь главной героини-подростка Бри Джексон (Brianna Jackson) к творческой самореализации через проблемную социализацию и мировоззренческие изменения. Другими примерами являются такие произведения как «Эмпайр Фоллз» (“Empire Falls”, 2001) Р. Руссо (Richard Russo, 1949–), «Поправки» (“The Corrections”, 2001), «Свобода» (“Freedom”, 2010), «Безгрешность» (“Purity”, 2015) Дж. Франзена (Jonathan Franzen, 1959–) и др.

В творчестве американского писателя доминиканского происхождения Дж. Диаса большую роль играет исследование национальной идентичности, культурной, языковой ассимиляции и переключения кодов. Его упомянутый выше роман «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вай» представляет собой социально-психологическое произведение с элементами магического реализма. Он был встречен положительными отзывами критиков. За него автор получил Пулитцеровскую премию.

Проблемная социализация протагониста в рассматриваемом нарративе сочетается с описанием истории доминикано-американской семьи, сохраняющей в разных поколениях свою витальную силу. Основой романа стали факты биографии самого прозаика, который родился в Доминиканской Республике, но будучи шестилетним ребенком переехал с родителями в США.

Несмотря на бедность и тяжелые семейные обстоятельства (уход из семьи отца, смерть брата), он получил хорошее образование.

Главным героем анализируемого сочинения является подросток Оскар (Oscar). Его характер и жизненный путь во многом похожи на то, что было типично для самого Дж. Диаса. Роман открывает глава «Золотой век» (“The Golden Age”). Герою на момент начала повествования семь лет: “It truly was a Golden Age for Oscar, one that reached its apotheosis in the fall of his seventh year, when he had two little girlfriends at the same time” [Díaz, 2008, p. 13]. Из приведенной выше цитаты следует, что это был прекрасный период в жизни мальчика. Однако по мере взросления у него появляются проблемы. Основной из них является внешность протагониста. Он обладает лишним весом, из-за чего юные доминиканцы отказывают Оскару в дружбе. Ключевым для него становится состояние одиночества, так как он не соответствует традиционным представлениям о членах этой возрастной группы: “Had none of the Higher Powers of your typical Dominican male, couldn’t have pulled a girl if his life depended on it. Couldn’t play sports for shit, or dominoes, was beyond uncoordinated, threw a ball like a girl” [Díaz, 2008, p. 16]. Иными словами, главный герой не обладает ни одним из качеств типичного доминиканского парня: он не умеет общаться с девушками, не спортсмен, не знает как играть в домино, а также не может бросать мяч так, как надо.

Именно поэтому подростку отказано в праве быть полноправным членом общества: “The kids of color, upon hearing him speak and seeing him move his body, shook their heads. You’re not Dominican” [Díaz, 2008, p. 36]. Автор подчеркивает, что окружающие его местные ребята, услышав речь Оскара и посмотрев, как он двигается, не считали возможным считать этого юношу представителем своей культуры. В произведении раскрывается проблема как ассимиляции, так и двойной идентичности человека. Писатель указывает на то, что иммигранты вынуждены перманентно жить будто «на границе»: “...immigrant families living on the borders between countries, neighborhoods, social classes, linguistic groups, and races” [Díaz, 2008, p. 81]. Это – своеобразные

рубежи между странами, районами, социальными классами, языковыми группами и расами. Главный герой оказывается на периферии, его не принимают за своего ни американская, ни доминиканская диаспоры [Викулова, Кулагина, 2013]. Обладая специфической внешностью, получив и принял кличку вместо имени, Оскар маргинализирован, его путь инициации сопряжен с одиночеством и невозможностью стать частью сообщества, в котором он живет.

Характеризуя такие базовые для романа инициации категории как композиция, хронотоп, способ повествования и ключевые мотивы, отметим, что данное сочинение не имеет четкой трехчастной структуры, изъятия Оскара из привычного окружения не происходит. Не показана в нарративе и инкорпорация протагониста, так как инициация Оскара завершается смертью и имеет неоконченный характер. Действие романа сосредоточено на периоде его юности, пространством взросления становится Санто-Доминго (*Santo Domingo de Guzmán*), столица Доминиканской Республики и американский город Патерсон (*City of Paterson*), в штате Нью-Джерси (*New Jersey*). Повествование ведется от лица квази-автобиографического персонажа по имени Джуниор (*Yunior*), который был свидетелем жизни Оскара, и выстраивается как хроника, в то время как события инициации матери и сестры излагаются с их точки зрения. Ключевым мотивом является одиночество, трансформируется мотив равенства, поскольку сама идея социального равноправия подвергается деструкции.

Прозаик уделяет большое внимание описанию физических изменений протагониста, телесному осознанию им самого себя, а также отношениям с девушками. В произведении показана эволюция мировосприятия через взросление и изменение социального статуса. Поскольку в центре повествования находится семья иммигрантов, проблемы поиска индивидом собственной идентичности и способов взаимодействия с социумом становятся магистральными.

Оскар находится в лиминальном положении. Американцы не признают его за своего в силу принадлежности иной культуре. Доминиканцы воспринимают его чужим по причине внешних особенностей, а также непонятных для них интересов. Например, герой увлечен литературой, в этом он находит спасение от житейских невзгод. Заметив это, сверстники дали ему кличку «Bay». Прозвище подростка отсылает к личности ирландского писателя и поэта Оскара Уайльда (Oscar Wilde, 1854–1900). Протагонист получает его на праздновании Хэллоуина. Из-за нелепого костюма юноши один из студентов замечает: “I couldn’t believe how much he looked like that fat homo Oscar Wilde” [Díaz, 2008, p. 36]. По мнению говорящего, Оскар очень похож на писателя. На это мгновенно реагируют остальные ребята, при чем намеренно неправильно произносят имя автора как Bay (Wao) вместо Уайльд (Wilde). Они начинают именно так называть главного героя. Подчеркивая, что прозвище имеет уничижительный характер, использование в цитате слов «толстый» (fat) и «гомосексуалист» (homo).

В романе акцентируется литературное мировосприятие персонажа, поскольку он ассоциирует себя с создателями художественных произведений, а также с героями книг и комиксов. Любимые книги Оскара – научно-фантастический роман «Дюна» (“Dune”, 1965) американского писателя Ф. Герберта (Franklin Herbert, 1920–1986), а также роман-эпопея «Властелин колец» (“The Lord of the Rings”, 1954) английского прозаика Дж. Р. Р. Толкина (John Ronald Reuel Tolkien, 1892–1973). Круг чтения протагониста свидетельствует об его эскапизме, желании с помощью литературы отвлечься от реальной жизни и социума. Ученые полагают, что «...путешествия во времени, переход в чуждые миры, прерывание временной последовательности <...> лучше всего отражают чувство нарушения границ, смещения, с которым сталкиваются иммигранты» [Сапожникова, 2021, с. 235]. Оскар испытывает «доминиканскую страсть» (“Dominican passion”) к литературе, но замечает, что ему дорога и «книга жизни» (“the book of life”), которую он должен попробовать создать самостоятельно. Иными словами, он осознает, что

вымышленный мир не может заменить реальную жизнь и уберечь его от испытаний.

Вера подростка в магическое и сверхъестественное (проклятие «фуку») объединяет его с национальной культурой, а то, что персонаж изъясняется высокопарным художественным языком и включает в свою речь слова и выражения на эльфийском, напротив, делает его изгоем, так как подростки не любят тех, кто выделяется.

Большое внимание в нарративе уделяется предкам главного героя. При этом подчеркивается его нетипичная связь с родными. Он одновременно соотносит себя с собственной семьей и исключает себя из нее. Получается, что он не стал своим у чужих и был чужим у своих, причем это касается как сверстников, так и семьи. По мнению канадского философа Ч.М. Тэйлора (Charles Margrave Taylor), на формирование идентичности индивида влияет либо принятие его другими, либо отказ в такого рода признании [Taylor, 2022]. Во втором случае у человека создается негативный образ самого себя, который определяет его поведение и лишает возможности прохождения инициации, что и происходит с Оскаром.

В произведении излагается история деда по материнской линии, знаменитого врача, состоятельного и уважаемого человека, который жил и работал во времена правления жестокого доминиканского диктатора Трухильо (Rafael Leónidas Trujillo Molina, 1891–1961). О последнем сообщается следующее “...he came to control nearly every aspect of the DR’s political, cultural, social, and economic life through a potent (and familiar) mixture of violence, intimidation, massacre, rape, co-optation, and terror” [Díaz, 2008, p. 36]. С помощью насилия, запугивания, убийств и террора этому правителью удалось взять под контроль все сферы жизни в Доминиканской Республике. Несмотря на то, что дедушка Оскара старался оставаться в стороне от политики, неосторожная шутка привела к его аресту, а семья была обречена на гибель. Дед оказался в лагере для заключенных, а его жена, бабушка Оскара, не

выдержав этого, покончила с собой вскоре после рождения младшей дочери Бели (Beli), мамы главного героя.

Результатом трагических событий стало то, что дальние родственники девочки продали ее в качестве домашней прислуги. Новые хозяева издевались над ней и даже чуть не убили. В произведении сообщается, что эти люди обожгли ей спину кипящим маслом, наказав за, казалось бы, естественное желание ходить в школу. Попав в страшную ситуацию, Бели продемонстрировала поведение, которое впоследствии стало типичным для всех представителей данной семьи: она постаралась забыть болезненные воспоминания и отказалась от них: “Of those nine years (and of the Burning) Beli did not speak <...> that entire chapter of her life got slopped into those containers in which governments store nuclear waste <...> it says a lot about Beli that for forty years she never leaked word one about that period of her life” [Díaz, 2008, p. 290]. После случившегося мать протагониста поклялась самой себе, что станет другим человеком: “She would be a new person, she vowed” [Díaz, 2008, p. 290]. Для этого она даже создала новую себя: “...she constructed a better self” [Díaz, 2008, p. 292]. Женщина никогда не рассказывала об этом периоде своей жизни, словно упаковав его в непроницаемый контейнер для хранения ядерных отходов, и сорок лет хранила молчание. Бели тоже проходит своеобразную инициацию, которая выражается в вынужденном разрыве с привычной средой (потеря родителей), лиминальной стадии (работа прислугой), которая делает ее другим человеком, и продолжением жизни после пережитых испытаний (обретение собственной семьи).

Когда у Бели появляются дети, она учит их вести себя таким же образом. Ее дочь Лола (Lola) в детстве пережила физическое насилие. Этот страшный случай не только не сломил ее, но и сделал характер девочки тверже и сильнее. Обе героини постарались вычеркнуть из своей памяти травмирующие события. Лола характеризует такую трансформацию следующим образом: “I looked at the girl in the mirror for a long time. All I knew was that I didn’t want to see her ever again” [Díaz, 2008, p. 75]. По словам героини, когда она смотрела в зеркало, то

чувствовала, что больше не хочет видеть прежнее изображение самой себя. Однако если для женской половины семьи забвение событий хотя бы частично возможно, поскольку замужество и появление детей позволяют им начать новую жизнь, для Оскара бегство от себя и своих корней оборачивается личной трагедией. Он не может пройти испытание социумом.

Автор изображает две зеркальные жестокие сцены: сначала Бели, а потом и Оскара отвозят в тростниковые поля и жестоко избивают. При этом оба персонажа видят один и тот же сон – к ним является человек без лица, который представляет собой олицетворение проклятия фуку. Это некая безымянная сила, способная разрушить судьбу индивида и наполнить его душу страхом. Подобные сцены, на наш взгляд, указывают на взаимозависимость временных векторов, а также культурную память, связывающую поколения. Данную мысль автор выражает прямо: “...point of gloom from which there was no escape” [Díaz, 2008, p. 237]. Он вкладывает в уста Лолы слова о том, что брат не сможет убежать от самого себя, как бы он ни старался.

Событием инициации для Оскара становится его влюбленность. Когда он уже не верит в возможность избавиться от одиночества и тоски, к которым сводилась его жизнь, он встречает девушку, о которой, по его словам, всегда мечтал. Благодаря своей возлюбленной он получает шанс снова начать жить своей жизнью: “...went back to my own life” [Díaz, 2008, p. 321]. Ее саму он называет самой прекрасной из всех девушек и своим единственным домом: “But beautiful girl, above all beautiful girls. This is my home. Your real home, mi amor” [Díaz, 2008, p. 322]. Случившееся знаменует взросление Оскара и обретение им определенной независимости. Юноша становится решительным и сильным. Герой чувствует, что он находится в мире с самим собой, однако обретенная вера в себя и свои силы не спасает его. Прохождение инициации персонажа оказывается невозможным: его возлюбленная связана узами с влиятельным человеком. За любовь к ней Оскара убивают, испытание социумом имеет трагический финал. В связи с этим можно говорить как о *прерванной* инициации протагониста (она не доходит до своего логического

завершения), так и о *последовательной*, поскольку его мама и сестра тоже переживают этот процесс.

Роман богат культурными аллюзиями, его интертекстуальное поле включает в себя как произведения высокого регистра (классическая литература, живопись), так и низкого (массовая поп-культура) [Осовский, 2009]. Промежуточный статус персонажей, лиминальность хронотопов подчеркнуты объединением реального и магического модусов нарратива. Его мозаичность и многоголосие придают роману полифоническую объемность, повествование ведется от лица нескольких персонажей. Таким образом, история протагониста раскрывается многомерно, с разных точек зрения. В сочинении присутствуют многочисленные культурологические сноски, поясняющие особенности картины мира доминиканцев и специфику их истории. Мультикультурный дискурс, присутствующий в тексте, одновременно показывает ассимиляцию персонажей и сохранение национальной идентичности, памяти этноса и рода [Меркулова, 2021]. По мнению литературоведов, мотив памяти/забвения, который связан с попыткой избавиться от трагического иммигрантского опыта, акцентируется с помощью лейтмотива пустой книги: «...через который автор подчеркивает необходимость сохранения и передачи культурной памяти этноса, помогающей человеку обрести себя» [Сапожникова, 2021, с. 233].

Процесс взросления protagonista переживает в Нью-Джерси, причем большое внимание автор сочинения уделяет переключению культурных кодов. Для романа характерно смешение английского и испанского языков, так называемый «спанглиш» (креолизованная разновидность испанского и английского языков), что указывает на принадлежность персонажей одновременно к двум мирам [Питолин, Шустрова, 2016, с. 161]. Выразительным приемом в речи героев является включение в нее уличного сленга латиноамериканцев, обосновавшихся в Америке, из-за чего она становится живой и яркой.

Рассказчик все время помнит о дистанции между двумя культурами, к которым он принадлежит, поэтому снабжает повествование историческими и страноведческими примечаниями, представляющими отдельную полноправную линию повествования. В романе присутствуют черты притчи и семейной саги, объемно изображается культурно-исторический фон. Судьба семьи Оскара вписана в контекст развития Доминиканской Республики (диктатура и др.). Черты магического реализма объединяют поэтику произведения с романами современного британского писателя индийского происхождения С. Рушди (Salman Rushdie, 1947–), в которых путь внутреннего поиска героя также сопряжен с испытанием социумом.

Одним из ключевых образов повествования является книга. Оскар создает литературное произведение сам, а чтение художественной прозы играет важную роль в становлении подростка. Примечательной особенностью анализируемого *романа-идентификации* является его структурная организация. Несмотря на то, что объединяющим началом и связующим звеном становится личность Оскара, фокус с индивидуальной истории смешен на социум: история его семьи, рода и страны оказываются не менее значимыми.

В конце произведения Оскар погибает, и несмотря на то, что поэтика заглавия указывает на такой исход, сюжетная связь становится неожиданной и шокирующей. Череда кризисов, связанных с невозможностью социализации, завершается смертью протагониста. Элементы ретроспекции подсвечивают ключевые моменты пути героя (его инициации), они также становятся важным способом изображения его «я». Семейные повествовательные пластины являются способом конфигурации, нарративной монтажной сборки памяти протагониста и его опыта, а также формируют исповедальное, экзистенциальное, историко-культурное единство романа и придают нарративу целостность.

3.1.2. Физическое перевоплощение героя в романе Дж. Евгенидиса «Средний пол»

Сюжет инициации становится универсальным приемом воплощения мультикультурной парадигмы. Благодаря ему показан опыт иммигрантов второго поколения, воссоздается уникальный «человеческий материал»: преодоление кризиса идентичности, социализация, постижение другого, превозможание индивидом ощущения потерянности и одиночества [Карасик, 2009; Сидорова, 2012]. Дискретность авторского сознания, принадлежность писателей к двум или более культурным традициям, «идентичность через дефис» (“hyphenised identity”) становятся ведущим творческим импульсом для современного американского писателя Дж. Евгенидиса.

В его сочинении «Средний пол» не только отражаются различные этапы создания транскультурных форм в зоне контактов культур, но и показаны стадии социализации и адаптации человека-носителя двух или более идентичностей. Ученые полагают, что само понятие «транскультура», в отличие от термина «мультикультурализм», позволяет установить ценностное равенство и самодостаточность разных традиций, поскольку предполагает диффузию исходных элементов по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур и ассимилируются в них [Тлостанова, 2000; Эпштейн, 2002]. Благодаря процессу инициации индивид получает дополнительные возможности конструирования собственного «я».

Исследователями подчеркивается ощущение надрыва, надлома личности, свойственное протагонистам таких сочинений. Это объясняется разрывом с родиной, травматическим опытом миграции, фрагментарной избыточностью, шокирующей агонией – тем опытом, который они вынуждены переживать. Такая инициация является способом раскрытия/нераскрытия этнокультурной идентичности мигрантов через понятия толерантности, плюрализма, неоднозначности, изменчивости и другие подобные аспекты живого становления личности [Толкачев, 2018, с. 93]. Универсальность

посвящения позволяет привести к разрешению конфликта между принадлежностью индивида к конкретной диаспоре и общечеловеческими модусами бытия, что формирует критически переосмыщенное чувство общности. Именно испытание идентичности лежит в основе данного романа.

В центре анализируемого произведения находится внутренний кризис протагониста и поиски им самого себя. Здесь можно усмотреть продолжение разработки проблемы гендерной самоидентификации, начатой автором в своем дебютном романе «Девственницы-самоубийцы» (*The Virgin Suicides*, 1993), в котором рассказывается история пяти юных сестер Лисбон (the Lisbons), лишенных родителями возможности нормального взросления, что приводит девочек к самоубийству.

Анализу поэтики романа «Средний пол» посвящены труды многих современных литературоведов [Прозоров, 2012; Хабибуллина, Виноградова, 2015]. Ключевые особенности национальной литературной традиции США, которые отразились в сочинении, исследованы в трудах ведущих отечественных американников [Баранова, 2011; Питолин, Шустрова, 2016; Татаринова, Татаринов, 2018; Shevchenko, Nesmelova, Novikova, 2022]. Особенностью этого текста является совмещение нескольких повествовательных пластов: семейно-бытового, исторического, психологического. Сложность структуры – включение подробных этнографических и культурно-бытовых описаний – сопряжена с экзистенциальными и физическими поисками героя, который одновременно старается осознать себя частью своего рода, но одновременно хочет оставаться независимой личностью [Дубровская, 2019].

Через выделение опорных точек композиции нарратива представляется возможным обозначить особенности репрезентации указанной проблематики в исследуемом сочинении. Личная история протагониста показана через ключевые моменты его жизни: рождение, крещение, первые шаги, детские впечатления, взросление и юность, первая влюбленность, личностные кризисы, самоотрицание, гармония, которую он в итоге обретает.

Художественным центром является инициация протагониста через поиск своей идентичности на основе физического перевоплощения. Главная героиня – американка греческого происхождения Каллиопа Стефанидис (Calliope Stephanides) сообщает о том, какое имя записано в ее свидетельство о рождении: “My birth certificate lists my name as Calliope Helen Stephanides” [Eugenides, 2007, p. 12]. Однако, когда наступает переходный возраст, девушка осознает себя юношем Калом (Cal). История этого протагониста вписана в семейную генеалогию: подробно рассказывается о бабушке и дедушке, которые были вынуждены покинуть Грецию, а также о его родителях и их обустройстве в США. Согласимся с мнением ученых о том, что «общая идея истории трех поколений семьи Стефанидес в романе состоит в том, что на смену бинарным оппозициям “природа – воспитание” приходят постмодернистская множественность и вариативность» [Прозоров, 2012, с. 404]. Несмотря на то, что роман содержит как активный исторический код (упоминание дат, исторических персоналий, событий), так и естественно-научный (описание симптоматики трансгендерных состояний), в фокусе внимания автора находится национальная и гендерная самоидентификация персонажа.

В романе Дж. Евгенидиса «Средний пол» меняется характер традиционной для жанра ретроспекции, благодаря которой раскрывается история происхождения героя и многогранно показывается его духовная эволюция. В этом произведении протагонист обладает самосознанием еще до обретения физической оболочки. Благодаря тому, что повествование ведется ретроспективно, от лица взрослого Кала, мы видим всю историю целостно, рефлексия представлена объемно: “But now, at the age of forty-one, I feel another birth coming on” [Eugenides, 2007, p. 13]. В сорок один год протагонист чувствует, что наступает еще одно его рождение.

Нarrатор отмечает некоторую условность того, что он излагает: “Of course, a narrator in my position (prefetal at the time) can’t be entirely sure about any of this” [Eugenides, 2007, p. 17]. По его мнению, рассказчик в таком

положении (еще до зачатия) не может ручаться за абсолютную достоверность в изображении событий. При этом ему подходит характеристика *всеведущий*, поскольку он обладает способностью проникать в сознание разных персонажей, видеть прошлое и будущее. Благодаря положению «над временем и пространством» ему удается соединять разные этапы своей жизни, делать метакомментарии относительно своего пути, соединяя прошлое и настоящее. Монументальность и скрупулезность повествования герой объясняет греческим происхождением, к которому апеллирует не раз: “Sorry if I get a little Homeric at times. That’s genetic, too” [Eugenides, 2007, p. 13]. То, что временами он начинает «звучать как Гомер», Кал объясняет генетикой. «Гомеровский» тон повествования, эпический размах используется автором для изображения сцен частной жизни. Этим подчеркивается, что личная история индивида в романе инициации выдвигается на первый план, поскольку она не менее важна, чем общественно-социальные и исторические события.

В тексте совмещаются разные повествовательные регистры, нарратор обладает то голосом взрослого, то ребенка: описание участия в революции опытного и зрелого рассказчика сочетается с описанием кадиллака как космического корабля, из волшебного детского воспоминания. Повествование ведется от мужского лица, в то время как окружающие обращаются к нему как к девочке [Шпанчук, 2021]. Пол Кала определяется желанием матери, для которой особое значение имеет появление именно дочери: “She didn’t want a boy. She had one already. In fact, she was so certain I was going to be a girl that she’d picked out only one name for me: Calliope” [Eugenides, 2007, p. 16]. Женщина не хотела мальчика, поскольку у нее уже был один сын. Она была уверена, что родится девочка и даже заранее выбрала ей имя – Каллиопа.

Сюжетообразующую роль в организации повествования, которая отразилась в поэтике заглавия, играет тема андрогинности героя, что объясняется неправильным набором хромосом. «Средний пол» – название района, в который переезжает герой. Одновременно это словосочетание

обозначает и его амбивалентный гендер. Указанная особенность, восприятие себя мальчиком, который имеет физическую оболочку девочки, влияет на мировоззрение героя, формирует ее/его как личность. В собственной судьбе персонажу видится предопределение: “Providence <...> sent the gene flying again” [Eugenides, 2007, p. 13]. По его мнению, именно провидение отправило этот ген в воздух. Протагонист отмечает роль Бога в своей судьбе, но осознает и собственную ответственность за свою жизнь. Иными словами, «...вмешательство Вседержителя во все происходящее уже не может рассматриваться как нечто, чему невозможно противостоять» [Мотив предопределения, 2023, с. 54].

Двойная гендерная идентичность будет сопровождать героя на протяжении всего романа. Благодаря этой особенности он обладает определенной сверхчувствительностью: прекрасно чувствует внутренний мир обоих полов, понимает чувства, мысли и желания как мужчин, так и женщин, поскольку ощущает родство со всеми. В таком варианте романа инициации осмыслению предаются не только формирование характера, становление личности, но и такая, прежде базовая категория, как гендерная идентичность.

Пребывание одновременно в двух ипостасях отсылает читателя к известному роману «Орландо» (“Orlando: A Biography”, 1928) английской писательницы В. Вулф (Virginia Woolf, 1882–1941), в котором протагонист гармонично соединяет в себе мужское и женское начала. Это деление обозначено как условное: “Different though the sexes are, they intermix. In every human being a vacillation from one sex to the other takes place, and often it is only the clothes that keep the male or female likeness, while underneath” [Woolf, 1964, p. 254]. В сочинении В. Вулф выражена мысль о том, что в каждом человеке присутствуют оба пола, и лишь внешний облик маркирует их различия. Орландо, в отличие от главного персонажа романа Дж. Евгенидиса, ощущает себя гармонично как в женском, так и в мужском теле. Кал же в женском обличии испытывает неловкость и социальное давление, что противоестественно для природы. Герой подчеркивает, что базовая ценность

любого индивида – быть простым человеком: “But we hermaphrodites are people like everybody else. And I happen not to be a political person. I don’t like groups” [Eugenides, 2007, p. 188]. По его мнению, похожие на него в плане ощущения гендером люди – такие же, как все, поэтому объединяться в какие бы то ни было группы, чтобы защищать свои интересы – бессмысленно.

В первой главе Кал коротко рассказывает о главных перипетиях своей жизни, обозначая ключевые события и испытания собственной идентичности: “I was first one thing and then the other. I’ve been ridiculed by classmates, guinea-pigged by doctors. <...> I’ve left my body in order to occupy others – and all this happened before I turned sixteen” [Eugenides, 2007, p. 13]. По его словам, сначала он был чем-то одним, а потом превратился в нечто другое: он был мишенью для насмешек среди одноклассников, подопытным кроликом для врачей, затем он покинул свое тело, чтобы прочувствовать другие ипостаси своего «я» – и все это случилось до того, как ему исполнилось шестнадцать лет.

Тема сохранения национальной идентичности versus ассимиляции получает развитие в третьей главе, в названии которой возникает образ «плавильного котла» (“Henry Ford’s English-language melting pot”). Исконные греческие корни героя и приобретенные американские черты являются объектом его рефлексии на протяжении всего произведения. Проблема национальной идентичности является одной из ключевых. О своем отце герой сообщает, что тот всегда хотел быть американцем и, наконец, получил возможность узнать, что из себя представляет эта нация: “He had always wanted to be an American and now he got to see what his fellow Americans were like” [Eugenides, 2007, p. 324]. Сам Кал ощущает в себе присутствие как греческих, так и американских культурных кодов, что не вызывает у него внутреннего конфликта.

Протагонист романа изучает греческий язык и посещает занятия, на которых студенты читают поэмы Гомера. Персонажи готовят театральную постановку по трагедии «Антигона» (“Antigone”) древнегреческого драматурга Софокла (Σοφοκλῆς, ок. 496 до н. э. – 406 до н. э.). Именно там Кал встречает

«смутный объект» (the Obscure Object), свою первую любовь. Это переживание становится важной ступенью на пути его самопознания. Жизненные испытания подростка сопряжены с ментальным поиском, подчас мучительным осознанием собственной гендерной, национальной, экзистенциальной идентичности [Чупрына, 2014]. В анализируемом сочинении совмещается несколько повествовательных регистров, магистральных тем, голосов нарратора. Главной темой и основой развития сюжета является телесное осознание себя, что сопряжено с ментальными переменами, а также социальными ярлыками и паттернами поведения.

Повествование начинается с того, что Кал сообщает читателю тайну своего рождения: “I was born twice: first, as a baby girl, on a remarkably smogless Detroit day in January of 1960; and then again, as a teenage boy” [Eugenides, 2007, p. 12]. Как следует из цитаты, протагонист появился на свет дважды: сначала в женском обличии, затем в виде подростка мужского пола. С этим связана и перемена имени: Каллиопа к концу романа становится Калом. Вместе со сменой имени герой обретает гармонию с собой и получает свое истинное «я».

Одним из выразительных примеров инициации protagonista, которая воплощается в архитектонике странствий, является его рассказ о скитаниях: Кал путешествует по разным городам в поисках себя и находит свою целостность в Берлине: “I’ve never wanted to stay in one place. After I started living as a male, my mother and I moved away from Michigan and I’ve been moving ever since” [Eugenides, 2007, p. 187]. Из рассказа главного героя следует, что он никогда не хотел жить на одном и том же месте, и когда началось его существование в мужском теле, вместе с матерью покинул Мичиган. С тех пор движение стало для него обыденным делом. Мотив путешествия раскрывает образ Кала и формирует его целостность.

Еще одной ступенью посвящения становится встреча со смертью: Кал теряет отца. В finale романа подросток отказывается ехать на похороны родителя и остается охранять дом, чтобы душа умершего не вернулась туда. Таким образом подчеркивается, что персонаж выполняет мужскую функцию и

принят социумом как представитель сильного пола: “I stood in the door for an hour, maybe two. I lost track after a while, happy to be home, weeping for my father, and thinking about what was next” [Eugenides, 2007, p. 486]. Стоя в дверях и оберегая дом, центральный персонаж теряет счет времени и ощущает былое счастье от того, что он находится именно здесь. Юноша плачет по отцу и думает о том, что будет дальше. Символически прощаясь с родителем, переживая таинство смерти и завершив свой путь инициации, Кал окончательно обретает себя, преодолевая испытание своей идентичности. После странствий и трудностей он возвращается домой, в исходную точку, но изменившимся, обновленным и обретшим гармонию.

Стабильным уровнем повествования являются национальные корни протагониста, семья дает ему устойчивую почву, служит маяком. На другом полюсе находятся депрессивное и протестное начала, которые обрекают героя на страдания. Центральная роль отводится персонажу, переживающему кризис личности, утраты и последующего обретения идентичности, что становится мировоззренческой основой его инициации. В анализируемом романе представлена модель *индивидуальной и успешно пройденной инициации*, несмотря на справедливость наблюдения современных литературоведов о том, что если центральный персонаж классического американского романа (произведения Дж. Лондона, Т. Драйзера, Ф.С. Фицджеральда, Э. Хемингуэя) искал себя «между мечтой и трагедией», то современный герой находится «между бытом и пустотой» [Татаринов, 2001, с. 397].

Подводя итог, отметим, что анализируемое сочинение имеет классическую для романа инициации композицию: герой разрывает связь с прежней жизнью, во время промежуточной стадии переживает испытание мировоззрения, что меняет его не только духовно, но и физически и даже приводит к смене имени. В форме я-повествования ретроспективно представлены отрочество протагониста, переходный этап его взросления. Действие происходит в городских пространствах Детройта, штат Мичиган (домашний топос) и Берлина (мультикультурное многонациональное место).

Значимыми являются мотивы предопределения и свободы, благодаря которым многогранно представлено психологическое становление Кала. Протагонисту удается преодолеть все испытания и обрести гармонию. Он воспринимает себя как часть этноса: испытания имеют социальное значение, но в то же время его путь как героя сопряжен с поиском идентичности, истинного «я», самопознанием, и оттого глубоко индивидуален.

3.1.3. Мировоззренческие изменения героя в романе М. Миллер «Песнь Ахилла»

Примером произведения, в котором сюжет инициации реализуется через испытание мировоззрения протагониста, является роман «Песнь Ахилла» современной американской писательницы М. Миллер. Его автор – специалист по античной литературе. В Йельской школе драмы (Yale School of Drama), в которой она обучалась, прозаик занималась адаптацией классических нарративов под современные формы. Ее особое внимание привлек миф об Ахилле (Achilles) и Патрокле (Patroclus), героях Троянской войны. Впоследствии эта сюжетная линия стала основой изучаемого в диссертации романа «Песнь Ахилла»⁷. Над своим дебютным творением автор работала продолжительный период времени. По ее словам, написание этого сочинения стало своеобразным десятилетним путешествием: “Writing this novel was a ten-year-long journey” [Miller, 2011, p. 414]).

Сюжет охватывает детство, юность и зрелые годы героев. Исследователи определяют его жанровую специфику как «фанфикшн» (англ. “fan fiction” – фанатская литература), в котором содержатся традиции романа воспитания [Попова, 2021, с. 110]. Жанровая гибридность позволяет подчеркнуть

⁷ Действие второго романа писательницы, «Цирцея» (“Circe”, 2018) также разворачивается в пространстве древнегреческого мифа. Повествование ведется от лица Цирцеи, героини «Одиссеи» Гомера.

психологическую глубину персонажей и их динамику, исследовать вопрос о божественной/смертной природе человека, а также представить испытание мировоззрения протагониста, которое становится его инициацией.

Исторической основой романа являются события Троянской войны. Процессы ремифологизации/демифологизации типичны для литературы [Хабибуллина, Бреева, 2019]. «Мифологический код», лежащий в основе современных произведений о взрослении, является свидетельством закономерной цикличности развития литературного процесса, возвращения к истокам. Исследователи отмечают, что «обращение к мифу широко практиковалось писателями со времен зарождения американской литературы и превратилось в прочную традицию, актуальную в контексте всех литературных и исторических эпох» [Ермоленко, 2020, с. 91]. В эту тенденцию вписан и исследуемый роман М. Миллер: во время его создания она обращалась к произведениям многих античных авторов, особое внимание уделяя наследию Гомера. Пафос гомеровского эпоса сменяется в повествовании писательницы глубоко человеческой тональностью, тонким психологизмом. Важным источником для написания романа стал «Пир» (“*Symposium*”, ок. 385 года до н. э.) Платона (Plato, 428/427 или 424/423-348/347 до н. э.). Платоновский диалог, посвященный описанию отношений Ахилла и Патрокла, по словам М. Миллер, послужил источником вдохновения для написания ее книги [Михайлов, 2021].

Фабула оказывается второстепенной, на первый план выходят эмотивное пространство, диалектика и сложность человеческих чувств. Значительную роль играет древнегреческое понимание рока. Юноши осознают, что обречены. Разделяет это ощущение и читатель, поскольку ритмически текст напоминает плач. Текст лишен исторической достоверности, в нем присутствуют анахронизмы, этнографические неточности. В основе нарратива лежит общеизвестная история, в которой большое значение приобретают человечность и гуманизм.

Остановимся на основных элементах сюжета. В соответствии с первоисточником, сын царя Пелея (Peleus) и морской богини Фетиды (Thetis) Ахилл отправляется в Трою отвоевывать прекрасную Елену. В результате ссоры с предводителем греческого войска Агамемноном он отстраняется от сражений и теряет своего спутника Патрокла, вступившего в бой вместо друга в его доспехах. После этого Ахилл возвращается на поле битвы, чтобы отомстить троянскому царевичу Гектору (Hector), убийце Патрокла, и гибнет от стрелы Париса (Paris).

Несмотря на то, что система персонажей моноцентрична, поскольку в центре внимания находятся духовный мир и эволюция protagonистов, второстепенные персонажи прописаны достаточно многогранно и ярко. Такие древнегреческие герои как Мощный Аякс (Ajax), хитроумный Одиссей, деспотичная и холодная Фетида (Thetis) сохраняют свои архетипические характеристики, но показаны они как живые и противоречивые. В пространство мифа М. Миллер вносит актуальную тематику: детско-родительские конфликты, эгоцентризм, самопожертвование в отношениях. Центральной становится проблема взросления, репрезентированная сюжетом инициации, который встраивается в милитаристскую проблематику. Война играет в романе сюжетообразующую роль, она описывается как хаос насилия и жестокости. Именно военные события становятся рубежом взросления, инициации героев и испытанием их мировоззрения. На идеином уровне в романе войне противопоставлены любовь и сострадание.

Как уже было отмечено, М. Миллер не меняет нарратива и семантики мифа, делая основой романа взросление и формирование главных героев, обряд посвящения. Ахилл и Патрокл проходят инициацию одновременно. Патрокл, будучи человеком (его судьба не предрешена заранее, он не имеет божественного происхождения) преодолевает испытания не колеблясь, моральные ценности для него незыблемы. Повествование ведется от его лица. В интервью писательница отмечает: «Мой Патрокл в целом соответствует гомеровскому <...> Гомер говорит, что Патрокл всегда нежен и добр ко всем

<...> Нежность и доброта стали основой для характера моего персонажа» [Михайлов, 2021]. Так, в центре романа «Песнь Ахилла» оказывается второстепенный, на первый взгляд, персонаж. Читатель видит все происходящее с его точки зрения. Этот же прием используется в романе М. Миллер «Цирцея», в котором рассказчиком, как подсказывает заглавие, становится богиня, «...которая была изгоем в божественном обществе и которую не принимали люди, боясь гнева бессмертных» [Колмогорова, 2022, с. 198].

Характеризуя особенности наррации исследуемого текста, следует отметить, что Патрокл обладает «всеведущей» позицией, его исповедальное ретроспективное повествование продолжается и после наступления физической смерти. Описывая горе Ахилла, наблюдая за ним, герой замечает: “His tears fall, but I cannot wipe them away. This is my element now, the half-life of the unburied spirit” [Miller, 2011, p. 374]. По лицу Ахилла текут слезы, но Патрокл не в силах осушить их, поскольку представляет собой полуживой неупокоенный дух. В другом эпизоде, вспоминая ранние впечатления детства, говоря о маме, рассказчик фиксирует следующее: “And where are we? I do not recognize the beach, the view of coastline. So much has passed since then” [Miller, 2011, p. 18]. Он словно перемещается в прошлое, однако не узнает прежних мест своего обитания. Его сознание становится связующим звеном, объединяя прошлое и настоящее.

Патрокл описывается как нищий изгнаниник: во время ссоры он случайно убивает сверстника, поэтому вынужден покинуть родной город и искать приют при дворе царя Пелея. В тексте подчеркивается ординарность и заурядность его внешности. Протагонист описывает себя как неприметного и ничем не выдающегося человека, «дурачка»: “Quickly, I became a disappointment: small, slight. I was not fast. I was not strong. I could not sing” [Miller, 2011, p. 15]. Отец разочаровался в нем, поскольку сын имел невысокий рост, не был физически сильным и проворным, а также не умел петь. Такие характеристики объединяют данный образ с центральным персонажем сочинения Дж. Диаса,

которое было рассмотрено нами выше, и показывают тип героев романа инициации в новейшей литературе США. Это обычные люди, не обладающие особыми талантами, имеющие физические несовершенства, что часто становится причиной их одиночества. Внешность подобных протагонистов далека от идеала. Они могут даже быть изгоями [Рудова, 2014]. Указанные черты, а также внутренняя противоречивость и уязвимость делают таких персонажей привлекательными для читателей и понятными им.

На этом контрасте особенно выразительно показана внутренняя сила молодого человека и его благородство. Дорогим сердцу Патрокла является воспоминание о матери, он даже называет ее золотым: “It is the only memory I have of my mother and so golden that I am almost sure I have made it up. After all, it was unlikely for my father to have allowed us to be alone together, his simple son and simpler wife” [Miller, 2011, p. 16]. Юноша замечает, что, возможно, выдумал это событие, поскольку отец вряд ли позволил бы им с мамой побыть наедине. Ведь он считал своего сына глупым, а ее – еще более глупой женой. Светлый образ матери навсегда остается в душе Патрокла, хотя он почти не помнит ее.

Путь изгнания/инициации героя начинается со случайного убийства мальчика, который оскорбил его, указав на то, что отец стыдится такого сына и назвал Патрокла трусом (a coward). Именно это событие становится точкой невозврата для юноши, первым испытанием его личности: “I stared, my throat closing in horror at what I had done. I had not seen the death of a human before” [Miller, 2011, p. 18]. По словам главного героя, он был в ужасе, у него перехватило горло от содеянного. Прежде он никогда не видел, как умирает человек. Признавшись в случившемся, центральный персонаж навсегда покидает дом: “This was how I came to be ten, and an orphan” [Miller, 2011, p. 21]. Из приведенной выше цитаты следует, что в десять лет ребенок остался сиротой. Оказавшись во дворце царя Пелея, приютившего мальчика, Патрокл становится изгояем, поскольку ведет себя молчаливо и замкнуто: “No one spoke to me. I was easy to ignore. It was not so very different from home, really” [Miller,

2011, p. 21]. Никто не говорит с ним, его просто не замечают. Иными словами, в этом отношении протагонисту было все равно, где он находится.

После произошедшего подросток долгое время страдает от бессонницы, к нему приходят разные видения, беспокойные сны. Таким образом проявляются муки совести: “The boy came, night after night, with his staring eyes and splintered skull <...> I would wake, choking on my horror, and stare at the darkness until dawn” [Miller, 2011, p. 21]. По ночам герою снова и снова является убитый мальчик. Его глаза широко открыты, а череп размозжен. После этого видения Патрокл просыпается в ужасе и до самого рассвета лежит, вглядываясь в темноту.

Все меняется, когда его другом становится Ахилл. Гнетущий период жизни центрального персонажа сменяется более спокойным. Сюжетные линии этих героев с самого начала неразрывно связаны. Образ Патрокла противоречит богоподобному Ахиллу, с юных лет ловкому и прекрасному. Уже в первой главе, вспоминая детство, рассказчик противопоставляет себя своему новому знакомому: “My own father watches with envy <...> his son too slow to race in even the youngest group” [Miller, 2011, p. 9]. Отец Патрокла всегда смотрел на Ахилла с завистью, поскольку его собственному сыну было не по силам состязаться даже с самыми юными бегунами.

В портретном описании Ахилла акцентируется красота и внешнее великолепие, присутствуют «постоянные» для этого героя эпитеты: «златокудрый» (golden-haired), «быстрононогий» (swift-footed). Он любимый сын царя и богини, прирожденный воин. Патрокл становится спутником и товарищем Ахилла несмотря на то, что Фетида противится их дружбе. Чтобы отдалить Ахилла от Патрокла, она отсылает сына к Хирону (Chiron), мудрому кентавру, который должен обучить мальчика всему, что нужно знать и уметь мужчине. Нарушая запрет, Патрокл следует за другом. Для него это вновь означает побег, уход от предыдущей жизни, переход в лиминальный период: “I ran. Away from the palace, down the path towards the woods, feet stinging as they slapped the heat-baked ground” [Miller, 2011, p. 55]. Патрокл замечает, что бежал

прочь от дворца, по дороге, ведущей в лес, обжигая стопы о выжженную солнцем землю. Его мировоззрение второй раз испытывает кризис.

После этого побега, когда у героя нет никакой надежды на счастливый исход, Ахилл спасает его, дождавшись у дороги. Юноши, подобно неофитам, начинают совместное обучение у Хирона, «наставника мужей»: “I am a centaur, and a teacher of men. My name is Chiron” [Miller, 2011, p. 60]. Так, период жизни во дворце царя превращается для героев в годы учений.

Топосом для взросления персонажей выбран остров Скирос, на котором Фетида укрывает Ахилла от войны. Кентавр учит их всему тому, что может пригодиться во взрослой жизни, делится мудростью и опытом: “For Chiron liked to teach, not in set lessons, but in opportunities” [Miller, 2011, p. 61]. Хирон предпочитает вести обучение не при помощи теории, а используя конкретные примеры.

Несмотря на разницу статусов и физические отличия, Патрокл не воспринимает Ахилла как соперника, их *параллельная* инициация лишена состязательности: “I saw then how I had changed. I did not mind anymore that I lost when we raced and I lost when we swam out to the rocks and I lost when we tossed spears or skipped stones” [Miller, 2011, p. 79]. Патрокла больше не заботит то, что он проигрывает, когда друзья бегают наперегонки, плавают, тренируются с копьями или бросают камни. Все эти занятия – органичная часть возмужания и взросления подростков. Важным моментом в отношениях протагонистов является исповедь Патрокла. Когда он рассказывает другу об убитом мальчике, то понимает, что его путь мог бы быть иным, если бы он тогда не признался в содеянном и солгал, но честность и прямота этого персонажа определили его жизнь и стали ключевыми в судьбе.

Период отрочества сменяется зрелостью, мальчики понимают, что они повзросли: “Sixteen was our last year of childhood, the year before our fathers named us men, and we would begin to wear not just tunics but capes and chitons as well” [Miller, 2011, p. 132]. Вышеприведенная цитата показывает, что шестнадцатый год стал заключительным годом их детства. Вскоре их стали

воспринимать как взрослых мужчин, что отразилось на их внешнем облике. Юноши начали надевать не только хитоны, но и хламиды или гиматии.

В соответствии с проклятием, которое дано Ахиллу при рождении (ему предназначено совершить подвиг, обрести славу и погибнуть юным), он отправляется к стенам Трои. В противовес героическому в характере Ахилла можно усмотреть элементы человеческой сущности – юношеская робость и даже уязвимость. Эксплицитно разворачивается эволюция молодого человека, начинается процесс реального взросления, превращения в воина, обретения мужества. Фокус переносится с внешнего сюжета на внутренний: взросление и самопознание героя.

После того, как Патрокл становится спутником Ахилла, именно он фиксирует те изменения, которые происходят с протагонистами. Непоколебимость Патрокла, твердое следование принципам морали становятся внутренней мерой и для Ахилла. Симптоматичным представляется тот факт, что Патрокл берет на себя функции лекаря, находит свое призвание в исцелении людей, в то время как самореализация его друга связана с военным делом.

Известная сцена с пленницей Брисеидой (Briseis) в этом контексте является одной из ключевых, поскольку здесь проверяются внутренние качества персонажей. Для Ахилла важными являются тщеславие и гордыня: “My life is my reputation <...> It is all I have” [Miller, 2011, p. 242]. Он считает, что его жизнь и репутация – это одно и то же. Для Патрокла же ключевыми ценностями можно считать гуманизм и сострадание: “There is no honor in betraying your friends” [Miller, 2011, p. 242]. По его мнению, в предательстве друзей нет чести.

Кульминационными эпизодами на пути инициации персонажей становятся финальные сцены романа, когда Патрокл вступает в битву вместо Ахилла. Юноши словно меняются сущностями. Результатом этого становится гибель первого. Он не обладает необходимой физической силой, навыками ведения боя, проворностью и умением обращаться с оружием. Символично,

что он идет в бой в доспехах Ахилла и под его именем, метафорически взяв на себя тяготы пути другого, его бремя, что и губит юношу: “I imagine how Achilles would do it, feet planted to earth, back muscles twisting. He would see a gap in that impenetrable armor, or he would make one. But I am not Achilles” [Miller, 2011, p. 362]. В решающий момент он старается представить себе, как бы на его месте поступил Ахилл, но не в силах сделать то же самое потому что не обладает необходимыми качествами.

Патрокл оказался готов принести в жертву свою жизнь ради продолжения героического пути друга. Брисеида отмечает как благородство такого поступка, так и его жертвенность: “He fought to save you, and your darling reputation. Because he could not bear to see you suffer!” [Miller, 2011, p. 368]. Обращаясь к Ахиллу, она подчеркивает, что Патрокл не смог бы вынести его страдания, а потому сражение состоялось ради спасения его славы.

Внутренняя эволюция Ахилла эксплицитно проявляется в финальном разговоре с матерью, когда он отказывается от собственной божественной природы и оспаривает мотив предопределения своей судьбы. Более важным для него оказывается месть Гектору за гибель Патрокла: “I am a mortal!” he screams. “What good is godhead? <...> What good are you?” [Miller, 2011, p. 379]. Юноша отмечает, что выбирает статус смертного, поскольку божественная природа больше не является чем-то ценным и существенным для него.

Параллельная инициация Патрокла и Ахилла позволяет эксплицировать присутствие двух этих сущностей во внутренней природе обоих персонажей. Первый, находясь рядом с истинным героем, познает и разделяет его путь, а в finale романа вступает в бой в его доспехах и под его именем. Ахилл же проявляет человеческие черты благодаря тому, что взрослеет и формируется рядом с Патроклом, которому удается сделать его лучше и человечнее: “I had found a way through the endless corridors of his pride and fury” [Miller, 2011, p. 277]. Патрокл отмечает, что хотя бы отчасти, но помог товарищу избавиться от таких качеств характера как гордыня и вспыльчивость.

Из изнеженного самовлюбленного принца, каким Ахилл показан в начале романа, тщеславного и жестокого воина, которым он становится в кульминационных военных эпизодах, он превращается в человека, способного испытывать сострадание и горечь утраты. Мотивы избранности и предопределения глубже раскрывают и эксплицируют данные трансформации. Итогом испытания его мировоззрения становится выбор в пользу того, чтобы погибнуть как смертный.

После гибели юношей их прах перемешивают. В знаково-символическом пространстве романа это означает взаимопроникновение человеческого и божественного, их единство. Таким образом, можно отметить, что сюжет посвящения реализуется одновременно в судьбах двух молодых людей: Ахилла, который имеет божественное происхождение, и Патрокла, обладающего исключительно человеческой сущностью. Инициация персонажей воплощается в трехчастной сюжетной структуре: они сегрегируются из привычного мира, переживают лиминальный период, в котором их сопровождает наставник, затем инкорпорируются в социум. Герои познают сакральное, встречаются со смертью, переживают телесное осознание самих себя. Главным испытанием для них становятся мировоззренческие изменения.

Несмотря на то, что судьба Ахилла предрешена свыше и, казалось бы, ключевым пространством проявления внутренней силы и мужества для него должен стать бой, инициация персонажа связана с проявлением человеческих качеств: доброты, милосердия, любви. М. Миллер полностью меняет классическую сюжетную схему инициации: герои расстаются с привычной жизнью, переживают период ученичества, участвуют в событиях взрослого мира (в фабуле романа это Троянская война). Однако реальными испытаниями для них оказываются ситуации, в которых необходимо проявить мягкость, человечность и сострадание. Для Ахилла первым таким событием становится встреча с Патроклом, он смог разглядеть человеческую сущность юноши вопреки сословным предрассудкам.

Диалектика, амбивалентность внутренней природы Ахилла акцентированы в эпизодах, в которых герой проявляет негативные черты характера: малодушие, тщеславие, жестокость. Одним из таких событий становится встреча с Брисеидой и готовность пожертвовать ей. То же происходит во время боя, когда Ахилл теряет человеческие качества и становится жестоким убийцей. Герои переживают *параллельную* инициацию. Внутренние трансформации Патрокла разворачиваются одновременно с событиями жизни Ахилла. Гибель последнего в заключительной сцене романа, хоть и предсказанная и ожидаемая с момента начала повествования (так происходит реализация мотива предопределение), становится примером победы добра и любви. Этим ознаменован положительный исход инициации персонажей, который также представлен в новаторском ключе: каждый из них справляется с испытанием мировоззрения несмотря на то, что в finale сочинения протагонисты погибают.

Для исследуемого романа характерен выразительный, яркий язык, емкий и лаконичный. Лексическую и синтаксическую структуру фраз отличает простота: текст лишен сложных предложений, синонимических рядов, развернутых метафор. Переводчица романа на русский язык А. Завозова отмечает: «Это такой ясный, местами лиричный, но очень чистый текст» [Завозова, 2023]. М. Миллер продолжает традицию устного пересказа, переложения известных сюжетов древнегреческими странствующими исполнителями эпических поэм аэдами и рапсодами. Песенный характер, музыкальность отражаются и в названии произведения. Еще одна семантическая функция поэтики заглавия – отсылка к «Одиссею» Гомера, которая состоит из песен.

Роман имеет определенный ритмический рисунок. С точки зрения фонетического строя, реализации приема звукописи, произведение делится на три части. Особенной мелодичностью отличается первая. В этих главах изображается юность и отрочество героев, их переход из детского мира во взрослый, годы учений. Вторая часть ассоциируется с барабанной дробью,

дудением рогов, плеском воды от весел судов, плывущих к Трое [Завозова, 2023]. В третьей центральная роль отводится участию персонажей в военных событиях и, как следствие, испытанию их мировоззрения, а также внутренним трансформациям.

В повествовании доминирующей становится гуманистическая тональность, в центре внимания рассказчика – человеческие чувства, сомнения, нравственный выбор. Своеобразием романа является изображение инициации с заранее предрешенным финалом: читатель знает, что оба героя погибнут. В пространстве архаического обряда посвящения смерть неофита означает, что инициация им не пройдена, но в структуре романа М. Миллер событийная канва становится периферийной. Это позволяет автору сделать первостепенными психологический и морально-нравственный дискурсы, а также проблему взросления и внутренней эволюции персонажей. Таким образом, инициация происходит не в момент боя (его исход определен априори) и зависит не от физической силы героев и их смелости. Все случается во время принятия решения, когда они совершают этический выбор.

«Песнь Ахилла» является примером произведения, где испытывается мировоззрение персонажей. Таким образом роман инициации обращается к социально-нравственным и философским вызовам современности. Отмечая связь сочинения М. Миллер с контекстуальным полем нарративов, основанных на мифологических сюжетах, стоит подчеркнуть его оригинальность. В творчестве У. Фолкнера мифологические структуры становятся основой для построения собственной оригинальной мифологии («Авессалом, Авессалом!»/“Absalom, Absalom!”, 1936), а в романе «Кентавр» / “The Centaur”, 1962 Дж. Апдайка (J. Updike, 1932–2009) за счет синтеза реального и мифологического создается двуплановость художественного мира. В прозе же современных американских писателей Д. Тартт «Тайная история» и Ф. Рота (Ph. Roth, 1933–2018) «Людское клеймо» (“The Human Stain”, 2000) античные образы и сюжеты выполняют сюжетообразующую роль как во внешней (на уровне фабулы), так и во внутренней структурах текста. М. Миллер же,

сохраняя мифологическую основу, меняет акценты: в романе можно наблюдать процесс трансформации мотивов избранности и предопределения за счет удвоения сюжетной ситуации (*параллельная инициация* Ахилла и Патрокла) и введения индивидуальных авторских символов. Мифологический нарратив становится ключевым элементом интертекстового пространства современной литературы США и позволяет эксплицировать проблему взросления. Писательница делает ключевой проблему нравственного выбора, заостряет психологические нюансы и внутренние сомнения персонажей.

Обратимся к некоторым другим примерам *романа-идентификации* в новейшей американской литературе. Данные тексты важны для предложенной нами типологии романа инициации и будут проанализированы в качестве дополнительного материала, обеспечивающего необходимое компаративное поле.

Испытание мировоззрения становится центральной проблемой романа «Бумажные города» Дж. Грина. В центре внимания прозаика практически во всех его произведениях находится внутренний мир подростков. Сам автор объясняет эту особенность тем, что молодые люди высказывают свои чувства со всей страстью и напором: “I love the intensity teenagers bring not just to first love but also to the first time you’re grappling with grief” [Talbot, 2014]. По мнению писателя, такая сила в выражении чувств касается не только проявлений любви, но и горя.

В вышеупомянутом романе разворачивается история подростка Квентина Джейкобсена (Quentin Jacobsen). В основе нарратива находится детективный элемент: герои разгадывают тайну исчезновения Марго (Margo Roth Spiegelman), соседки и возлюбленной главного героя. По мере развития сюжета, любовная линия усложняется, повествование становится историей взросления, персонажи ищут ответы на глубокие философские вопросы.

Особую роль играет метафора *бумажные города*, вынесенная в заглавие произведения. Она символизирует искусственность внешнего мира, отражает неприятие героями взрослой жизни: “All those paper people living in their paper houses, burning the future to stay warm...” [Green, 2009, p. 58]. Живущие вокруг воспринимаются как бумажные, вымышенные, и обитают они в бумажных, фальшивых городах.

По мнению ученых, большое значение в анализируемом романе отводится мотиву одиночества. Он «проявляется в виде состояний социального и межличностного одиночества главных героев» [Баранова, Афанасьева, 2023, с. 31]. Присутствует в нем и мотив предопределения. Он раскрывается в сюжетной линии, связанной с поведением Марго: ее попытка сбежать от своего окружения и самой себя, преодолеть одиночество оказывается несостоятельной во многом в силу предопределенности пути каждого человека и необходимости его принять. В романе эта сюжетная линия не заканчивается каким бы то ни было итогом: “When I got here, I did get bored. There's nothing to do <...> I kept waiting for that loneliness and nervousness to make me want to go back. But it never did” [Green, 2006, p. 295]. Марго скучно и нечем заняться на новом месте, но и возможности вернуться туда, где она жила раньше, она не видит. По мнению девушки, ей еще только предстоит найти свое предназначение. Разработка указанных мотивов позволяет автору глубже и многограннее представить испытание мировоззрения персонажей.

Ключевым элементом в сочинении Дж. Грина является книга. Речь идет о поэме «Песнь о себе» (“Song of Myself”, 1881) У. Уитмена (Walt Whitman, 1819–1892). Поэтические строки этого сочинения становятся подсказками. Их оставляет Марго для Квентина, надеясь, что он найдет ее. В исследуемом романе присутствуют также референции к роману Г. Мелвилла (Herman Melville, 1819–1891) «Моби Дик» (“Moby Dick”, 1851). Аллюзии на этот знаковый текст американской литературы представляются неслучайными, поскольку, как отмечают исследователи, в произведении Г. Мелвилла «библейское миропонимание является отправной точкой в размышлениях

почти всех героев и нравственной мерой их духовных поисков» [Американская культурно-языковая..., 2019, с. 65]. Дж. Грин проводит параллели между одержимостью, которую Квентин испытывает по отношению к Марго и тем безумием, которое охватывает капитана во время погони за Белым Китом: “You never see Ahab wanting anything else in the whole novel, do you? He has a singular obsession. You can argue <...> that Ahab is a fool for being obsessed. But you could also argue that there is something tragically heroic about fighting this battle he is doomed to lose” [Green, 2006, p. 159]. По мнению нарратора, в действиях Ахава (Ahab) есть трагически-героические черты, поскольку эту битву он обречен проиграть. Данная аллюзия помогает представить инициацию центрального персонажа Дж. Грина как момент его наивысшего духовного и эмоционального напряжения.

Внутренние выводы, к которым приходит Квентин в ходе испытания своего мировидения можно обобщить так: смысл жизни человека заключается в служении другим и преодолении эгоцентризма: “...we find it difficult to understand that other people are human beings in the same way that we are. We idealize them as gods or dismiss them as animals” [Green, 2006, p. 295]. Данные слова принадлежат маме юноши. Она выражает идею равенства людей и подчеркивает необходимость относиться к другим как к самому себе. Эти мысли разделяет и Квентин. Еще одним осознанием подростка становится то, что его представления о людях и их реальные личности могут не совпадать.

По ходу развития сюжета Кью все более четко понимает, что Марго в реальности и в его воображении – две разные девушки: “All along – not only since she left, but for a decade before – I had been imagining her without listening, without knowing that she made as poor a window as I did” [Green, 2008, p. 199]. Главный герой осознает, что он на протяжении всего общения с Марго не совсем верно понимал свою подругу и ориентировался на тот образ, который она транслирует окружающим, вместо того чтобы попытаться разглядеть ее истинную суть. Более реалистичное ее восприятие, как и принятие того факта, что потребность Марго в общении с ним на самом деле не является такой

острой, а возвращаться домой она попросту не хочет, финализируют испытание его мировоззрения и инициацию. В произведении присутствуют такие черты романа инициации как повествование от первого лица, трехчастная композиция (расставание Кью с привычным миром и его путешествие по следам Марго, испытания мировоззрения и итог: решение о том, что их пути расходятся и возвращение к прежней жизни), мотивы одиночества и равенства. И Кью, и Марго переживают определенные испытания мировоззрения, что дает основание говорить об их *параллельной*, однако *незавершенной* инициации, поскольку финал произведения остается открытым.

Синтез мировоззренческих изменений и проблемной социализации представлен в самом современном из рассматриваемых в настоящей диссертации сочинений – романе Х. Янагихары «До самого рая». События разворачиваются в трех эпохах альтернативной американской истории. Центральным топосом является Вашингтонская площадь (Washington Square). По замыслу автора, Нью-Йорк входит в Свободные Штаты, там люди могут вести ту жизнь, которую они выбрали для себя сами. Здесь затрагиваются три временных пласта: XIX, XX и XXI века. В 1893 году состоятельный и знатный юноша старается уклониться от брака по расчету. При этом он пытается преодолеть одиночество и внутренний конфликт. В 1993 году молодой юрист скрывает свои знатные корни и гавайское происхождение. В 2093 году изображается мир антиутопии, чертами которой являются тоталитаризм и пандемия.

Объединяющей чертой протагонистов является наличие некого трагического опыта, который они скрывают от окружающих людей. Схожими являются пути их самопознания, которые суммирует общая для романа метафора поиска рая. Поэтику сочинения можно назвать палимпсестной, поскольку в романе сплетены судьбы людей, характерные черты различных эпох и времени.

Анализируемое произведение имеет литературный прототип. Это роман «Вашингтонская площадь» (“Washington Square”, 1880) Г. Джеймса (Henry James, 1843–1916). В основе данного нарратива лежит история богатой наследницы, которая вопреки воле отца связывает свою жизнь с юношем, впоследствии обманувшим ее. Как и автор вышеуказанного произведения, Х. Янагихара исследует проблемы социального статуса через мотивы свободы, равенства и одиночества. И в том, и в другом сочинении романтический герой противопоставлен бездуховному прагматичному обществу.

Протагонист первой части романа «До самого рая» – Дэвид Бингем (David Bingham), представитель старинного рода. Его хотят по расчету выдать замуж за богатого наследника Чарльза (Charles). Это сенсационный элемент рассчитан на удивление читателя. Конфликт строится на том, что Дэвид влюбляется в другого молодого человека, учителя музыки Эдварда (Edward). Дедушка пытается убедить героя в том, что намерения последнего не являются искренними, и его интересует лишь наследство Дэвида. Нарратив завершается открытым финалом, протагонист находится на распутье: сбежать с возлюбленным или покориться воле дедушки.

Во второй части произведения Х. Янагихары Вашингтонская площадь показана в 1993 году. Имя протагониста остается прежним, Дэвид Бингем, но его история меняется. Он покидает Гавайи и в Нью-Йорке знакомится с Чарльзом, который, как и персонаж предыдущей части, скрывает тайну (он страдает от некой эпидемии XX века, вероятно, речь идет о СПИДЕ, но напрямую это не упоминается). Параллельно разворачивается история отца Дэвида. Показаны его отношения с неким Эдвардом. Х. Янагихара оставляет читателю загадки относительно того, те же это персонажи или другие, является ли вторая часть продолжением первой или это совсем другая история. Стиль повествования во второй части напоминает прозу современного американского прозаика М. Каннингема (Michael Cunningham, 1952–), который был литературным консультантом писательницы.

Третья часть романа посвящена, во многом, осмыслению пандемии 2020 года (COVID-19). Х. Янагихара строит повествование вокруг катастрофических последствий распространения инфекции, которые привели к образованию антиутопической государственной системы. Нarrатив разворачивается в соответствии с канонами антиутопии: еда и вода ограничены и доступны только по карточкам, книги и телевидение запрещены, прогулки регламентированы, в домах проводят обыски. Особое внимание уделяется репродукции, поскольку рождаемость в стране снизилась до катастрофического уровня. Город разделен на зоны, интернет заблокирован, международные перемещения запрещены. Проявлять живые эмоции прилюдно наказуемо. Нью-Йорк, сотрясаемый пандемиями XXI века, отсылает к городским пространствам известных романов Дж. Оруэлла (George Orwell, 1903–1950), а также прозе любимого британского писателя Х. Янагихары, Кадзуо Исигуро (Kazuo Ishiguro, 1954–).

В анализируемом романе на Вашингтонской площади живет девушка Чарли (Charlie), внучка известного эпидемиолога. Она перенесла вирус и осталась в живых благодаря экспериментальному препарату, изменившему ее физически (невозможность иметь детей) и психически (когнитивное расстройство). По совету дедушки молодая особа выходит замуж за Дэвида, который заботится о ней, но никогда не сможет полюбить. Произведение содержит черты сатирического романа, поскольку обстоятельно описывается мир, где карантин стал нормой, а люди для выживания пожертвовали своей свободой. Акцент ставится на эмоциональные и/или физические страдания одних персонажей и заботе о них со стороны других, показано также чередование боли и утешения (“hurt/comfort”). Х. Янагихара исследует тему болезни, человеческой хрупкости, внутренней силы через инициацию протагонистов, а именно – испытание их идентичности и проверку социумом. Это происходит в силу того, что в художественном мире писательницы душевные и физические страдания людей тесно переплетены. Их потребность в любви и душевном контакте оборачивается неизбежной встречей с самими

собой, что, с одной стороны, обрекает персонажей на пустоту и одиночество, а с другой – дарит им надежду на обретение целостности (успешное прохождение инициации).

Протагонисты с одинаковыми именами являются сквозными. Они переживают одни и те же стадии взросления и сталкиваются с похожими испытаниями. Роман «До самого рая» содержит черты головоломки: читатель должен попытаться сопоставить части сочинения друг с другом и понять, что произошло с героями, и какие значения заложены в повторах имен. Поскольку каждая из частей заканчивается открытым финалом (*параллельная отложенная инициация*), и конечная стадия (инкорпорация) не показана, в фокусе внимания писателя оказывается главный, промежуточный ее этап, связанный с испытанием мировоззрения персонажей и проверкой социумом. Знаковыми для данного сочинения являются мотивы равенства, одиночества и свободы, раскрывающие духовные искания героев. Нarrация ведется от третьего лица, внутренний психологизм показан через внешние события: выбор между чувствами и долгом в первой части, поиск национальной идентичности во второй, выживание в тоталитарном обществе в условиях пандемии в третьей.

Таким образом, в анализируемом тексте рассказывается о выборе между безопасностью и истинным чувством, материальными благами и любовью. В нем ставятся вопросы о том, как индивиду найти место в реальном мире, и где пролегают границы личной свободы. Поиски ответов приводят героев к некоему предполагаемому раю, который, однако, является эфемерным и зыбким.

Это – новый тип *романа-идентификации*, в котором благодаря разнонаправленной наррации показывается *последовательная инициация* сразу нескольких протагонистов, причем в силу имеющихся повторов, читателю предлагается решить загадки в отношении судеб и имен главных действующих лиц, географических ландшафтов и временных векторов. Персонажи получают возможность стать кем-то другим, но это требует

большой смелости и духовного роста. Всему нарративу свойственна эклектика и одновременно повторяемость: наличие сквозных героев, а также финальные строки частей, которые звучат одинаково: как, например, фраза «до самого Рая». Модернистские и реалистические модусы романа обуславливают жанровый синтез. Это социальный и одновременно психологический роман, в нарративной основе которого лежит инициация. При помощи повторяющихся переходов, универсальности человеческих судеб, трудностей в жизни раскрывается индивидуальный путь каждого из протагонистов, причем уточняются конкретные этапы. Движение человека к самому себе, познанию и проявлению своей сущности, по задумке прозаика, можно назвать дорогой до рая, какой бы продолжительной и тернистой она ни была.

Приведенные выше наблюдения над таким видом романа инициации как *роман-идентификация* позволяют сделать некоторые выводы. Данные произведения могут выступать инструментом самопознания и способом приобщения персонажей к социуму. В них объединяются и трансформируются автобиографические формы, используются поэтические приемы различных литературных методов и направлений, отражаются процессы ремифологизации, происходит трансформация мотивов избранности и предопределения («Песнь Ахилла» М. Миллер). Подобная многогранность достигается путем умножения разновидностей в пределах одного вида (мировоззренческие изменения и проблемная социализация в романе Х. Янагихары «Маленькая жизнь»), а также за счет обращения к мотивам одиночества и предопределения в произведениях, репрезентирующих трансформацию мировидения героя («Бумажные города» Дж. Грина).

На формирование и развитие этих моделей прозы влияют модификации таких жанрообразующих конвенций, как тип героя, сюжетно-композиционная структура, пространственно-временная организация сочинения. Обозначенная динамика обусловлена изменением литературного поля, размыванием границ между элитарным и массовым искусством, медиатизацией культуры, кризисом самоидентификации индивида в современном обществе. Пограничная,

формирующаяся идентичность главного героя представляет собой актуальный, хотя и не вполне устоявшийся феномен, раскрывающий новые горизонты существования личности в мультикультурном мире.

Особое внимание в такой разновидности современного американского романа инициации как *роман-идентификация* уделяется синтезу мультикультурных нарративов и самоидентификации персонажей. Внутри этого вида представлены такие разновидности и вариации инициации как *последовательная прерванная* («Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса), *индивидуальная успешно пройденная* («Средний пол» Дж. Евгенидиса), *параллельная успешно пройденная* («Песнь Ахилла» М. Миллер), *параллельная прерванная* («До самого рая» Х. Янагихары), *параллельная незавершенная* («Бумажные города» Дж. Грина). Главными героями подобных сочинений становятся представители национальных, культурных, гендерных меньшинств («Средний пол» Дж. Евгенидиса, «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса). Это является способом освоения сложного и многовекторного культурного поля, в котором доминирующие и подчиненные силы общества взаимодействуют и выстраивают диалог. Подвиды *романа-идентификации*, выделенные на основе проблемной социализации, мировоззренческих изменений, физического перевоплощения центральных персонажей – это полифонические и мультилингвальные тексты, описывающие пограничные культурные явления. Протагонисты таких сочинений находятся в процессе движения, становления, непрерывной рефлексии. Пространством инициации становится лиминальный урбанистический пейзаж, на фоне которого представители разных культур обмениваются друг с другом своей инаковостью.

Описанный дискурс *романа-идентификации* во многом противопоставлен классической для американской культуры идее плавильного котла, предполагающей мозаичную, равнозначную структуру многонационального общества. Это, скорее, сохранение культурной целостности каждого представителя и отказ от какого бы то ни было слияния с

большинством. Герои смотрят на окружающий мир через призму своей индивидуальности, их сосредоточенность на самих себе делает процесс коммуникации личностно-ориентированным.

3.2. Роман-кризис в современной литературе США

3.2.1. Преодоление героя смертельной болезни в романе Дж. Грина «Виноваты звезды»

Одним из видов романа инициации является *роман-кризис*. В таких произведениях протагонист переживает какое-то ключевое жизненное событие. Это может быть преодоление болезни («Виноваты звезды» Дж. Грина), смерти близких («Маленький друг» Д. Таррт) или чувства вины («Бегущий за ветром» Х. Хоссейни). Главные персонажи подобных сочинений попадают в неординарные обстоятельства: борьба с физическим недугом; утрата близкого человека и расследование обстоятельств его гибели; разрыв с прежней жизнью и следующая за этим попытка искупления какого-то совершенного в прошлом греха. Повторяющимися структурными элементами в каждом сочинении являются: усиленная нарративность, событийная насыщенность, а также философский финал. Протагонисты преодолевают кризис, переживают экзистенциальный переворот, а в финале подводят итоги жизненного пути, обобщают свой опыт. Это такие произведения как «Тринадцать причин почему» Дж. Эшера, «В поисках Аляски» Дж. Грина и др.

В центре романа «Виноваты звезды» находится история подростков, больных раком. Смыслом их жизни становится преодоление физических и ментальных ограничений, связанных с этим страшным диагнозом. Повествование ведется от лица шестнадцатилетней девушки Хейзел Грэйс (Hazel Grace). Сюжетообразующим событием становится знакомство героини с Огастусом Уотерсом (Augustus Waters), которого она встречает на собрании группы поддержки неизлечимо больных людей.

В имени главной героини, как и в имени юноши (Hazel – англ. «орешник», Waters – англ. «воды, море») подчеркивается близость к природе, что вносит в характеристику героев естественность, натуральность, которую усиливает фамилия девушки Грэйс (англ. слово grace – «благодать, милость»). Название романа связано с одним из ведущих мотивов американской

словесности, мотивом провиденциальности. В ключевых исследованиях, посвященных ранним произведениям американской литературы миссия писателя определялась следующим образом: «Они старались раскрыть смысл того или иного события, проинтерпретировать его и, в конечном счете, убедить читателя в том, что все поступки людей на земле – акт проявления воли Господа, следовательно, они заранее предрешены» [Баранова, 2011, с. 10]. Поэтика заглавия романа Дж. Грина «Виноваты звезды» метафорически отсылает читателя к воле Высших сил, предопределенности человеческой жизни, невозможности героев повлиять на свою судьбу.

Персонажей анализируемого романа объединяет не только общий опыт (болезнь, связанные с ней переживания), но и культурные коды, схожесть мировосприятия, чувство юмора, любовь к чтению: “The Support Group, of course, was depressing as hell. It met every Wednesday in the basement of a stone-walled Episcopal church shaped like a cross. We all sat in a circle right in the middle of the cross, where the two boards would have met, where the heart of Jesus would have been” [Green, 2014, p. 11]. Хейзел замечает, что посещения групп поддержки ее угнетают. Она перечисляет атрибуты собраний: подвал каменной епископальной церкви, фундамент в форме креста, отсылки к сердцу Иисуса. Члены группы поддержки показаны писателем чуть иронично, как и все, что связано со стереотипами восприятия рака, отношением к больным, способами борьбы с болезнью. То, что оба героя нездоровы, позволяет им вести себя свободно, искренне, доверительно, поддерживать друг друга, находить нужные слова. Персонажи встречаются весной и воспринимают данное время года как символ начала новой жизни. Это своеобразный переход от холода и темноты зимы к чему-то новому, яркому: “...the weather was truly and absolutely extraordinary for March, <...> and they didn’t even once ask me about the oxygen or my diagnosis, which was weird and wonderful” [Green, 2014, p. 32]. Хейзел обращает внимание на то, что погода – совсем нетипичная для марта, и поскольку никто не спрашивает ее о болезни, все вокруг кажется особенно необычным и прекрасным.

Мотив предопределения сопряжен в романе с темой любви и обретением близкого человека. Возможность смотреть на того, кто тебя любит, улыбаться ему/ей, дает героям ощущение полноты жизни и счастья: “You look at the person who loves you and smile” [Green, 2014, p. 261]. Внутреннее состояние персонажей сравнивается с тем, как светится рождественская елка: “He flashed his crooked smile, then said, “I lit up like a Christmas tree, Hazel Grace. The lining of my chest, my left hip, my liver, everywhere” [Green, 2014, p. 261]. Огастус делится с Хейзел ощущением того, что он весь словно наполнен внутренним светом, в чем тоже можно усмотреть референцию к чему-то божественному.

Философские размышления протагонистов воплощаются в беседах о жизни по ту сторону бытия и месте Бога в их судьбе: “Do you believe in an afterlife?” [Green, 2014, p. 207]. Молодой человек выражает свои представления о вечной жизни следующим образом: “Not like a heaven where you ride unicorns, play harps, and live in a mansion made of clouds <...> That’s God, I think, the rising sun, and the light is too bright and her eyes are losing but they aren’t lost. I don’t believe we return to haunt or comfort the living or anything, but I think something becomes of us” [Green, 2014, p. 207]. С точки зрения юноши, небесная жизнь лишена материального измерения, это не единороги, не арфы, не особняки из облаков. Вечная жизнь воплощается в чем-то невыразимом и духовном, в том, что остается после смерти людей.

Несмотря на юный возраст, подростки глубоко и достаточно мудро размышляют о своем пути, принятии судьбы, смирении и одновременно необходимости внести определенный вклад в жизнь близких. По мнению Огастуса, жить и умирать следует ради чего-то, причем если что-то оставить взамен, то можно избежать забвения: “I believe humans have souls, and I believe in the conservation of souls. The oblivion fear is something else, fear that I won’t be able to give anything in exchange for my life” [Green, 2014, p. 209]. Для него и для Хейзел вера в Бога – это вера в душу человека, ее бессмертие.

Встреча меняет героев, чувство юмора, открытость, схожесть жизненного пути и ироничное принятие его – вот те черты, которые

преображают инициацию каждого из них. Найдя любовь, молодые люди переносят выпавшие на их долю испытания мужественно и даже радостно, поскольку физические муки меркнут в сравнении с тем приобретением, которое дарует им судьба. Их жизнь становится гораздо важнее и значительнее, чем их болезнь: “No, not your cancer story. Your story. Interests, hobbies, passions, weird fetishes, etcetera” [Green, 2014, p. 35]. Интересы, увлечения, страсти, фетиши – это те черты, из которых на самом деле складываются истории каждого из них.

В романе представлена *параллельная успешно пройденная инициация* протагонистов, оба подростка проходят ее, несмотря на смерть Огастуса, поскольку им удается принять свой недуг. Как и в романе Х. Янагихары, судьба Хейзел завершается открытым финалом, ее инкорпорация не показана. Автор концентрируется на промежуточном этапе инициации, значимым событием которого можно назвать поездку в Амстердам.

Как и в романе Ст. Чбоски «Хорошо быть тихоней», рассмотренном выше, в произведениях Дж. Грина нет конфликта или глубокого непонимания между детьми и родителями [Татаринов, 2015]. Наоборот, последние – чуткие, любящие, понимающие, близкие подросткам люди: “My parents were my two best friends. My third best friend was an author who did not know I existed” [Green, 2014, p. 18]. Девушка называет маму и папу лучшими друзьями. Третьим близким человеком она считает автора дорогой ей книги, который, однако, не знает о ее существовании.

В произведении «Виноваты звезды» присутствуют многочисленные культурные и литературные аллюзии. Еще в начале знакомства героев упоминается фильм «V значит Вендетта»: “You’re like a millennial Natalie Portman. Like V for Vendetta Natalie Portman” [Green, 2014, p. 22]. В другом эпизоде они смотрят фильм «300 спартанцев» и, рассуждая о мужестве и отваге, думают о собственной жизни.

Хэйзел посещает лекции по литературе: “My class was American Literature, a lecture about Frederick Douglass” [Green, 2014, p. 32]. Упоминания

об этом связаны с именем американской поэтессы и писательницы С. Плат (Sylvia Plath, 1932–1963): “The next morning I had Twentieth-Century American Poetry at MCC. This old woman gave a lecture where she managed to talk for ninety minutes about Sylvia Plath without ever once quoting a single word of Sylvia Plath” [Green, 2014, p. 53]. Со свойственным ей сарказмом, Хейзел замечает, что лектор, полтора часа говоря о Сильвии Плат, не процитировала ни одной ее строчки. Эти отсылки демонстрируют включение героев в контексты национальной литературы и культуры.

В романе присутствуют и философские аллюзии. Например, в Амстердаме герои живут в гостинице «Философи» (the Hotel Filosoof): “All the rooms in the Hotel Filosoof were named after philosophers: Mom and I were staying on the ground floor in the Kierkegaard; Augustus was on the floor above us, in the Heidegger” [Green, 2014, p. 143]. Их номера символизируют экзистенциальные направления. Так, С. Кьеркегор (Søren Kierkegaard, 1813–1855) считается первым философом-экзистенциалистом, М. Хайдеггер (Martin Heidegger, 1889–1976) – немецкий философ-экзистенциалист. Упоминание данных имен знаменует те «озарения», которые подростки переживут впоследствии.

В романе также упоминается и графически оформленная пирамида потребностей американского психолога А. Маслоу (A. Maslow). Герои опровергают выстроенную им иерархию, основанную на том, что человек не может испытывать потребности высокого уровня, пока не удовлетворены базовые нужды (органические потребности, безопасность и др.): “According to Maslow, I was stuck on the second level of the pyramid, unable to feel secure in my health and therefore unable to reach for love and respect and art and whatever else” [Green, 2014, p. 192]. Хейзел возмущает тот факт, что в соответствии с учением этого психолога, ей отказано достичь любви и уважения, познать искусство, ибо она не чувствует уверенности в своем здоровье. Несмотря на страх и болезнь, влюбленные искренне относятся друг к другу и ценят каждый миг жизни [Docktreman, 2014]. Культурные контексты выполняют

нарратологическую и характеризующую функции, расширяют семантическое поле произведения [Stephens, 2007].

Одной из ключевых книг для героев становится вымышленный роман «Царский недуг» (“Imperial Affliction”) писателя-отшельника Питера ван Хуттена (Peter Van Houten). Хейзел воспринимает автора этого сочинения как одного из своих друзей, а саму книгу – как вторую Библию: “I’d learned this from my aforementioned third best friend, Peter Van Houten, the reclusive author of An Imperial Affliction, the book that was as close a thing as I had to a Bible” [Green, 2014, p. 19]. Указанное произведение играет ключевую роль в отношениях героев. Оно имеет большое значение для формирования их мировоззрения и служит сюжетообразующим элементом сочинения. Это – знакомство героев с автором, письмо ему, встреча и последующее разочарование, прощальное письмо Огастуса. Символическое значение имеет и то, что книга не закончена и, по словам писателя, не может быть дописана и иметь финал, в то время как жизни Хейзел и Гаса конечны.

Во вступлении к роману «Виноваты звезды» Дж. Грин несколько раз подчеркивает, что персонажи его книги и сама история вымыщены, они не имеют отношения к действительности: “That disease and its treatment are treated fictitiously in this novel” [Green, 2014, p. 280]. Однако описание течения болезни, симптомов, лечения имеют весьма достоверный характер и тщательно проработаны прозаиком. Хейзел описывает свое состояние следующим образом: “I was looking pretty dead –my hands and feet ballooned; my skin cracked; my lips were perpetually blue. They’ve got this drug that makes you not feel so completely terrified about the fact that you can’t breathe...” [Green, 2014, p. 29]. Девушка уделяет большое внимание внешним проявлениям рака, особенностям течения заболевания, и способам его лечения.

Включение нехудожественных элементов (подробное и достоверное описание болезни, способов борьбы с ней, упоминание фильмов, телепередач, книг, достопримечательностей, торговых марок) раздвигает границы текста, образует так называемую «дополненную реальность». Рассматриваемая книга

стала бестселлером и своеобразной поддержкой для читателей, которые переживают похожие сложности⁸.

Исследователи отмечают, что «...при моделировании художественной реальности автор неизбежно описывает ее как существующую во времени, а сюжет произведения развивается в определенных временных координатах, заданных авторским замыслом» [Американская культурно-языковая..., 2019, с. 42]. Категория времени в творчестве Дж. Грина носит субъективный, условный характер, временные характеристики зависят от ценности момента. Произведения этого писателя событийно интенсивны, в их основе можно усмотреть детективно-приключенческий элемент («Бумажные города», «В поисках Аляски»). Время играет ключевую роль также потому, что оно ограничено, и герои не знают, сколько дней им еще отмерено прожить («Виноваты звезды»). Также следует отметить, что в указанных романах присутствует элемент ретроспекции. Время нелинейно, а потому можно заключить, что «действие пластиично перемещается в различные пространственно-временные отрезки вследствие свободного полета интеллектуальной фантазии авторской мысли» [Меркулова, 2018, с. 8].

Ключевым топосом в романе становится город. Поездка в Амстердам – это чудесное исполнение желания Гаса, которое он называет воплощением мечты: “I found my wish” [Green, 2014, p. 86]. Во время путешествия персонажи сталкиваются с проявлениями разочарований, откровениями, элементами важного осознания событий и с окончательным обретением взаимопонимания и любви [Стеценко, 1996]. Столица Голландии описывается как нечто необычное, полная противоположность тому миру, в котором герои находились прежде: “It looked nothing like America. It looked like an old painting” [Green, 2014, p. 143]. Фантастичность этого пространства подчеркивается сравнением с живописью старых мастеров.

⁸ То же произошло, например, с романом Дж. Эшера «Тринадцать причин почему». После его публикации вышел сериал и был создан сайт, предлагающий психологическую помощь людям, столкнувшимся с насилием или оказавшимся в безвыходной ситуации.

Для Хейзел такое странствие становится шагом к дальнейшей жизни. Она все так же переживает рецидивы недуга, волнуется за близких, которые могут потерять ее в любой момент, но называет себя «машиной по борьбе с раком»: “Then I am a cancer-fighting machine” [Green, 2014, p. 102]. В начале же романа возможность минимизировать последствия взрыва, который обрушится на близких после ее потери, девушка видит в апатии и эскапизме: “I’m like a grenade, Mom” [Green, 2014, p. 93], “I was the alpha and the omega of my parents’ suffering” [Green, 2014, p. 109]. Она считает себя альфой и омегой страдания родителей, сравнивая свою жизнь с бомбой замедленного действия и гранатой.

Общение с писателем Питером ван Хутеном, ради встречи с которым они едут в Амстердам, разочаровывает героев. Он не оправдывает их надежд как человек и как писатель, в том числе потому, что не может ничего сказать о finale своего романа: “I can no more tell you what happens to her than I can tell you what becomes of Proust’s Narrator or Holden Caulfield’s sister or Huckleberry Finn after he lights out for the territories” [Green, 2014, p. 175]. Сравнения с произведениями М. Пруста, М. Твена, Дж. Д. Сэлинджера представляются неслучайными, поскольку писатель называет сочинения, которые связаны с духовными поисками героев и имеют открытый финал [Мамардашвили, 2014].

Знаковым местом в Амстердаме для героев становится Музей Анны Франк (Anne Frank Huis). Хейзел потрясена стойкостью и мужеством Анны и фактом трагической неизбежности ее встречи со смертью: “...she was dead and I wasn’t, because she had stayed quiet <...> and done everything right and still died” [Green, 2014, p. 180]. Тема смерти, ключевая для этого произведения, осмысливается также благодаря упоминанию Рейксмузеума (Rijksmuseum), где хранятся полотна Рембрандта, Вермеера и других голландских мастеров. Музей наталкивает героев на размышления о жизни, смерти и вневременности чувств. В романе-кризисе «Виноваты звезды» персонажи борются со смертельной болезнью. Хейзел обретает близкого человека и теряет его. На своем пути героиня встречает много трудностей и радостей, она познает и

находит саму себя. Девушка принимает свой путь, преодолевает ощущение обреченности, что знаменует успешно пройденную инициацию.

Таким образом, инициация в *романе-кризисе*, в основе которого находится попытка борьбы со смертельной болезнью и одновременно необходимость принятия факта конечности собственной жизни, строится на том, что подростки оказываются в экстремальной ситуации. В таких обстоятельствах (осознание ограниченности оставшегося времени, необходимости проявления себя взрослыми здесь и сейчас) внутренние качества протагонистов и их внутренняя эволюция показаны наиболее эксплицитно.

3.2.2. Преодоление героя смерти близкого человека в романе Д. Тартт «Маленький друг»

Одним из поворотных испытаний, с которым сталкивается протагонист *романа-кризиса*, является переживание потери близкого. Например, трагическая и загадочная смерть младшего брата становится началом инициации для Гарриет (Harriet), главной героини романа «Маленький друг» Д. Тартт.

Писательница связывает свое произведение с традициями национальной литературы и, с одной стороны, продолжает поиск философских смыслов, служащих основой таких абстрактных категорий, как время, судьба, свобода, одиночество и достоинство [Американская культурно-языковая..., 2019], а с другой, глубоко разрабатывает социальную, расовую, психологическую, возрастную проблематику. Эта диалектика воплощается в типе героя, который взрослеет и проходит инициацию. Роман имеет национальный колорит за счет обращения к «южному мифу». На это также указывают построение образов, система персонажей, хронотоп [Анцыферова, 2015; Matthews, 2011], значение церкви и религии в семье. По мнению литературоведов, в рассматриваемом

сочинении автору удалось передать многослойную и противоречивую атмосферу американского юга [Willis, 2002].

Заглавие романа любопытно с точки зрения отсылки к книге Л.М. Олкотт «Маленькие женщины»: корреляция присутствует как на уровне буквальной переклички «Маленький друг» / «Маленькие женщины» (“The Little Friend”/“The Little Women”), так и на уровне сюжетной ситуации, которая лежит в его основе⁹. В романе Л.М. Олкотт отец семьи покидает дом из-за необходимости участвовать в гражданской войне, его героини становятся опорой друг для друга. В произведении Д. Тартт это происходит после обрушившихся на членов семьи несчастий, причем подчеркивается их одиночество.

Можно также обнаружить контактно-генетическую и типологическую схожесть между «Маленьким другом» и романом Х. Ли «Убить пересмешника». Объединяющую черту данных нарративов, помимо «южной готики», можно усмотреть в сюжете инициации, который лежит в их основе, образах главных героинь и их воспитании. В обоих случаях темнокожие служанки няня Кэлпурния и Ида (Ida) заменяют девочкам матерей. Место действия произведений – южные провинциальные города. Сюжет строится вокруг участия детей в расследовании преступлений, и таким образом показана семейная история действующих лиц. И в том, и в другом сочинении присутствует изображение иного, нетипичного для юга США традиционного уклада. Это чуждое для них, непонятное и даже страшное пространство. Однако по ходу развития повествования представитель иной семьи из антагониста постепенно становится двойником главных героинь (Гарриет и Дэни (Danny) в «Маленьком друге») или другом и спасителем (Глазастик и Страшила Рэдли в «Убить пересмешника»).

⁹ Данное произведение богато аллюзиями к другим романам инициации, к которым мы обращаемся в настоящей диссертации, поэтому его анализ, во многом, строится в компаративном ключе.

Заглавие романа «Маленький друг» связано с образом Робина (Robin), расследование обстоятельств гибели которого становится делом жизни главной героини. Именно преодоление смерти близкого человека можно считать ее инициацией. Начало произведения – это описание сюжетообразующего события – смерти Робина: “For the rest of her life, Charlotte Cleve would blame herself for her son’s death because she had decided to have the Mother’s Day dinner at six in the evening instead of noon, after church, which is when the Cleves usually had it” [Tartt, 2002, p. 6]. Из приведенной выше цитаты следует, что всю оставшуюся жизнь Шарлотта Клив (Charlotte Cleve) будет винить себя в смерти сына из-за того, что нарушила заведенный в семье порядок и в День матери решила сесть за стол не в полдень, а вечером. Именно это сыграло, по ее мнению, роковую роль в судьбе мальчика.

Несмотря на то, что ретроспективно читатель знакомится с историей трех поколений Кливов, все основные события происходят в течение одного лета из жизни семьи [Lynn, 2002]. Именно тогда Гарриет узнает от Иды о Дэнни Рэтлиffe (Danny Ratliff) и решает провести расследование обстоятельств гибели брата. До знакомства с главной героиней читатель погружается в историю семьи и атмосферу дома Кливов: “...the silent rooms, the atmosphere of neglect, lassitude, sadness, were reclusive, eccentric, melancholy <...> because of what had happened <...> friends avoided them. Couples didn’t invite them places; acquaintances stopped calling” [Tartt, 2002, p. 21]. В тексте подчеркивается запустение в доме, а также указывается воцарившиеся в нем апатия и печаль. После трагических событий друзья начинают избегать членов семейства, знакомые перестают заходить к ним. По принципу антитезы описываются сестры Клив. Эллисон, старшая из них – домашняя и послушная, любимица бабушек: “What a good little cook, the aunts all sang. How pretty you are. You’re an angel to come see us. What a good girl. How pretty. How sweet” [Tartt, 2002, p. 25]. Гарриет же, напротив – диковатая, неласковая: “Harriet, the baby, was neither pretty nor sweet. Harriet was smart” [Tartt, 2002, p. 25]. Тем не менее эта девочка весьма сообразительная.

Параллельно вводится описание семьи Дэнни. Одной из ее характеристик является наличие ребенка с особенностями развития – Кертиса (Curtis). Для него типичны такие качества как наивность, чистота мировосприятия, ранимость, открытое сердце. В романе этому образу посвящено несколько выразительных эпизодов. Мальчик показан как беззащитный, трогательный ребенок: “Curtis, frightened-looking, gasping for breath – sat in a chair in the hall, clutching a large stuffed animal he hadn’t had before” [Tartt, 2002, p. 522]. Из его уст звучат нетипичные для семьи слова любви: “Love, he said, in a muffled voice” [Tartt, 2002, p. 523]. Героиня видит его испуганным, мальчик прижимает к себе плюшевую игрушку. «Любовь» становится основным словом в речи Кертиса, он, практически, не произносит связных реплик и часто повторяет этот субстантив в своей речи: “Love!” he exclaimed, and clasped his hands <...> “Love,” cooed Curtis” [Tartt, 2002, p. 218].

Даже узнав правду о семье Кертиса, девочка положительно и с сочувствием относится к нему: “It was odd, thought Harriet, that she hadn’t come to hate Curtis despite what she now knew about his family” [Tartt, 2002, p. 232]. Героиня отмечает, что иногда он приходит в школу с синяками, без куртки и без денег на обед: “Often he arrived at school with no jacket in winter, and no lunch money, and no lunch” [Tartt, 2002, p. 233]. По ее словам, он двигается резко, неуклюже, и этим пугает людей: “Good-natured as he was, his broad, awkward movements made people nervous” [Tartt, 2002, p. 233]. Благодаря образу мальчика тема добра и зла семьи Рэтлифф усложняется, становится неоднозначной и даже двойственной, поскольку мальчик не несет в мир ничего плохого.

Семантическое поле романа во многом строится на противопоставлении Гарриет и Дэнни и их историй, но ближе к финалу становится ясно, что и относительное благополучие Гарриет, и асоциальность Дэнни одинаково связаны с тем, что их покинули близкие. Именно мотив одиночества становится здесь основополагающим. Первая встреча подростков происходит в середине нарратива. Описание историй их семей идет параллельно: в тексте

показаны жилища, указан распорядок дня, поясняются характеры бабушек. Семье Рэтлиффов, помимо криминальной составляющей, свойственна своеобразная, «южная» религиозность, типичная и для старшего поколения семьи Гарриет. Одиночество героев становится исходной точкой усложнения сюжетных ситуаций: Дэнни, сидя у бабушки Гам (Gum), мечтает оказаться в другом месте, Гарриет неожиданно спрашивает у Тэт (Tat), любит ли она ее и просит разрешения остаться ночевать, на что бабушка старается придумать любую причину для отказа, поскольку хочет избежать лишних хлопот. По возвращении домой девочка получает пощечину от матери, которая, перепутав день и ночь, думает, что дочь пропала. Таким образом подчеркивается как разобщенность взрослых и детей, так и одиночество последних.

После ухода Иды и потери Либби целью жизни Гарриет становится необходимость наказать Дэнни Рэтлиффа: “His face had grown so poisonous to her that now she wouldn’t even touch the photograph except to pick it up by the edges” [Tartt, 2002, p. 412]. Во всех бедах своей семьи она винит мальчика, само его лицо кажется ей ядовитым, и даже фотографию подростка она берет в руки с осторожностью, размышая о том, что жизнь надломила всех взрослых, которых она знала: “...how life had beaten down the adults she knew, every single grown-up” [Tartt, 2002, p. 413]. Но сама девочка не сломлена: “She would strike now, while she still could, before her nerve broke and her spirit failed her – with nothing to sustain her but her own gigantic solitude” [Tartt, 2002, p. 413]. Она решила, что будет бороться до последнего, а бесконечное одиночество лишь послужит ей опорой в жизни.

Система персонажей романа представляется, с одной стороны, традиционной для романа инициации, когда все второстепенные протагонисты, в той или иной степени, становятся «учителями» главного героя и раскрывают наиболее полно и многогранно его внутренний мир, а с другой – новаторской, поскольку перед читателем одновременно раскрывается история одиночества и взросления другого персонажа (Дэнни тоже можно считать главным героем).

В данном сочинении первая стадия инициации не выражена расставанием с привычным миром, Гарриет остается в своем обычном окружении. Промежуточный этап ее становления воплощается в серии событий: встрече со смертью, осознании собственного взросления, физических и духовных испытаниях. Финальную ступень знаменуют слова, которые девочка произносит, оказавшись в больнице. Она осознает двойственность добра и зла, подводит итог своему пути. Значимыми мотивами, с которыми сопряжен нарратив посвящения в этом романе, являются равенство и одиночество.

Действие этого произведения происходит в провинциальном городе, который полníтся слухами, а по телефону не нужно представляться, поскольку все так хорошо знакомы, что узнают друг друга по голосу. Как и собирательный образ горожан, похожих на мейкомбцев, Д. Тартт наследует этот топос у Х. Ли. Городское поселение Александрия показано как заброшенное, запустелое, покинутое многими людьми место: “Tall weeds jingled in neglected yards, which were posted with signs which read FOR SALE and NO TRESPASSING” [Тартт, 2016, p. 299]. Сорняки, дома, в которых никто не живет, – вот то, что наполняет его. Александрия является замкнутым топосом: “For weeks, she had watched the mail for the registration forms; when they arrived, she tore them up and hid them in the garbage” [Tartt, 2002, p. 53]. Когда приходят бланки для регистрации в летнем лагере, девочка избавляется от них, чтобы не покидать родной дом. Гарриет уезжает из него лишь однажды и отправляется именно в детский лагерь, который, вопреки ее нежеланию там находиться, кажется единственным спасением от преследования семьи Рэтлифф. Но приехав туда, она сразу понимает, что совершила ужасную ошибку: “Suddenly she realized she’d made a terrible mistake” [Tartt, 2002, p. 53]. Из-за этого отъезда она не попрощалась с Идой, а вскоре лишилась ее навсегда; а вследствие автокатастрофы потеряла и Либи.

Родовое гнездо, которое, по словам адвоката Клива, разрушили чернокожие, соотносится с архетипическими образами дома в творчестве

М. Митчелл и У. Фолкнера. Вот почему исследователи называют такое изображение одновременно и аутентичным, и вторичным [Hare, 2002]. В произведении присутствуют жанровые черты семейной саги, однако хронотоп дома представлен как кризисный: “The house, amusingly, had been called Tribulation <...> Nothing remained of it but the twin chimneys and the mossy brick walk” [Tartt, 2002, p. 37]. Дом Гарриет, где все пространство заполоняют бесполезные вещи, и царит атмосфера запустения и даже некоторого оцепенения, после ухода Иды окончательно предается разрушению и стагнации. В анализируемом романе сообщается, что дом Кливов разрушается из-за заброшенности, а вовсе не от внешних вмешательств: “By the time he died the floors were rotten, the foundations were soft with termites” [Tartt, 2002, p. 37]. Тема запустения экстраполируется и на дом, в котором живет Гарриет в настоящем. После ухода Иды за чистотой там никто не следит, нет еды, повсюду лежат ненужные вещи: “... the condition of the house had shocked her thoroughly <...> a filthy house” [Tartt, 2002, p. 506]. Гарриет и Дэнни чувствуют себя одиноко в своих домах, словно им в них нет места.

Представляется небезынтересным сравнить эти места с трейлером, в котором обитает Дэнни. Здесь хозяйством заправляет бабушка. Когда она попадает в больницу, ее функции выполняет внук: “Cleaning made Danny feel good: in control. The trailer was trim and ship-shape, like the galley of a boat” [Tartt, 2002, p. 342]. Уборка поднимает мальчику настроение и позволяет почувствовать, что не все в жизни вышло из-под его контроля.

Семейная история – базовый сюжет многих американских романов XXI века. Часто он сопряжен с темой катастрофы, поскольку такая драматизация позволяет показать, что «сознание современного западного человека начинает утрачивать смысл в пространстве благоустроенного дома» [Татаринов, 2015, с. 396].

Другим важным топосом можно считать водонапорную башню, которую Гарриет описывает в традиционном для своего мировосприятия литературном ключе. Это огромный круглый бак с остроконечной крышей, похожей на

шапку Железного Дровосека из «Волшебника страны Оз»: “...an enormous round tank with its roof peaked like the Tin Woodman’s hat in The Wizard of Oz” [Tartt, 2002, p. 414]. Покидая после устрашающей встречи башню, Гарриет и Дэнни сталкиваются с предметами, которые играют для них символическую роль. Первая находит перчатки, подаренные Идой, второй видит рядом с мертвой змеей собственную фотографию, которую обронила, убегая, девочка. Гарриет все время думает о Дэнни, а он о ней: “The eeriness of it haunted him. Around and around turned his mind” [Tartt, 2002, p. 421]. Когда мальчик понимает, что его антагонист – сестра Робина, то вспоминает своего друга, его день рождения, дом, всех родственников. Перед читателем возникает другой Дэнни – добрый, одинокий и нуждающийся в любви ребенок.

Это впечатление усиливается после того, как читатель знакомится с тем, что видит подросток во сне. Ретроспективно в сновидениях возникают все несчастные события его детства, скитания и неблагополучие: “...with wrecks and jetsam from various stages of his life <...> so that he was thirteen again, and lying on a cot his first night in Juvenile Hall <...> but also five – in first grade – and nine, with his mother in the hospital, missing her so terribly, so afraid of her dying...” [Tartt, 2002, p. 451]. Дэнни вспоминает свою первую ночь в колонии для несовершеннолетних и себя пятилетним мальчишкой, когда он ходил в первый класс, а также время, когда ему был девять лет, и его мама лежала в больнице, а он скучал и боялся ее потерять.

Одной из важных тем романа является тема расового неравенства, унаследованная писательницей у Х. Ли, М. Твена, Г. Бичер-Стоу (неслучайно главную героиню романа зовут Гарриет). Объединяющими чертами произведений Д. Тартт и Г. Бичер-Стоу является, с одной стороны, тема любви и душевной привязанности, с другой – сюжет расследования, которое ведут дети.

В американской литературе парадигма расовой дискриминации часто является сюжетообразующей [Гиленсон, 2003, с. 6]. В творчестве современных писателей она находит воплощение, например, в романе «Прислуго» (“The

Help”, 2009) К. Стокетт (Kathryn Stockett, 1969–). Во многом данный факт объясняется тем, что штаты Миссисипи и Алабама относятся к топосу так называемого глубокого Юга (The Deep South). Это – не только наиболее консервативная часть Америки, но и поляризованная по расовому признаку локация. Дело в том, что расовая сегрегация существовала в Южных штатах до 1960-х годов, для них характерны консерватизм и ортодоксальность.

Завязка и отправная точка развития сюжета в анализируемом романе – рассказ Иды о том, как она пострадала во время пожара, устроенного в церкви семьей Рэтлифф, получив глубокий ожог на ноге. Данная героиня – бесконечно любимый и дорогой для Гарриет человек: “But Ida stood at the firm center of Harriet’s universe: beloved, grumbling, irreplaceable, with her large kind hands and her great moist prominent eyes, her smile which was like the first smile that Harriet had ever seen in the world” [Tartt, 2002, p. 135]. Именно эту пожилую женщину девочка называет центром своего мира, перечисляя то, что любит в ней больше всего: мягкие руки, большие глаза, особенную улыбку. Ида рассказывает еще одну историю о том, как ее обидели члены семьи Рэтлифф, после чего главная героиня окончательно решает мстить им: “Chunking bricks and hollering out nigger and get back to the jungle at that poor child” [Tartt, 2002, p. 135]. Эти люди оскорбляли темнокожую служанку и даже бросали в нее кирпичи.

А у Гарриет с ее образом связаны светлые детские воспоминания, народные песни, колыбельные, сказки. Искренняя любовь к ней дополняет и углубляет психологический портрет девочки, которая любит своих бабушек и тянется к ним, хотя часто встречает равнодущие с их стороны. Отношения Гарриет и Иды являются одной из ключевых сюжетных линий романа, их итогом становится драматичное расставание в главе «Красные перчатки» (“Red Gloves”). Тема расового неравенства раскрывается одновременно в контексте южной традиции и жанрового канона романа инициации: историко-культурный контекст и тема взросления как постижение несправедливости, утрат и одиночества оказываются неразрывно связанными друг с другом.

Любовь и нежность, которые героиня испытывает к темнокожей служанке, не мешают Шарлотте Клив, отстраненно пребывающей в своем мире, где день путается с ночью, а лучшим обедом является мороженое, совершив решительный, но необоснованный поступок. Она увольняет Иду. Ощущая одиночество и потерянность, Гарриет жалуется еще одному любимому и дорогому для нее человеку – Либби, которая подводит итог, во многом, служащий квинтэссенцией всего романа: “It’s awful being a child,” she said, simply, “at the mercy of other people” [Tartt, 2002, p. 125]. По мнению бабушки, быть ребенком очень непросто, поскольку за тебя все решают взрослые.

Смысловым центром романа является инициация Гарриет, которая происходит через преодоление смерти близкого человека. Этот процесс заключается в расследовании обстоятельств гибели брата и попытке наказать тех, кто, по ее мнению, в ней виноват. Осуществляя задуманное, девочка становится психологически более зрелой и справляется со своей потерей. Представляются существенными ее размышления о взрослении: “...growing up entailed (in life as in books) was a swift and inexplicable dwindling of character; out of a clear blue sky the heroes and heroines abandoned their adventures for some dull sweetheart, got married and had families, and generally started acting like a bunch of cows” [Tartt, 2002, p. 125]. По ее мнению, взросльть весьма скучно, люди забывают о приключениях, а потом обзаводятся семьями и глупеют.

В рассматриваемом сочинении преодоление гибели близкого человека не сопряжено для героини с посттравматическим синдромом или культурной травмой, скорее, оно является активно-деятельным способом постижения самой себя. Расследование обстоятельств трагического происшествия является внешней канвой, в то время как внутренним стержнем произведения можно считать сюжет инициации (череду физических и эмоциональных испытаний Гарриет). Взросление девочки сопряжено с потерей близких, болезнью, душевной болью, разочарованием и последующим постепенным обретением самой себя [Шалимова, 2022, с. 120].

В лагере, где все противоречит привычному образу жизни Гарриет и не соответствует ее ценностям, она осознает свое взросление: “...for the first time ever – a “Teen Girl”: a creature without mind, wholly protuberance and excretion” [Tartt, 2002, p. 350]. Как следует из цитаты, девочка характеризует подростков как недалеких существ, подчеркивая их физиологическую, а не духовную составляющую.

Проходя путь инициации, сопряженный с расследованием смерти Робина, героиня выдерживает сложные испытания: смерть близких и одиночество: “Ida was gone, and Libby was dead, and everything was terrible and wrong” [Tartt, 2002, p. 368]. По мнению девочки, после того как Ида уехала, а Либби умерла, ее жизнь стала ужасной и неправильной. Лишившись самых дорогих людей, она едва не теряет Хили, своего единственного оставшегося друга: “She felt like something that was lost now, or about to be lost, an impermanence like lightning bugs or summer” [Tartt, 2002, p. 125]. Присутствие Хили в своей жизни Гарриет сравнивает с чем-то прекрасным, но мимолетным, как лето или светлячки.

Главная героиня романа много читает и является постоянным посетителем библиотеки. В одиноком доме ее верными друзьями становятся книги. Поэтому свое расследование девочка воспринимает как приключение, которое навеяно атмосферой книг Дж.Р. Киплинга (Joseph Rudyard Kipling, 1865–1936), Р.Л. Стивенсона (Robert Louis Stevenson, 1850–1864) и др. Одного из братьев Рэтлифф она сравнивает со слепым Пью (Pew) из «Острова сокровищ»: “...bearded, with bushy black hair and a ghastly white fish-eye like blind Pew in Treasure Island” [Tartt, 2002, p. 277]. Идею использовать яд кобры девочка берет из книг Р. Киплинга: “...all this <...> mixed oddly with the pen-and-ink illustrations from her dime-store edition of “Rikki-Tikki-Tavi” [Tartt, 2002, p. 285]. В ее сознании впечатления реального мира перемешиваются с иллюстрациями к произведению «Рикки-Тики-Тави». В тяжелый момент прощания с Либби героиня тоже вспоминает литературу: “You can leave here. In your mind. Just go away. What was it Peter Pan said to Wendy? “Just close your

“eyes and think lovely thoughts” [Tartt, 2002, p. 374]. Ей приходит на ум повесть Дж. Барри «Питер Пэн», в которой Гарриет ищет опору.

Для многих героев романа инициации книги и литература являются важной частью постижения жизни. С одной стороны, это определенная форма эскапизма, с другой, в фикциональной прозе подростки находят ответы на вопросы, которые остаются нерешенными в реальном мире.

В эпизодах похорон Либби можно усмотреть способность всеведущего нарратора проникать в сознание как главных, так и второстепенных героев. Это показано в тексте весьма отчетливо: сначала представлена точка зрения Гарриет, ее горе, многократно усиливающее мотив одиночества в мире взрослых, затем дана реакция библиотекаря миссис Фонтейн (Mrs Fountain) – внешнего наблюдателя. И, наконец, мысли бабушки Эди, которая также переживает глубокую потерю, но еще обеспокоена, в отличие от Гарриет, внешней, бытовой стороной жизни: “...she had tied her hair in a white rag and hurried around with dust-pan and furniture polish and carpet sweeper: fluffing cushions, cleaning mirrors, moving furniture...” [Tartt, 2002, p. 384]. Гарриет перечисляет разные дела, которыми занята Эди и которые могут отвлечь ее от мыслей о невосполнимой утрате.

Еще одним примером использования приема интертекстуальности является упоминание книги, которую читает Гарриет. В больницу ее приносит бабушка Тэтти: “A fat, familiar-looking blue book sat on her bed table: Captain Scott” [Tartt, 2002, p. 524]. В конце романа, подводя итоги содеянному, ощущая душевное смятение, потерянность, неуверенность в правильности выводов о вине Дэнни и своих поступков по отношению к нему, Гарриет говорит о том, что послание капитана Скотта ей понятно: “...hidden message of Captain Scott: that victory and collapse were sometimes the same thing that victory and collapse were sometimes the same thing” [Tartt, 2002, p. 529]. Суть прочитанного сочинения для Гарриет сводится к тому, что победа зачастую ничем не отличается от поражения. Эти выводы касаются и ее собственной истории. Так, литература сопровождает рефлексию девочки на протяжении всего

произведения, и именно она помогает осмыслению пройденного пути в финале.

Важную роль в поэтике романа играет обращение к фотографиям. На них запечатлены важные эпизоды из жизни семьи, они обладают особым содержанием, что возможно только при наличии цепкого взгляда персонажа, пытающегося разгадать не только кадровую, но и закадровую тайну [Полуэктова, 2021, с. 103]. В роли такого протагониста выступает Гарриет, которая старается более глубоко и многогоронне узнать прошлое своей семьи и историю Робина, понять его личность: “*Harriet spent entire days studying the old photograph album at Edie’s house*” [Tartt, 2002, p. 40]. Снимки брата особенно дороги и даже сакральны для нее: “*The photographs Harriet loved most were those with her brother in them <...> The dream-lit world they provided her a glimpse of was magical, self-contained, irretrievable*” [Tartt, 2002, p. 40]. Фотографии с изображением брата Гарриет любит больше всего и хранит их отдельно. Благодаря этим снимкам для нее словно открывается дверь в другой мир – магический, цельный и навсегда потерянный.

Фотографии играют в романе также характерологическую роль, служат важным приемом создания образа Робина, помогают Гарриет дешифровать его личность и лучше понять Эллисон, которая хоронит свою фотографию вместе с умершим котом: “*Sobbing, Allison scooped a double handful of earth and threw it in the grave, over her own smiling face*” [Tartt, 2002, p. 57]. Символически эпизод соотносится с судьбой всех членов семьи после смерти Робина, поскольку они теперь лишены любви и радости.

Одной из нарративных стратегий романов Д. Тартт становится игра с различными точками зрения. Рассказчик использует одни и те же синтаксические формы, как для выражения своих суждений, так и для проникновения в сознание героев: одна точка зрения плавно переходит в другую [Шмид, 2003, с. 109]. Роман «Маленький друг» написан от третьего лица, но правом повествования наделяются и Гарриет, и Дэнни, и даже Хили [Viner, 2002]. Сознание всех персонажей раскрывается глубоко и многомерно.

Например, в главе «Миссия» (“The Mission”), когда Гарриет и Хили едва не оказываются схваченными, через повествование от третьего лица вдруг слышится внутренний голос мальчика: “He leaned his head against the wall, rolling it back and forth. How could he be so dumb?” [Tartt, 2002, p. 271]. Этот риторический вопрос словно обращен к самому герою. Затем на первый план выходит точка зрения Гарриет: “Rigid with terror, she lay on her side, staring out at the pitch-dark driveway. How long would she have to lie here?” [Tartt, 2002, p. 271]. В уже упомянутой главе «Красные перчатки», в которой девочка переживает первую личную трагедию – уход Иды, наррация передается ей: “No, she told herself, you’ll find the gloves, don’t think about it now, think about something else...” [Tartt, 2002, p. 316]. В переломные моменты развития сюжета Гарриет способна занимать метапозицию, видеть происходящее с разных сторон.

Категория времени в романе носит ретроспективный характер: главное событие произошло в прошлом, и сознание протагонистов обращено к нему: “the past was the only place she wanted to be” [Tartt, 2002, p. 320]. Гарриет даже говорит о некой точке бифуркации, где время стало зеркалом заднего вида, в котором мелькнуло и исчезло прошлое: “...a point of no return: time a rear view mirror now, the past rushing backward to the vanishing point” [Tartt, 2002, p. 321].

Опираясь на жанровые и нарративные константы «южного» романа, Д. Тартт разрабатывает такие его черты, как опора на топос (провинциальный город), бунт против системы (собственное расследование Гарриет), связь с прошлым (большое внимание в романе уделяется семейной летописи, истории бабушек). Провинциальный город, замкнутый в своих рамках, становится выразительным фоном для взросления героини. Основными локусами можно считать дом и башню, ибо именно с ними связаны ключевые события повествования. Система персонажей представляется традиционной для романа инициации, когда второстепенные герои в той или иной степени становятся учителями главного действующего лица и раскрывают наиболее полно и многогранно его внутренний мир. Но эту систему можно также считать и

новаторской, поскольку перед читателем одновременно раскрывается история другого лица, его одиночества и взросления.

Важную роль в поэтике *романа-кризиса* по причине смерти близкого играет глубокая проработка темы взросления. Гарриет проходит инициацию, хотя не добивается целей, которые изначально ставит перед собой (найти виновного в смерти брата и наказать его). Однако девочка обретает внутреннюю целостность и психологическую зрелость. Можно говорить о том, что в данном нарративе показана *параллельная* (Гарриет и Дэнни) и *успешно пройденная* инициации.

К финалу произведения герой-антагонист раскрывается настолько многогранно, что становится, скорее, двойником главной героини. Он показан таким же одиноким, непонятым, чуждым собственной семье [Neary, 2002]. Поэтику романа Д. Тартт обогащает интертекстуальность и интермедиальность: произведение изобилует обращениями к кинематографу, живописи, музыке, фотографиям. В художественном повествовании присутствуют фрагменты газетных статей, объявлений, фильмов, книг, которые читают и смотрят герои.

Исследуемый роман – единственное произведение Д. Тартт, где повествование ведется от третьего лица, что противоположно ретроспективному исповедальному нарративу романов «Тайная история» и «Щегол». Такой способ нарративного устройства позволяет писательнице сосредоточиться не только на внутренней жизни героини, но и показать историко-культурный фон происходящих событий, а также создать выразительные психологические портреты других героев и их семей (мир домов Дэнни, Хили, бабушек Гарриет). Таким образом, роман вписан одновременно в традиции романа инициации, поскольку главной семантической доминантой является взросление через преодоление испытаний (прежде всего, потери близкого человека) и традиции литературы американского юга, контексты которой играют большую роль для Д. Тартт.

3.2.3. Преодоление героя чувства вины в романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром»

Одним из знаковых произведений, в событийной основе которых можно усмотреть нарратив преодоления чувства вины, является дебютный роман Х. Хоссейни «Бегущий за ветром». Для осмыслиения его поэтики представляется необходимым выделить кульминационные сюжетные повороты, связанные с испытаниями протагониста (преодоление предательства и искупление чувства вины); обозначить специфику репрезентации архитектоники посвящения (*отложенная инициация героя*); представить соотношение индивидуального/социального в формировании личности главного персонажа.

В центре произведения находится судьба афганского мальчика Амира (Amir), который в форме исповеди от первого лица рассказывает свою историю. Хронологические рамки повествования охватывают детские, юношеские и зрелые годы Амира. Перед читателем разворачивается диалектика его духовного становления. Нарратив включает историко-культурные, этнические и религиозные контексты. Ключевыми в эмотивном пространстве произведения становятся бинарные оппозиции предательства/прощения, эгоцентризма/ сострадания, отказа от собственной национальной и культурной идентичности/обретения ее через сопереживание и искупление.

Роман начинается с ретроспективного повествования главного протагониста о своих детских годах [Ржевская, 1970]. Он рос в обеспеченной семье и воспитывался отцом, его мать умерла. Важную роль во взрослении героя играет история, связанная с Хасаном (Hassan), другом детства и молочным братом мальчика: “Hassan and I fed from the same breasts. We took our first steps on the same lawn in the same yard. And, under the same roof, we spoke our first words” [Hosseini, 2018, p. 22]. Амир обращает внимание на то, что они

вместе с другом под одной крышей делали первые шаги, произносили первые слова.

Однако друзей разделяет классовое неравенство: Хасан по национальности пуштун (национальное большинство в Афганистане), он принадлежит к состоятельному сословию: “Everyone agreed that my father, my Baba, had built the most beautiful house in the Wazir Akbar Khan district, a new and affluent neighborhood” [Hosseini, 2018, p. 9]. Статус отца центрального персонажа подчеркивается тем, что он обладает прекрасным домом в респектабельном районе Кабула, столице Афганистана. Амир же – хазареец, он из бедной семьи и, по сути, является слугой главного героя. Хасан подшучивает над неграмотностью Амира, временами тяготится их дружбой и не показывает ее публично, ревнует к нему отца, считая, что тот проявляет к мальчику слишком много внимания и тепла. В воспоминаниях протагониста о Хасане акцентируются его ключевые качества: преданность, готовность всегда заступиться за друга (“for you, a thousand times over”), такая физическая особенность как «заячья губа» (“harelipped”), талант «ловца» (“kite runner”).

Завязка романа строится на описании традиционного ежегодного соревнования по запуску воздушных змеев, на котором Хасану и Амиру удается одержать победу: их змей парил в воздухе дольше всех. Образ воздушного змея лежит в основе поэтики заглавия, в произведение включается экскурс, посвященный правилам состязаний на воздушных змеях в Кабуле. Таким образом в повествование вводится этнокультурная информация [Кривцова, 2020, с. 125].

Рассмотренная сюжетная ситуация обрамляет композицию: она открывает произведение, с ней связано предательство, так тяготившее Амира. В finale именно запуск змея, уже с сыном Хасана, дарит протагонисту прощение и избавляет его от преследовавшего всю жизнь чувства вины.

Читатель узнает, что в Афганистане ловля змеев – старинный вид развлечения (“old tradition in Afghanistan”). Турниры проводятся до победного финала, что свидетельствует о духе суворой борьбы. Амир подчеркивает, что

воздушный бой не предполагает правил (“no rules”), возможны конфликты и драки (“fight breaking out”). Происходящее часто становится неконтролируемым для тех, кто соревнуется (“all hell broke loose”), поскольку цель – сбить змея противника любой ценой (“cut the opponents”). Так, на примере невинного, на первый взгляд, развлечения акцентируется жестокость, сопряженная в романе с темой детства, которая будет многогранно эксплицирована в главах, посвященных военным действиям.

По окончании соревнований над Хасаном издевается его антагонист Асеф (Assef). Амир оказывается свидетелем этой сцены, но не находит в себе смелости заступиться за друга. Данное событие впоследствии вызывает у него сильное чувство вины, для преодоления которого требуется еще одна, *отложенная инициация*. С темой предательства, которое главный герой совершает по отношению к Хасану, связаны мотивы раскаяния и искупления. К этой истории он постоянно возвращается в своем сознании: “I became what I am today at the age of twelve, on a frigid overcast day in the winter of 1975. I remember the precise moment <...> looking back now, I realize I have been peeking into that deserted alley for the last twenty-six years” [Hosseini, 2018, p. 9]. Значимость приведенной выше сцены подчеркивается тем, что, по словам Амира, именно она определила его как личность, и долгое время память постоянно возвращает его к случившемуся. Эта личная трагедия подростка представлена параллельно с переломным историческим событием: вводом Советским Союзом войск в Афганистан. Военный конфликт, потеря дома, растерянность и бесприютность становятся кризисными испытаниями для протагониста.

Одним из семантических центров романа является праздник зрелости главного героя – Амиру исполняется тринадцать лет. В церемонии показана обрядовая часть, совершается даже жертвоприношение животных. При этом сам мальчик тяготится искусственностью, ритуальностью происходящего, необходимостью соответствовать социальным ожиданиям, играть заданную роль. Он говорит, что ему хотелось бы оказаться в своей комнате, рядом с

книгами. Данные ритуалы призваны знаменовать взросление, но для подростка они носят номинальный характер, поскольку его истинная инициация невозможна без преодоления чувства вины. Впоследствии обрядовость, культурологическая составляющая будут проявлены во время женитьбы Хасана на Сарая (Soraya) и похоронах отца центрального персонажа.

Важное место в системе ценностей мальчика занимают книги. Автор изображает формирование его писательского таланта: герой познает себя через литературу. Одним из первых ценителей его творчества становится Хасан. Не будучи грамотным, он, тем не менее, тонко и многогранно воспринимает художественный текст. В детские годы Амир ищет свой стиль, в более зрелый период своего творчества мучительно определяет круг тем и вопросов, которые следует осветить в создаваемых произведениях. Молодой человек понимает, что темы памяти, истории Афганистана должны быть магистральными, но выбирает те, что более востребованы и понятны читателю. С этим сопряжены его душевные муки и страдания. Обозначенная двойственность свойственна герою на протяжении всего его жизненного пути: ему приходится делать выбор между конформизмом и совестью. Ключевыми эпизодами здесь являются сцена насилия над Хасаном, свидетелем которой оказывается Амир. Он проявляет слабость и не заступается за друга. Спустя много лет в зеркальном эпизоде с его сыном Амир, напротив, демонстрирует мужество, стойкость, храбрость и искупаает малодушие и трусость, проявленные в прошлом.

Спасаясь от войны, Амир с отцом эмигрируют в США. Но в попытке загладить вину, уже взрослый герой возвращается в Афганистан: “It was my past of unatoned sins” [Hosseini, 2018, p. 9]. По мнению главного действующего лица, его настигают прошлые грехи. Следует отметить, что такую поездку на родину во взрослом возрасте совершил в свое время и сам Х. Хоссейни. Жанр автобиографии сохраняет свою важность в современном литературном процессе: роман носит автобиографический характер, в нем присутствует как художественный вымысел, так и описание реальных фактов из жизни автора [Стещенко, 1994].

Нarrативу возвращения свойственна разнородность: детали, образы, даже звуки и запахи становятся частью общей целостной картины детства героя, истории его страны и семьи. Например, Амир встречает нищего, который был знаком с его матерью, когда они работали в одном университете. Так, тема памяти становится ключевой в обретении целостности его личности и последующего искупления [Тивьяева, 2020]. Другим примером является то, что герой находит надпись, где они с товарищем назвали себя повелителями Кабула: “Lake of Amir and Hassan, Sultans of Kabul” [Hosseini, 2018, p. 317]. Это событие воскрешает в его памяти детские воспоминания, позволяет отличить настоящие ценности от ложных.

Амиру открывается тайна: Хасан не только его названный, молочный брат, но и родной по крови человек, поскольку он является еще одним, незаконнорожденным сыном его отца. Главный персонаж узнает, что друг детства и его жена погибли, но жив их сын Сохраб (Sohrab), которого можно разыскать и спасти от правления Талибана. Он ищет мальчика в детских домах Афганистана, но выясняет, что этот ребенок, как и многие другие дети, находится в плена у Асефа, человека, когда-то обидевшего его отца. Схватка с ним во имя спасения Сохраба, в описании которой много жестокости, становится символом храбрости, решительности Амира, его *отложенной инициацией*: “Choking on my own teeth, swallowing them <...> blood from my split upper lip staining the mauve carpet, pain ripping through my belly, and wondering when I’d be able to breathe again. The sound of my ribs snapping like the tree branches” [Hosseini, 2018, p. 316]. Описание драки сопровождается подробностями, подчеркивающими инициацию протагониста через переживание физической боли.

Рефреном в этом эпизоде звучит крик Сохраба. Присутствие мальчика дает Амиру силы выстоять, а выстрел подростка из рогатки в Асефа спасает главного персонажа. В результате поединка у последнего ранена губа. Впоследствии он говорит, что видит в себе Хасана, у которого был точно такой же изъян или иначе заячья губа, которой он стыдился. Амир подчеркивает

значимость финала поединка, который ему никогда не забыть: “And the end, of course. That, I still see with perfect clarity. I always will” [Hosseini, 2018, p. 316]. Весь путь героя связан с его встречей со смертью, традиционным мотивом для инициации. Амир уверен, что смерть окружает его, она присутствует всюду. Сам же он при этом остается жив. За счет этого осуществляется взросление и духовный рост протагониста.

Благодаря стойкости главного героя, открывшейся в нем смелости и силе (дупликация сюжетной ситуации: невозможность постоять за отца/потребность защитить сына), им с мальчиком удается бежать. Между ними происходит откровенный разговор. Он производит впечатление как бы несколько отложенного диалога, несостоявшегося когда-то между протагонистом и отцом Сохраба. Далее следует искренняя молитва Амира и благодарность за то, что мальчик остался жив. После этого персонажи встречаются с новым испытанием. Понимая, что процесс усыновления и выезд в США не могут произойти мгновенно, Амир сообщает Сохрабу, что, возможно, ему придется в течение недолгого времени снова побывать в детском доме, хотя знает, что для мальчика это почти невозможно. Пережитое насилие, готовность Амира нарушить данное слово рождают страх и подталкивают Сохраба к попытке самоубийства. Мальчик выживает, но он замыкается в себе, отгораживается от внешнего мира.

Ключевой в поэтике романа становится заключительная сцена, которая рифмуется с началом произведения: Амир, увидев воздушных змеев, покупает одного для мальчика. Они вместе запускают его, как когда-то с Хасаном, и тогда Сохраб впервые улыбается: “The glassy, vacant look in his eyes was gone” [Hosseini, 2018, p. 347]. Мужчина замечает, что глаза подростка больше не кажутся стеклянными. В финальной сцене Амир произносит ключевые для понимания замысла романа слова о том, что ему словно опять исполнилось двенадцать лет. Он воспринимает себя как взрослого мужчину в толпе кричащих детей: “A grown man running with a swarm of screaming children” [Hosseini, 2018, p. 351]. Эта сцена символизирует преодоление чувства вины,

ее искупление, отложенную, но в конечном итоге успешно пройденную инициацию. Рискуя спокойной и благополучной жизнью в Америке, Амир совершает решительный поступок. Он возвращается на родину и спасает племянника, разрушая череду обманов, предательств и тайн, которые сопутствовали его истории прежде.

В романе «Бегущий за ветром» трехчастная композиционная структура трансформирована: событие инициации происходит в привычной для героя обстановке, в канун его совершенолетия. На этом этапе он совершает предательство друга, вскоре покидает родину и успешно инкорпорируется в социум США, развивая карьеру писателя. Но духовные дилеммы и внутренние противоречия не дают ему возможности обрести целостность, а это является неотъемлемой частью инициации. Таким образом, она не завершена. Поэтому центральный персонаж возвращается в Кабул уже взрослым мужчиной и проходя испытание, преодолевает чувство вины. Особенностью романа является ретроспективная наррация, в качестве значимых мотивов можно назвать одиночество и достоинство.

Переплетение судеб, историческая проблематика, мультикультурный дискурс [Кривцова, 2020; Толкачев, 2016] расширяют нарративное пространство романа. Субъективная наррация первой его части сменяется полифонией голосов во второй. Автор добавляет в текст внесюжетные элементы (письма, сны, палароидный снимок и др.), которые выполняют характерологическую функцию. В подростковом возрасте герой не справляется с выпавшими на его долю испытаниями, но это лишь один из сложных этапов его жизни. Сам же путь духовного роста носит вневременной характер, поскольку постижение истины, смысла жизни не является конечным. Перед протагонистом открывается многомерная перспектива самого пути. Хтоническое иномирье основной части романа, как буквальное (атмосфера разрушений и смерти, жестокости, бесприютности, связанная с войной), так и метафорическое (внутренние страдания) сменяется духовным перерождением, очищением главного действующего лица в финале.

Главные герои *романа-кризиса* находятся в промежуточной реальности. Процесс формирования их идентичности и взросления происходит в неустойчивых пороговых пространствах. Это могут быть как большие бездушные города («Виноваты звезды» Дж. Грина, «В конце они оба умрут» А. Сильверы), так и маленькие провинциальные поселения («Маленький друг» Д. Таррт, «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни). Действующие лица пребывают одновременно в состоянии созидания и деконструкции за счет соединения дискурсов *внешнего* (сюжетообразующие испытания) и *внутреннего* (инициация как взросление и обретение собственного «я»).

Обратимся к другим произведениям, которые можно считать примерами *романа-кризиса* в новейшей американской литературе. Существует корпус текстов, связанный с проанализированным выше романом Дж. Грина о преодолении болезни: «Если я останусь» (“If I stay”, 2009) Г. Форман (Gayle Forman, 1970 –), «В конце они оба умрут» (“They Both Die at the End”, 2017) А. Сильверы (Adam Silvera, 1990–), «В метре друг от друга» (“Five Feet Apart”, 2018) М. Дотри, Р. Липпинкот и Т. Иаконис (Mickey Daughtry 1993–, Rachel Lippincott 1994 –, Tobias Iaconis, 1971–) и др.

Например, в популярном романе современного американского писателя А. Сильверы «В конце они оба умрут» внимание уделяется мортальной проблематике, а именно преодолению смерти через ее принятие. Критические обстоятельства, в которых оказываются подростки, гипертрофированы, в повествовании присутствуют фантастические элементы [Ханютин, 1977; Papantonakis, 2006]. Прежде всего, это некий отдел смерти. Его сотрудники сообщают людям, которым отведено жить не больше одного дня, эту информацию.

Такое известие получает протагонист сочинения Матео Торрес (Mateo Torres). То же самое узнает и другой подросток – Руфус Эметарио (Rufus

Emeterio). В начале романа они не знакомы. Полученное ужасающее известие объединяет их, и оба ищут человека, с которым можно было бы провести последние несколько часов своей жизни, что становится их *параллельной* инициацией. Время действия данного *романа-кризиса* занимает один день, событийная интенсивность приобретает максимальный характер. В произведении присутствует большое количество примет современности, ставших неотъемлемой частью жизни подростков: социальные сети (Instagram, Twitter, Tinder), мобильные приложения («Поиск друга»). Возникает противопоставление реальной личности человека и его публичных проявлений, того образа, который он демонстрирует обществу. Например, чтобы лучше узнать внутренний мир друг друга, подростки показывают и комментируют свои профили в инстаграм. Подборка фотографий и используемые фильтры, на их взгляд, позволяют раскрыть личность лучше, чем это может сделать живое общение. Они обсуждают музыку, сериалы, модные тренды, за которыми следуют. В романе показано, как новейшие мультимедиа, социальные сети и мессенджеры трансформируют характер общения. Это приводит к усилению разрыва между людьми, которые, обмениваясь сообщениями, оказываются замкнутыми в различных формах самоизоляции и обыденных практик [Стулов, 2021].

Ключевым в романе является мотив одиночества, поиск индивидом своего истинного «я». Важная роль отводится семье, однако в данном произведении оба юноши ее лишены: у одного из них мать погибла, а отец находится в реанимации, родителей второго нет в живых. Отсутствие поддерживающих взрослых определяет доминанты личностей молодых людей: неуверенность в себе, страх перед неизбежностью, недоверие по отношению к миру.

Частью нарратива является чат, который ведут герои, обсуждая свои проблемы и планируя встречи. Короткие фразы и комментарии автора, выполняющие роль ремарок, придают повествованию особую драматургию. Матео пишет прощальные записки соседям, которые включены в текст романа,

подписывает фотографию для отца. Окружающие уже знают, что уготовано мальчику и проявляют по отношению к нему доброту. Так поступают медсестра в больнице или официантка в кафе. Друг для друга Руфус и Матео становятся наставниками, они открывают собеседнику душу и даже исповедуются. Среди основных событий последнего дня их жизни можно выделить встречу с бездомным, которому они помогают, поездку на кладбище, поход в парк развлечений, где аттракционы, правда, заменены симулятивными тренажерами. В своих решениях рассматриваемые персонажи становятся более свободными, поскольку им уже не нужно переживать о том, что эти поступки могут быть не поняты или осмеяны ровесниками. В данном *романе-кризисе* инициация показана на основе необходимости принятия протагонистами своей смерти. Пространственно-временная организация романа имеет специфический характер: это финальный день жизни подростков и привычное для них пространство. Однако как внутренние, так и внешние события инициации показаны интенсивно: путешествие по городу, встреча с близкими, влюбленность и, конечно, осознание конечности собственной жизни. Повествование ведется от третьего лица, но всеведущий нарратор передает все оттенки чувств протагонистов. Значимыми здесь являются мотивы одиночества и предопределения. Можно заключить, что в романе представлена *параллельная прерванная инициация*.

Преодоление индивидом смерти близкого лежит также в основе дебютного романа Дж. Грина «В поисках Аляски». Он вошел в различные списки лучших книг для подростков и стал частью учебных программ школ и колледжей в США. Главный герой романа и нарратор – шестнадцатилетний Майлз Холтер (Miles Halter). Герой интересуется литературой, особенно его привлекают предсмертные высказывания известных людей. В вышеупомянутом романе уже на первых его страницах встречаются такие значимые для литературоведения имена, как Р. Фрост (Robert Frost), Г. Ибсен (Henrik Ibsen), Ф. Рабле (François Rabelais) и др.

Майлз Холтер покидает родительский дом и отправляется в школу Калвер Крик (Culver Creek). Его миссия – найти по словам Ф. Рабле «великое возможно» (“seeking a Great Perhaps”) [Green, 2006, p. 21]. Переезд героя из Флориды (Florida) в Алабаму (Alabama) оказывается значимым моментом жизни и исходной точкой испытания его мировоззрения. Из домашнего мира он перемещается в интернат. Сюжет перехода выражается в прощальной вечеринке, устроенной для него родителями. Мероприятие отнюдь не многолюдно. Сам юноша изначально понимает, что никто не придет: “I knew they wouldn't come” [Green, 2006, p. 6]. Физическое перемещение протагониста и разрыв с прошлой жизнью являются началом его духовных и ментальных перемен.

Первым знаковым событием в школе становится посвящение Майлза, который, вопреки своему худощавому телосложению и высокому росту, получает кличку «Толстячок» (Pudge). Перемена имени весьма симптоматична, поскольку это также свидетельствует о лиминальном статусе подростка, прохождении им пути инициации. Клички имеют и другие персонажи романа. Так, друга и помощника Майлза называют «Полковник» (The Colonel), а директора школы, его наставника все окружающие за глаза величают Орлом (The Eagle). Ложное посвящение, которое для Майлза ночью на озере устраивают старшие ребята служит началом большого пути инициации, который для нового школьника сопряжен с потерями, болью и одиночеством.

Следующее знаковое событие на пути посвящения героя – знакомство с Аляской Янг (Alaska Young). При их первой встрече девушка вспоминает предсмертные слова латиноамериканского государственного деятеля С. Боливара (Simon Bolivar), упомянутые в книге Г.Г. Маркеса (Gabriel García Márquez) «Генерал в своем лабиринте» (“El general en su laberinto”, 1989): “How will I ever get out of this labyrinth!” [Green, 2006, p. 11]. Впоследствии, эта фраза становится ключом к разгадке трагической истории самой девушки и пути самопостижения Майлза.

Роман «В поисках Аляски» имеет многие черты школьной истории. В нем можно усмотреть параллельно разворачивающиеся сюжетные линии нескольких героев, наличие фигур учителя и директора образовательного учреждения. В нарративе показаны отношения внутри группы учащихся, особое значение имеет топос школы. Повествование ведется от первого лица и наполнено внутренними монологами. Оно пронизано исповедальной тональностью. Каждая смысловая часть романа предваряется обратным отсчетом, где указана информация о том, сколько дней осталось «до...» (имеется в виду гибель Аляски). Первая глава начинается со слов “one hundred thirty six before” [Green, 2006, p. 6]. Полагаем, это часть стратегии автора. С одной стороны, писатель хочет максимально удержать читательское внимание, а с другой, здесь можно усмотреть определение семантического и композиционного центра романа.

Сюжетообразующее событие анализируемого произведения – трагическая гибель девушки и последующие попытки героев разгадать ее историю. Одной из подсказок становится книга с биографией С. Боливара, предсмертным высказыванием которого Аляска делится с Майлзом во время их знакомства. В тексте подчеркнуты слова “straight and fast”, которым следует героиня и которые приводят к автокатастрофе. По ходу развития сюжета становится ясно, что девушка ехала на могилу матери, в смерти которой она винила себя. В finale романа – философские размышления Майлза о жизни и смерти, обретении и потере, молодости и взрослении. В них молодой человек подводит итог испытаниям и символически прощается с юностью. В данном романе, посвященном преодолению потери близкого, изображается ограниченный период жизни протагониста, в нем можно выделить ключевые трудности, справляясь с которыми персонаж развивается и взрослеет. «В поисках Аляски» является примером *последовательной незавершенной инициации*, значимую роль в нем играет промежуточный период посвящения (от момента гибели Аляски до открытого финала, когда Майлз фиксирует свое

взросление и переход на новый уровень самоосознания). Сюжетообразующими мотивами являются предопределение и одиночество.

В *романе-кризисе* в результате весьма тяжелых событий может происходить: осознание приближения собственной смерти («В конце они оба умрут» А. Сильверы, «Виноваты звезды» Дж. Грина), потеря близких («Маленький друг» Д. Тартт, «В поисках Аляски» Дж. Грина) совершение недостойного с нравственной точки зрения поступка («Бегущий за ветром» Х. Хоссейни). В таких нарративах человек представлен в экстраординарных обстоятельствах. Первая фаза инициации коррелирует с событием, которое вызывает внутренний кризис, что и становится началом пути. Затем следует период, связанный с попыткой преодоления чувства вины, смерти близкого или смертельной болезни. В произведениях последнего вида существенным является принятие этого факта. Разновидности и вариации инициации – *параллельная успешно пройденная* («Виноваты звезды» Дж. Грина, «Маленький друг» Д. Тартт), *параллельная прерванная* («В конце они оба умрут» А. Сильверы), *индивидуальная незавершенная* («В поисках Аляски» Дж. Грина) *индивидуальная отложенная* («Бегущий за ветром» Х. Хоссейни) инициации репрезентируют различные варианты развития процесса и его итога. Значимыми мотивами являются предопределение (особенно в романах, связанных с преодолением персонажами смертельной болезни и гибели близкого), одиночество, равенство и достоинство (преодоление чувства вины).

Нarrативная схема инициации *романа-кризиса* реализуется многовекторно и находит воплощение в виде парадигмы инвариантных сюжетно-смысловых коллизий, существующих в отношениях полифонического взаимоотражения. С точки зрения нравственно-психологического и аксиологического наполнения, эксплицируется одновременно как экзистенциальная, так и социальная инициация (осознание героем собственного «я»). Нужно также указать на три взаимодополняющие составляющие *романа-кризиса* – фронтальная, сакральная и духовная. Протагонист пересекает границы семиотического поля, контуры собственного

«я» и «другого» размываются, а в жизни в целом открываются дискурсы инаковости. Происходит встреча с воплощением непознаваемого, преображающая сознание, и ведущая к прощению и искуплению.

3.3. Роман-посттравма в современной литературе США

3.3.1. Неестественная смерть в романе Э. Сиболд «Милые кости»

Значимым дискурсом современной литературы США, с которым взаимодействует роман инициации, является травматический опыт человека и способы его преодоления. Исследователи называют это кроссдисциплинарной проблемой, ставшей особенно актуальной в последнее время в связи с различными экстремальными событиями: военные конфликты, теракты, жестокое обращение с человеком и др. [Лакапра, 2006, с. 243; Anggraini, 2015]. По мнению ученых, в гуманитарных науках наиболее изучена историческая травма и сопряженная с ней проблема памяти («травмированная память»), что дает возможность стигматизации целых поколений, поскольку коммеморация возобновляет подобный опыт в сознании людей [Хабибуллина, 2020, с. 308]. В новейшей американской литературе актуализируется также проблема личной травмы. Индивидуальная психологическая травма в литературоведении рассматривается в тесной связи с категорией телесности [Кислова, 2011; Хабибуллина, 2018; LaCapra, 1999]. В качестве примеров можно назвать произведения таких авторов, как К. Калфус (Ken Kalfus, 1954–), Ф. Рот (Philip Roth, 1933–2018), Д. Де Лилло (Donald Richard “Don” DeLillo, 1936–), Л. Эрдрич (Louise Erdrich, 1954–), К. Уайтхед (Colson Whitehead, 1969–), К. Маккарти (Cormac McCarthy, 1933–2023) и др.

Понятие травмы и ее разновидности – коллективная, национальная, культурная и т.д. – стали основными маркерами обозначения этого гетерогенного, но схожего для многих индивидов опыта. Современные американские писатели в своих произведениях часто обращаются к этой проблеме, что обусловлено «необходимостью демаркации опыта, памяти и нарратива» [Николаи, 2017, с. 137]. Художественное исследование травмы дает возможность символического «кодирования» сложного опыта автора (автобиографический роман «Милые кости» Э. Сиболд) и получения реципиентом доступа к поиску *другого* (сочинение «Маленькая жизнь»

Х. Янагихары и «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера) во всем его драматическом избытке. Можно говорить о том, что это позволяет как автору, так и реципиенту дистанцироваться от критической проблематизации и постепенно становится прагматическим средством нормализации данного опыта, что происходит за счет того, что субъектом травмы является нарратор, а само произведение представляет собой «проговаривание», которое выступает в качестве одного из элементов «проработки» травмы [LaCapra, 1999].

Указанная проблема раскрывается в текстах американских прозаиков наших дней по-разному. Это может быть как коллективная травма (теракт в романах «Жутко громко и запредельно близко» Дж. Фоэра, «Щегол» Д. Тартт), так и индивидуальная (психологическое и физическое насилие в романах «Милые кости» Э. Сиболд и «Маленькая жизнь» Х. Янагихары). И в том, и в другом случае изучаемый феномен разрабатывается в рамках экзистенциальной дискурсивной стратегии как маркер пограничного, зачастую невыразимого до конца опыта. Вместе с тем он может использоваться при описании телесного характера памяти, укорененного в повседневных привычках и триггерах. Такой нарратив обладает фрагментарностью и представляет собой ситуативное переплетение отдельных линий/воспоминаний/событий жизни протагониста.

Ученые отмечают тенденции к виктимизации и медикализации данного дискурса, причем целью становится прежде всего терапевтический, а не социально-политический эффект. Применительно к теме нашего исследования следует отметить, что в романе инициации, поэтика которого изначально сопряжена с репрезентацией личности в экстремальных, кризисных ситуациях, такая парадигма оказывается чрезвычайно востребованной. Проблематика сочинений данного вида включает отражение как коллективной, так и личной травмы. И в том, и в другом случае, освобождение от ее последствий является инициацией для протагонистов, впрочем, не всегда возможной (антиинициация в романе «Маленькая жизнь» Х. Янагихары). Они встречаются с подобным деструктивным опытом на разных этапах своего

становления и стараются освободиться от него и жить дальше, даже если это происходит уже за чертой земного существования (*посмертная инициация* в романе Э. Сиболд «Милые кости»).

Роман инициации объединяет противоречивые, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, по причине автобиографизма, сила травмы в нем акцентируется и активно прорабатывается. А с другой, поскольку элемент функциональности постепенно усиливается, и этот опыт рассматривается на примере вымышленных персонажей, травматический дискурс со временем ослабевает. В центре повествования оказываются внутренние изменения героев, их взросление и инициация.

Особого внимания среди примеров *романа-посттравмы* заслуживает сочинение Э. Сиболд «Милые кости». Нарратором в этом романе является девочка Сюзи Сэлмон (Susie Salmon), которой уже нет в живых. Книгу называют светлым произведением об ужасных событиях [Donaldson, 2019]. Можно предположить, что помимо острой проблематики, связанной с насилием и последующей попыткой освобождения от травмы, интерес к роману вызван тем, что идея смерти в нем представлена в специфическом контексте. Исследователи отмечают «христианское утешение» (Christian comfort), которое роман предлагает читателям [Darby, 2022].

Мотивике и стилистике этого романа посвящено исследование Э. Шивани (E. Shivani), причем мотив спасения анализируется в контексте выявления его значимости для литературы США [Shivani, 2014, р. 43]. Данное произведение также интерпретируется как пример репрезентации высококультурных и обывательских представлений о потусторонней жизни [Bennett, 2012]. Интерес среди литературоведов вызвали его женские образы (A. Bliss, M. Pertiwi), а также проблемы гендера, темы преступления, молчания, жизни после потери близкого [Wehling-Giorgi, 2019]. Помимо гендерных исследований, подробному анализу подвергались нарративные структуры произведения (A. Rizki, S. Sahota). Анализировались его сюжетно-композиционное устройство и система мотивов [Ahmad, Nadarajan, 2018]. Ученые считают, что

благодаря выбору рассказчика, которого уже нет в живых, повествование становится более объемным и многомерным и называют такой вид нарратива «танатографией» [Callus, 2005, р. 428]. Другое обозначение изложения событий от лица умершего человека – «постум-нarrатив» [Зусева-Озкан, 2022]. Его специфику анализируют в аспекте речевой организации повествования, системы персонажей, типа хронотопа, что позволяет выявить мотивно-сюжетный комплекс, в том числе насильственной смерти и неупокоенности мертвца, что актуально и для рассматриваемого нами произведения [Зусева-Озкан, 2022].

Литературоведы указывают на связь мотивов травмы и душевной боли, которые не исчерпываются страданиями, а разрушают всю личность [Borg, 2018, р. 451]. Исследователи также отмечают, что парадокс «мертвого рассказчика» выполняет функцию психологической помощи, так как он не просто излагает историю, но получает возможность обрести контроль над своей травмой. Эту мысль иллюстрирует признание главной героини романа «Милые кости»: “Each time I told my story, I lost a bit, the smallest drop of pain” [Seabold, 2002, р. 212]. По словам Сюзи (Susie), каждый раз, когда она рассказывала свою историю, ей удавалось освободиться от небольшой части боли.

В возрасте четырнадцати лет девочка была изнасилована и убита. Повествование она ведет, находясь в другом мире. О преступлении сообщается на первых страницах романа, указывается дата, когда оно произошло, конкретизируются ужасающие обстоятельства: “My name was Salmon, like the fish; first name, Susie. I was fourteen when I was murdered on December 6, 1973” [Seabold, 2002, р. 8]. После смерти Сюзи попадает в некий персональный рай, из которого она наблюдает за жизнью своих родных и друзей, имея возможность проникать в их сознание, тайные помыслы и видеть скрытые ото всех события.

Анализируя топосы романа, современные исследователи отмечают, что художественное пространство этого сочинения имеет двойственный характер

и делится на земное, в котором живут родные погибшей девочки, и небесное, где теперь обитает она сама [Зелезинская, 2022]. Земной мир, в свою очередь, также состоит как из безопасных локусов, так и страшных, чужих, соотносимых со смертью. Дом традиционно представлен как безопасное культурное пространство. Ему противопоставлен антидом или лесной дом – чужое, дьявольское место: дом мистера Гарви (Harvey), а также его землянка и кукурузное поле рядом с ней. Автор использует прием зеркального построения: внешне дома Сюзи и ее убийцы похожи, при строительстве был использован один план. Героиня постоянно соотносит их друг с другом: “It was the size of a small room, the mud room in our house, say, where we kept our boots and slickers” [Seabold, 2002, p. 20]. Описывая жилище мистера Гарви, Сюзи уделяет внимание немногочисленным предметам мебели, подчеркивает аскетизм интерьера, самым частым эпитетом при описании становится прилагательное «пустой» (empty). По мнению исследователей, особую важность в структуре хронотопа получают могила нарратора-мертвеца и место его смерти [Зусева-Озкан, 2022, с. 33]. Поэтому помимо землянки, топосом ада становится разлом в земле, куда жители Норристауна (Norristown) выкидывают мусор, среди которого оказывается тело девочки. Это место, по сути, становится ее могилой.

В структуре небесного пространства выделяются элементы индустрии развлечений, игровые площадки, качели, кафе-мороженое, которые отражают представление о современной Америке [Kiaeи, Safdari, 2014]. Кроме того, такой мир имеет свойство наполняться теми объектами, которые хотят видеть вокруг себя его обитатели: “All you have to do is desire it, and if you desire it enough and understand why—really know—it will come” [Seabold, 2002, p. 26]. Но исполняются только материальные желания людей, в то время как потребность в тепле и заботе не может быть удовлетворена. Примечательно, что в описании небес отсутствует фигура Бога. Религия представлена обобщенно, как вера в высшие силы [Баранова, 2011].

Душа Сюзи принадлежит одновременно двум мирам, однако она не может обрести покой ни на небесах, ни на земле, поскольку пребывает в лиминальном пространстве. Ученые отмечают связь промежуточного топоса с чистилищем [Зелезинская, 2022, с. 32]. Этим обусловлено пограничное состояние девочки, ее желание участвовать в жизни близких, которые остались на земле, и невозможность стать частью небесного мира, двойственность положения и нестабильность такого состояния. На небесах материализуются все желания и мечты, но подросток там не чувствует себя счастливой, не обретает покой. Ее наставница Фрэнни (Franny) сообщает, что чтобы перейти на новый уровень, нужно забыть прошлое: “If you stop asking why you were killed instead of someone else, stop investigating the vacuum left by your loss, stop wondering what everyone left on Earth is feeling,” she said, “you can be free. Simply put, you have to give up on Earth” [Seabold, 2002, p. 176]. По мнению женщины, Сюзи сможет освободиться от своей травмы, когда перестанет задаваться вопросом о том, почему ее убили, прекратить исследовать чувства тех, кто потерял ее, иными словами, оставит земную жизнь в прошлом.

Здесь возникает тема освобождения, но на этом этапе слова взрослого человека звучат для девочки как невыполнимая задача: “This seemed impossible to me” [Seabold, 2002, p. 176]. Небесный мир наполнен тем, что должно приносить радость: концертные залы, развлекательные центры, кафе-мороженое, однако земная жизнь притягивает Сюзи, ее мысли и стремления остались там. По мнению исследователей, это связано с тем, что «небеса прекрасны, но они скучны и непонятно устроены, а земная жизнь, пусть и полна несправедливости и слез, но так притягательно интересна» [Зелезинская, 2002, с. 13]. Вероятно, точкой притяжения на земле для героини оказывается именно возможность повзросльеть, пережить ключевые этапы возрастных инициаций.

Для понимания образа главной героини необходимо проследить линии развития других персонажей, с которыми тесно связана ее судьба и которые, в той или иной степени, влияют на становление личности девочки. Ее семья –

это отец (Jack), мать (Abigail), младшая сестра (Lindsey), брат (Buckley) и бабушка (Lynn). Каждый из действующих лиц, благодаря всеведущей наррации, показан многогранно. Папа не может пережить потерю дочери, он одержим поисками виновного, поэтому отстраняется от близких. Распад семьи связан и с образом мамы, которая покидает город и отправляется в странствие. Перед читателем раскрывается эволюция протагонистов, что происходит как через призму восприятия произошедшей трагедии и последовавших за ней личных драматических событий, так и ретроспективно, с помощью того, что происходило в их детстве и юности.

Особенно показательны в данном контексте образы матери Сюзи и преступника, мистера Гарви. История Эбигейл, ее эскапизм связаны не только с непреодолимой болью от потери дочери, но и с личной драмой: невозможностью самореализоваться, что раскрывается через описание юности героини и в последующем приводит к утрате ценности семейных отношений. Благодаря погружению в детство мистера Гарви перед читателем разворачивается история формирования зла в душе персонажа. Этим же объясняется его страшная одержимость коллекционировать¹⁰ вещи убитых девочек: мать маньяка страдала клептоманией.

Будучи частью потустороннего мира, Сюзи имеет возможность участвовать в жизни близких, наблюдать события их развития, внутренней эволюции и переживать эти процессы вместе с ними. Наиболее значимыми фигурами для девочки оказываются ее сверстники: Рут (Ruth), Рэй (Ray) и сестра Линдси. Рут является двойником ушедшей Сюзи, поскольку героиня, перемещаясь в другой мир, коснулась ее. Рэй также ощущает перманентную духовную связь с главной героиней.

Значимым эпизодом является сцена, в которой подросток разговаривает с фотографией погибшей девушки, ощущая рядом с собой ее присутствие: “What did dead mean, Ray wondered. It meant lost, it meant frozen, it meant gone <...> He

¹⁰ Возникает параллель с образом Фредерика Клэгга, героя романа Дж. Фаулза (John Fowles, 1926 – 2005) «Коллекционер» (“The Collector”, 1963).

came to realize something as he stared at my photo – that it was not me. I was in the air around him <...> I was in the quiet time he spent alone between studying. I was the girl he had chosen to kiss. He wanted, somehow, to set me free” [Seabold, 2002, p. 20]. Рэй пытается понять, что значит смерть. По его предположениям, умереть – это значит затеряться, застыть, уйти. Глядя на фотографию Сюзи, он думает о том, что это не она. Ее истинная суть растворена в воздухе вокруг. Сюзи была именно тем человеком, которого Рэю хотелось поцеловать. Но в этот момент он хочет сделать ее свободной. Мотив свободы, который является одним из ключевых в семантическом строении романа, для Сюзи становится способом инициации и обретения самой себя.

Выразительным персонажем повествования является Линдси. Именно она совершает попытку расследовать обстоятельства гибели сестры и проникает в дом мистера Гарви, проявляя смелость и решительность, что дает основание говорить о *последовательной* инициации в исследуемом романе. Кроме того, ей, наряду с младшим братом, достается участь жизни в тени «ожившего мертвеца»: “Of everyone in the family, it was Lindsey who had to deal with what Holly called the Walking Dead Syndrome – when other people see the dead person and don’t see you” [Seabold, 2002, p. 67]. Линдси и Бакли вынуждены существовать в ситуации семейной посттравмы: родители отдалились друг от друга, над всем, что происходит, висит неразрешимая трагедия¹¹.

В обряде инициации, который, в той или иной степени, влияет на архитектонику произведений о взрослении, ключевое значение имеет символическая смерть посвящаемого. В романе Э. Сиболд героиня умирает буквально. Сегрегацией девочки становится прощание, в данном случае принудительное расставание с жизнью. Лиминальная фаза представлена промежуточным состоянием Сюзи, невозможностью стать частью небесной сферы, встретить там родных, которых уже нет в живых, обрести покой.

¹¹ Подобная ситуация описана нами в контексте исследования сочинения Д. Тартт «Маленький друг» как *романа-кризиса*. Линдси, как и Гарриет, предпринимает попытку расследования обстоятельств гибели близкого человека. Такой путь становится ее взрослением и способом обретения самой себя.

Инкорпорация происходит тогда, когда Сюзи переживает взросление и готова как отпустить своих близких, так и принять случившуюся с ней трагедию. Покинув реальный мир в четырнадцать лет, девочка оказалась лишена возможности повзрослеть, о чем она неоднократно упоминает: “Eventually I began to desire more. What I found strange was how much I desired to know what I had not known on Earth. I wanted to be allowed to grow up” [Seabold, 2002, с. 23]. Пребывая в потустороннем пространстве, подросток становится носителем сакрального знания и поэтому может быть проводником и хранителем для своих близких во время кризисных испытаний их жизни. Данный факт касается как представителей младшего поколения, ровесников девочки (Линдси, Бакли, Рут, Рэй), так и старшего (мама, папа, бабушка). Воплощением Сюзи на земле становится Рут, ощущающая особую связь с миром мертвых. В ее тело вселяется Сюзи чтобы пережить собственную инициацию, знаменующую взросление и освобождение – воссоединение со своим возлюбленным Рэем. Незримая связь присутствует и между главной героиней и ее младшей сестрой Линдси, в которой Сюзи как бы растворяется, чтобы прочувствовать яркие события юности, сопряженные с обретением собственной идентичности. Это относится к проявлениям возрастных инициаций: первая любовь, выпускной, замужество, рождение ребенка.

Ключевым событием для Линдси становится преследование мистера Гарви и проникновение в его дом. Итог пути этой героини – обретение семьи, появление дочери, которая названа в честь старшей сестры. Бакли, который находился на периферии внимания семьи, потеряв не только сестру, но и на долгое время маму, вновь обретает любящее окружение и заботу. Родители Сюзи воссоединяются, снова понимают и поддерживают друг друга после драматических событий в жизни каждого из них: побег и скитания мамы, попытки папы быть хранителем семьи при физических и душевных страданиях из-за невозможности найти убийцу дочери. После испытаний, которые Сюзи переживает вместе с каждым из близких, а также переломного события собственной жизни (недолгое возвращение на землю в теле Рут), ее душа

обретает покой, она переходит в небесный мир, воссоединяется с умершим дедушкой.

Произведение начинается со смерти, а заканчивается рождением нового члена семьи и имеет примиряющий всех героев финал: “These were the lovely bones that had grown around my absence: the connections – sometimes tenuous, sometimes made at great cost, but often magnificent <...> The price of what I came to see as this miraculous body had been my life” [Seabold, 2002, p. 367]. По мнению Сюзи, на месте пустоты, которая возникла после ее гибели, постепенно вырастают и соединяются милые косточки: хрупкие, оплаченные немалыми жертвами, но неизменно дорогие сердцу. Ценой этого волшебного превращения была потеря ее жизни.

В романе Э. Сиболд «Милые кости» ключевыми мотивами становятся предопределение и свобода. Инициацией главной героини является ее посмертное освобождение: она отпускает свою земную жизнь. С одной стороны, это происходит благодаря тому, что девочка переживает травму и обретает покой в небесном пространстве, с другой – благодаря фантастическому элементу: Сюзи проходит возрастные инициации, получив на некоторое время физическую оболочку. Испытания проходит и Линдси, что дает основание говорить о репрезентации *последовательной посмертной инициации* в данном сочинении.

Переход от безысходности к принятию происходящих событий и прошлого знаменует освобождение героини, как в буквальном пространстве (перемещение в небесный мир), так и в знаково-символическом (отдаление от близких, но не забвение, а обретение покоя). Слова Сюзи в finale романа о милых косточках выражают идеи смирения и жертвенности. Универсальность аксиологических установок находит отражение в отсутствии фигуры Бога как такового, но наличие веры героев в высшие силы. Взросление геройни становится сюжетообразующим элементом романа. Поскольку обряд инициации девочка переживает уже в небесном мире, ее взросление имеет двойственный характер: эмоциональные потрясения Сюзи и переживания за

близких, а также ее возвращение на недолгое время на землю для воссоединения с Рэем и выражение подростковой любви к нему. Благодаря фантастическому элементу (материализация девочки на земле и временное обретение физической оболочки) происходит взросление героини. Это событие становится для нее рубежным и символизирует освобождение, после которого ее душа обретает покой. Писательнице удается показать универсальность кризисных испытаний, с которыми сталкивается человек, и избежать которых не представляется возможным. В результате, Сюзи обретает гармонию с собой и переходит к вечной жизни.

3.3.2. Насильственные действия в романе Х. Янагихары «Маленькая жизнь»

Ярким примером произведения, в котором представлена *антиинициация*, является роман Х. Янагихары «Маленькая жизнь». В нем показана невозможность освобождения протагониста от травмы личностного насилия.

Эта книга была удостоена Букеровской премии и Национальной книжной премии США. Она посвящена жизни четырех друзей в Нью-Йорке. Поэтика ее заглавия указывает на то, что в центре нарратива история человеческих судеб, их испытаний, разочарований и внутренних кризисов [Татару, 2009]. Слово *маленькая* в названии выступает в определенном смысле оксюмороном, поскольку жизнь отдельно взятого индивида не может быть маленькой или незначительной. Мультикультурная проблематика сочинений писательницы связана с ее биографией. Отец Х. Янагихары – врач, родом с Гавайских островов, а мать родилась в Южной Корее. Профессия первого объясняет интерес писательницы к человеческому телу и болезням, а также ее клинически-отстраненное отношение к физическим недугам и травмам (в детстве девочка даже зарисовывала трупы в морге).

В романе «Маленькая жизнь» главными героями являются мужчины. Автор объясняет это тем, что они не находят слов для описания таких сильных эмоций как страх, стыд, горе, пережитое насилие. По мнению Х. Янагихары,

мужчины беспомощны в своей немоте, и ее задачей было исследовать их внутренний мир.

Протагонисты сочинения – это юрист Джуд (Jude), актер Виллем (Willem), художник Джей-Би (JB) и архитектор Мальcolm (Malcolm). Сюжет начинает развиваться с жизнеописания каждого из друзей, а затем постепенно фокусируется на личности Джуда и психологических травмах, которые он получил в детстве. Автор показывает силу дружбы, но в то же время и ее хрупкость, подчеркивая, что путь инициации индивида имеет глубоко личный характер и всегда сопряжен с мотивом одиночества, а его финал зависит не столько от окружения, сколько от внутренней силы человека.

В романном настоящем личность протагониста раскрывается через призму его отношений с другими персонажами, особенно Виллемом и приобретенной семьей. Жестокость, с которой столкнулся Джуд в детстве, подорвала его веру в людей. Несмотря на то, что во взрослой жизни он имеет настоящих друзей и любящих родителей, это не может исцелить его душу.

У Джуда есть лечащий врач (Andy Contractor), который показан как прямолинейный и строгий человек, искренне сочувствующий своему пациенту. Приемные родители Гарольд (Harold) и Джулия (Julia) также проявляют эмпатию и любовь по отношению к юноше, но детские травмы настолько ранили его, что ничто не может их искупить. Особая роль в повествовании отводится Гарольду: в начале он представлен как преподаватель Джуда, который затем берет на себя функции не только его наставника, но и отца.

Х. Янагихара показывает, каким образом воспитание и окружение влияют на формирование человека. Джуд – сирота, его детство прошло в церковном приюте. Один из наставников мальчика, брат Лука (Brother Luke), уговорил его бежать из обители в Техас вместе с ним. Джуд согласился, надеясь, что это избавит его от одиночества и ощущения собственной никчемности. Лука описал мальчику дикие просторы местности, куда они направляются: хвойные леса, высокие и душистые сосны, где они смогут

начать новую жизнь в лесной хижине, вдали от цивилизации. Вместо этого мальчик видит только небо, пыль и дорогу: “...just dust and sky and road” [Yanagihara, 2016, с. 24]. С Джудом происходят страшные события: он переживает физическое насилие и издевательства со стороны своего спутника и других взрослых, а затем в течение всей жизни наносит вред самому себе: физическая боль, по его мнению, должна помочь справиться с душевными страданиями.

В начале произведения раскрываются истории трех остальных protagonists, Джуд же скрывает свое прошлое. Поскольку центральный персонаж не имеет родителей, он не знает ничего о своей жизни до монастыря. Его история разворачивается постепенно, ей свойственна фрагментарность. Например, автор сообщает, что юноша испытывал сильные боли в ногах: “The pain in his legs, for example: as long as they had known him, they had known he had problems with his legs <...> But he had never complained” [Yanagihara, 2016, p. 24]. Имея проблемы со здоровьем, Джуд никогда не жаловался и не упоминал никакие подробности своего недуга. Не знает читатель и причин, по которым он наносит себе раны острыми предметами.

Друзья называют его *постчеловеком*, акцентируя загадочность и необычность юноши: “...we never see him with anyone, we don’t know what race he is, we don’t know anything about him. Post-sexual, post-racial, post-identity, post-past <...> the post-man. Jude the Postman” [Yanagihara, 2016, p. 93]. Когда персонажи пытаются понять Джуда, они осознают, что никогда не видели его отношений с другими людьми, ничего не знают о его расовой принадлежности и многих других фактах, связанных с его личностью. Для них он постчеловек, обладающий пост-сексуальностью, пост-идентичностью, пост-расовостью и своей пост-историей. Поэтому по вечерам, когда молодые люди собираются вместе и делятся воспоминаниями о детстве, Джуд лишь молча слушает их рассказы: “In the evenings, when a group of them lay splayed in someone’s room <...> the conversation often turned to his classmates’ childhoods, which they had barely left but about which they were curiously nostalgic and certainly obsessed”

[Yanagihara, 2016, p. 92]. Друзья же говорят об этом периоде своей жизни с ностальгией и даже некоторой одержимостью.

В главе «Аксиома равенства» (“The Axiom of Equality”) право вести повествование передается Гарольду, и он рассказывает об отношениях с Джудом со своей точки зрения. Используется типичный для романа инициации прием ретроспективной наррации. В настоящем протагонистам около сорока лет, это взрослые мужчины, они обрели определенный социальный статус, но становление их внутреннего мира еще не завершено. На какое-то время главному герою даже кажется, что все испытания позади, и он может жить благополучной и спокойной жизнью: “One Saturday morning shortly after he turns thirty-six, he opens his eyes and experiences that strange, lovely sensation he sometimes has, the one in which he realizes that his life is cloudless” [Yanagihara, 2016, p. 222]. Однажды субботним утром, вскоре после того, как Джуду исполняется тридцать шесть лет, он ненадолго чувствует себя в безопасности. Ему даже кажется, что жизнь становится безоблачной.

Появление приятеля, а потом и возлюбленного Калеба (Caleb) приносит новые страдания и душевную боль. Именно тогда в роман вводится страшное воспоминание Джуда о брате Луке, настояtele монастыря, который применил к мальчику физическое насилие, а затем сделал его рабом, принуждая к связи со взрослыми мужчинами: “Luke’s legacies were in everything he did, in everything he was: his love of reading, of music, of math, of gardening, of languages – those were Luke. His cutting, his hatred, his shame, his fears, his diseases, his inability to have a normal sex life, to be a normal person – those were Luke, too” [Yanagihara, 2016, p. 399]. Сила влияния Луки распространяется на все аспекты бытия протагониста. Общение с ним имеет некоторые позитивные последствия, это любовь к чтению, музыке, математике, садоводству и языкам. Но страшным и непреодолимым оказывается негативное воздействие настоятеля. Это прежде всего необходимость наносить себе раны, ненависть, стыд, страхи, болезни и многое другое; в конечном итоге, невозможность быть нормальным человеком [Cohen, 2007].

Брат Лука – настоящий антигерой, который разрушил жизнь Джуда. Именно с ним связан травматический опыт, который впоследствии не может преодолеть герой. Инициация главного действующего лица заключается в необходимости принять свое трагическое прошлое, освободиться от него, что не представляется возможным. Попытки начать жизнь сначала показаны через физические муки Джуда, например, протагонист дважды учится ходить заново: после изdevательств, в результате которых он получил этиувечия, и после ампутации ног в конце романа.

Главным содержанием образа Джуда является психологическая травма, полученная им в детстве и ранней юности. Инициацией для героя должно стать преодоление последствий случившегося и продолжение жизни, несмотря ни на что. Судьба дает ему возможность для освобождения от последствий травмирующих событий: он получает хорошее образование и осваивает престижную профессию юриста, рядом с ним заботливые приемные родители, преданные друзья. Но писательница показывает, что для человека не представляется возможным освободиться от последствий такого рода событий, поскольку ониискажают его восприятие реальности, понимание самого себя, лишают возможности открываться миру и людям и, в конечном счете, не дают пройти инициацию.

Одной из особенностей нарратива является его герметичность: в нем практически отсутствуют упоминания о каких-либо социально-исторических событиях. Все это заставляет читателя абстрагироваться от внешнего фона и полностью сосредоточить свое внимание на внутренней жизни действующих лиц. Но те черты реальности, которые непосредственно связаны с внутренним миром персонажей, описаны довольно подробно. Это улицы, по которым ходят герои (география Нью-Йорка передана детально и достоверно), еда, которую они едят, интерьеры их квартир, особенности профессий. Весьма абстрактно представлена категория времени: по косвенным упоминаниям очевидно, что действие основной части романа происходит в 2030-2040 годы, но описания

каких-либо технических инноваций или конкретных примет времени отсутствуют.

То же происходит с культурными аллюзиями. Влияние на сочинение оказало изобразительное искусство (по словам писательницы, работа над романом началась с коллекции фотоколлажей), но литература, кинематограф, музыка представлены в тексте отсылками к несуществующим в реальности произведениям. Большое значение в поэтике романа отводится фотографическим изображениям [Полуэктова, 2021]. Именно они, во многом, определяют развитие сюжета и логику развития травматического опыта героя. По мнению ученых, фотоэкфрасис является точкой сборки памяти (*punctum*), он также формирует исповедальное и экзистенциальное единство произведения [Адлерберг, 2017, с. 231; Yanagihara, 2015]. Визуальные артефакты позволяют объективировать опыт протагониста, передать его уязвимость и разрушить комфортный рассказ о себе, позволяя проникнуть за пределы сказанного. Пространственная организация отдельных локусов романа (визуализация маршрута персонажей по улицам Нью-Йорка, описание их жилья) становится еще одним способом обнаружения главным героем теневых сторон собственного «я».

Писательница использует сложные синтаксические конструкции. Во многом, это обусловлено тем, что ретроспекции часто возникают прямо во время диалогов персонажей и нить повествования обрывается. Кроме того, происходит перемещение точек зрения, хотя правом повествования от первого лица протагонисты не наделяются. Такая нарррация ведется только от лица Гарольда как взрослого наблюдателя.

Романное настоящее сочетается в произведении с пространством воспоминаний, которое образует перцептуальный хронотоп. Проблема памяти становится основной, поскольку травматические события случились с протагонистом в прошлом [Abadi, 2016]. Их описание дается максимально подробно, разреженность времени является отличительной чертой презентации травматической ситуации в этом произведении. Однако такие

воспоминания фрагментарны, хаотичны, их изложение зачастую сбивчиво и дискретно, поскольку отражает свойства человеческой памяти и мышления.

Физическое насилие, случившееся с протагонистом в прошлом, является сюжетопорождающим каркасом романа. Эффект правдивости в передаче травматического опыта достигается во многом благодаря вниманию нарратора к памяти тела: “And then there is the sex, which is worse than he had imagined: he had forgotten just how painful it was, how debasing, how repulsive, how much he disliked it. He hates the postures, the positions it demands, each of them degrading because they leave him so helpless and weak” [Yanagihara, 2016, p. 399]. Автор описывает отношение Джуда к физической близости через чувства отвращения, боли и унижения, которые заставляют его ощущать себя беспомощным и слабым.

Внимание к вышеуказанным реакциям в попытке абстрагироваться от душевной боли предполагает высокую степень читательской эмпатии, так как «восприятие ситуации также должно проходить на уровне телесных ощущений» [Хабибуллина, 2020, с. 311]. Контакт протагониста с внешним миром является телесно-опосредованным. В нем присутствуют такие аспекты как восприятие тела исключительно в качестве физического объекта, на которое можно воздействовать, и, следовательно, отчуждение от него. Отметим также отношение к телу как к вместилищу души, но и в таком случае оно представляет потенциальную угрозу, поскольку человеческое сознание зачастую непредсказуемо и парадоксально.

Фактически, подросток ощущает себя взрослым уже когда происходит заключительное трагическое событие его детства: Джуд пытается бежать от своего очередного мучителя доктора Тейлора (Dr. Traylor), который преследует его на машине и в результате буквально переезжает мальчика пополам: “...the car came toward him and then over him and it was done” [Yanagihara, 2016, p. 218]. В следующем за этим страшным описанием автор констатирует, что это была конечная точка, после которой протагонист повзрослев: “And that was the end. After that, he became an adult” [Yanagihara,

2016, с. 526]. Во взрослой жизни Джуд мучительно пытается вспомнить тот момент, когда все в его жизни пошло не так: “As an adult, he became obsessed in spells with trying to identify the exact moment in which things had started going so wrong, as if he could freeze it, preserve it in agar” [Yanagihara, 2016, p. 147]. Мужчина теряется в догадках, стараясь определить, когда же все стало таким неправильным, словно этот миг можно поймать и заморозить.

В настоящем у Джуда успешная карьера, внимательные и чуткие друзья, близкий человек, который готов поддерживать его и помогать ему, приемные родители, которых он обретает уже во взрослом возрасте, но все это не может дать ему необходимое чувство защищенности и безопасности. Недоверие к телу и его реакциям, невозможность абстрагироваться от болезненных воспоминаний делают неосуществимым обретение героем собственной целостности. Проблема свободы через взросление и личностное становление в произведении также показана в ракурсе телесности. Травмирующая ситуация обусловлена не только физическим насилием, но и трагической неспособностью героя взаимодействовать со своим и чужим телом, что разрушает его жизнь, «не дав реализоваться единственной и самой главной любви» [Хабибуллина, 2020, с. 312].

И прошлое, и настоящее строятся на телесном взаимодействии протагониста с внешним миром и аутодеструктивном поведении. Именно они становятся основными способами раскрытия травматической ситуации: через причинение себе физической боли Джуд даже спустя много лет безуспешно пытается освободиться от страданий, которые ему принесло не только физическое, но и психологическое насилие. Его *антиинициацией* является как автоагgressия, так и последующее решение об уходе из жизни. Принятие себя и своего опыта, даже страшного и негативного, согласие с собственным телом оказываются для персонажа непосильной задачей несмотря на то, что в настоящем он окружен любовью и заботой. В романе Х. Янагихары *антиинициацией* являются не те страшные события, которые случились с

персонажем в детстве (ретроспективная наррация), но невозможность преодолеть, забыть этот опыт и освободиться от него.

В рассматриваемом *романе-посттравме* Х. Янагихара использует новые способы репрезентации травмы: перцептуальный хронотоп (воспоминание), ретроспекция/субъективация времени, доминанта телесности в описании травматического опыта. Язык тела становится основным способом нарративизации и передает невозможность освобождения протагониста и, следовательно, прохождение инициации. Доминирующим мотивом является одиночество. Трехчастная структура инициации трансформируется, травмирующее событие происходит за рамками повествования, в фокусе внимания автора находится промежуточная стадия, связанная с попытками протагониста освободиться от последствий потрясения. Конечная фаза не представлена, центральный персонаж совершает самоубийство, знаменующее итог его *индивидуальной антиинициации*.

3.3.3. Террористический акт в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко»

Одним из произведений современной американской литературы, относящихся к такому виду как *роман-посттравма* является сочинение «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера. Повествование ведется от лица девятилетнего Оскара (Oscar), который потерял отца в катастрофе 11 сентября 2001 года (крушение башен-близнецов в Нью-Йорке). Роман причисляют к феномену литературы «9/11» [Morley, 2008; Gray, 2009; Shalagina, Shamina, 2023].

Помимо этой трагедии в романе затрагивается еще одно историческое событие – Вторая мировая война, которая репрезентирована эпистолярными включениями. Письма восстанавливают прошлое: разрушение англо-американской авиацией в 1945 году Дрездена, родного города дедушки и бабушки центрального персонажа. Таким образом, переживание

посттравматического синдрома показано на примере двух поколений: старшего и младшего. Именно этот опыт оказывается связующим звеном в общении Оскара с его дедушкой.

Исповедальная форма наррации передает всю глубину потери мальчика: из-за перенесенного горя он отгораживается от матери, бабушки и самого себя, ощущая полное одиночество [Авраменко, 2010, с. 36], которое сравнивает с огромным океаном или открытым космосом: “A lot of the time I'd get that feeling like I was in the middle of a huge black ocean, or in deep space, but not in the fascinating way. It's just that everything was incredibly far away from me. It was worst at night” [Foer, 2005, p. 36]. Подросток отмечает, что эти ощущения делают окружающий мир далеким, особенно невыносимыми они становятся ночью.

Сюжетную основу романа составляет поиск замка для ключа, найденного мальчиком в вещах погибшего отца. На протяжении всего произведения изображается его путь к познанию гармонии, примирению с действительностью, принятию потери. Оскар – необычный ребенок. В тексте подчеркивается его любознательность, одаренность, он обладает недетским, глубоким и мудрым взглядом на мир. Благодаря ретроспекциям читатель узнает о загадках и ребусах, которые придумывал ему отец, его увлечении наукой, любимой книге мальчика. Это – «Краткая история времени» (“A Brief History of Time”, 1988) Ст. Хокинга (St. Hawking, 1942–2018). Примером изобретательности Оскара можно считать браслет, который он делает для мамы, преобразовав последнее сообщение от отца на автоответчике в азбуку Морзе. О феноменальных способностях мальчика свидетельствуют также его гиперболизированные подсчеты: “...there are 319 post offices and 207,352 post office boxes. Each box has a lock, obviously. I also found out that there are about 70,571 hotel rooms <...> There are more than 300,000 cars in New York, which doesn't even count the 12,187 cabs and 4,425 buses” [Foer, 2005, p. 20]. Такие точные арифметические выкладки, которые не мог бы сделать девятилетний мальчик, указывают на нестандартность мышления ребенка.

Герой ведет дневник, в котором фиксирует свои переживания, метафорически называя их «гирями на сердце» (heavy boots). Ключевыми словами, описывающими его эмоциональное состояние, становятся «жутко» (incredibly) и «запредельно» (extremely), вынесенные в заглавие романа. Протагонист отмечает, что эти поиски приближают его к отцу, но отдаляют от мамы: «Every time I left our apartment to go searching for the lock, I became a little lighter, because I was getting closer to Dad. But I also became a little heavier, because I was getting farther from Mom» [Foer, 2005, p. 52]. Матери Оскара отводится особая роль в сюжетостроении и семантическом строем романа, ее называют «Девой-Хранительницей» [Пупина, 2019, с. 112]. Героиня предупреждает жителей Нью-Йорка с фамилией Блэк (Black) о приходе мальчика, и этот путь для нее самой также становится обрядом инициации и внутренней трансформации, поскольку она покидает обыденный мир и занимает активную субъектную позицию. При этом мать дает сыну возможность самому пройти испытания, поддерживает, но не мешает ему.

Оскара возмущает, что она так быстро, как ему кажется, забыла отца. Он обращает внимание на то, как нечасто мама приходит на школьную постановку пьесы У. Шекспира «Гамлет», где он исполняет роль Йорика (Yorick)¹². Образ матери оказывается амбивалентным. Однако прием ненадежной наррации делает возможным репрезентацию другой ее сущности: заботливой, ответственной, но предоставляющей сыну право самому принимать решения. Миссис Шелл (Mrs Schell) разрешает своему ребенку проявлять самостоятельность. Понимая важность таких поисков, она подавляет в себе страх за безопасность Оскара, отпуская его в странствия по мегаполису, который совсем недавно был атакован террористами. Несмотря на свои тревоги, она дает ему возможность пройти инициацию для обретения самостоятельности, а также освобождения от случившейся катастрофы.

¹² Аллюзия к трагедии У. Шекспира представляется неслучайной, поскольку Гамлет является героем, который тоже проходит инициацию, его образ становится одним из ключевых в интертекстуальном поле произведений, связанных с сюжетом посвящения.

Во время поиска ключа мальчик знакомится с людьми разного социального статуса [Денисова, 2009, с. 32]. Его путь похож на скитания Холдена Колфилда, героя романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». В обоих произведениях встречи с различными воплощениями *другого* играют ключевую роль в преодолении эгоцентризма персонажей на пути их инициации. Основой сопоставления являются тема школы, а также культурные контексты, в которые вписаны протагонисты. Для Холдена Колфилда это мир литературы, для Оскара – интернет, так как именно всемирная паутина становится для него источником знаний о мире [Карасик, 2012].

Точкой пересечения в интертекстуальном поле романов является уже упомянутая трагедия У. Шекспира: герой романа Дж. Д. Сэлинджера вспоминает одноименный фильм с английским актером Лоуренсом Ольвье (Laurence Olivier) в главной роли, который он смотрел. Оскар участвует в театральной постановке «Гамлета» в школьном театре. В его альбом вклеена фотография вышеупомянутого актера, на которой тот держит в руках череп. Так подчеркивается двойной интертекстуальный код романа Дж. С. Фоера: аллюзии на трагедию У. Шекспира и роман Дж. Д. Сэлинджера [Липнягова, 2008].

Сходным является и городское пространство Нью-Йорка, которое выступает не только как место действия, но и выразительный фон взросления, формирования протагонистов. Ключевым локусом для обоих героев становится Центральный парк. Знаменитый вопрос о том, «куда деваются утки зимой» Холден формулирует именно там. Для Оскара парк – исходная точка его квеста. Однако город подростки воспринимают по-разному. Для протагониста романа Дж. Д. Сэлинджера – это безопасное пространство, в нем он ощущает себя «своим». Оскар же не может чувствовать себя свободно в большом городе: после одиннадцатого сентября мальчик боится общественного транспорта, может передвигаться только пешком и не пользуется лифтом.

Ученые отмечают переклички анализируемого текста и с другими произведениями: «Хождение по Нью-Йорку – смыслообразующий полифункциональный прием <...> «Манхэттен» Дос Пассоса, трехдневные блуждания в родном городе Холдена Колфилда, в которых содержался тот же самый познавательный элемент – способ инициации героя» [Денисова, 2009, с. 37]. Сочинение Дж. С. Фоера представляется оригинальным, однако, тесно связанным с национальным литературным контекстом. По мнению литературоведов, «...если повествование Оскара Шелла неизменно отсылает читателя к роману «Над пропастью во ржи», то другая сюжетная линия – письма деда Оскара – связывает его с иным «программным» произведением американской литературы, романом Курта Воннегута «Бойня номер пять, или крестовый поход детей» [Зявкина, 2017, с. 83–84].

Цель, которую Оскар изначально ставит перед собой, оказывается несбыточной, результаты поиска огорчают и разочаровывают его. Но это вовсе не означает, что его инициация не пройдена. Значимым можно назвать мотив одиночества, мальчик видит разобщенность людей, необходимость бороться за свое существование, любовь, утраченные иллюзии. Опыт, полученный во время пути, становится основой его адаптации к миру взрослых.

В этом странствии Оскар пытается понять внутренний мир других людей, исследует их характеры и в то же время глубже познает самого себя. Он понимает, что не является единственным человеком, переживающим изоляцию. Его картина мира расширяется, углубляется понимание окружающей жизни. В романе совмещается несколько повествовательных дискурсов: семантика и семиотика городского текста (хронотопы Нью-Йорка), жанрообразующие черты романа инициации, где особую роль играют нарративы испытания, взросления, преодоления травмы [Пупина, 2019]. Повествование романа линейно, но в нем присутствуют внесюжетные отступления, которые воплощаются в эпистолярных включениях (письма бабушки и дедушки Оскара), с чем связано переключение точки зрения, смена фокала. Симптоматично, что Оскар ищет людей с фамилией Блэк, сам словно

погружаясь в темноту. Мальчик выбирает себе проводника. В романе этот образ представлен неоднозначно. Исследователи отмечают, что в произведении Дж. С. Фоера «на роль учителя претендует не один персонаж» [Пупина, 2019, с. 102]. Это и его дедушка Томас Шелл (Thomas Schell), и все люди по фамилии Блэк, встреченные мальчиком, особенно мистер Блэк, сопровождающий Оскара на пути егоисканий. Образ наставника имеет две ипостаси: учитель и проводник. Функцию учителя в жизни мальчика выполняет мистер Блэк, проводником же становится дедушка, который лишен возможности говорить, что подчеркивает способность мальчика понимать людей без слов. Исключительность Оскара раскрывается благодаря мотиву избранности.

Все герои романа по-своему стараются справиться с последствиями потери и эмоциональной травмы. С этим связана сложная структура композиции, трагедия становится сюжетообразующим элементом, определяющим полифоническую тональность произведения [Кашкан, 2019]. Катастрофа выступает как структурный каркас, на который накладываются истории человеческих судеб. Взрыв башен является переломным моментом для каждого из главных героев, отправной точкой на пути к перерождению. Так, дедушка Оскара сообщает в своем письме: “I never thought about things at all, everything changed, the distance that wedged itself between me and my happiness wasn't the world, it wasn't the bombs and burning buildings, it was me, my thinking, the cancer of never letting go” [Foer, 2005, p. 35]. Реферируя к своему жизненному опыту, связанному с войной, он отмечает, что грань, которая отделила его от счастья, заключалась не в падающих бомбах и горящих зданиях, а в собственном разуме, переставшем мириться с любыми мыслями.

Пространственно-временная структура романа Дж. С. Фоера представлена фрагментарно. Она включает два семантических пласта: прошлое (история дедушки и бабушки Оскара) и настоящее (история мальчика), в которое включены воспоминания и письма. В произведении присутствует традиционное для романа инициации противопоставление двух

миров: сакрального и профанного. Указанная дихотомия подчеркивается фрагментарностью хронотопа, метакомментариями нарратора. Линейно-историческое время становится периферийным за счет актуализации психологического подтекста, акцентирования субъективной рецепции времени и пространства.

Сюжетная структура поиска, квеста, которая является основой романа, не завершается ожидаемой развязкой, так как Оскару не ясна причина гибели отца: “When the apartment was empty that night, I sat on the floor and read the letter from my father. I read about the vase. I felt like I'd failed him” [Foer, 2005, p. 175]. В ночь, когда герой остается дома один, он читает письма родителя, в которых содержится информация о ключе. Мальчик понимает, что это никак не связано с гибелю папы, и ему кажется, что он подвел его. Ребенок чувствует разочарование, поскольку с точки зрения событийности, его поиски были напрасными. Однако происходят ключевые трансформации на уровне внешнего (Оскар обретает утраченную связь с мамой, узнает историю дедушки и бабушки) и внутреннего (его духовная эволюция) сюжетных пластов. В finale романа протагонист пробует изменить реальность, повернуть время вспять. Он находит снимки падающего тела и расставляет страницы в обратном порядке: “I ripped the pages out of the book. I reversed the order, so the last one was first, and the first was last. When I flipped through them, it looked like the man was floating up through the sky” [Foer, 2005, p. 26]. Мальчик вырывает первую и последнюю страницы и переставляет их местами. Теперь, пролистывая книгу, герою кажется, что человек взлетает в небеса.

Благодаря эффекту обратной съемки Оскар принимает прошлое, отчасти смиряется со своей утратой, обретает силы жить дальше. Герой начинает замечать любовь и заботу близких. Можно сделать вывод о том, что в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» затрагиваются трагические события истории и личной жизни героев. В произведении сочетаются черты такого вида романа инициации как *роман-посттравма* и исторической драмы. Характерными чертами сочинения являются

мозаичность сюжета, нарушение принципа внешней связности повествования. Автор переключается с одного типа дискурса на другой. Это фантазии и мечты Оскара, его расследование, воплощенное в форме квеста, история бабушки и дедушки мальчика. Данная повествовательная модель обуславливает изменения ведущей модальности восприятия у читателя и, следовательно, его большую вовлеченность в события нарратива, переживание внутренней эволюции вместе с протагонистом.

Сюжетообразующим элементом является квест, проходящий через все повествование. Отправной точкой такого пути инициации для главного героя становится поиск замка для ключа. Оскар встречает на своем пути разных людей, преодолевает испытания, которые помогают ему стать сильнее и принять трагедию как нечто необратимое. Присутствие образов наставника, Девы – хранительницы, противопоставление сакрального и профанного миров позволяют отнести данное произведение к роману инициации. Семантически значимым эпизодом романа является финальная сцена, когда Оскар осознает, что освободился от груза вины и горя и имеет силы жить дальше, что позволяет говорить не только о *последовательной* (опыт мамы/опыт мальчика), но и об *успешно пройденной* инициации. Подросток смог смириться с потерей, принять утрату и обращает свой взор на тех людей, которые остаются рядом. В finale произведения протагонист отпускает прошлое и взрослеет.

В новейшей литературе США присутствуют произведения, в которых виды романа инициации представлены гибридно. Например, в романе «Щегол» Д. Тартт инициация центрального персонажа показана одновременно через преодоление потери близкого человека (*роман-кризис*) и освобождение от потрясения в результате террористического акта (*роман-посттравма*). Данное сочинение можно считать вершиной творчества писательницы, ибо именно оно принесло автору Пулитцеровскую премию.

Главный герой данного произведения – тринадцатилетний Теодор Декер (Theodor Decker), в романе его имя сокращается до Тео (др.-греч. θεός – «бог»). Фамилия в англоязычном варианте имеет дополнительную коннотацию, связанную с карточной колодой (“the deck”), что показывает склонность протагониста к авантюрам и неустойчивость его характера.

Тео остался жив после взрыва в Метрополитен-музее (The Metropolitan Museum of Art) в Нью-Йорке, в котором погибла его мать. Это событие четко разделило жизнь протагониста на «до» и «после»: “Her death the dividing mark: Before and After” [Tartt, 2014, p. 5]. Выбирайся из-под обломков, подросток, не вполне осознавая, что происходит, взял с собой шедевр голландского художника К. Фабрициуса (Carel Fabritius, 1622–1654) «Щегол» (“The Goldfinch”, 1654). Использование писательницей экфрасиса представляется неслучайным [Сидорова, Полуэктова, 2019]. Щегол – значимый символ в сакральном изображении. По легенде, эта птица, пытаясь облегчить страдания Спасителя и сорвать с Него терновый венец, окропилась кровью, так образовался алый ободок на ее головке. Образ Тео можно понять через визуальный код щегла, аллегорию к Христу. Как уже было отмечено выше, его имя символично. Значение картины связано с христианской символикой образа, что является структурообразующим элементом художественного мира романа. Подобно щеглу рядом с младенцем на картинах, где есть рождественский сюжет, данное произведение искусства появляется в поворотный момент жизни героя. Эта птица одновременно символизирует его путь и знаменует преодоление испытаний, успешное прохождение инициации.

Роман написан от первого лица, некоторая часть нарратива является воспоминанием, благодаря чему у читателя есть возможность многомерно увидеть внутренний мир протагониста и его постепенное взросление через преодоление смерти близкого человека и чувство вины.¹³ Переводчица произведения на русский язык А. Завозова в одном из интервью отмечает: «У

¹³ В музей персонажи идут скоротать время перед встречей с администрацией школы, куда маму вызвали по причине того, что Тео нарушил правила пребывания в учебном заведении.

него отчетливый голос. Когда его осваиваешь, то уже знаешь потом, что и как он скажет. Единственная проблема – в книге перемежаются несколько голосов Тео, из разных его возрастов, поэтому надо было уследить, когда Тео говорит в реальном времени, а когда мы читаем о нем, подростке, но слышим на самом деле голос 27-летнего Тео, лежащего в отключке в гостиничном номере, или 23-летнего Тео, который пишет у себя в дневнике» [Завозова, 2022]. Инициация в этом романе является *индивидуальной* и *успешно пройденной*, каждому этапу жизни Тео соответствует какое-либо ее событие: в подростковом возрасте это потеря мамы, бесприютная жизнь с отцом, обретение близкого друга и последующее расставание с ним, а также смерть родителя. В более зрелые годы – любовь к Пиппе (Pippa) и осознание того факта, что они не могут быть вместе, наркотическая зависимость и избавление от нее, фальсификация антиквариата и признание в этом. И самое главное – решение вернуть картину К. Фабрициуса обратно в музей. Много лет этот шедевр одновременно помогает герою, спасает его от одиночества, поскольку ассоциируется с мамой, но и тяготит душу, так как такое хранение не только незаконно, но и опасно.

Ученые отмечают, что в романе «Щегол» присутствуют как черты романа воспитания [Фомина, 2017], так и романа инициации [Шалимова, 2019]. Действие начинается в большом городе в предрождественское время, где оказывается герой-сирота. Среди художественных особенностей романа можно выделить кинематографичную монтажность приемов в изображении окружающего мира, лиминальность хронотопа, трехчастную структуру. Автор сознательно моделирует ситуацию жанрового синтеза, в том числе используя традиционные для американского романа инициации референции к русской литературе и особенно творчеству Ф.М. Достоевского [Бутенина, 2016; Гевель, 2021; Давлетханова, Турышева, 2020; Шалимова, 2020]. Одна из ключевых глав романа носит название «Идиот» (Idiot) (аллюзия к сочинению русского классика). В диалоге между Тео и его другом с русским именем Борис (Boris) последний косвенно уподобляет первого князю Мышкину, подчеркивая

добро и светлое начало в главном герое романа Д. Тартт. Русская тема реализуется в речевой организации повествования: в тексте присутствуют слова и фразы на этом языке. Роман «Идиот» в интертекстуальном поле, на которое опирается при создании романа «Щегол» писательница, не только претекст, но и метатекст: сочинения связаны как на структурном, так и на семантическом уровнях. Отсылки к творчеству Ф.М. Достоевского в романах Д. Тартт важны с точки зрения взаимодействия их поэтики с конституирующими признаками романа инициации, поскольку американская литературная традиция репрезентации взросления и становления личности, во многом, опирается на творчество русского писателя [Турышева, 2020; Corrigan, 2018]. В широком смысле образ России оказывается связан с культурным контекстом (восприятие русской литературы как неповторимой и ценной), уникальной семиотикой пространства, архетипическим пониманием национального характера: широта души, доброта, трикстерство [Селитрина, 2020].

Опорными точками композиции являются такие события инициации как переживание смерти близкого человека, странствия, в которых мальчик переживает пограничные состояния сознания (посттравматический синдром, наркотический бред), видит противоположные стороны жизни, примеряет разные социальные роли и даже меняет имена. Одна из его кличек – Поттер (Potter) отсылает читателя к Гарри Поттеру (Harry Potter), главному герою одноименного цикла романов современной английской писательницы Дж. Роулинг (Joanne Rowling, 1965–).

После трагического события в начале романа, Тео скитается по приемным домам и чужим семьям. Он живет в Нью-Йорке, Лас-Вегасе и Амстердаме. Характеризуя хронотоп романа, необходимо отметить семантику сюжетного времени – многие ключевые события происходят в канун Рождества. Это время традиционно связывается с мотивами парами смерти и воскресения, синонимичными уходу и возвращению, исчезновению и появлению, забвению и воспоминанию: “Night seemed to fall in the middle of the

afternoon” [Tartt, 2014, p. 232]. Ощущая полное одиночество, Тео характеризует этот период как мрачный и темный, для него ночь наступает уже после полудня.

Однако рождественское время предполагает нравственное преображение человека, что находит отражение и в повествовании. Протагонист словно переживает символическую смерть и внутренне меняется. Значительная роль в этом процессе отводится воспоминаниям о маме: “Thanks to my fever I had a lot of weird and extremely vivid dreams <...> on the last and worst of this nights I dreamed about my mother: a quick mysterious dream that felt more like a visitation” [Tartt, 2014, p. 7]. Из приведенной выше цитаты следует, что, будучи больным, Тео видел странные и очень живые сны. Так, в одну из худших ночей, ему приснилась мама. Это сновидение было похоже на встречу с ней. Сюжет инициации (преодоление смерти близкого человека и чувства вины, освобождение от травмы в результате теракта), мотивы одиночества и свободы открывают перед читателем возможность более глубокого понимания характера протагониста, позволяя вникнуть в философское содержание американского романа.

Роман-посттравма является самым современным видом романа инициации, его поэтика связана с понятием травмы, которое стало активно разрабатываться в литературе начала XXI века. Предвестником данного вида произведений можно назвать сочинение Ст. Чбоски «Хорошо быть тихоней» (см. 217 – 221 диссертации).

Процесс инициации и ее результат в *романе-посттравме* представлены по-разному. В сочинении «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера она является *последовательной и успешно пройденной*, поскольку испытания проходит не только главный герой, но и его мама. В романе «Милые кости» Э. Сиболд рассказ ведется от лица героини, которой уже нет в живых (*посмертная инициация*), а также показывается инициация ее сестры (*последовательная*). В произведении «Маленькая жизнь» Х. Янагихары протагонист не может справиться с деструктивным влиянием трагических

событий своего детства и совершают поступки *антиинициации* (автоагрессия, суицид).

В данном подвиде трехчастная структура инициации трансформируется. Центральный персонаж может покидать место, с которым связан его травматический опыт, а может оставаться в том же топосе («Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера). Так, герои романов Э. Сиболд и Х. Янагихары перемещаются в новые пространства, это небесный мир в первом романе и город, как место освобождения от предыдущего опыта и обретения человеком иных сценариев жизни, во втором. В романе Дж. С. Фоера герой остается в том же месте (Нью-Йорк), но оно открывается ему с другой стороны и дает возможность обрести внутреннюю гармонию.

Во всех трех подвидах травмирующее событие вынесено за рамки повествования и случилось до начала основного действия. Это связано с тем, что, как уже было отмечено, само оно не является инициацией. Ею становится попытка освобождения от последствий этого процесса. В сочинении Э. Сиболд к указанному нарративу добавляется преодоление, поскольку помимо *посмертной инициации* главной героини в текст вводится история членов ее семьи, которые по-своему преодолевают потерю.

В сочинении Х. Янагихары попытка освобождения протагониста от травмы сопряжена с преодолением потери близкого человека. Именно смерть друга становится окончательной причиной, после которой Джуд принимает решение об уходе из жизни. В романе Дж. С. Фоера преодоление смерти близкого и освобождение от травмы также во многом показаны параллельно. Это происходит потому, что в основе нарратива лежат события такой силы, что они действуют сразу на нескольких персонажей и определяют некоторое количество сюжетных линий. Объединяющей чертой сочинений являются мотивы одиночества, свободы, предопределения, а также избранности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что роман инициации можно отнести к наиболее соответствующему настоящему времени типу произведений. Такие сочинения отвечают потребностям современного человека в непрерывном самоопределении и становятся как бы рефреном эпохи, что происходит в том числе благодаря появлению новых видов нарративов. Их поэтике свойственны такие особенности как подвижность сюжетной схемы (трехчастная структура сохраняется, но значимость и продолжительность этапов меняется); нарративные техники, позволяющие читателю глубоко проникать в сознание protagonистов (нелинейность построения рассказа, присутствие нескольких повествовательных инстанций); варьируемость системы персонажей (фигура учителя или наставника главного героя может отсутствовать, второстепенные персонажи наделяются функциями главных и проходят собственную инициацию), экспериментальные способы воплощения как формы, так и содержания. Это опора на мифическую основу («Песнь Ахилла» М. Миллер), посмертное повествование («Милые кости» Э. Сиболд), гендерные трансформации протагониста («Средний пол» Дж. Евгенидиса), попытка преодоления собственной смерти («Виноваты звезды» Дж. Грина), актуальные проблемы настоящего, такие как пандемии, военные конфликты, теракты и др. («До самого рая» Х. Янагихары, «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера) (см. Приложение 7).

Учет принципов рецептивной эстетики, которая выдвигает контекст восприятия художественного текста на первый план и делает адресата одним из главных действующих лиц процесса смыслопорождения, объясняет органичность присутствия разных видов романа инициации в современной культурной парадигме. В XXI веке данные произведения становятся особенно популярными в американской литературе. Этому способствует изменение представлений о факте и вымысле, появление критических теорий о различных

способах определения и конструирования значения субъекта, проблема кризиса идентичности, интерес к вопросам расы, класса и гендера.

Исследование трансформаций романа инициации позволило не только выявить и проанализировать его становление и эволюцию, но и представить дополнительные призмы для осмыслиения масштаба изменений в литературном поле начала XXI века, происходящих под влиянием деконструкции и разрушения привычных оппозиций.

Изложенные выше тенденции делают возможным заключение о том, что жанровые процессы в новейшей литературе проходят те же стадии развития, что были свойственны литературе XIX-XX веков, однако они имеют свою специфику. Поэтому при анализе поэтики романа инициации учитывались трансформации уже существующих жанровых структур, их вариации и модификации, в том числе с помощью стилизации, пародии, игры с различными жанрообразующими элементами. Функции и конвенции таких сочинений предполагают определенное нормирование формы, но метафизика их содержания варьируется. В начале XXI столетия роман инициации, претерпевая модификации, образует особого рода систему, внутри которой формируются отдельные виды. Одной из причин таких трансформаций является культурно-историческая, поскольку художественный текст является определенным индикатором, отражающим состояние массового сознания – потерю обществом веры в возможности рационального, а главное, позитивного познания окружающего мира. Множественность финала инициации воплощается в таких ее вариациях как *успешно пройденная, антиинициация, отложенная* (в том числе *посмертная*), *прерванная, незавершенная*. Разновидностями этого процесса являются *индивидуальная, последовательная и параллельная* (в том числе *групповая*) инициации.

Корпус текстов, индикаторы внутрижанровых разновидностей (тип события), авторские высказывания и опора на критику позволяют обосновать выделение видов романа инициации литературными фактами. Выделение того или иного подвида осуществляется на основе экзистенциального вызова,

переживаемого протагонистом: поиск собственной самобытности (*роман-идентификация*), преодоление внутреннего перелома (*роман-кризис*), освобождение от последствий травмы (*роман-посттравма*).

В романе-идентификации показаны внутренние поиски протагонистов и процесс их самоопределения через трудности, связанные с социализацией («Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса), испытанием идентичности («Средний пол» Дж. Евгенидиса) или мировоззрения («Песнь Ахилла» М. Миллер, «Бумажные города» Дж. Грина). В некоторых сочинениях обретение главным героем самого себя возможно через совмещение социальных и экзистенциальных парадигм (роман Х. Янагихары «До самого рая»). В произведении Дж. Диаса трудности социализации, а именно непохожесть центрального персонажа на окружающих его людей, как американцев, так и доминиканцев, внешние и внутренние отличия Оскара от других обрекают мальчика на гибель. Значимыми мотивами являются одиночество, равенство, предопределение и свобода.

Роман-кризис показывает инициацию человека в экстраординарных условиях: через преодоление смертельной болезни/ее принятие («Виноваты звезды» Дж. Грина, «В конце они умрут» А. Сильверы), гибели близких («Маленький друг» Д. Тартт, «В поисках Аляски» Дж. Грина) или чувства вины за какой-то грех, совершенный в прошлом («Бегущий за ветром» Х. Хоссейни). Центральные персонажи ищут способы спасения, которые в нравственно-психологических и этических романых модусах интерпретируются как пути духовного взросления и личностного становления (мотивы одиночество, равенство, предопределение и свобода), а на уровне символико-мифологического подтекста становятся воплощениями инициации.

Роман-посттравма наиболее тесно взаимодействует с проблемой травмы вообще и насилия, в частности. В качестве ключевых мотивов можно обозначить одиночество, предопределение, а также избранность. Подвиды выделяются на основе таких событий в жизни протагониста, как неестественная смерть («Милые кости» Э. Сиболд), личностное насилие

(«Маленькая жизнь» Х. Янагихары) и террористический акт («Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера, «Щегол» Д. Тартт). В последнем из упомянутых показано освобождение от травмы, полученной в результате теракта, а также преодоление смерти близкого.

Следует отметить, что в новейшей литературе, как правило, исчезает фигура лжеучителя, распространенная в сочинениях второй половины XX века. Если наставник присутствует («Песнь Ахилла» М. Миллер, «Милые кости» Э. Сиболд, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера), то он выполняет функции поддержки, содействия, сопровождения протагониста, свойственные ему изначально. Местом действия во всех видах романа инициации является городское пространство, благодаря которому многогранно раскрываются мотивы одиночества и свободы, сопряженные с взрослением подростков. Исключение представляет роман М. Миллер «Песнь Ахилла» поскольку в силу мифической основы сюжета формирование протагонистов происходит на острове Скирос, а конечное испытание (Троянская война) – у стен Трои. Проблема совершеннолетия, волновавшая американских писателей XX века, выходит на первый план, в XXI столетии именно тип героев-подростков становится доминирующим.

Трансформации происходят за счет варьирования функционально-семантического наполнения категорий идентификации, кризиса и посттравмы, которые лежат в основе выделенных видов. Изменения, которые претерпевает жанрово-видовая система романа инициации, обусловлены течением времени, ходом истории, сменой общественно-социальных парадигм (см. Приложение 8).

Тематические и структурные модификации романа инициации не существуют обособленно. Учитывая метапредметность и полидисциплинарность современной культуры, следует отметить, что этим разновидностям свойственна внутренняя подвижность, а также взаимопроницаемость границ. В романе инициации разрабатываются наиболее актуальные экзистенциальные проблемы, интерес к которым обусловлен как

философскими, так и литературно-эстетическими причинами, а также социально-нравственными вызовами современности (см. Приложение 9).

Проведенное исследование вышеобозначенных произведений с точки зрения жанровых признаков романа инициации позволяет выделить как некоторые общие, не зависящие от национальной литературной традиции, идеино-художественные конституции в области формы и поэтики, так и обозначить специфические историко-культурные характеристики каждого вида. К первым можно отнести социально-психологическую реконструкцию процесса взросления, способы преодоления кризисных ситуаций и травм, пути обретения индивидом собственной идентичности. Ко вторым – воплощение мультикультурной проблематики, отражение в художественном произведении американской картины мира и национальных мотивов, социально-психологическую реконструкцию процесса взросления, осмысление индентичности индивида в новой структуре американского общества со свойственным ему смещением классовой и социально-этнической маргинальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненное исследование находится в русле одного из наиболее актуальных направлений современного литературоведения. Оно охватывает изучение и анализ динамики романа инициации, начиная от истоков американской словесности до новейшей литературы. Этот длительный во временном отношении отрезок характеризуется разноплановостью историко-литературного процесса, отражающего как социальные, философские, так и мировоззренческие и психологические изменения в американском обществе.

Нarrатив инициации представляет собой стержневой каркас, который стал основой произведений таких ключевых литературных фигур как Б. Франклайн, Л. М. Олкотт, М. Твен, Г. Б. Адамс, Дж. Лондон, Т. Драйзер, У.К. Фолкнер, Дж. Д. Сэлинджер, Р. Д. Брэдбери, Н. Х. Ли, Дж. Ирвинг, Ст. Чбоски, Д.Л. Тартт, Э. Сиболд, Х. Хоссейни, Дж. К. Евгенидис, Дж. С. Фоэр, М. Миллер, Х. Янагихара, Дж. Диас, А. Сильвера, чьи работы во многом способствовали формированию национальной идентичности словесности США. В трудах этих авторов наиболее эксплицитно воплотились определяющие черты поэтики проанализированного в ходе диссертационного исследования типа сочинений.

Важность изучаемого явления имеет социально-исторические причины: для переселенцев новых территорий необходимы были внутренняя сила и мужество, вот почему изучаемый сюжет встречается в большинстве произведений уже ранней американской словесности и становится частью зарождающегося менталитета будущей нации. Ее представителям было чрезвычайно важно соединить духовные искания индивида с практической стороной бытия. Они считали существенным и обратный процесс – восприятие жизни и окружающей действительности в соответствии со своими духовными ориентирами. В этом смысле именно процесс инициации объединяет два значимых модуса: социальную адаптацию индивида и его нравственный поиск.

Рассматриваемый тип сочинений играет особую роль в литературе США в силу специфики развития ее культуры. Колониальный этап совпал с поздним Ренессансом и эпохой Просвещения в истории Старого Света. Тот факт, что страна только начинала свое формирование, наложило отпечаток на национальное сознание, культуру и литературный процесс. Отсутствие опыта, с одной стороны, внутренняя свобода, активность с другой, позволили американцам создать мощную державу, но одновременно с этим сохранить такие качества как максимализм, уверенность в себе, определенная наивность мировосприятия. Инициация как ситуация перехода проверяет необходимые для представителей североамериканского континента качества – возможность опираться на себя, индивидуализм, pragmatism.

Закономерно, что переход от детского ко взрослому состоянию в различных вариациях присутствует во всей национальной прозе. Уже в сочинениях ранней словесности проявились черты приключенческих нарративов (путь колонизаторов Нового Света и фронтироменов на Запад). Художественное наследие пуритан и произведения просветителей демонстрировали наставническую, дидактическую направленность, в основе которых лежала опора на собственный опыт. Важной вехой становления литературы США стала эпоха реализма. В то время как в текстах писателей-романтиков юношескому мировоззрению соответствуют общий оптимистический настрой, созидательная энергия, тяга к познанию нового и устремленность к будущему, у реалистов на первый план выходят иные художественные доминанты.

Социально-исторические перемены, произошедшие во второй половине XIX века, показали неосуществимость многих идеалов, на которых базировалось государство, когда доминантами общественной жизни были pragmatism, стандартизация личности и бытия, что, как следствие, обусловило «взросление» национального сознания и культуры в целом. Именно тогда в романе инициации начинает разрабатываться проблема совершеннолетия протагониста. Писатели XIX и XX столетий сосредоточились на поисках

причин бездуховности, а также нежелания/невозможности человека взросльеть. «Детство» нации, целью которой изначально было построить в Новом Свете свободное демократическое общество, где каждый в равной степени может проявить себя, воспринималось как нечто неосуществимое, но и новых ориентиров, указывающих на национальную идентичность обретено пока не было. Популярным стал образ подростка, поскольку сама идея внутреннего становления и духовного роста давала надежду на преображение нации в будущем. К теме взросления обращались не только авторы, творчество которых стало предметом нашего внимания в настоящей диссертации, но и иные писатели: Н. Готорн, Г. Мелвилл, Г. Джеймс, Ш. Андерсон, Э. Хемингуэй, Т. Вулф, Дж. Стайнбек, Р. Райт, К. Воннегут, Дж. Апдейк, Э. Л. Доктороу, а также многие другие создатели художественных текстов.

Интерпретация писателями США нарратива посвящения и конкретные воплощения данной структуры изложения в их сочинениях далеко не всегда однозначны. Было бы ошибочно утверждать, что его признаки одинаково широко представлены в проанализированных произведениях и в равной степени значимы для всех вышеперечисленных художников слова. Тем не менее, как показало проведенное исследование, на протяжении всего литературного процесса элементы инициации входят в повествование в виде слагаемых художественной картины мира, созданной писателями США. В художественном пространстве каждого из базовых текстов, выбранных для анализа, происходит определенная конкретизация данного понятия, а сама инициация выступает либо в виде идейного, либо сюжетно-образного единства. Следовательно, целесообразно говорить о функции, которую этот процесс выполняет в рассматриваемых произведениях. С одной стороны, нарратив инициации несет существенную семантическую нагрузку, очерчивая категориально-значимые факторы и основы культурного самосознания. С другой, лежит в основе композиции и системы образов, т.е. выполняет сюжетно-образную функцию.

Исследование источников XIX-XX столетия подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что становление романа инициации проходило определенные стадии или фазы. Так, первая из них характеризуется тяготением к жанру автобиографии как базовому и выступает в качестве идеализации процесса становления личности человека. Параллельно с ней возникает другая, где изображается переход от детского к юношескому сознанию, существующий с фиксацией социального фона, но кое-где отодвигающий его на второй план. Завершающей стадией начального этапа становления романа инициации можно полагать третью фазу, которая наиболее ярко проявилась в XX веке. Здесь сюжет инициации основывается на личностном вовлечении протагониста в происходящее, его экзистенциальных кризисах и осознаниях. Такое деление не означает лишь последовательной смены одного этапа другим во временном плане. Напротив, их вычленение позволяет рассматривать все три фазы как участников своеобразного обсуждения традиций репрезентации инициации, происходящего не только в диахроническом, но и в синхроническом срезах.

Это взаимодействие представляется возможным определить как формирование национальной модели американского романа инициации. Часть его составляющих уходит, другие, изменяясь, значительно трансформируются или перемещаются в иную плоскость, трети приобретают принципиально иные значения и коннотации. Отметим, что элементы художественности и степень их совершенства также варьируются от сочинения к сочинению. Так или иначе, идея духовного совершенствования в американском романе инициации всегда связана с возможностью социальной адаптации индивида.

Соответственно, можно говорить о многоаспектности национальной модели: нравственный идеал, который изображал в своих сочинениях Б. Франклайн, постепенно сменяется амбивалентностью оценки и в большей степени сосредотачивается на возможности обретения протагонистом своей идентичности, свободного самовыражения, социальной самореализации. Это весьма рельефно прослеживается в сочинениях, анализируемых в настоящей

диссертации. По сути, развитие романа инициации показывает программу эволюции представлений о формировании личности в американском обществе. Выступая, с одной стороны, наследником европейских традиций романа воспитания, а с другой, удаляясь от них в трактовках изучаемых нами категорий (взросление человека и его инициация), анализируемый тип сочинений в литературе США обретает собственные черты.

Опираясь на литературное наследие предыдущих эпох, современные авторы постепенно отходят от канонических традиций репрезентации взросления. Внимание акцентируется на личности, критерий прохождения процесса инициации становится глубоко индивидуальным. Роман инициации в литературе США показывает, что человек обладает возможностью совершать выбор в отношении своих поступков, а его жизненный путь во многом определяется опорой на личный опыт и доверие к себе.

К рассматриваемому типу сочинений относятся произведения, сюжет которых базируется на нарративе инициации, организующем такие уровни поэтики как: сюжетообразующий (опорными точками композиции являются ситуации кризиса), тематический (индивидуальное и социальное самоопределение индивида), характерологический (личностные характеристики протагонистов проверяются событиями инициации), лингвистический (речевой портрет персонажей, стилистические особенности его создания), пространственно-временной (хронотоп является одним из ключевых элементов поэтики романа инициации).

Роман инициации предлагает реконструкцию географических пространств. Это могут быть как урбанистические локусы (Бостон, Нью-Йорк, Чикаго, Детройт), так и провинциальные топосы американского юга (Мэйкомб, Александрия). Действие может также происходить в природных зонах: лесная чаща («Медведь» У. Фолкнера, «Вино из одуванчиков» Р. Брэдбери), море («Мартин Иден» Дж. Лондона) или река («Приключения Гекльберри Финна» М. Твена). Такое внимание американских писателей к ландшафтам позволяет выразить идею национальной идентичности, а также создать емкий фон

взросления персонажей. Взаимоотношения между нарративом инициации и представлением пространства показывают социальные и культурные преобразования, произошедшие в стране, а также являются источником для критического осмыслиения социальных и философских изменений.

Обращение писателей к теме взросления и тот факт, что повествование ведется от лица подростков имеет глубокий философский и этический смысл. На примере формирования и взросления индивида показываются универсальные общечеловеческие процессы. Многовекторность романа инициации доказывает, что судьбу человека определяет не только генетическая память и социокультурная среда, но также характер и темп эмоционального и интеллектуального внутреннего роста, саморефлексия. Этапы взросления, переломные моменты, стадии развития имеют универсальный и повторяемый характер, но способы преодоления кризисов, внутренний выбор, совершаемый при этом, зависит от отдельно взятой личности.

Разная степень интеллектуального и духовного потенциала протагонистов обуславливает многообразие вариантов инициации, а изложение событий от лица подростка позволяет прозаикам не только представить окружающую действительность с неожиданной стороны, с позиции не отягощенного взрослым опытом и предрассудками сознания, но и показать внутренний мир человека в наиболее сложный, переходный период его жизни. Благодаря такому приему мир выступает не как сложившаяся данность, а как динамичная целостность. Передоверяя повествование нарратору-подростку, автор получает возможность показать истинную сущность реальности через призму неангажированного взгляда и выразить свою позицию, избежав критики и дидактизма. Раскованность, динамичность и изменчивость подобного мировосприятия дают простор художественным экспериментам, что характерно для эпохи смены культурных парадигм на новом витке исторической спирали, когда одновременно с переосмысливанием старого идет прирастание нового.

Поиски героями нравственных ориентиров в условиях мировоззренческого перелома и современного морального релятивизма осуществляются через попытку вернуться к дихотомическому мышлению, разграничитывающему добро и зло. Инициация представляется не статичным и однозначным процессом, а подвижным и многогранным явлением, знаменующим переход от инфантилизма и безответственности к качественно новым способам восприятия индивидом самого себя и способов своего взаимодействия с социумом.

Образная репрезентация инициации на разных этапах историко-культурного развития, в том числе проблемы нормы, жанрового канона, позволяют уйти от атрибуции таких сочинений как произведения подростковой литературы, поскольку они в полной мере вписаны в практики «взрослого» нормотворчества (правила, цензуры, табуизации). В таких произведениях сочетаются экспериментальные (различные вариации подростковой прозы) и канонические (роман воспитания) дискурсы. Они рассчитаны как на юную, так и на взрослую аудитории, что позволяет разграничить их с литературой для молодого читателя. Последняя имеет ряд отличительных черт: массовый характер, ограниченный тематический спектр, сюжетный схематизм, отсутствие большого количества аллюзий, реминисценций и описаний историко-культурного фона.

Роман инициации продолжает традиции романа воспитания и автобиографии, элементы которых он вбирает в себя. Но в отличие от этих двух базовых жанров взросление в анализируемых сочинениях показано не как постепенное поступательное самосовершенствование индивида, а как переживание им переломных событий жизни. Роману инициации свойственны такие черты как лаконичность формы, актуальная современности проблематика, нелинейность способов повествования. В основе изображаемого конфликта в таких нарративах – кризис протагониста и поиск способов его преодоления.

Американский роман инициации обладает специфическими характеристиками. Он вбирает в себя национальную мифологию, включает ведущие мотивы ранней американской словесности, наиболее значимыми из которых являются мотивы свободы, одиночества, предопределения, а также избранности и диких просторов; отражает историко-культурные национальные черты: многонациональный этнический состав, регионализм, феномен американской мечты, бегство к природе и др.

Точкой отсчета формирования романа инициации можно считать «Автобиографию» Б. Франклина. Данный текст представляет собой автобиографическое повествование, имеющее назидательный пафос. Действие охватывает длительный период жизни рассказчика, от молодости до зрелости как физической, так и духовной [Данилина, 2009]. Основными моментами инициации являются профессиональное развитие главного героя и его нравственное самосовершенствование.

В сочинении Л.М. Олкотт повествование ведется от третьего лица. В нем присутствует психологическая интроспекция внутреннего мира протагонистов. В романе раскрывается женская инициация, частью которой является осознание героинями необходимости служения людям, деятельной любви к ним. В этом нарративе отражается американская картина мира, а именно идеи трансцендентализма, но ощущается влияние английского романа воспитания (система персонажей, композиция, общий морально-нравственный посыл) [Проскурнин, 2000].

В широко известном произведении М. Твена «Приключения Тома Сойера» представлена инициация мальчика-сироты. Психологизм персонажей передается через внешние события, которые разворачиваются не только в городских пространствах (Сент-Петербург), но и природных территориях (река Миссисипи, остров Джексон). Важной вехой становления американского романа инициации является другой роман М. Твена – «Приключения Гекльберри Финна», который можно считать показательным примером рассматриваемого типа сочинений, поскольку в нем присутствуют

характерные жанровые маркеры: повествование ведется от первого лица, присутствует внутренняя фокализация (речь подростка); а также наличие в системе второстепенных персонажей наставника (Джим), двойника (Том Сойер), лжеучителя (отец Гека). Необходимо также упомянуть динамический пространственный вектор (плавание по реке Миссисипи, широкая география), а также временные характеристики (сжатое время, интенсификация событий).

На поэтику романа инициации влияет смена культурных парадигм рубежа XIX-XX веков. Смысловой доминантой нарратива становится не только положительная программа развития главного персонажа, но и отрицательное его движение. Такой вариант представлен в романе Дж. Лондона «Мартин Иден». На внешнем повествовательном уровне протагонист проходит испытания, но в ходе инициации теряет самого себя и утрачивает смысл жизни, итогом этого процесса становится его самоубийство. В романе Т. Драйзера «Американская трагедия» представлена относительно полная ретроспектива жизни персонажа, которая позволяет писателю показать оборотную сторону пути героя к американской мечте, а именно – совершение главным героем, Клайдом, преступления и последующее наказание в виде казни.

Архаическая инициация репрезентирована в повести У. Фолкнера «Медведь». Ее пространством является лес, а основными событиями становятся посвящение протагониста в охотники и выслеживание им дикого зверя. Произведение можно назвать нетипичным примером репрезентации инициации в силу эксплицирования обрядовой части посвящения.

Рубежное значение в развитии романа инициации имеет сочинение Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». В нем репрезентирована уже сформированная жанровая модель, ставшая впоследствии основой *романа-идентификации*. Она включает в себя ретроспективную исповедальную наррацию (повествование от лица подростка) с присущей ей внутренней фокализацией, хронотоп большого города, лаконичность временной рамки,

эксплицированную трехчастную композиционную структуру (перемещение за пределы устоявшегося мира, пограничный период, инкорпорация).

Поэтика повести Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» характеризуется импрессионизмом и мозаичностью, центральная роль отводится внутренней жизни protagonистов: ассоциативной памяти, духовным озарениям. Возрастные и экзистенциальные кризисы героев сочинения показаны как органичная и естественная часть взросления.

В романе Х. Ли «Убить пересмешника» события взрослого мира (судебный процесс, через который выражается расовая сегрегация общества) сочетаются с личными происшествиями в жизни действующих лиц. Благодаря повествованию от первого лица передаются психологические нюансыировки внутренней эволюции персонажей.

В сочинениях, созданных в конце XX века («Хорошо быть тихоней» Ст. Чбоски, «Тайная история» Д. Тартт), воплощены особенности романа инициации, которые затем станут доминирующими в новейшей литературе США. Это внутренняя фокализация, дневниково-эпистолярная форма («Хорошо быть тихоней»), ретроспективная исповедальная наррация («Тайная история»). Ключевыми событиями инициации становятся: переживание посттравматического синдрома (произведение Ст. Чбоски можно назвать предвестником *романа-посттравмы* в современной литературе), преодоление последствий какого-либо поворотного события, активным участником которого является центральный персонаж. В романе Д. Тартт присутствуют черты *романа-кризиса* XXI века, поскольку главный герой пытается преодолеть чувство вины за совершенное убийство.

Нами был сформирован ряд вариативных признаков романа инициации (тип protagonista, сюжетные ситуации, ключевые образы и мотивы, вид испытания, тип наррации) и его инвариантных черт (саморефлексия protagonista, трехчастная структура произведения, доминанта взросления и поиска индивидом самого себя, нелинейная организация нарратива). Благодаря такому подходу удалось систематизировать данные об историко-литературных

этапах формирования изучаемого типа сочинений: создать теоретическую модель его жанроформирования, выявить относительно устойчивую структуру и ее модификации, охарактеризовать национальную специфику. Структурно-типологический подход к исследованию материала позволил прийти к заключению о том, что протагонист проходит обязательные испытания или иные моменты инициации, совершает похожие поступки, в то время как художественные детали, мотивы, психологические портреты персонажей являются непостоянными, подвижными.

Жанровые маркеры романа инициации подвергаются воздействию различных факторов. Это могут быть философские моменты (мировоззренческие сдвиги) или нравственные (переоценка ценностей), а также социальные (общественно-исторические изменения), что становится основой их дивергентности. Постоянными признаками таких произведений являются сюжетные элементы ухода и последующего возвращения protagonists, конфликта между их интенцией и силой обстоятельств, взаимосвязь цикличной (сходство начальной и конечной сюжетной ситуаций) и кумулятивной («нанизывание» событий) сюжетных схемы.

В своих работах авторы XVIII – XIX веков запечатлевали процесс формирования новой нации через обобщение индивидуального опыта личности и ее взаимодействие с социумом. Этим произведениям свойственен созидательный, оптимистический характер, устремление protagonists к достижению благородных целей. В литературной традиции XX века оптимизм и вера в себя сменяются пессимизмом относительно возможностей внутренней гармонии и нахождения индивидом своего места в мире. На смену романтизации приходит реалистическая психологизация и деидеализация.

Социокультурный анализ динамики идеально-философского контекста романа инициации в литературе США позволяет связать данный жанр с проблемой национальной идентичности. Перенос идей формирования личности и взросления на этно-расовый контекст моделирует специфически американскую идеологическую модель романа инициации.

Духовные поиски персонажей в таких произведениях содержат сразу два культурных кода: с одной стороны, архаический (мифологический), а с другой – современный (социально-политический и конкретно-бытовой). Протагонисты могут иметь промежуточное социальное положение (мотивы сиротства в романах М. Твена, Дж. Ирвинга, У. Фолкнера). Они свободно перемещаются в пространстве, а потому мотивы свободы, одиночества и диких просторов раскрывают внутреннюю эволюцию персонажей. Анализ сочинений американских писателей в контексте особенностей поэтики романа инициации в литературе США, его идеально-философских особенностей и национальной специфики позволяет говорить о произведениях такого типа как отдельной художественной целостности в жанро-видовой системе эпических форм (роман и повесть). Они ставят перед читателями философские вопросы: проблемы инаковости и равноправия, насилия и одиночества, нахождения человеком своего места в мире.

Писатели США рассматривают взросление не как линейно одностороннее действие, предполагающее окончание детства при переходе во взрослую жизнь. Для них это процесс со сложной динамикой становления личности, попытка сохранить лучшие детские черты во взрослом сознании. Иными словами, концепция взросления в американском романе инициации выходит за рамки возрастной психологии и социологии, направляясь к истокам национального сознания, и восходит к вечным темам взаимодействия природы и цивилизации, естественного и искусственного, а также эстетическим категориям вымысла и реальности.

Все выделенные и рассмотренные варианты сюжета инициации в XIX–XX столетиях продолжают развиваться в новейшей литературе. Данные сочинения реагируют на актуальные вызовы, поэтому в них отражаются как проблемы принятия другого, так и осознания индивидом своего собственного «я», а также вопросы поиска национальной, культурной и гендерной идентичностей. В фокусе внимания писателей оказываются острые темы,

шокирующие реалии современности, катастрофические события и обстоятельства.

Прием ненадежной наррации показывает психологическую неустойчивость рассказчика, его травмированность. Разная степень осведомленности реципиента и субъекта действия делает изложение избирательным, реальность подвергается дефрагментации. Я-повествование обеспечивает экспрессивность, необъективность, саморефлексию и обуславливает большое количество комментариев центрального персонажа о самом себе, а также частые обращения к читателю в намеренной попытке вызвать у него эмпатию.

Такое повествование передает неоднозначность восприятия реальности, многовекторность картины мира, амбивалентность истины, некатегоричность суждений. В рассматриваемых сочинениях подчеркиваются ценность отдельной личности, ее неповторимость, а также хрупкость и нестабильность окружающего мира. Центральные персонажи наделены психическими травмами, имеют физические недостатки, это могут быть изгои или люди с особенностями ментального развития. Именно так утверждается гендерное, культурное, этническое разнообразие и равноправие.

В романе инициации можно выделить два основных направления. Первое связано с внутренним миром главного героя, его личными переживаниями и размышлениями. Второе представляет собой реалистическое изложение событий, в фокусе которого находятся вызовы современности и социальные противоречия. В обоих случаях на идейном, мотивном, сюжетном, пространственно-временном уровнях освещаются вопросы, связанные с глобальным обществом. Речь идет о таких темах как самоубийство, потеря близких, теракты, смертельные болезни, физическое и психологическое насилие, когнитивные расстройства, дискриминация и непреодолимые психологические травмы. Новейшей литературе свойственно отсутствие табуированных тем, внимание к способам преодоления кризисных ситуаций, а также социальной адаптации индивида.

Новейшая литература США о взрослении пронизана архетипами, национальными мифами, метафорами подросткового и юношеского самосознания. Комплексное исследование поэтики романа инициации в целом, а также анализ идиостиля и индивидуальных художественных решений отдельных писателей дает возможность делать обобщенные выводы об особенностях и функционировании данного типа произведений в американских историко-литературных контекстах.

Роман инициации в литературе США лишен дидактически-воспитательной направленности, стереотипов и конвенций: образы открытых миру, ищущих, сверхчувствительных героев созвучен идеям трансценденталистов и соответствует принципам «доверия к себе» и свободного самоопределения. Взросление и обретение самостоятельности имеют особую ценность в жанре автобиографии, затем они превращаются в макрометафору для описания этнорасовых и национальных реалий и, наконец, становятся отдельным нарративом, выражающим диалектику социального и индивидуального (мультикультурная проблематика, поиск героями собственной идентичности, преодоление травмы и др.).

Для литературы XXI века ключевую роль играет образ контраверсивного, во многом запутавшегося в самом себе героя, проблема его взросления раскрывается через темы перверсии, сексуальности, смерти, ключевые для американской словесности мотивы свободы, одиночества, предопределения и равенства.

Маргинальные сюжеты, дуальность проблематики (социальное и личностное становление) фиксируют взаимопроницаемость романа инициации и подростковой литературы, которая касается не только рецептивной сферы, но и становится системообразующим фактором, влияющим на функциональную пограничность жанра в художественной системе современности.

С течением времени сюжет инициации, всегда имевший большое значение, перемещается с жанровой периферии к центру американского

литературного канона. Именно он становится художественным конструктом перехода от традиционной, заимствованной из английской литературы интерпретации ценности взросления, к его современной сакрализации/десакрализации, ремифилогизации и демифилогизации.

Социокультурный анализ динамики романа инициации в литературе США, его идейно-философского контекста, а также реконструкция американских особенностей социализации человека позволяют связать данный жанр с проблемами современности. В нем раскрываются идеи индивидуализма, свободы, разнообразия, обретения собственной идентичности индивидом в поликультурном мире. Это связано с историко-культурными и социальными контекстами начала XXI века: сменой культурной парадигмы, принципом многообразия, процессами децентрации и десубъективации, размыванием бинарности, смещением оценочных категорий, границ добра и зла, пониманием сакрального.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что роман инициации можно отнести к наиболее соответствующему времени типу произведений. Такие сочинения отвечают потребностям современного человека, который находится в непрерывном процессе самоопределения и становится как бы рефреном эпохи, что происходит в том числе благодаря появлению новых его видов. Поэтике подобных текстов свойственны такие особенности как подвижность сюжетной схемы (трехчастная структура сохраняется, но значимость и продолжительность этапов меняется), нарративные техники, позволяющие читателю глубоко проникать в сознание протагонистов (нелинейность построения рассказа, присутствие нескольких повествовательных инстанций), варьируемость системы персонажей (фигура учителя или наставника главного героя может отсутствовать). Роман инициации в новейшей литературе включает в себя экспериментальные способы воплощения как формы, так и содержания. Это опора на мифическую основу («Песнь Ахилла» М. Миллер), посмертное повествование («Милые кости» Э. Сиболд), гендерные трансформации протагониста («Средний пол»

Дж. Евгенидиса), попытка преодоления собственной смерти («Виноваты звезды» Дж. Грина), актуальные проблемы настоящего, такие как пандемии, теракты, военные конфликты и др. («До самого рая» Х. Янагихары, «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера).

Учет принципов рецептивной эстетики, которая выдвигает контекст восприятия художественного произведения на первый план и делает адресата одним из главных действующих лиц процесса смыслопорождения, объясняет органичность присутствия разных видов романа инициации в современной культурной парадигме. В XXI веке такие сочинения становятся особенно популярными в американской литературе. Этому способствует изменение представлений о факте и вымысле, появление критических теорий о различных способах определения и конструирования значения субъекта, проблема кризиса идентичности, интерес к вопросам расы, класса и гендера.

В начале XXI века роман инициации, претерпевая модификации, образует специфическую систему, внутри которой формируются отдельные виды. Одной из причин таких трансформаций является культурно-историческая, поскольку художественный текст является определенным барометром, отражающим состояние массового сознания – потерю обществом веры в возможности рационального, а главное, позитивного познания окружающего мира.

Корпус текстов, индикаторы внутрижанровых разновидностей, авторские высказывания и опора на критику позволяют обосновать выделение видов романа инициации литературными фактами. Критерием выделения той или иной разновидности становится экзистенциальный вызов, переживаемый протагонистом: поиск самого себя (*роман-идентификация*), внутренний перелом (*роман-кризис*), постдепрессивный синдром (*роман-посттравма*).

В *романе-идентификации* представлены внутренние искания протагонистов и процесс их самоопределения через трудности, связанные с социальной интеграцией (*проблемная социализация* в романе «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вай» Дж. Диаса), испытанием идентичности

(*физическое перевоплощение* в романе «Средний пол» Дж. Евгенидиса) или переоценкой ценностей (*мировоззренческие изменения* в романе «Песнь Ахилла» М. Миллер). В некоторых сочинениях обретение главным героем самого себя возможно через совмещение социальных и экзистенциальных парадигм (роман Х. Янагихары «До самого рая») или испытание его мировидения («Бумажные города» Дж. Грина). В подобных нарративах могут быть представлены различные вариации и разновидности инициации. Так, в произведении Дж. Диаса непохожесть центрального персонажа на окружающих его людей, как американцев, так и доминиканцев, внешние и внутренние отличия Оскара от других обрекают его на гибель и обуславливают *непройденную последовательную инициацию*. Пример *успешно пройденной индивидуальной инициации* можно усмотреть в романе «Средний пол» Дж. Евгенидиса, *успешно пройденная параллельная инициация* лежит в основе сочинения М. Миллер «Песнь Ахилла».

Роман-кризис показывает инициацию человека в экстраординарных условиях, таких как преодоление смертельной болезни («Виноваты звезды» Дж. Грина, «В конце они умрут» А. Сильверы), гибель близких («Маленький друг» Д. Тартт, «В поисках Аляски» Дж. Грина) или чувство вины за какой-то грех, совершенный в прошлом («Бегущий за ветром» Х. Хоссейни). Рассмотренные *романы-кризисы* показывают *успешно пройденную параллельную инициацию* («Маленький друг» Д. Тартт, «В поисках Аляски» Дж. Грина, «Песнь Ахилла» М. Миллер), в них может быть также представлена *отложенная индивидуальная инициация* («Бегущий за ветром» Х. Хоссейни).

Роман-посттравма наиболее тесно взаимодействует с проблемой физического и духовного потрясения личности, насилия и смерти. В данных произведениях травма может раскрываться через такие острые и сенсационные темы как гибель самого протагониста (*посмертная последовательная инициация* в романе «Милые кости» Э. Сиболд), физическое и психологическое насилие (*индивидуальная антиинициация* в «Маленькой жизни» Х. Янагихары)

и террористический акт (*успешно пройденная последовательная инициация в «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера*).

Инициация protagonists может проходить с наставниками («Песнь Ахилла» М. Миллер, «Милые кости» Э. Сиболд, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера) или без них («Бегущий за ветром» Х. Хоссейни, «Маленький друг» Д. Таррт, «Средний пол» Дж. Евгенидиса и др.). Примечательно, что в новейшей литературе, как правило, исчезает фигура лжеучителя, распространенная в сочинениях второй половины XX века. Если наставник присутствует, то он выполняет функции поддержки, содействия, сопровождения, свойственные ему изначально. Проблема совершеннолетия, волновавшая американских писателей XX века, выходит на первый план. В XXI столетии именно тип героев-подростков становится доминирующим. Взрослый герой показан в романе «Бегущий за ветром» Х. Хоссейни, однако в силу ретроспективной наррации именно юность протагониста оказывается в фокусе внимания автора.

Местом действия во всех видах романа инициации является городская среда. Исключение представляет «Песнь Ахилла» М. Миллер, поскольку в силу мифической основы географическое пространство здесь детерминировано: это топос острова и город Троя. Благодаря мотивам одиночества, свободы, равенства избранности и предопределения многогранно раскрывается личностный рост protagonists.

Трансформации происходят за счет варьирования функционально-семантического наполнения категорий идентификации, кризиса и посттравмы, которые лежат в основе выделенных видов. Итогом этого процесса можно назвать образование нарративов, каждый из которых имеет специфический код и набор компонентов, образующих при этом общую инвариантную целостность. Изменения, которые претерпевает жанрово-видовая система романа инициации, обусловлены течением времени, ходом истории, сменой общественно-социальных парадигм. Тематические и структурные модификации в таких сочинениях не существуют обособленно. Учитывая

метапредметность и полидисциплинарность современной культуры, следует отметить, что этим разновидностям свойственна внутренняя подвижность, а также взаимопроницаемость границ.

В романе инициации разрабатываются наиболее актуальные экзистенциальные проблемы, интерес к которым обусловлен историко-литературными, а также социально-нравственными вызовами современности. Творчество прозаиков, произведения которых были проанализированы в настоящем диссертационном исследовании, получило не только общеамериканскую, но и мировую известность. С одной стороны, оно демонстрирует магистральные пути развития прозы США, а с другой – вписывает ее в мировой литературный процесс.

Исследование данных произведений с точки зрения жанровых признаков позволяет выделить как некоторые общие черты, не зависящие от национальной литературной традиции, идеально-художественные конституции в области формы и поэтики, так и обозначить специфические историко-культурные характеристики каждого вида. К первым можно отнести социально-психологическую реконструкцию процесса взросления, способы преодоления кризисных ситуаций и травм, пути обретения индивидом собственной идентичности. Ко вторым следует причислить воплощение мультикультурной проблематики, отражение в художественном произведении картины мира и национальных мотивов, социально-психологическую реконструкцию процесса взросления, осмысление индентичности индивида в новой структуре американского общества со свойственным ему смещением классовой и социально-этнической маргинальности.

Подводя итог проведенному анализу, считаем возможным говорить о том, что через семантические и сюжетно-образные составляющие сюжета инициации, писатели США в ходе анализа своих идей внесли большой вклад в создание и развитие американской культуры и литературы через дополняющие друг друга парадигмы становления и самосовершенствования личности. Опираясь на традиции европейского романа воспитания и жанр

автобиографии, развивая и трансформируя базисные для взросления и обретения собственной идентичности индивида сознания категории, американские прозаики создали собственную национальную модель романа инициации.

Обобщая наблюдения над его поэтикой, повторимся, что не только ее компоненты (пространственно-временная структура, система персонажей, речевая организация), но и те функции, которые они выполняют в общей структуре художественного произведения и жанроформировании исследуемого типа сочинений, до сих пор не подвергались системному научному изучению.

Комплексное рассмотрение романа инициации и выделение его видов помогли решить ряд задач, которые, по нашему мнению, являются важными для истории американской литературы и литературоведения. Выявленная эволюция романа инициации позволяет представить то, как именно в течение трех столетий в культуре США понималось внутреннее становление человека, обретение им независимости и целостности. Представленная классификация романа инициации обобщает современный литературный процесс, для которого характерен внутренний динамизм. Данная типология не является замкнутой системой, ограниченной выделенными видами и подвидами, и может быть расширена за счет включения новых текстов и их систематизации. Перспективы исследования видятся в расширении материала, что позволит как усилить историко-литературную составляющую будущих изысканий, так и углубить их теоретическую значимость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. **Adams, H.** The Education of Henry Adams / H. Adams – Radford : Wilder Publication, 2022. – 323 p. – ISBN 978-1515434191. – Текст : непосредственный.
2. **Alcott, L. M.** Little Women. / L. M. Alcott. – New York : Random House, 2017. – 416 p. – ISBN 978-1-78487-286-1. – Текст : непосредственный.
3. **Bradbury, R.** Dandelion Wine / R. Bradbury. – Charlotte : Baker&Taylor, 2012. – 239 p. – ISBN 9781439568224. – Текст : непосредственный.
4. **Chbosky, S.** The Perks of Being a Wallflower / S. Chbosky. – London : Simon & Schuster, 2019. – 237 p. – ISBN 978-1847394071. – Текст : непосредственный.
5. **Díaz, J.** The Brief Wondrous Life of Oscar Wao / J. Díaz. – New York : Riverhead Books, 2008. – 339 p. – ISBN 978-1594483295. – Текст : непосредственный.
6. **Dreiser, T.** An American Tragedy / T. Dreiser - New York : Vintage, 2017. – 880 p. – ISBN 978-0593313329. – Текст : непосредственный.
7. **Eugenides, J.** Middlesex / J. Eugenides. – New York : Farrar Straus & Giroux, 2007. – 544 p. – ISBN 978-0374199692. – Текст : непосредственный.
8. **Eugenides, J.** The Virgin Suicides / J. Eugenides. – London : Picador Modern Classics, 2002. – 384 p. – ISBN 978-1250074812. – Текст : непосредственный.
9. **Faulkner, W.** A Fable / W. Faulkner. – Abingdon : Routledge, 1987. – 1176 p. – ISBN 978-0824068288. – Текст : непосредственный.

10. **Faulkner, W.** Essays, Speeches, and Public Letters / W. Faulkner, J. B. Meriwether. – New York : Random House Publishing Group, 2004. – 352 p. – ISBN 978-0812971378. – Текст : непосредственный.
11. **Faulkner, W.** The Bear / W. Faulkner. – Boston : Applewood Books, 2016. – 48 p. – ISBN 978-1429096225. – Текст : непосредственный.
12. **Foer, J. S.** Extremely Loud and Incredibly Close / J. S. Foer. – Boston : Mariner Books Classics, 2005. – 368 p. – ISBN 978-0618711659. – Текст : непосредственный.
13. **Forman, G.** If I Stay / G. Forman – New York : Dutton Books for Young Readers, 2009. – 208 p. – ISBN 978-0525421030. – Текст : непосредственный.
14. **Franklin, B.** The Papers of Benjamin Franklin / B. Franklin. – New Haven : Yale University Press, 1996. – 744 p. – ISBN 978-0300066173. – Текст : непосредственный.
15. **Franklin, B.** A Historical Review of the Constitution and Government of Pennsylvania / B. Franklin. – Winsconsin : Arno Press, 1972. – 444 p. – ISBN 9780405032868. – Текст : непосредственный.
16. **Franklin, B.** The American Age of Reason / B. Franklin, T. Jefferson, T. Pain. – Moscow : Progress, 1977. – 351 p. – Текст : непосредственный.
17. **Green, J.** Looking for Alaska / J. Green. – New York : HarperCollins, 2006. – 272 p. – ISBN 9780007209255. – Текст : непосредственный.
18. **Green, J.** Paper Towns / J. Green. – Los Angeles : Dutton Books, 2009. – 305 p. – ISBN 978-0525478188. – Текст : непосредственный.
19. **Green, J.** The Fault in Our Stars / J. Green. – Los Angeles : Dutton Books, 2014. – 318 p. – ISBN 978-0525478812. – Текст : непосредственный.
20. **Hosseini, Kh.** The Kite Runner / Kh. Hosseini. – London : Bloomsbury, 2018. – 368 p. – ISBN 9781526604743. – Текст : непосредственный.
21. **Irving, J.** The Cider House Rules / J. Irving. – New York : Random House Publishing Group, 1993. – 640 p. – ISBN 9780345417947. – Текст : непосредственный.

22. **Lee, H.** To Kill a Mockingbird / H. Lee – New York : Grand Central Publishing, 2012. – 384 p. – ISBN 978-0446310789. – Текст : непосредственный.
23. **London, J.** Martin Eden / J. London. – London : Penguin Publishing Group, 2017. – 480 c. – ISBN 9780140187724. – Текст : непосредственный.
24. **Miller, M.** The Song of Achilles / M. Miller. – New York : Ecco Press, 2011. – 416 p. – ISBN 978-0062060624. – Текст : непосредственный.
25. **Salinger, J. D.** The Catcher in the Rye / J. D. Salinger. – London : Penguin Classics, 2006. – 240 p. – ISBN 9780241950432. – Текст : непосредственный.
26. **Sebold, A.** The Lovely Bones / A. Sebold. – New York : Back Bay Books. 2002. – 368 p. – ISBN 978-0316168816. – Текст : непосредственный.
27. **Silvera, A.** The First to Die at the End / A. Silvera. – New York : Quill Tree Books, 2022. – 560 p. – ISBN 978-0063240803. – Текст : непосредственный.
28. **Tartt, D.** The Goldfinch / D. Tartt. – New York : Hachette. 2014 – 864 p. – ISBN 978-0349139630. – Текст : непосредственный.
29. **Tartt, D.** The Little Friend / D. Tartt. – New York : Vintage, 2002. – 640 p. – ISBN 978-1400031696. – Текст : непосредственный.
30. **Tartt, D.** The Secret History. / D. Tartt. – New York : Alfred A Knopf. 1992. – 576 p. – ISBN 978-1400031702. – Текст : непосредственный.
31. **Twain, M.** The Adventures of Huckleberry Finn / M. Twain. – New York : Dover Publications, 2023. – 224 p. – ISBN 978-0486280615. – Текст : непосредственный.
32. **Woolf, V.** Orlando / V. Woolf. – Boston : Mariner Books, 1964. – 352 p. – ISBN 978-0156701600. – Текст : непосредственный.
33. **Yanagihara, H.** A Little Life / H. Yanagihara. – Palatine : Anchor, 2016. – 832 p. – ISBN 978-0804172707. – Текст : непосредственный.
34. **Yanagihara, H.** To Paradise / H. Yanagihara. – New York : Vintage, 2023. – 784 p. – ISBN 978-0593315651. – Текст : непосредственный.

Справочная литература

35. **Большой толковый словарь русского языка** / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : АСТ, 2000. – 1280 с. – ISBN 978-5-17-023907-8. – Текст : непосредственный.
36. **Введение в литературоведение** / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. – 5-е изд., стер. – Москва: Академия, 2012. – 720 с. – ISBN 5-06-004233-2. – Текст : непосредственный.
37. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка [В 2 т.]. Т. 2 / В. И. Даль. – Москва : АСТ, 2002. – 928 с. – ISBN 5-17-013090 2. – Текст : непосредственный.
38. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, 2001. – 1597 с. – ISBN 5-93264-026-X. – Текст : непосредственный.
39. **Немов, Р. С.** Психологический словарь / Р. С. Немов. – Москва : Владос, 2007. – 560 с. – ISBN 978-5-691-01515-1. – Текст : непосредственный.
40. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : А Темп, 2013. – 874 с. – ISBN 978-5-905542-04-6 – Текст : непосредственный.
41. **Тамарченко, Н. Д.** Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тамарченко. – Москва : Издательство Кулагиной, 2008. – 358 с. – ISBN 978-5-903955-01-5. – Текст : непосредственный.
42. **Тамарченко, Н. Д.** Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: [В 2 т.]. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Брайтман. – Москва : Академия, 2004. – 512 с. – ISBN 5-7695-1413-2. – Текст : непосредственный.
43. **Теоретическая поэтика: понятия и определения : хрестоматия** / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Авт.-сост. Н.Д. Тамарченко. – Москва : РГГУ, 2001. – 446 с. – ISBN 5-7281-0320-0. – Текст : непосредственный.

44. **Хализев, В. Е.** Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 1999. – 400 с. – ISBN 5-06-005217-6. – Текст : непосредственный.

45. **Baldick, Ch.** The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms / Ch. Baldick. – New York : Oxford University Press, 2001. – 280 p. – ISBN 978-0192801180. – Текст : непосредственный.

46. **Childs, P.** The Routledge Dictionary of Literary Terms / P. Childs, R. Fowler. – Oxon, New York : Routledge, 2006. – 260 p. – ISBN 9780415361170. – Текст : непосредственный.

Научно-критическая литература

47. **Авраменко, И. А.** Проблемы коммуникации в романе Дж. С. Фоера "Жутко громко и запредельно близко" / И. А. Авраменко. – Текст : непосредственный // Мировая литература в контексте культуры. – 2010. – № 5. – С. 35–38.

48. **Адельгейм, И. Е.** «Всякое детство есть некая подвижная правда...»: проза инициации в молодой польской литературе конца XX-начала XXI века/ И. Е. Адельгейм. – Москва: МАКС Пресс, 2004. – С. 441–453. – Текст : непосредственный.

49. **Адлерберг, Д. В.** Поэтика визуального и изобразительного в романе Ханьи Янагихары "Маленькая жизнь" / Д. В. Адлерберг. – Текст : непосредственный // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 223–244.

50. **Анастасьев, Н. А.** Владелец Йокнапатофы / Н. А. Анастасьев. – Москва : Книга, 1991. – 416 с. – ISBN 5-212-00503-3-5. – Текст : непосредственный.

51. **Анастасьев, Н. А.** Фолкнер. Очерк творчества / Н. А. Анастасьев. – Москва : Художественная литература, 1976. – 224 с. – Текст : непосредственный.

52. **Аникин, Г. В.** История английской литературы / Г. В. Аникин, Н. П. Михальская. – Москва : Высшая школа, 1975. – 528 с. – Текст : непосредственный.

53. **Аникст, А. А.** Творческий путь Гете / А. А. Аникст. – Москва : Художественная литература, 1986. – 542 с. – ISBN 978-5-9710-5673-7. – Текст : непосредственный.

54. **Анцыферова, О. Ю.** «Южный миф» и роман Донны Тартт «Маленький друг» / О. Ю. Анцыферова. – Текст : непосредственный // Филология и Культура. – 2015. – № 2 (40). – С. 165–170.

55. **Анцыферова, О. Ю.** Античный код в университете романе Донны Тартт «Тайная история» / О. Ю. Анцыферова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2 (2). – С. 22–27.

56. **Анцыферова, О. Ю.** Постмодернистская полемика об античности: Донна Тартт vs Аллан Блум / О. Ю. Анцыферова. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 2015. – № 6. – С. 263–275.

57. **Аристотель.** Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1391 с. – ISBN 985-437-401-7. – Текст : непосредственный.

58. **Артемьева, Т. В.** Проективный философский словарь. / Т. В. Артемьева, И. П. Смирнов, Э. А. Тропп и др. – Санкт-Петербург : Научный Центр РАН, 2002. – 512 с. – ISBN 5-89329-634-6. – Текст : непосредственный.

59. **Аствацатуров, А. А.** И не только Сэлинджер: десять опытов прочтения английской и американской литературы. / А. А. Аствацатуров. – Москва : АСТ, 2016. – 320 с. – ISBN 978-5-17-087076-9. – Текст : непосредственный.

60. **Афанасьева, О. В.** Развитие и трансформация мотива "предопределение" в американской литературе XVII-XIX веков / О. В. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия:

Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 2(10). – С. 8–15.
– EDN PXINUF.

61. **Афанасьева, О. В.** Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. – Москва : Диона, 2019. – 112 с. – Текст : непосредственный.

62. **Афанасьева, О. В.** Ведущие мотивы XVIII столетия в американской литературе / О. В. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики : Сборник научных трудов по литературоведению, лингвистике, лингводидактике, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ Ксении Михайловны Барановой. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2023. – С. 7–15.

63. **Балдицын, П. В.** Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы / П. В. Балдицын. – Москва : ВК, 2004. – 300 с. – ISBN 5-98405-005-6. – Текст : непосредственный.

64. **Баранов, А. С.** Образ террориста в русской культуре конца XIX–начала XX века / А. С. Баранов. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 181–191.

65. **Баранова, К. М.** Бенжамин Франклайн. Доктрина духовного и нравственного самосовершенствования : учеб. пособие / К. М. Баранова. – Москва : Диона, 2019. – 95 с. – ISBN 978-5-604411-2-4. – Текст : непосредственный.

66. **Баранова, К. М.** Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу / К. М. Баранова. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2011. – № 1(7). – С. 8–13.

67. **Баранова, К. М.** Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира / К. М. Баранова, О. Г. Чупрына. – Текст

: непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2015. – № 6. – С. 8–16.

68. **Баранова, К. М.** Истоки основных лейтмотивов американской литературы в произведениях колониального периода (XVIII век) : монография / К. М. Баранова. – Москва : МГОУ, 2009. – 258 с. – ISBN 978-5-7017-1505-7. – Текст : непосредственный.

69. **Баранова, К. М.** Мотивы свободы и равенство в публицистике Б. Франклина / К. М. Баранова, О. В. Афанасьева. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 2(38). – С. 8–18.

70. **Баранова, К. М.** Основные идеиные и сюжетно-образные мотивы в литературе Новой Англии XVII-XVIII веков. Становление традиций в литературе США : специальность 10.01.03 "Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки)": дис. ... д-ра филол. наук / Баранова Ксения Михайловна. – Москва, 2011. – 490 с. – Текст : непосредственный.

71. **Баранова, К. М.** XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина) : монография / К. М. Баранова. – Москва : МГОУ, 2010. – 250 с. – ISBN 978-5-7017-1626-9. – Текст : непосредственный.

72. **Бахтин, М. М.** Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с. – ISBN 999-00-1591178-0. – Текст : непосредственный.

73. **Бахтин, М. М.** Человек в мире слова / М. М. Бахтин. – Москва : Изд-во Российского открытого университета, 1995. – 144 с. – ISBN 5-204-00011. – Текст : непосредственный.

74. **Бахтин, М. М.** Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2003. – 304 с. – ISBN 5-267-00273-9. – Текст : непосредственный.

75. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Медиа, 2012. – 445 с. – ISBN 978-5-458-23202-9. – Текст : непосредственный.
76. **Белов, С. Б.** Парадоксы Дж. Сэлинджера / С. Б. Белов. – Текст : непосредственный // Литературное обозрение. – 1985. – № 2. – С. 61–64.
77. **Белова, А. О.** Творчество Луизы Мэй Олкотт в контексте детской литературы Англии и США второй половины XIX – начала XX вв.: специальность 10.01.03 "Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки)": дис. ... канд. филол. наук: / Белова Анастасия Олеговна. – Москва, 2013. – 243 с. – Текст : непосредственный.
78. **Богословский, В. Н.** Джек Лондон / В. Н. Богословский. – Москва : Просвещение, 1975. – 239 с. – Текст : непосредственный.
79. **Борисеева, Н. А.** Роман инициации: проблема жанровой атрибуции / Н. А. Борисеева. – Текст : непосредственный // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2014. – № 1. – С. 20–23.
80. **Борисенко, А. О** Сэлинджере, «с любовью и всякой мерзостью» / А. Борисенко. – Текст : непосредственный // Иностранный литература. – 2001. – № 10. – С. 260–271.
81. **Брокмейер, И.** Нarrатив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / И. Брокмейер. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 38.
82. **Бутенина, Е. М.** Исповедальность Достоевского и современный американский роман о подростке / Е. М. Бутенина. – Текст : непосредственный // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2016. – № 2 (34). – С. 94–100.
83. **Быков, В. М.** По следам Джека Лондона / В. М. Быков. – Москва : Детская литература, 1983. – 174 с. – Текст : непосредственный.
84. **Ван Геннеп, А.** Обряды перехода / А. ван Геннеп. – Москва : Восточная литература, 1999. – 198 с. – ISBN 5-02-018038-6. – Текст : непосредственный.

85. **Венедиктова, Т. Д.** «Американская мечта»: литературный вариант / Т. Д. Венедиктова. – Текст : непосредственный // Проблемы американстики. – 1993. – Вып. 9. – С. 242–289.
86. **Венедиктова, Т. Д.** Актуальная метафорика чтения (попытка описания) / Т. Д. Венедиктова. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 5. – С. 468–478.
87. **Веселовский, А. Н.** Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Высшая школа, 1989. – 408 с. – Текст : непосредственный.
88. **Веселовский, А. Н.** Эстетика и поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Художественная литература, 1976. – 160 с. – Текст : непосредственный.
89. **Викулова, Л. Г.** Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая презентация оппозиции «свои» - «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») / Л. Г. Викулова, О. А. Кулагина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2013. – № 2 (12). – С. 33–42.
90. **Викулова, Л. Г.** Паратекст французской литературной сказки (прагмалингвистический аспект) : специальность 10.02.05 «Романские языки»: дис. ... д-ра филол. наук. / Викулова Лариса Георгиевна. – Текст : непосредственный – Иркутск, 2001. – 363 с. – Текст : непосредственный.
91. **Викулова, Л. Г.** Формирование коммуникативного пространства для детей и подростков: иллюстрированный журнал (на материале французской прессы) / Л. Г. Викулова, А. В. Кулешова, А. А. Вяткина. – Текст : непосредственный // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллектив. моногр. / Под ред. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2014. – С. 231–249. – ISBN 978-5-00089-004-2.

92. **Вишнякова, Е. П.** Языковая репрезентация феномена инициации в новелле Г. Уэллса "Страна Слепых" / Е. П. Вишнякова, Т. П. Карпухина. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 484–487.

93. **Владавская, И. А.** Поэтика английского романа воспитания начала XX века. Типология жанра. / И. А. Владавская. – Киев, «Вища школа», 1983. – 183 с. – Текст : непосредственный.

94. **Волжанская, И. Г.** Роль и идейное значение детских образов в «Рождественских повестях» Ч. Диккенса / И. Г. Волжанская. – Текст : непосредственный // Христианство и культура. – Самара, 2000. – С. 231 – 237.

95. **Волкова, А. А.** Концепт "детство" в повести Рэя Брэдбери "Вино из одуванчиков" / А. А. Волкова. – Текст : непосредственный // Фундаментальные и прикладные научные исследования: сб. статей Международной научно-практической конференции, Саранск, 03 апреля 2016 года. Том 2. – 2016. – С. 77–79.

96. **Выготский, Л. С.** Педология подростка / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – 224 с. – ISBN 978-5-4461-1469-6. – Текст : непосредственный.

97. **Гайжунас, С. В.** Роман воспитания: динамика жанровой структуры / С. В. Гайжунас. – Вильнюс : ЛитССР, 1984. – 52 с. – Текст : непосредственный.

98. **Гайсмар, М.** Американские современники. Сборник / М. Гайсмар. – Москва : Прогресс, 1976. – 310 с. – Текст : непосредственный.

99. **Галинская, И. Л.** Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера / И. Л. Галинская. – Москва : Наука, 1975. – 110 с. – Текст : непосредственный.

100. **Гаранина, А. Е.** Жанровая специфика романа «Тайная история» Донны Тартт / А .Е. Гаранина. – Текст : непосредственный // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами

молодых ученых. Традиции и новаторство: сб. статей. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2017. – С. 40–44.

101. Гевель, О. Е. «Щегол» на восточноевропейском перекрестке: «русские» подтексты романа Донны Тартт / О. Е. Гевель. – Текст : непосредственный // Имагология и компаративистика. – 2021. – № 15. – С. 264–280.

102. Гиленсон, Б. А. История литературы США в 2 ч. Часть 2 : учебник для вузов. / Б. А. Гиленсон. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2003. – 404 с. – ISBN 978-5-534-06382-0. – Текст : непосредственный.

103. Гиленсон, Б. А. История литературы США: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. / Б. А. Гиленсон. – Москва : Академия, 2003. – 704 с. – ISBN 5-7695-0956-2. – Текст : непосредственный.

104. Гинзбург, Л. Я. О литературном герое. / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель, 1979. – 223 с. – Текст : непосредственный.

105. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе. / Л. Я. Гинзбург. – Ленинград : Советский писатель, 1971. – 464 с. – Текст : непосредственный.

106. Гольтер, И. М. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» как авторский миф / И. М. Гольтер. – Текст : непосредственный // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. Часть II. – Новосибирск : СибАК, 2013. – С. 103–112.

107. Горбунов, А. Н. Романы Френсиса Скотта Фицджеральда / А. Н. Горбунов. – Москва : Наука, 1974. – 152 с. – ISBN 999-00-1389248-0. – Текст : непосредственный.

108. Грибанов, Б. Т. Фолкнер / Б. Т. Грибанов. – Москва : Терра, 2001. – 421 с. – ISBN 5-275-00064-2. – Текст : непосредственный.

109. Григорян, С. Э. Особенности художественной реализации подтекста в романе Донны Тартт «Тайная история» / С. Э. Григорян, М. П. Блинова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: материалы

I Международной научно-практической конференции молодых ученых. – Краснодар : Юг, 2016. – С. 198–200.

110. **Давлетханова, Е. С.** Код Достоевского в романе Д. Таррт «Щегол» / Е. С. Давлетханова, О. Н. Турышева. – Текст : непосредственный // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. Вып. 3. Екатеринбург, 2020. – С. 123–125.

111. **Дандес, А.** Фольклор : семиотика и/или психоанализ / А. Дандес. – Москва : Восточная литература, 2003. – 279 с. – ISBN 5-02-018379-2. – Текст : непосредственный.

112. **Данилина, Т. М.** "Автобиография" Б. Франклина в свете проблемы национальной специфики американского "романа воспитания" / Т. М. Данилина. – Текст : непосредственный // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. – Том 2. – Курск: Курский государственный университет, 2009. – С. 28–37.

113. **Данилина, Т. М.** Вариации на тему жанра "роман воспитания" в литературе США / Т. М. Данилина. – Текст : непосредственный // Американистика : Актуальные подходы и современные исследования. Том выпуск 3. – Курск : Курский государственный университет, 2011. – С. 259–269.

114. **Даренский, В. Ю.** Интертекст инициации в структуре литературного произведения / В. Ю. Даренский. – Текст : непосредственный // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всерос. науч. конф. / сост.: Г. Г. Исаев, А. А. Боровская, Т. Ю. Громова, И. Ю. Целовальников; под ред. Е. Е. Завьяловой. – Астрахань: Астраханский университет, 2018. – С. 17–25.

115. **Даренский, В. Ю.** Сюжет духовной "инициации" героев в романе "Евгений Онегин" / В. Ю. Даренский. – Текст : непосредственный // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 214–235.

116. **Денисова, Т. Н.** Все світні трагедії від Джонатана Сафрана Фоера / Т. Н. Денисова. – Текст : непосредственный // Слово і час. – 2009. – №. 1. – С. 32.

117. **Джумайло, О. А.** Английский исповедально-философский роман

1980–2000 гг. : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки)»: дис. ... д-ра филол. наук / Джумайло Ольга Анатольевна. – Москва, 2014. – 395 с. – Текст : непосредственный.

118. **Джумайло, О. А.** Понятие интермедиальности и его эволюция в современном научном знании / О. А. Джумайло. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4. – С. 58–62.

119. **Диалектова, А. В.** Воспитательный роман в немецкой литературе Просвещения / А. В. Диалектова. – Саранск: Изд-во СГПИ, 1972. – 38 с. – Текст : непосредственный.

120. **Дильтей, В.** Собрание сочинений [в 6 т]. Т.4: Герменевтика и теория литературы. / В. Дильтей. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 538 с. – ISBN 5-7333-0240-2. – Текст : непосредственный.

121. **Драйзер, Э.** Моя жизнь с Драйзером / Э. Драйзер. – Москва : Иностранный язык, 1953. – 166 с. – Текст : непосредственный.

122. **Дубнякова, О. А.** Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника / О. А. Дубнякова, Т. А. Кашина. – Текст : непосредственный // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2017. – № 1(25). – С. 42–49.

123. **Дубровская, Е. А.** Перцепция катастрофы в Малой Азии в романе Дж. Евгенидиса «Средний пол» / Е. А. Дубровская. – Текст : непосредственный // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 11. – С. 180–184.

124. **Ермоленко, О. В.** «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий / О. В. Ермоленко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. № 3. – С. 90 – 94.

125. Женетт, Ж. Фигуры. / Ж. Женетт. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 944 с. – ISBN 5-8242-0064-5. – Текст : непосредственный.
126. Загарина, Е. М. Основные этапы формирования главного героя в романе Дж. Ирвинга "Правила Дома сидра" / Е. М. Загарина. – Текст : непосредственный // Вестник Мордовского университета. – 2008. – Т. 18, № 3. – С. 309–312.
127. Загарина, Е. М. Традиции романа воспитания в прозе Дж. Ирвинга конца 1960-х–1980-х гг. : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки)» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Загарина Елена Михайловна. – Казань. 2011. – 43 с. – Текст : непосредственный.
128. Загарина, Е. М. Традиции романа воспитания в произведениях Дж. Ирвинга 1970-х–1980-х годов / Е. М. Загарина. – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 3. – С. 290–294.
129. Засурский, Я. Н. «Американская трагедия» Теодора Драйзера: вступительная статья / Я. Н. Засурский. – Текст : непосредственный // Драйзер, Т. Американская трагедия. – Москва : Художественная литература, 1980. – 888 с.
130. Засурский, Я. Н. Американская литература XX века / Я. Н. Засурский. – Москва : Издательство Московского университета, 1984. – 501 с. – Текст : непосредственный.
131. Засурский, Я. Н. Проблемы становления американской литературы / Я. Н. Засурский. – Москва : Наука, 1981. – 384 с. – Текст : непосредственный.
132. Затонский, Д. В. Художественные ориентиры XX века / Д. В. Затонский. – Москва : Советский писатель, 1988. – 416 с. – ISBN 5-265-01020-3. – Текст : непосредственный.

133. **Зверев А. М.** Американский роман 20-30-х годов / А. М. Зверев. – Москва : Художественная литература, 1982. – 256 с. – Текст : непосредственный.

134. **Зверев, А. М.** "Американская трагедия" и "американская мечта" (К проблеме национального идеально-художественного своеобразия литературы США) / А. М. Зверев. – Текст : непосредственный // Литература США XX века. Опыт типологического исследования. – Москва : Наука, 1978. – С.134–208.

135. **Зверев, А. М.** Марк Твен / А. М. Зверев. – Текст : непосредственный // История всемирной литературы [В 8 т.] Т. 7. – Москва : Наука, 1991. – С. 559–568.

136. **Зверев, А. М.** Творческий путь Д. Лондона // А. М. Зверев. – Москва : Высшая школа, 1993. – 432 с. – Текст : непосредственный.

137. **Зверев, А. М.** ХХ век как литературная эпоха / А. М. Зверев. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 1992 – № 2. – С. 3–56.

138. **Зелезинская, Н. С.** Где бумажное становится реальным. Аксиология негативности проблемного подростково-молодежного романа. / Н. С. Зелезинская. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 2022. – №4 – С. 71–94.

139. **Зелезинская, Н. С.** Топосы смерти в романе Э. Сиболд «Милые кости» / Н. С. Зелезинская. – Текст : непосредственный // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2022. – № 3. – С. 26–40.

140. **Зенкин, С. Н.** Работы о теории: Статьи / С. Н. Зенкин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 560 с. – ISBN 978-5-86793-986-1. – Текст : непосредственный.

141. **Зусева-Озкан, В. Б.** Повествование от лица мертвеца в современной прозе / В. Б. Зусева-Озкан. – Текст : непосредственный // Новый Филологический Вестник. – 2022. – № 2 (61). – С. 27–39.

142. **Зявкина, Е. Ю.** Интертекстуальные связи романа Джонатана Сафрана Фоера "Жутко громко и запредельно близко" / Е. Ю. Зявкина. –

Текст : непосредственный // Диалог языков, культур и литератур в современном мире: материалы докладов Международной научной конференции, Москва, 07 апреля 2016 года. – Выпуск 3. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2017. – С. 82–85.

143. **Ивашева, В. В.** История зарубежных литератур XIX века. / В. В. Ивашева. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1955. – 592 с. – Текст : непосредственный.

144. **История литературы США** : [в 7 т.]. Т.4: Литература последней трети XIX в. 1865 – 1900 (становление реализма) – Москва : ИМЛИ РАН, 2003. – 384 с. – ISBN 5-9208-0192-1. – Текст : непосредственный.

145. **Иткина, Н. Л.** Поэтика Сэлинджера / Н. Л. Иткина. – Москва : РГГУ, 2002. – 226 с. – ISBN 5-7281-0561-0. – Текст : непосредственный.

146. **Иткина, Н. Л.** Художественный мир Джона Апдайка / Н. Л. Иткина. – Москва : РГГУ, 2011. – 207 с. – ISBN 9785728112730. – Текст : непосредственный.

147. **Ишимбаева, Г. Г.** Диалектика приятия-отрицания идей Ницше в романе Д. Тартт «Тайная история» / Г. Г. Ишимбаева. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. – 2016. – № 3. – С. 78–83.

148. **Карасик, О. Б.** Джером Дэвид Сэлинджер – Джонатан Сафран Фоэр. "Над пропастью во ржи" Дж. Д. Сэлинджера и "Жутко громко и запредельно близко" Дж. С. Фоера / О. Б. Карасик. – Текст : непосредственный // Америка: литературные и культурные отображения. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2012. – С. 360–367.

149. **Карасик, О. Б.** К вопросу о мультикультурализме в современной литературе США / О. Б. Карасик. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 4. – С. 218–221.

150. **Карасик, О. Б.** От "американской мечты" к "американской трагедии": трилогия Филипа Рота / О. Б. Карасик. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2011. – № 2 (24). – С. 166–171.
151. **Кашкан, Т. А.** Фрагментарность как прием поэтики постмодернизма в произведении Джонатана Сафрана Фоера "Жутко громко и запредельно близко" / Т. А. Кашкан. – Текст : непосредственный // Образовательная система: новации в сфере современного научного знания: сб. научных трудов. – Казань: СитИвент, 2019. – С. 38–40.
152. **Киреева, Н. В.** Между фактором и вымыслом: жанровый потенциал биографии в романе Д. Ирвинга «Мир глазами Гарпа» / Н. В. Киреева. – Текст : непосредственный // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве. Сб. ст. и материалов междунар. науч. конференции – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2007. – С. 75–80.
153. **Киреева, Н. В.** Постмодернистская литература США: особенности жанровой поэтики. / Н. В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2013. – 384 с. – Текст : непосредственный.
154. **Киреева, Н. В.** Трансформация жанровых конвенций автобиографии и детектива в прозе американского постмодернизма: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки)»: дис. ... д-ра филол. наук / Киреева Наталья Владимировна. – Москва, 2011. – 378 с. – Текст : непосредственный.
155. **Кислова, Л. С.** «Практики боли» и постсоветские феминистские стратегии в драматургии М. Арбатовой: («Уравнение с двумя известными», «Взятие Бастилии») / Л. С. Кислова. – Текст : непосредственный // Вестник ТГГПУ. – 2011. – Вып. 2 (24). – С. 175–179.
156. **Кларк, К.** Советский роман: история как ритуал / К. Кларк. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. – 262 с. – ISBN 9785752510274. – Текст : непосредственный.

157. **Ковалев, Ю. В.** Теодор Драйзер открывает Америку / Ю. В. Ковалев. – Текст : непосредственный // Драйзер, Т. Финансист. – Ленинград : Лениздат, 1987. – С. 542–557.

158. **Кожинов, В. В.** Происхождение романа. / В. В. Кожинов – Москва : Советский писатель, 1963. – 440 с. – Текст : непосредственный.

159. **Колмогорова, И. С.** Интерпретация образа ведьмы: Цирцеи в мировой литературе: от Гомера к Мадлен Миллер / И. С. Колмогорова. – Текст : непосредственный // Рязань : Слово. Словесность. Словесник. – 2022. – Вып. 8. – С. 195–198.

160. **Коновалова, Ж. Г.** "Американская мечта" в художественно-документальной литературе США второй половины XX века : специальность 10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»: дис. ... канд. филол. наук: / Коновалова Жанна Георгиевна. – Казань, 2009. – 213 с. – Текст : непосредственный.

161. **Коренева, М. М.** Сочинения ново-английских пуритан. Миссия историческая реальность / М. М. Коренева. – Текст : непосредственный // История литературы США: [В 7 т.]. Т. 1. – Москва : Наследие, 1997. – С. 148–217.

162. **Корман, Б. О.** Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. – Москва: Просвещение, 1972. – 113 с. – Текст : непосредственный

163. **Королева, С. Б.** Многоголосие и жажда счастья: образ детства в романе Ш. Бронте "Джейн Эйр" / С. Б. Королева, М. Ю. Ковалева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 90–99.

164. **Коротченко, Т. В.** Политическая проблематика наследия Ф. М. Достоевского: американская рецепция / Т. В. Коротченко. – Текст : непосредственный // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2021. – № 464. – С. 32–41.

165. **Кривцова, Ю. П.** Вербализация афганской мультикультурности в американском романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» (The Kite Runner) /

Ю. П. Кривцова, С. Г. Филиппова. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 18(3), 2020. – С. 118–128.

166. **Крупенина, М. И.** Роман Ч. Диккенса "Большие надежды" как роман-инициация / М. И. Крупенина. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 162–165.

167. **Кузнецова, Н. В.** Мифологизм в романах Джона Апдайка : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки)» : дис. ... канд. филол. наук / Кузнецова Наталья Владимировна. – Москва, 2019. – 150 с. – Текст : непосредственный.

168. **Куракова, И. А.** Образ подростка в романе воспитания Джона Грина «Бумажные города» / И. А. Куракова. – Текст : непосредственный // Litera. – 2019. – № 6. – С. 116–127.

169. **Кутеева, Н. Э.** Полемика с尼цшеанской идеей сверхчеловека в романе Джека Лондона "Мартин Иден" / Н. Э. Кутеева. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 7 (145). – С. 86–91.

170. **Кэмпбелл, Дж.** Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. – Москва : Прогресс книга, 2019. – 480 с. – ISBN 978-5-4461-1292-0. – Текст : непосредственный.

171. **Лакапра, Д.** Что существенно для гуманитарных дисциплин? / Д. Лакапра. – Текст : непосредственный // Вопросы образования. – 2006. – № 4. – С. 240–246.

172. **Ларина, С. Г.** Теодор Драйзер: "американская мечта" и "Американская трагедия" / С. Г. Ларина. – Текст : непосредственный // Язык, История, Общество: сб. научных статей по материалам виртуальной международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 25 апреля 2017 года. – Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2017. – С. 104–108.

173. **Лейдерман, Н. Л.** Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70-е годы / Н. Л. Лейдерман – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 256 с. – Текст : непосредственный.
174. **Липнягова, С. Г.** Варианты реализации категории театральности в английском романе XIX-XX вв / С. Г. Липнягова – Текст : непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 19. – С. 163–170.
175. **Литвинова, В. В.** Концепт «город» в художественном мире Рэя Брэдбери / В. В. Литвинова – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2008. – №2 (26). – С. 70–74.
176. **Литературная история Соединенных Штатов Америки:** [в 3-х т.]. Т.1. / под ред. Р. Спиллера, У. Торпа, Т. Н. Джонсона, Г. С. Кэнби. – Москва : Прогресс, 1977. – 604 с. – Текст : непосредственный.
177. **Лихачев, Д. С.** Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев – Москва : Наука, 1979. – 360 с. – Текст : непосредственный.
178. **Ломакина, И. Н.** Танатопоэтика Д. Тартт (на материале романа «Тайная история») / И. Н. Ломакина, Е. В. Полховская. – Текст : непосредственный // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2020. – Т. 30, Вып. 2. – С. 352–357.
179. **Лосев, А. Ф.** История античной эстетики: в 8-ми т. Т. 3. Высокая классика / А. Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1974. – 624 с. – Текст : непосредственный.
180. **Лотман, Ю. М.** О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман – Текст : непосредственный // Избранные статьи: [в 3-х т.]. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин : Александра, 1992. – С. 77–82.
181. **Лотман, Ю. М.** Структура художественного текста / Ю. М. Лотман – Москва : Эксмо, 2023. – 448 с. – ISBN: 978-5-04-157130-6. – Текст : непосредственный

182. **Луков, В. А.** Жанры и жанровые генерализации / В. А. Луков – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 141–148.

183. **Луков, В. А.** История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней / В. А. Луков. – Москва : Академия, 2008. – 512 с. – ISBN 978-5-7695-5073-7. – Текст : непосредственный.

184. **Лунина, И. Е.** Художественный мир Джека Лондона (человек - природа - цивилизация): специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки)»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Лунина Ирина Евгеньевна. – Москва, 2010. – 42 с. – Текст : непосредственный.

185. **Лупанова, И. П.** Полвека: советская детская литература 1917–1967: очерки / И. П. Лупанова. – Москва : Детская литература, 1969. – 669 с. – Текст : непосредственный.

186. **Львова, И. В.** Роман Ф.М. Достоевского «Подросток» и роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» / И. В. Львова – Текст : непосредственный // Достоевский и современность. Материалы XV Международных Старорусских чтений 2000 года. – Новгород, 2000. – С. 102– 111.

187. **Львова, И. В.** Ф. М. Достоевский и американский роман 1940-1960-х годов: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: / Львова Ирина Вильевна. – Вел. Новгород, 2010. – 286 с. – Текст : непосредственный.

188. **Мамардашвили, М. К.** Психологическая топология путей: (М. Пруст. «В поисках утраченного времени»). / М. К. Мамардашвили – Москва : Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. – 1231 с. – ISBN 978-5-9905505-0-6. – Текст : непосредственный.

189. **Маслова, Е. Г.** Своеобразие магического реализма в творчестве американских писателей 1970-1990-х гг. / Е. Г. Маслова. – Текст : непосредственный // Современная филология: теория и практика: мат. XVI

междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 2–3 июля 2014 г.). – Москва : Институт стратегических исследований, 2014. – С. 64–71.

190. **Меерсон, О. А.** Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей / О. А. Меерсон. – Санкт-Петербург : Пушкинский дом, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-91476-012-7. – Текст : непосредственный.

191. **Мелетинский, Е. М.** О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – Москва : РГГУ, 1994. – 136 с. – ISBN 5-7281-0067-8. – Текст : непосредственный.

192. **Мелетинский, Е. М.** Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1976. – 406 с. – Текст : непосредственный.

193. **Мендельсон, М. О.** Проблемы литературы США XX века / М. О. Мендельсон // Москва : Наука, 1970. – 527 с. – Текст : непосредственный.

194. **Меркулова, М. Г.** Ретроспекция в английской «новой драме»: истоки, типология, функционирование: специальность 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» дис. ... д-ра филол. наук: / Меркулова Майя Геннадьевна. – Москва, 2006. – 345 с. – Текст : непосредственный.

195. **Меркулова, М. Г.** Теория английской в контексте исследования творчества писателей-мультикультуралистов Великобритании / М. Г. Меркулова. – Текст : непосредственный // Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сб. научных трудов по лингвистике и литературоведению. – Москва : Принтика, 2021. – С. 108–114.

196. **Меркулова, М. Г.** Типология поздней драматургии Дж. Б. Шоу / М. Г. Меркулова. – Москва : Библио-Глобус, 2018. – 118 с. – ISBN 978-5-907063-27-3. – Текст : непосредственный.

197. **Меркулова, М. Г.** Типы нарратива в романе Дж. Барнса "Элизабет Финч" / М. Г. Меркулова. – Текст : непосредственный // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики: Сб. научных трудов по литературоведению, лингвистике, лингводидактике, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора,

заведующего кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ К. М. Барановой.
– Москва : Языки Народов Мира, 2023. – С. 52–60.

198. **Михальская, Н.П.** Чарльз Диккенс / Н. П. Михальская. – Москва: Просвещение, 1987. – 128 с. – Текст : непосредственный.

199. **Мишина, Л. А.** Жанр автобиографии в истории американской литературы / Л. А. Мишина. – Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 1992. – 128 с. – ISBN 9785767700745. – Текст : непосредственный.

200. **Мишина, Л. А.** Художественно-документальные жанры в американской литературе XVII-XVIII вв. / Л. А. Мишина. – Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 1994. – 127 с. – Текст : непосредственный.

201. **Морозова, И. В.** Революционный дискурс в "Воспитании Генри Адамса" / И. В. Морозова. – Текст : непосредственный // Революции и революционный дискурс в США, Москва, 11–12 мая 2017 года. – Москва : РГГУ, 2019. – С. 221–227.

202. **Мотив предопределение в литературе США:** эволюция и трансформация: коллектив. моногр. / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, С. С. Савинич и др. – Москва : Языки Народов Мира, 2023. – 238 с. – ISBN 978-5-605-02147-6. – Текст : непосредственный.

203. **Мулляр, Л. А.** Социально-онтологические смыслы фольклорно-сказочной инициации / Л. А. Мулляр. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 1. – С. 64–66.

204. **Мулярчик, А. С.** Современный реалистический роман США. / А. С. Мулярчик. – Москва : Высшая школа, 1988. – 174 с. – Текст : непосредственный.

205. **Мулярчик, А. С.** Спор идет о человеке. О литературе США второй половины XX века / А. С. Мулярчик. – Москва : Советский писатель, 1985. – 359 с. – Текст : непосредственный.

206. **Наедине со временем:** Письма американских писателей: сборник / Составитель Я.Н. Засурский. – Москва : Прогресс, 1988. – 464 с. – ISBN 5-01-001028-3. – Текст : непосредственный.

207. **Назирова, Э. И.** Интертекстуальность романа Донны Тартт «Тайная История» / Э. И. Назирова. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Коммуникация. – 2016. – № 2 (6). – С. 31.
208. **Негуляева, П. Е.** Специфика варианта инициации особого ребенка в современной русской литературе / П. Е. Негуляева, М. А. Алексеева – Текст : непосредственный // Детская книга как институт социализации: "золотой ключик" к миру взрослых : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 октября 2019 года. – Нижний Тагил, 2019. – С. 111–114.
209. **Ненилин, А. Г.** Стивен Кинг и проблемы детства в англо-американской литературной традиции: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (английская и американская)» : дис. ... канд. филол. наук / Ненилин Александр Геннадьевич. – Самара, 2006. – 187 с.
210. **Несмелова, О. О.** История американской литературы: учебное пособие / О. О. Несмелова, О. Б. Карасик. – Казань, 2017. – 80 с. – Текст : непосредственный.
211. **Несмелова, О. О.** Проблемы развития художественной прозы США XX века в восприятии отечественного литературоведения, 20-80-е годы: специальность 10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Несмелова Ольга Олеговна. – Москва, 1999. – 36 с. – Текст : непосредственный.
212. **Несмелова, О. О.** Пути развития отечественной литературной американистики XX века / О. О. Несмелова. – Казань: Книжный дом, 1998. – 258 с. – ISBN 9785885820448. – Текст : непосредственный.
213. **Нефедова, О. И.** Миф в американской литературе и культуре / О. И. Нефедова. – Москва : Перо, 2021. – 87 с. – ISBN 978-5-00189-554-1. – Текст : непосредственный.
214. **Николаи, Ф. В.** Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры / Ф. В. Николаи. – Москва : Флинта, 2017. – 186 с. – ISBN 978-5-9765-2951-9. – Текст : непосредственный.

215. **Николина, Н. А.** Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – Москва : Академия, 2003. – 256 с. – ISBN 5-7695-0954-6. – Текст : непосредственный.
216. **Никлюкин, А. Н.** Американский романтизм и современность / А. Н. Никлюкин. – Москва : Наука, 1968. – 413 с. – Текст : непосредственный.
217. **Никлюкин, А. Н.** Утраченные надежды / А. Н. Никлюкин. – Москва : Знание, 1984. – 84 с. – Текст : непосредственный.
218. **Никлюкин, А. Н.** Человек выстоит. Реализм Фолкнера / А. Н. Никлюкин. – Москва : Художественная литература. 1988. – 304 с. – Текст : непосредственный.
219. **Ницше, Ф.** Мы, филологи: Отрывки из ненаписанной книги / Ф. Ницше. – Текст : непосредственный // Новое литературное обозрение – 2001. – № 50 (4). – С. 9–17.
220. **Новикова, В. Г.** Интерпретация истории в романах Бена Элтона / В. Г. Новикова – Текст : непосредственный // Языки истории и языки литературы : Коллективная монография / Отв. редактор Т.А. Шарыпина, М.К. Меньщикова. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – С. 55–63.
221. **Норец, М. В.** «Клеточная» модель жанроформирования в современной теории литературы / М. В. Норец. – Текст : непосредственный // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 11 (43). – С. 37–42.
222. **Норец, М. В.** Детективный и шпионский роман: «клеточная» модель жанроформирования / М. В. Норец. – Текст : непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 3. – С. 430–441.
223. **Орлова, Р. Д.** «Мартин Иден» Джека Лондона. / Р. Д. Орлова. – Москва : Художественная литература, 1967. – 119 с. – Текст : непосредственный.

224. **Осовский, О. Е.** Непростая простота. Страна, читающая "масслит" или не читающая совсем? / О. Е. Осовский. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 2009. – № 3. – С. 46–69.

225. **Осовский, О. Е.** Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996-2020 годов / О. Е. Осовский, С. А. Дубровская. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2021. – № 7. – С. 227–265.

226. **Паррингтон, В. Л.** Основные течения американской мысли. Американская литература со времени ее возникновения до 1920 года. [в 3 т.]. Т. 3. Возникновение критического реализма в Америке (1860–1920) / В. Л. Паррингтон. – Москва : Иностранная литература, 1963. – 602 с. – Текст : непосредственный.

227. **Парулина, И. Ю.** Университетский дискурс: сбор корпуса (на материале романа Д. Тартт «Тайная история») / И. Ю. Парулина. – Текст : непосредственный // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. – 2016. – № 2 (13). – С. 70–74.

228. **Пашигорев, В. Н.** Роман воспитания в немецкой литературе XVII–XX веков / В. Н. Пашигорев. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – 144 с. – ISBN 5-292-01027-8. – Текст : непосредственный.

229. **Пашигорев, В. Н.** Философские и литературные предпосылки немецкого романа воспитания / В. Н. Пашигорев. – Текст : непосредственный // Филологические науки, 1990. – № 2. – С. 36.

230. **Пашкеева, И. Ю.** Сложные слова в реализации тем «жизнь», «смерть», «время» в романе Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» / И. Ю. Пашкеева. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2012. – № 1. – С. 61–65.

231. **Пинский, Л. Е.** Ренессанс. Барокко. Просвещение. Статьи. Лекции / Л. Е. Пинский. – Москва : РГГУ, 2011. – 829 с. – ISBN 5-7281-0305-7. – Текст : непосредственный.

232. **Питолин, Д. В.** Влияние внутренней политики США на формирование оппозиции «свой - чужой» в современной художественной

литературе на спанглише и афроамериканском английском / Д. В. Питолин, Е. В. Шустрова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 159–173.

233. **Платыгина, С. М.** Время в картине мира становящегося героя (Рэй Брэдбери "Вино из одуванчиков") / С. М. Платыгина. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: Сб. статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых, Екатеринбург, 08 февраля 2013 года Часть 2. – Екатеринбург: УФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2013. – С. 243–247.

234. **Подоляк, С. М.** Метафора "книга в книге" и обряд инициации в романе Кадзую Исиgуро "Остаток дня" / С. М. Подоляк. – Текст : непосредственный // Нижневартовский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 65–69.

235. **Полуэктова, Т. А.** Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность / Т. А. Полуэктова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – Т .13, вып.4. – С. 100–110.

236. **Поляков, О. Ю.** Трансценденталистская концепция воспитания в повести Л. М. Олкотт "Маленькие женщины" / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова. – Текст : непосредственный // Вестник гуманитарного образования. – 2020. – № 2 (18). – С. 86–93.

237. **Попова, А. В.** Трансформация античных образов и мотивов в романе М. Миллер «Песнь Ахилла» / А. В. Попова. – Текст : непосредственный // Античные мотивы, образы и сюжеты в зарубежной литературе: коллект. монография. – Москва : Прометей, 2021. – ISBN 978-5-00172-150-5. – С. 108– 134.

238. **Прозоров, В. Г.** «Безумно недостоверное “я”»: личность в постмодернистском романе США на рубеже XX-XXI веков / В. Г. Прозоров. – Текст : непосредственный // Америка: литературные и культурные отображения. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. – С. 386–404.

239. **Пропп, В. Я.** Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп – Москва : Лабиринт, 2004. – 332 с. – ISBN 978-5-4461-1837-3. – Текст : непосредственный.
240. **Пропп, В. Я.** Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Москва : КоЛибри, 2020. – 640 с. – ISBN 978-5-87604-039-8. – Текст : непосредственный.
241. **Проскурнин, Б. М.** Английский политический роман XIX века: очерки генезиса и эволюции / Б. М. Проскурнин. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. – 285 с. – ISBN 9785824101089. – Текст : непосредственный.
242. **Проскурнин, Б. М.** Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот / Б. М. Проскурнин. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2005. – 144 с. – ISBN 5-8241-0387-9. – Текст : непосредственный.
243. **Проскурнин, Б. М.** О некоторых тенденциях развития современной английской литературы (судьбы романа в Англии 1980-2000-х гг.) / Б. М. Проскурнин. – Текст : непосредственный // Мировая литература в контексте культуры. – 2013. – № 2 (8). – С. 38–51.
244. **Пупина, А. Ю.** «Жутко громко и запредельно близко» Джонатана Фоера как роман инициации / А. Ю. Пупина. – Текст : непосредственный // Juventus in litteratura: материалы 76-й научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов БГУ. – Минск: РИВШ, 2019. – С.110–114.
245. **Реизов, Б. Г.** Французский роман XIX века / Б. Г. Реизов. – Москва : Высшая школа, 1969. – 313 с. – Текст : непосредственный.
246. **Ржевская, Н. Ф.** Концепция художественного времени в современном романе (функция «ретроспекций» в романе) / Н. Ф. Ржевская. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1970. – № 4. – С. 28.
247. **Рогачевская, М. С.** Волшебный свет детской литературы / М. С. Рогачевская. – Текст : непосредственный // Детское чтение в контексте мировой культуры (коллектив. монография) / Под ред. PhDr. Lenka

Rozboudová, PhD. – Прага: Karolinum; Карлов Университет – Педагогический факультет, 2019. – С. 116–140.

248. **Рудова, Л.** Дети-аутсайдеры и параллельные миры: реальное и фантастическое в повести Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» / Л. Рудова. – Текст : непосредственный // Детские чтения. – 2014. – Вып. 5, № 1. – С. 201–217.

249. **Рымарь, Н. Т.** Поэтика романа / Н. Т. Рымарь. – Куйбышев : Издво Саратовского ун-та, Куйбышевский филиал, 1990. – 252 с. – ISBN 9785292004271. – Текст : непосредственный.

250. **Савинич, С. С.** Выстоять и победить: мотив несломленности в романах У. Фолкнера / С. С. Савинич. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики: межкафедральный сб. научных статей. – Москва : Московский городской педагогический университет, 2013. – С. 47–54.

251. **Савинич, С. С.** Мотив ухода от ответственности в романе «Кролик, беги» Дж. Апдайка / С. С. Савинич. – Текст : непосредственный // Парадигма гуманитарных знаний начала XXI века: межкаф. сб. научн. трудов по лингвистике и литературоведению. – Москва : Диона, 2020. – С. 139–143.

252. **Садриева, А. Н.** Трансформация западноевропейского романа воспитания в культурном контексте современности : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : дис. ... канд. культурологии. / Садриева Анастасия Николаевна. – Екатеринбург, 2007. – 165 с. – Текст : непосредственный.

253. **Сапожникова, Ю. Л.** Проблема самоидентификации у иммигрантов (на материале романа Дж. Диаса «Короткая и фантастическая жизнь Оскара Вая») / Ю. Л. Сапожникова. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4 (157). – С. 233–237.

254. **Селитрина, Т. Л.** Образ плута-трикстера в романе Д. Тартт "Щегол" / Т. Л. Селитрина. – Текст : непосредственный // Поэтика комического

в мировой литературе: сб. статей и материалов научной конференции "XXXII Пуришевские чтения", Москва, 10 апреля 2020 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. – С. 139–140.

255. **Сидорова, О. Г.** Азиатский «акцент» в современной литературе США / О. Г. Сидорова. – Текст : непосредственный // Известия УрГУ. – 2007. – Сер. 2. – Вып. 14. – № 53. – С. 242–252.

256. **Сидорова, О. Г.** Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании / О. Г. Сидорова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. – 261 с. – ISBN 5-7525-1351-0. – Текст : непосредственный.

257. **Сидорова, О. Г.** Феномен транскультурации в современной литературе США / О. Г. Сидорова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1 (39). – С. 209–214.

258. **Сидорова, О. Г.** Экфрасис и его функционирование в поэтике романа Пенелопы Лайвли "Фотография" / О. Г. Сидорова, Т. А. Полуэктова. – Текст : непосредственный // Известия УФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21, № 4 (193). – С. 121–135.

259. **Сильман, Т. Диккенс.** Очерки творчества / Т. Сильман. – Ленинград : Художественная литература, 1970. – 376 с. – Текст : непосредственный.

260. **Симкина, О. М.** Воспитательная функция искусства в английской журналистике и литературе первой половины XVIII века / О. М. Симкина, М. Г. Меркулова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 9. – С. 2683–2688.

261. **Слезкин, Л. Ю.** Легенда, утопия, быль в ранней американской литературе / Л. Ю. Слезкин. – Москва : Наука, 1981. – 160 с. – Текст : непосредственный.

262. **Слезкин, Л. Ю.** У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. 1606-1642. / Л. Ю. Слезкин. – Москва : Наука, 1978. – 336 с. – Текст : непосредственный.

263. **Слезкин, Л. Ю.** У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630-1642. / Л. Ю. Слезкин. – Москва : Наука, 1980. – 349 с.– Текст : непосредственный.

264. **Соловьева, Т. В.** Не быть островом. Детская литература начала XXI века / Т. В. Соловьева. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 2017 – № 1. – С. 90–114.

265. **Солодовник, В. И.** История литературы США: Нравственный идеал через века / В. И. Солодовник. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1997. – 207 с. – ISBN 5-230-21728-6. – Текст : непосредственный.

266. **Старцев, А. И.** От Уитмена до Хемингуэя / А. И. Старцев. – Москва : Советский писатель, 1972. – 407 с. – Текст : непосредственный.

267. **Стеценко, Е. А.** История, написанная в пути (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII-XIX вв.) / Е. А. Стеценко. – Москва : Наследие, 1996. – 312 с. – Текст : непосредственный.

268. **Стеценко, Е. А.** Концепт детскости в литературе США / Е. А. Стеценко. – Текст : непосредственный // Литература двух Америк. – 2017. – № 2. – С. 386–412.

269. **Стеценко, Е. А.** Судьбы Америки в современном романе США / Е. А. Стеценко. – Москва : Наследие, 1994. – 237 с. – ISBN 5-201-13200-6. – Текст : непосредственный.

270. **Стулов, Ю. В.** Африканские голоса в новейшей литературе США / Ю. В. Стулов. – Текст : непосредственный // Воропановские чтения : материалы II Международной научно-практической конференции, Красноярск, 13 ноября 2021 года. – Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2021. – С. 61–65.

271. **Сухих, О. С.** Две судебные ошибки ("Братья Карамазовы" Ф. М. Достоевского и "Американская трагедия" Т. Драйзера) / О. С. Сухих. – Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2015. – № 3. – С. 195–204.

272. **Тамарченко, Н. Д.** Принцип кумуляции в истории сюжета / Н. Д. Тамарченко. – Текст : непосредственный // Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики: сб. науч. трудов. – Кемерово : КГУ, 1986. – С. 47–54.
273. **Тамарченко, Н. Д.** Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н. Д. Тамарченко. – Москва : Академия, 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-7695-9282-9. – Текст : непосредственный.
274. **Тамарченко, Н. Д.** Теория литературных родов и жанров. Эпика / Н. Д. Тамарченко. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 73 с. – Текст : непосредственный.
275. **Танасейчук, А. Б.** Джек Лондон: Одиночное плавание / А. Б. Танасейчук. // Литература двух Америк – № 4. – Москва : ИМЛИ РАН, 2017. – С. 72–78.
276. **Татаринов, А. В.** Мировоззренческие стратегии в современном американском романе / А. В. Татаринов. – Текст : непосредственный // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – № 5. – С. 395–406.
277. **Татаринов, В.** Апология слабости, или Волки и овцы / В. Татаринов. – Текст : непосредственный // Драйзер Т. Американская трагедия. – Москва : Эксмо-пресс, 2001. – С. 8–12.
278. **Татаринова, Л. Н.** Феномен старости в художественном мире Уильяма Фолкнера / Л. Н. Татаринова, А. В. Татаринов. – Текст : непосредственный // Litera. – 2018. – № 4. – С. 175–181.
279. **Татару, Л. В.** Точка зрения и ритм композиции нарративного текста: специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Татару Людмила Владимировна. – Саратов, 2009. – 45 с. – Текст : непосредственный.
280. **Теличко, А. В.** Поэтические особенности романов Г. Майринка : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья

(литература народов Европы и Америки)» : дис. ... канд. филол. наук / Теличко Анна Владиславовна. – Москва, 2014. – 190 с. – Текст : непосредственный.

281. **Тендрякова, М. В.** Антропология детства. Прошлое о современности / М. В. Тендрякова. – Санкт-Петербург : Образовательные проекты, 2022. – 224 с. – ISBN 9785044445611. – Текст : непосредственный.

282. **Тернер, В.** Символ и ритуал / В. Тернер. – Москва: Наука, 1983. – 277 с. – Текст : непосредственный.

283. **Тивьяева, И. В.** Структурная организация мнемического нарратива / И. В. Тивьяева. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 303–315.

284. **Тлостанова, М. В.** Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. В. Тлостанова. – Москва : Изд-во ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. – 400 с. – ISBN 5-9208-0025-9. – Текст : непосредственный.

285. **Токарев, С. А.** Инициация и мифы / С. А. Токарев. – Текст : непосредственный // Миры народов мира. Энциклопедия. – Москва : Сов. энциклопедия, 1980. – С. 446–447.

286. **Толкачев, С. П.** Мультикультурная литература: ответ на новые вызовы XXI века / С. П. Толкачев. – Текст : непосредственный // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2019. – № 2 (63). – С. 153–166.

287. **Толкачев, С. П.** Постколониальная литература: «новый сценарий» / С. П. Толкачев. – Текст : непосредственный // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – вып. 7 (798). – С. 89–107.

288. **Толкачев, С. П.** Билингвизм как отражение мультикультурной парадигмы в современной английской литературе / С. П. Толкачев. – Текст : непосредственный // Вестник Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода. – 2016. – № 3. – С. 73–86.

289. **Толмачев, В. М.** От романтизма к романтизму: Американский роман 1920-х годов и проблема романтической культуры / В. М. Толмачев. –

Москва : Филфак МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 363 с. – ISBN 5-98405-005-6. – Текст : непосредственный.

290. **Томашевский, Б. В.** Теория литературы. Поэтика. / Б. В. Томашевский. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 334 с. – ISBN 5-7567-0230-X. – Текст : непосредственный.

291. **Турышева, О. Н.** Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт Щегол / О. Н. Турышева. – Текст : непосредственный // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. – № 1. – С. 119–131.

292. **Турышева, О. Н.** Прагматический подход в литературной науке / О. Н. Турышева. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета Филология. – 2015. – № 1 (39). – С.150–159.

293. **Тюпа, В. И.** Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. – Москва : Академия, 2009. – 336 с. – ISBN 978-5-7695-5848-1. – Текст : непосредственный.

294. **Тюпа, В. И.** Нarrатология как аналитика повествовательного дискурса / В. И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с. – Текст : непосредственный.

295. **Успенский, Б. А.** Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – Москва: Гнозис, 1994. – 428 с. – ISBN 5-267-00280-1. – Текст : непосредственный.

296. **Фирсова, А. М.** Социокультурная трансформация ритуалов и обрядов инициации в мировой традиции: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореф. дис. ... канд. филос. наук. / Фирсова Анна Михайловна. – Нижний Новгород, 2005. – 26 с.

297. **Фомина, Е. М.** «Щегол» Д. Тартт как роман воспитания / Е. М. Фомина // Новый филол. вестник. – 2017. – № 4 (43). – С. 261–271.

298. **Фрейд, А.** Психология Я и защитные механизмы / А. Фрейд. – Минск: Харвест, 1993. – 144 с. – ISBN 978-5-4461-0527-4. – Текст : непосредственный.

299. **Фролов, Г. А.** Между модернизмом и постмодернизмом: смена литературных эпох на Западе / Г. А. Фролов, О. О. Несмелова, Л. Ф. Хабибуллина и др. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 286 с. – Текст : непосредственный.

300. **Фромм, Э.** Искусство любить / Э. Фромм. – Москва : АСТ, 2014. – 221 с. – ISBN 978-5-17-084593-4. – Текст : непосредственный.

301. **Хабибуллина, Л. Ф.** Концепция мультикультурного пространства в романе Дж. Евгенидиса «Средний пол» / Л. Ф. Хабибуллина, А. А. Виноградова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – Вып. 4 (32). – С. 135–141.

302. **Хабибуллина, Л. Ф.** Национальный миф в художественной литературе. / Л. Ф. Хабибуллина, Т. Н. Бреева. – Москва : Флинта, 2019. – 500 с. – ISBN 978-5-9765-4045-3. – Текст : непосредственный.

303. **Хабибуллина, Л. Ф.** Психологическая травма в романах Й. Макьюэна ("Суббота", "Чизил-Бич") / Л. Ф. Хабибуллина. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 65. – С. 308–318.

304. **Хабибуллина, Л. Ф.** Психология травмы в романах Й. Макьюэна об опыте второй мировой войны / Л. Ф. Хабибуллина, А. А. Иванова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – Т.160. – С. 232–240.

305. **Хабибуллина, Л. Ф.** Ситуация травмы в романе Х. Мантел «Чернее черного» (Beyond black, 2005) / Л. Ф. Хабибуллина. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. – № 3. – С. 246–250.

306. **Халтрин-Халтурина, Е. В.** От романтических «вспышек воображения» к модернистским «эпифаниям»: преемственная связь / Е. В. Халтрин-Халтурина. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия

«Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». – 2011. – № 7 (69). – С. 27–36.

307. **Халтрин-Халтурина, Е. В.** Поэтика «озарений» в литературе английского романтизма: романтические суждения о воображении и художественная практика / Е. В. Халтрин-Халтурина. – Москва : Наука, 2009 – 350 с. – ISBN 978-5-02-036913-9. – Текст : непосредственный.

308. **Ханютин, Ю. М.** Реальность фантастического мира / Ю. М. Ханютин. – Москва : Искусство, 1977. – 303 с. – Текст : непосредственный.

309. **Храповицкая, Г. Н.** История зарубежной литературы: Западноевропейский и американский романтизм. Учебник / Г. Н. Храповицкая, А. В. Коровин. – Москва : Академия, 2007. – 430 с. – ISBN 978-5-7695-3794-3. – Текст : непосредственный.

310. **Храповицкая, Г. Н.** История зарубежной литературы: Западноевропейский и американский реализм (1830–1860-е гг.) / Г. Н. Храповицкая, Ю. П. Сологуб. – Москва : Академия, 2005. – 384 с. – ISBN 5-7695-1843-X. – Текст : непосредственный.

311. **Цветкова, М. В.** Возможности рецептивного подхода в рамках компаративистского исследования / М. В. Цветкова. – Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – № 3 (2) – С. 8–13.

312. **Чарская-Бойко, В. Ю.** Социальная тематика в современной российской литературе для подростков: мировая традиция и национальная специфика / В. Ю. Чарская-Бойко, М. В. Иванкива. – Текст : непосредственный // Детские чтения. – 2015. – № 2 (8). – С. 173–90.

313. **Чеботарева, Л. Е.** Сюжет инициации в романе Джека Керуака "На дороге" / Л.Е. Чеботарева. – Текст : непосредственный // Филологические этюды : сб. научных статей молодых ученых: Саратов, 22–24 апреля 2015 г. / Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Том Выпуск 19. – 2016. – С. 73–79.

314. **Черноземова, Е. Н.** Функция обращений к творчеству предшественников и младших современников Шекспира в романе Д. Тартт «Тайная история» / Е. Н. Черноземова. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4. – С. 216–224.

315. **Черноземова, Е. Н.** Функция экофрасических обращений в романе Донны Тартт «Тайная история» / Е. Н. Черноземова. – Текст : непосредственный // Горизонты гуманитарного знания. – 2016. – № 4. – С. 57–69.

316. **Чик, О. И.** Мотив инициации в украинском и немецкоязычном романе воспитания второй половины XIX в / О. И. Чик. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2015. – № 5 (9). – С. 47–50.

317. **Чупрына, О. Г.** Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) / О. Г. Чупрына. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2014. – № 3 (15). – С. 71–79.

318. **Чупрына, О. Г.** Современная англоязычная литература для молодого читателя: история возникновения, жанры и тенденции развития / О. Г. Чупрына, В. И. Яременко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сб. научных трудов. – Выпуск 20. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 148–153.

319. **Шалимова, Н. С.** Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» как роман-инициация / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (34). – С. 202–205.

320. **Шалимова, Н. С.** Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им.

В.П. Астафьева. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2014. – № 4. – С.265–268.

321. **Шалимова, Н. С.** Жанровая атрибуция романа инициации на примере произведения Д. Тартт «Щегол» / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2017. – № 1 (39). – С. 163–166.

322. **Шалимова, Н. С.** Роман Д. Тартт «Щегол»: к поэтике жанра романа воспитания / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: материалы I всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург : УРФУ. 2018. – С. 166–172.

323. **Шалимова, Н. С.** Нarrатив становления героя в романе Р. Брэдбери "451 градус по Фаренгейту" / Н. С. Шалимова, Я. В. Дрянговская. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический форум. – 2019. – № 3 (7). – С. 80–86.

324. **Шалимова, Н. С.** Роман Д. Тартт "Щегол": к поэтике жанра / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Городской текст в английской и других европейских литературах: сб. статей по материалам Международной конференции российской ассоциации преподавателей английской литературы, 11–13 октября 2018 г. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2019. – С. 145–149.

325. **Шалимова, Н. С.** The Goldfinch by D. Tartt: Certain Linguistic and Poetic Aspects / Н. С. Шалимова – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Том 12. – № 6. – С. 14–23.

326. **Шалимова, Н. С.** Романы Д. Тартт: поэтика, прагматика, контекст / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Воропановские чтения: материалы I Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2020. – С. 90–94.

327. **Шалимова, Н. С.** Русская тема в романе Д. Тартт «Щегол» / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2020:

образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы V научной Международной конференции. Т. № 5: Филологические науки. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ. 2020. – С. 252–255.

328. **Шалимова, Н. С.** Поэтика и рецепция романов Д. Тартт / Н. С. Шалимова. // Эпистола. Филологический журнал. – 2021. – №1. – С. 70–79.

329. **Шалимова, Н. С.** Рецепция античной культуры в романе Д. Тартт «Тайная история» / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. – Том № 14. – Выпуск № 2. – С. 344–349.

330. **Шалимова, Н. С.** Экфрасис в романе Д. Тартт «Щегол» / Н. С. Шалимова – Текст : непосредственный // Зарубежная литература в контексте культуры. сб. статей и научных материалов научной конференции XXXIII «Пуришевские чтения» / отв. ред. Е. Н Черноземова, М.А. Дремов. – Москва : Сам Полиграфист, 2021. – С. 131–132.

331. **Шалимова, Н. С.** Поэтика романа инициации в современной литературе США / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 12. – С. 3800–3803.

332. **Шалимова, Н. С.** Романы Д. Тартт в контексте феномена «young adult literature»: поэтика и опора на наследие Ф. М. Достоевского / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2022. – Том 28. – № 1. – С. 117–128.

333. **Шалимова, Н. С.** Романы Д. Тартт и Дж. К. Роулинг: поэтика, pragmatika, контекст / О. Е. Гевель, Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический форум. – 2022. – № 3 (20). – С. 78–90.

334. **Шалимова, Н. С.** «Пугающее жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг» / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 134–143.

335. **Шалимова, Н. С.** Соотношение добра и зла в творчестве Д. Тартт / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Зло в культуре и культура зла: коллекти. монография / научн. ред. и сост. Е. М. Фомина. – Нижний Новгород : Издательство Тимура Хусяинова, 2022. – С. 54–71.

336. **Шалимова, Н. С.** Характерный герой современной американской литературы: случай Д. Тартт / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Литературные эпохи и их герои. Сб. статей и научных материалов научной конференции XXXIV «Пуришевские чтения» / отв. ред. Е. Н. Черноземова, М. А. Дремов. – Москва : Сам Полиграфист, 2022. – С. 175–176.

337. **Шалимова, Н. С.** «Женская инициация» в романе Дж. Мартина «Игра престолов» / Н. С. Шалимова, А. И. Сафонова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 1062–1066.

338. **Шалимова, Н. С.** Мультикультурность романа инициации в современной литературе США: путь героя/ Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 754–759.

339. **Шалимова, Н. С.** Несбывшееся взросление: роман Э. Сиболд «Милые кости» / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Филология и культура. Philology and Culture. – 2023. – № 4 (74). – С. 204–209.

340. **Шалимова, Н. С.** Образ города в современной американской литературе / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Большая конференция МГПУ, Москва, 28–30 июня 2023 года: сб. тезисов. [в 3 т.], Том 3. – Москва: Парадигма, 2023. – С. 68–72.

341. **Шалимова, Н. С.** Репрезентация «непройденной инициации» в постмодернистской литературе в романе Дж. Апдейка «Бразилия» /

Н. С. Шалимова, А. А. Могиш. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 1371–1374.

342. **Шалимова, Н. С.** Роман инициации в творчестве Дж. Грина / К. М. Баранова, Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2023. – Т. 15. – В. 2. – С. 3–9.

343. **Шалимова, Н. С.** Роман инициации: генезис, поэтика, динамика жанра / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2023. – Т. 33. – № 4. – С. 903–908.

344. **Шалимова, Н. С.** Роман инициации: теоретический аспект / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики: Сб. научных трудов / науч. ред. О. В. Афанасьева, О. Г. Чупрына, сост., отв. ред. Е. В. Суворина. – М.: Языки Народов Мира, 2023. – С. 118–124.

345. **Шалимова, Н. С.** Сюжет инициации в романе М. Миллер «Песнь Ахилла» / Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Филология и культура. Philology and Culture. – 2023. – № 2 (72). – С. 173–180.

346. **Шалимова, Н. С.** Тема взросления в романе Х. Ли «Убить пересмешника» / К. М. Баранова, Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2023. – Т. 29. – № 4. – С. 85–92.

347. **Шалимова, Н. С.** Черты романа инициации в биографическом романе Пьера Кристена и Себастьяна Вердье «Оруэлл» / И. Г. Прудиус, Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – № 3. – С. 762–767.

348. **Шалимова, Н. С.** «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена как роман инициации / О. В. Афанасьева, Н. С. Шалимова. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2024. – Т. 35. – № 2. – С. 450 – 457.

349. **Шарыпина, Т. А.** История зарубежной литературы XX века в 2 Ч. Часть 2 : Учебник / Т. А. Шарыпина, Д. В. Кобленкова, В. Г. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 269 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-07519-9. – Текст : непосредственный.

350. **Шишкова, И. А.** Сентименталистская революция и викторианские ценности в литературе США / И. А. Шишкова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 86–90.

351. **Шишкова, И. А.** Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков: Конец XIX-XX вв.: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Шишкова Ирина Алексеевна. – Москва, 2003. – 50 с. – Текст : непосредственный.

352. **Шмид, В.** Нarrатология / В. Шмид. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – ISBN 5-94457-082-2. – Текст : непосредственный.

353. **Шпанчук, Т. С.** Проблема гендерной идентичности в романе Дж. Евгенидиса «Средний пол» / Т. С. Шпанчук. – Текст : непосредственный // Sciences of Europe. – 2021. – № 85. – С. 39–43.

354. **Элиаде, М.** Аспекты мифа / М. Элиаде. – Москва : Академический Проект, 2010. – 256 с. – ISBN 978-5-8291-1125-0. – Текст : непосредственный.

355. **Элиадэ, М.** Тайные общества: обряды инициации и посвящения. / М. Элиаде. – Москва : Университетская книга, 1999. – 356 с. – ISBN 5-79140048-9. – Текст : непосредственный.

356. **Эпштейн, М., Юкина, Е.** Образы детства / М. Эпштейн, Е. Юкина. – Текст : непосредственный // Новый мир. – 1979. – № 12. – С. 252–253.

357. **Эриксон, Э.** Детство и общество / Э. Эриксон. – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – 448 с. – ISBN 978-5-4461-0812-1. – Текст : непосредственный.

358. **Aarne, A.** The Types of the Folktale : A Classification and Bibliography / A. Aarne, S. Tompson. – Finnish Academy of Science and Letters, 1987. – 536 p. – ISBN 9514110552. – Текст : непосредственный.

359. **Adams, J.** Transition: Understanding and Managing Personal Change / J. D. Adams, J. Hayes, B. Hopson. – London, 1976. – 241 p. – ISBN 978-0855201296. – Текст : непосредственный.
360. **Afanasjeva, O. V.** Precedent Phenomena as Symbols of Cultural Identity in YA Fiction / O. V. Afanasjeva, K. M. Baranova, O. G. Chupryna. – Текст : непосредственный // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. – 2020. – Vol. 95. – P. 1098–1106.
361. **Ahmad, S.** Investigating Stylistic Devices in Alice Sebold’s «The Lovely Bones» / S. Ahmad, S. Nadarajan. – Текст : непосредственный // Modern Research Studies: An International Journal of Humanities and Social Sciences. – 2018. – № 5 (4). – P. 226–238.
362. **Anthony, K. S.** Louisa May Alcott / K. S. Anthony. – New York : A.A. Knopf, 1938. – 304 p. – Текст : непосредственный.
363. **Barth, J. R.** Religious Perspectives in Faulkner’s Fiction / J. Barth. Notre Dame : University of Nort Dam Press, 1972. – 256 p. – ISBN 978-0268004644. – Текст : непосредственный.
364. **Barth, J.** The Literature of Replenishment in the Friday Book / J. Barth. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1984. – 206 p. – ISBN 9780935716917. – Текст : непосредственный.
365. **Bassett, J. E.** William Faulkner: The Critical Heritage / J. E. Bassett. – Cornwall : Routledge, 1975. – 422 p. – ISBN 9780710081247. – Текст : непосредственный.
366. **Bennett, A.** Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction / A. Bennett. – Basingstoke : Palgrave Macmillan UK, 2012. – 228 p. – ISBN 9781137022691. – Текст : непосредственный.
367. **Bentley, N.** Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides / N. Bentley. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2008. – 245 p. – ISBN 978-0748624201. – Текст : непосредственный.

368. **Bernstein, R.** John Irving: 19th Century Novelist for These Times / R. Bernstein. – Текст : непосредственный // New York Times. – 1989. – April, 25. – P. 8 – 13.
369. **Berry, W.** Personal Politics: American Autobiography / W. Berry. – Текст : непосредственный // The Virginia Quarterly Review. – 1997. – V. 73. – P. 609–626.
370. **Blackall, J. F.** Valorizing the Commonplace: Harper Lee’s Response to Jane Austen» / J. F. Blackall. – Текст : непосредственный // On Harper Lee: Essays and Reflections. – Knoxville : University of Tennessee Press, 2007. – 181 p.
371. **Blankenburg, C. F.** Versuch über den Roman / C. F. Blankenburg. – Ulan Press, 2019. – 528 S. – ISBN 978-0274257744. – Текст : непосредственный.
372. **Boes, T.** Modernist Studies and the Bildungsroman: A Historical Survey of Critical Trends / T. Boes. – Текст : непосредственный // Literature Compass – 2006. – № 3 (2) – P. 230–243.
373. **Boorstin D. J.** The Americans: the National Experience / D. J. Boorstin. – New York : Vintage Books, 1967. – 528 p. - ISBN 978-0394703589. – Текст : непосредственный.
374. **Borg, K.** Narrating Trauma: Judith Butler on Narrative Coherence and the Politics of Self-narration / K. Borg. – Текст : непосредственный // Life Writing. – 2018. – 15 (3). – P.447–465.
375. **Bremer, F. J.** The Puritan-Experiment: New England Society from Bradford to Edwards / F. J. Bremer. – Hanover : University Press of New England, 1995. – 283 p. – ISBN 978-0874517286. – Текст : непосредственный.
376. **Brooks, C.** William Faulkner, The Yoknapatawpha Country / C. Brooks. – Baton Rouge : Louisiana University Press, 1990. – 501 p. – ISBN 9780807116012. – Текст : непосредственный.
377. **Brooks, V. W.** America's Coming of Age / V. W. Brooks – New York : New American Library, 1992. – 192 p. – ISBN 978-1169986268. – Текст : непосредственный.

378. **Broughton, P. R.** William Faulkner: The Abstract and the Actual / P. R. Broughton. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1974. – 244 p. – ISBN 9780783784601. – Текст : непосредственный.
379. **Buckley, J. H.** Season of Youth. The Bildungsroman from Dickens to Golding / J. H. Buckley. – Cambridge : Harvard University Press, 1974. – 336 p. – ISBN 9780674796409. – Текст : непосредственный.
380. **Byrnes, A.** The Child: an Archetypal Symbol in Literature for Children and Adults / A. Byrnes. – New York : P. Lang. 1995. – 114 p. – ISBN 9780820424163. – Текст : непосредственный.
381. **Callus, I.** (Auto)thanatography or (Auto)thanatology? Mark C. Taylor, Simon Critchley and the Writing of the Dead / I. Callus. – Текст : непосредственный // Forum for Modern Language Studies – 2005. – №41(4). – P. 427–438.
382. **Carpenter, H.** The Oxford Companion to Children’s Literature / H. Carpenter, M. Prichard. – Oxford : Oxford University Press, 1999. – 588 p. – ISBN 978-0198602286. – Текст : непосредственный.
383. **Cart, M.** Young Adult Literature: From Romance to Realism / M. Cart. – Chicago : ALA Editions, 2010. – 288 p. – ISBN 978-0838910450. – Текст : непосредственный.
384. **Caruth, C.** Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History / C. Caruth. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1996. – 154 p. – ISBN 0-8018-5246-3. – Текст : непосредственный.
385. **Cellier L.** Parcours Initiatiques / L. Cellier. – Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble, Neuchâtel, 1977. – 309 p. – ISBN 9782706101120. – Текст : непосредственный.
386. **Chase, R. V.** Quest for Myth / R. V. Chase. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1949. – 150 p. – ISBN 9780837121505. – Текст : непосредственный.

387. **Clough, E.** Poisonous Possibilities: Telling Stories and Telling Ruins in Donna Tartt's *The Little Friend* / E. Clough. – Текст : непосредственный // *Mississippi Quarterly*. – 2015. – Vol. 68. – Iss. 3-4. – P. 319–339.

388. **Coffee, M. J.** Faulkner's Unchristlike Christions Biblical Allusions in the Novels / J. M. Coffee. – Michigan : UMI Research Press, 1983. – 155 p. – ISBN 978-0835714327. – Текст : непосредственный.

389. **Cohen, S.** The Novel in a Time of Terror: *Middlesex*, History, and Contemporary American Fiction / S. Cohen. – Текст : непосредственный // *Twentieth Century Literature*. Hempstead: Hofstra Univ. Press. – 2007. – Vol. 53 – № 3. – P. 371–393.

390. **Cole, P. B.** Young Adult Literature in the 21st Century / P. B. Cole. – New York : McGrow Hill, 2008. – 720 p. – ISBN 978-0073525938. – Текст : непосредственный.

391. **Corrigan, Y.** Donna Tartt's Dostoevsky: Trauma and the Displaced Self / Y. Corrigan. – Текст : непосредственный // *Comparative Literature*. – 2018. – Vol. 70, Iss. 4. – P. 392–407.

392. **Crawford, B. V.** American Literature / B. V. Crawford, A. C. Kern, M. H. Needleman. – New York : Barnes and Noble, 1995. – 360 p. – ISBN 9781406751116. – Текст : непосредственный.

393. **Déom, L.** Le Roman Initiatique: Eléments d'analyse Sémiologique et Symbolique / L. Déom. – Текст : непосредственный // *Cahiers Electroniques de L'imaginaire: Rite et Littérature*. – 2005. – №3. – P. 73–86.

394. **Des Pres, T.** Rev. of *The World According to Garp* by John Irving / T. Des Pres. – Текст : непосредственный // *New Republic*. – April 29, 1978.

395. **Diltey, W.** Der Bildungsroman / W. Diltey. – Текст : непосредственный // *Zur Geschichte des Deutschen Bildungsromans*. Hrsg. von Rolf Selbmann. Darmstadt, 1988. – S. 120.

396. **Diltey, W.** Leben Schleiermachers. Band 1 / W. Diltey. – Berlin, 1870. – 701 s. – ISBN 9783111073033. – Текст : непосредственный.

397. **Elbert, S.** A Hunger for Home. Louisa May Alcott's Place in American Culture / S. Elbert. – New Brunswick : Rutgers University Press, 1987. – 310 p. – ISBN 978-0813511993. – Текст : непосредственный.
398. **Fowler, A.** The Future of Genre Theory: Functions and Constructional Types / A. Fowler. – Текст : непосредственный // The Future of Literary Theory – Abingdon: Routledge, 1989. – P. 293–295.
399. **Fraiman, S.** Unbecoming Women: British Women Writers and the Novel of Development / S. Fraiman. – New York : Columbia University Press, 1993. – 189 p. – ISBN 9780231080019. – Текст : непосредственный.
400. **French, W. J. D.** Salinger / W. G. French. – New York : Twayne Publishers, 1973. – 191 p. – ISBN 9780805771633. – Текст : непосредственный.
401. **Frye, N.** Anatomy of Criticism / N. Frye. – New Jersey : Princeton University Press, 2000. – 400 p. – ISBN 9780805771633. – Текст : непосредственный.
402. **Garasym, T.** Initiation Novel VS Bildungsroman: Common and Distinct Features / T. Garasym. – Текст : непосредственный // Научни Трудове на русенския университет – 2012. – Том 51, серия 6.3. – P. 183–187.
403. **Gilbert, S.** Children of the 70th: The American Family in Recent Fiction / S. Gilbert. – Текст : непосредственный // Soundings. 1980. – Summer. – № 63. – P. 199–213.
404. **Golban, P.** The Victorian Bildungsroman: Towards a Fictional Typology / P. Golban. – Текст : непосредственный // Dumlupinar Universitesi Sosyal bilimler Dergisi. – 2003. – Yil: 5 / Sayi: 8 – P. 299–318.
405. **Goldberger, L.** Handbook of Stress: Theoreticaland Clinical Aspects / L. Goldberger, S. Breznitz. – New York : Free Press, 1993. – 819 p. – ISBN 9780029120354. – Текст : непосредственный.
406. **Gray, R.** A Failure of the Imagination: Diagnosing the Post-9/11 Novel / R. Gray. – Текст : непосредственный // American Literary History. – 2009. – №. 21. № 1. – P. 152–158.

407. **Haferkamp, B.** Das Kind in der Anglo-amerikanischen Literatur: von Bret Harte zu William Golding / B. Haferkamp. – Duisburg: Gilles & Francke, 1985. – S. 12. – ISBN 978-3921104965. – Текст : непосредственный.
408. **Haley, J. L.** Wolf. The Lives of Jack London / J. L. Haley. – New York : Basic Books, 2011. – 400 p. – ISBN 978-0465025039. – Текст : непосредственный.
409. **Hamilton, I.** In Search of J.D. Salinger / I. Hamilton. – London : Faber and Faber, 2011. – 226 p. – ISBN 978-0571269273. – Текст : непосредственный.
410. **Heineman, H.** David Copperfield and The Goldfinch: The Coming of Age Novel in Two Centuries / H. K. Heineman. – Текст : непосредственный // Midwest Quarterly. – 2015. – Vol. 57. Iss. 1. – P. 23–36.
411. **Hewitt, K.** Introduction / K. Hewitt. – Текст : непосредственный // Contemporary British Stories. – Oxford: Perspective Publications Ltd. – 2005. – 231 p.
412. **Hirsch, M.** The Novel of Formation as a Genre: Between Great Expectations and Lost Illusions / M. Hirsch. – Текст : непосредственный // Genre. 1979. – Vol. 7. – № 3. – P. 293–312.
413. **Hodrová, D.** Román zasvěcení / D. Hodrová. – Jinočany, 1993. – 232 P. – ISBN 978-80-87580-79-0. – Текст : непосредственный.
414. **Howalter, E.** Faculty Towers: The Academic Novel and Its Discontents / E. Howalter. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2009. – 152 p. – ISBN 978-0812220858. – Текст : непосредственный.
415. **Hunt, J. W.** Faulkner William. Art in Theological Tension / J. W. Hunt. – New York : Haskell House Pub Ltd, 1972. – 184 p. – ISBN 978-0838316580. – Текст : непосредственный.
416. **Hurst, M. J.** The Voice of the Child in American Literature. Linguistic Approaches to Fictional Child Language / M. J. Hurst. – Lexington : The University Press of Kentucky. 1990. – 185 p. – ISBN 9780813117232. – Текст : непосредственный.

417. **Jacobs, J.** Wilhelm Meister und seine Bruder. Untersuchungen zum deutschen Bildungsroman / J. Jacobs. – Munchen : W. Fink. – 1972. – 332 S. – ISBN 978-3770508792. – Текст : непосредственный.
418. **Jacques, G.** Theorie et Pratique du Roman Initiatique. De la Necessite des Nuances / G. Jacques. – Текст : непосредственный // Cahiers électroniques de l’imaginaire: Rite et littérature. – 2005. – № 3. P. 65–71.
419. **Johnson, W. L.** Ray Bradbury / W. L. Johnson. – New York : F. Ungar Publishing Company, 1980. – 173 p. – ISBN 9780804424264. – Текст : непосредственный.
420. **Kiaeи, S.** Hyper-reality in Sebold’s «The Lovely Bones» / S. Kiaeи, M. Safdari. – Текст : непосредственный // International Journal of Comparative Literature & Translation Studies. – 2014. – № 2 (2). – P. 53–58.
421. **Kolodny, A.** Letting Go our Grand Obsessions: Notes toward a New Literary History of the American Frontiers / A. Kolodny. – Текст : непосредственный // American Literature, 64:1. Durham, USA: Duke University Press. – 1992. – P. 1–18.
422. **LaCapra, D.** Trauma, Absence, Loss / D. LaCapra. – Текст : непосредственный // Critical Inquiry. – 1999. – Vol. 25, № 4. – P. 696–727.
423. **Leclair, T.** Anything Can Happen: Interviews with Contemporary American Novelists / T. Leclair, L. McCaffry. – Urbana : Univ. of Illinois Press, 1983. – 320 p. – ISBN 978-0252009709. – Текст : непосредственный.
424. **Lejeune, Ph.** The Autobiographical Contract / Ph. Lejeune. – Текст : непосредственный // French Literary Theory Today. – 1982. – P. 192–222.
425. **Lemay, L. J.** An Early American Reader / J. A. L. Lemay. – Washington : USA, 1992. – 741 p. – Текст : непосредственный.
426. **Lettis, R.** J.D. Salinger: The Catcher in the Rye / R. Lettis. – New York : Barron’s Educational Series, 1964. – 50 p. – ISBN 978-0812000016. – Текст : непосредственный.

427. **Lindsay, J.** The Ethical Value of Individuality / J. Lindsay. – Текст : непосредственный // International Journal of Ethics – 2020. – № 30 (4). – P. 423–449.
428. **London, J.** A Bibliography / J. London. – Wisconsin : Kraus Reprint Company, 1973. – 554 p. – ISBN 9780527978600. – Текст : непосредственный.
429. **Luedtke, L. S.** Making America: the Society and Culture of the United States / L. S. Luedtke. – Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1992. – 584 p. – ISBN 978-0807843703. – Текст : непосредственный.
430. **Maslow, A.** The Farther Reaches of Human Nature / A. Maslow. – New York : Penguin Publishing Group, 1971. – 432 p. – ISBN 978-5-4461-0812-1. – Текст : непосредственный.
431. **Matthews, J. T.** William Faulkner: Seeing through the South / J. T. Matthews. – Oxford : Wiley Blackwell, 2011. – 320 p. – ISBN 978-0470672402. – Текст : непосредственный.
432. **McNally, R.** Remembering Trauma / R. McNally. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. – 448 p. – ISBN 978-0-6740-1802-0. – Текст : непосредственный.
433. **Meggitt, M. J.** Gadjari among the Walbiri Aborigines of Central Australia / M. J. Meggitt. – Oceania: University of Sydney, 1967. – 129 p. – Текст : непосредственный.
434. **Meltzer, M.** Benjamin Franklin: The New American / M. Meltzer. – New York : Franklin Watts, 1988. – ISBN 978-0531105825. – Текст : непосредственный.
435. **Mengeling, M. E.** Ray Bradbury's Dandelion Wine: Themes. Sources, and Style / M. E. Mengeling. – Текст : непосредственный / English Journal – 1971. – № 7. – P. 877–887.
436. **Morgenstern, K.** Über das Wesen des Bildungsroman / K. Morgenstern. – Текст : непосредственный // RT, 1972. – S. 302–304.

437. **Morley, C.** Writing in the Wake of 9/11 / C. Morley. – Текст : непосредственный // American Thought and Culture in the 21st Century – 2008. – P. 245–258.
438. **O'Connor, R.** Jack London / R. O'Connor. – Boston: Little Brown, 1964. – 430 p. – Текст : непосредственный.
439. **O'Sullivan, E.** Comparative Children's Literature / E. O'Sullivan. – London : Routledge, 2005. – 220 p. – ISBN 9780415564120. – Текст : непосредственный.
440. **Papantonakis, G.** Thoughts on Greek Works of Science Fiction for Children / G. Papantonakis. – Текст : непосредственный // New Review of Children's Literature and Librarianship. – 2006. – Vol. 12. – P. 49–66.
441. **Parrington, L. V.** Main Currents in American Thought / V. L. Parrington. – New York : Harcourt, Brace and Company, 1927. – 413 p. – Текст : непосредственный.
442. **Pearson, L.** Children's Literature / L. Pearson, P. Hunt. – Harlow : Longman Pub Group, 2011. – 338 p. – ISBN 9781408266625. – Текст : непосредственный.
443. **Peck, D. R.** Novels of Initiation: A Guidebook for Teaching Literature to Adolescents / D. R. Peck. – New York : Teachers College Press, 1989. – 224 p. – ISBN 9780807729519. – Текст : непосредственный.
444. **Rabkin, E. S.** In the End of the World / E. S. Rabkin, M. H. Greenber, J. D. Olander. – Carbondale : Southern Illinois University Press, 1983. – 204 p. – ISBN 9780809310333. – Текст : непосредственный.
445. **Redfield, M.** Phantom Formations: Aesthetic Ideology and the "Bildungsroman" / M. Redfield. – Ithaca : Cornell University Press, 1996. – 240 p. – ISBN 9780801432361. – Текст : непосредственный.
446. **Reilly, E.** Understanding John Irving / E. Reily. – Columbia: South Carolina UP, 1991. – 165 p. – ISBN 978-0872497702. – Текст : непосредственный.

447. **Salinger, M. A.** Dream Catcher: a Memoir / M. A. Salinger. – N.Y.: Washington Square Press, 2001. – 464 p. – ISBN 978-0671042820. – Текст : непосредственный.

448. **Savinich, S. S.** The Symbolic Meaning of the House in American Fiction: from the 19th to the 20th Century / S. S. Savinich. – Текст : непосредственный // Идентичность и художественный текст : формирование национальной идентичности в контексте американской литературы: сб. материалов международ. круглого стола. – Москва : ИИУ МГОУ, 2016. – С. 57–64.

449. **Selbmann, R.** Der Deutsche Bildungsroman / R. Selbmann. – Stuttgart, Weimar, 1994. – 191 s. – ISBN 9783476102140. – Текст : непосредственный.

450. **Selbmann, R.** Zur Geschichte des Deutschen Bildungsromans / R. Selbmann. – Darmstadt, 1988. – 442 S. – ISBN 978-3534020300. – Текст : непосредственный.

451. **Selitrina, T. L.** Neo-gothic Trend in Contemporary American Teenage Literature (John August's Arlo Finch Trilogy) / T. L. Selitrina. – Текст : непосредственный // Philological Class. – 2022. – Vol. 27, No. 2. – P. 208–216.

452. **Shalagina, O. V.** Artistic Means of Childhood Trauma Representation in American 9/11 Literature / O. V. Shalagina, V. B. Shamina // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2023. – Vol. 9, No. 3. – P. 84–100.

453. **Shevchenko, A.R.** The History within the Story, The Story within the History in Jhumpa Lahiri's "The Lowland" / A. R. Shevchenko, O. O. Nesmelova, V. G. Novikova. – Текст : непосредственный // Res Militaris. – 2022. – Vol.12, Is.3. – P. 944–950.

454. **Shivani, A.** Chad Harbach's "The Art of Fielding": College Baseball as an Allegory for American National Greatness / A. Shivani. – Текст : непосредственный // The Cambridge Quarterly. – 2014. – № 43 (1) – P. 39–59.

455. **Shumaker, W.** English Autobiography. Its Emergence, Materials and Form / W. Shumaker. – Los Angeles : University Of California Press, 1954. – 282 p. – ISBN 978-1258072261. – Текст : непосредственный.

456. **Smart, G.** Religious Elements in Faulkner's Early Novels / G. K. Smart. – Miami : University of Miami Press, 1965. – 144 p. – Текст : непосредственный.
457. **Stern, M. B.** Louisa May Alcott: A Biography / M. B. Stern. – Boston : Northeastern University Press, 1999. – 422 p. – ISBN 978-1555534172. – Текст : непосредственный.
458. **Stern, M.B.** Critical Essays on Louisa May Alcott / M. B. Stern. – Boston : GK Hall, 1984. – 295 p. – ISBN 978-0816186860. – Текст : непосредственный.
459. **Stierstorfer, K.** Beyond Postmodernism: toward an Aesthetic of Trust / K. Stierstorfer. – Berlin : Walter de Gruifer, 2003. – 331 p. – ISBN 9783110177220. – Текст : непосредственный.
460. **Stratman, J.** Teens and the New Religious Landscapes: Essays on Contemporary Young Adult Fiction / J. Stratman. – Jefferson, 2018. – 242 p. – ISBN 978-1476668079. – Текст : непосредственный.
461. **Tarr, A.** Posthumanism in Young Adult Fiction: Finding Humanity in a Posthuman World / A. Tarr, D. R. White. – Jackson : University Press of Mississippi, 2018. – 290 p. – ISBN 978-1496816696. – Текст : непосредственный.
462. **Tavernier-Courbin, J.** Critical Essays on Jack London / J. Tavernier-Courbin. – Boston, 1983. – 298 p. – ISBN 978-0816184651. – Текст : непосредственный.
463. **Trites, R. S.** Twain, Alcott, and the Birth of the Adolescent Reform Novel / R. S. Trites. – Iowa City : University of Iowa Press, 2009. – 236 p. – ISBN 978-1587296222. – Текст : непосредственный.
464. **Turner, F.J.** The Frontier in the American History / F. J. Turner. – Charleston : BiblioBazaar, 2010. – 192 p. – ISBN 978-1420939255. – Текст : непосредственный.
465. **Uther, H. J.** The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Part III. Appendices / H. J. Uther. – Finnish Academy of Science and Letters, 2011. – 285 p. – ISBN 978-9514110672. – Текст : непосредственный.

466. **Van der Kolk, B.** The Intrusive Past: The Flexibility of Memory and the Engraving of Trauma / B. van der Kolk, O. van der Hart. – Текст : непосредственный // Trauma: Explorations in Memory. – Baltimore, London : The Johns Hopkins University Press, 1991. – P. 158–182.

467. **Vierne, S.** Rite, Roman, Initiation / S. Vierne. – Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble, 2000. – 138 P. – ISBN 9782706109522. – Текст : непосредственный.

468. **Wehling-Giorgi, K.** Picturing the Fragmented Maternal Body: Rethinking Constructs of Maternity in the Novels of Elena Ferrante and Alice Sebold's. / K. Wehling-Giorgi. – Текст : непосредственный // Women: a Cultural Review. – 2019. – 30 (1). – P. 66–83.

469. **Wood, G. S.** The Americanization of Benjamin Franklin. / G. S. Wood. – New York : The Penguin Press, 2005. – 320 p. – ISBN 978-0143035282. – Текст : непосредственный.

470. **Wright, E.** Franklin of Philadelphia / E. Wright. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1986. – 442 p. – ISBN 978-0674318090. – Текст : непосредственный.

Электронные ресурсы

471. **Завозова, А.** «Не влюбиться в то, как пишет Донна Тартт, невозможно» / А. Завозова. – Текст : электронный // Bookstream: сайт – URL: <https://bookstream.info/fiction/donna-tart/> (дата обращения: 15.03.2022).

472. **Завозова, А.** Слово переводчику / А. Завозова. – Текст : электронный // Лабиринт: сайт – URL: <https://www.labirint.ru/now/pesn-ahilla/> (дата обращения: 12.11.2023).

473. **Михайлов, Е. М.** Миллер: про любовь Ахилла Патрокла и Патрокла, ведьм-феминисток и Зевса-насильника / Е. М. Михайлов. – Текст : электронный // Афиша: сайт – URL: <https://daily.afisha.ru/brain/16694-madlen->

miller-pro-lyubov-ahilla-i-patrokla-vedm-feministok-i-zevs-a-nasilnika/ (дата обращения: 16.10.2021).

474. **Хабибулина, Г. Н.** Философия индивидуализма в романе Т. Драйзера «Американская трагедия» / Г. Н. Хабибулина. – Текст : электронный // Казанский федеральный университет: сайт – URL: http://kpfu.ru/staff_files/F1564722908/Filosofiya_individualizma.pdf (дата обращения: 19.08.2020).

475. **Шалимова, Н. С.** Инициация как освобождение: роман Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» / Н. С. Шалимова – Текст : электронный // Russian Linguistic Bulletin. сайт. – 2023. – № 7 (43). – URL: <https://rulb.org/archive/6-42-2023-june/10.18454/RULB.2023.42.4> (дата обращения: 8.01.2023).

476. **Шалимова, Н. С.** Сюжет отложенной инициации в романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» / Н. С. Шалимова – Текст : электронный // Russian Linguistic Bulletin. сайт. – 2023. – № 6 (42). – URL: <https://rulb.org/archive/6-42-2023-june/10.18454/RULB.2023.42.4> (дата обращения: 8.01.2023).

477. **Abadi, N.** Author Hanya Yanagihara on Why “A Little Life” is a Fairy Tale / N. Abadi. – Текст : электронный // The Australian Financial Review : сайт. – 2016. – URL: <http://www.afr.com/brand/afr-magazine/author-hanya-yanagihara-on-why-a-little-life-is-a-fairy-tale-20160314-gni92s> (дата обращения: 17.01.2023).

478. **Anggraini, T. E.** The Characteristics of Child-to-Adult Crossover Literature / T. E. Anggraini. – Текст : электронный // Ohiolink: сайт – 2015. – URL: https://etd.ohiolink.edu/apexprod/rws_etd/send_file/send?accession=osu1440027648&disposition=inline (дата обращения: 17.08.2022).

479. **Cart, M.** Young Adult Literature: the State of a Restless Art / M. Cart. – Текст : электронный // SLIS Connecting. – 2016. – Vol. 5 (1). – Article 7. // The University of Southern Mississippi: сайт – URL: <https://aquila.usm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1099&context=slisconnecting> (дата обращения: 25.02.2020).

480. **Crowe, C.** Young Adult Literature: the Problem with YA Literature / C. Crowe. – Текст : электронный // The English Journal – 2001. – Vol. 90 (3). – P. 46–150. // Jstor: сайт – URL: <https://doi.org/10.2307/821338> (дата обращения: 17.03.2022).

481. **Darby, A.** Publishing Weekly Talks with A. Seabold / A. Darby. – Текст : электронный // Publisher Weekly: сайт – 2022. – URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/authors/interviews/article/33797-pw-talks-with-alice-sebold.html> (дата обращения: 22.12.2022)

482. **Docktreman, E.** Shailene Woodley, Star's Starlet / E. Docktreman. – Текст : электронный // Time: сайт – 2014. – URL: <https://time.com/135472/shailene-woodley-stars-starlet/> (дата обращения: 17.03.2024).

483. **Donaldson, K.** Why Peter Jackson Failed so Hard with the Lovely Bones / K. Donaldson. – Текст : электронный // Syfy: сайт – 2019. – URL: <https://www.syfy.com/syfy-wire/why-peter-jackson-failed-so-hard-with-the-lovely-bones> (дата обращения: 8.08.2021)

484. **Eby, M.** Why ‘The Outsiders’ Still Matters / M. Eby. – Текст : электронный // RollingStone: сайт – URL: <https://www.rollingstone.com/feature/why-the-outsiders-still-matters-50-years-later-194014> (дата обращения: 17.03.2022).

485. **Hare, D.** Great Expectations. The Little Friend by Donna Tartt / D. Hare. – Текст : электронный // The Guardian: сайт – 27 October. – URL: <http://www.theguardian.com/books/2002/oct/27/fiction.features> (дата обращения: 12.05.2021).

486. **Kessler, S.** What Age Range Is Considered a Young Adult / S. Kessler. – Текст : электронный // Cake: сайт – URL: <https://www.joincake.com/blog/young-adult-age-range/> (дата обращения: 11.02.2022).

487. **Lynn, N.** Author Donna Tartt Discusses Her Literary Career and Her Latest Novel, The Little Friend / N. Lynn. – Текст : электронный // Talk of the

Nation: сайт. – 2002. – URL: <https://www.languageisavirus.com/donna-tartt/interviews-npr-the-little-friend.php> (дата обращения: 18.03.2024)

488. **Neary, L.** Author Donna Tartt Discusses her Literary Career and her Latest Novel, The Little Friend / L. Neary. – Текст : электронный // Talk of the Nation: сайт. – 2002. – URL: <https://www.languageisavirus.com/donna-tartt/interviews-npr-the-little-friend.php> (дата обращения: 17.09.2023).

489. **Stephens, J.** Young Adult: A Book by Any Other Name...: Defining the Genre / J. Stephens – Текст : электронный // Virginia Polytechnic Institute and State University: сайт – 2007. – URL: <http://scholar.lib.vt.edu/ejournals/ALAN/v35n1/pdf/stephens.pdf> (дата обращения: 11.06.2022).

490. **Strickland, A.** A Brief History of Young Adult Literature / A. Strickland. – Текст : электронный // CNN: сайт – URL: <https://edition.cnn.com/2013/10/15/living/young-adult-fiction-evolution/index.html> (дата обращения: 17.03.2022).

491. **Viner, K.** A Talent to Tantalize / K. Viner. – Текст : электронный // The Guardian: сайт. – 2002. – 19.10. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2002/oct/19/fiction.features> (дата обращения: 17.03.2024).

492. **Willis, D.** ‘The Little Friend’: Tartt Gets the South / D. Willis. – Текст : электронный // The Baltimore Sun: сайт. – 2002. – 3 Nov. – URL: http://articles.baltimoresun.com/2002-11-03/entertainment/0211040349_1_donna-tartt-harrietcompelling-prose (дата обращения: 12.11.2020).

493. **Yanagihara, H.** ‘How I Wrote my Novel’ / H. Yanagihara. – Текст : электронный // Vulture: сайт – 2015 – April – URL: <http://www.vulture.com/2015/04/how-hanya-yanagihara-wrote-a-little-life.html> (дата обращения: 13.05.2022).

Приложение 1. Жанровые маркеры романа инициации

Проблематика	Конфликт	Композиция (структура нarrатива)	Тип героя	Ключевое событие	Хронотоп	Тип нарратории
Актуальные проблемы социальной действительности и нравственности («проблемность» романа инициации строится на взаимодействии социальных и личностных дискурсов).	Острый морально-философский внутренний/ социальный конфликты протагонистов.	Трехчастная композиционная структура, в фокусе внимания – промежуточный этап, связанный с испытаниями протагонистов.	Доминанта внутреннего поиска и взросления, это может быть как подросток, так и взрослый герой. Вовлечение в инициацию второстепенных персонажей (сила события).	В центре повествования – рубеж инициации. Оно обладает такими базовыми характеристиками как фактичность, релевантность (существенность), непредсказуемость, консективность (изменение взглядов главных героев), необратимость, неповторяемость.	Городской /природный лиминальный топос как пространство взросления, подвижность временных рамок.	Повествование от первого лица, повествование от третьего лица с развернутыми психологическими интроспекциями и переключением «точки зрения».

Приложение 2. Базовые тексты формирования романа инициации

Базовый текст	Жанрообразующие характеристики	Влияние на жанр
И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера»	Формирование человека на протяжении разных периодов развития и жизненных эпох: юность, годы странствий, очищение.	Вера в созидательно-оптимистичную модель развития личности.
Ч. Диккенс «Приключения Оливера Твиста», «Жизнь Дэвида Копперфилда...» и др.	История рождения, социальное и морально-этическое формирование (уроки жизни), скитания и испытания, душевный конфликт (внутренние противоречия персонажа/внешние неурядицы), материальная независимость, любовь.	Тесная взаимосвязь внутренней жизни протагониста с внешним действием, дидактическая направленность. Пафос правдоискательства, назидательность, социальные контексты взросления и формирования героя.
Б. Франклайн «Автобиография»	Программа самосовершенствования и самовоспитания.	Опора на личный опыт, доверие к себе.
Л. М. Олкотт «Маленькие женщины»	Интроспекция внутреннего мира героинь, назидательная направленность.	Специфически американская картина мира (социальные и культурные реалии).
М. Твен «Приключения Гекльберри Финна»	Повествование от лица подростка, герой-маргинал, мультикультурная проблематика.	Событийная, деятельная проверка протагониста. Социально-географические ландшафты.
Дж. Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи»	Четкая структура инициации (расставание с привычным миром, лиминальная стадия (скитания по городу, экзистенциальные поиски), обретение самого себя).	Внутренняя фокализация, субъективная рецепция времени Ретроспективная исповедальная наррация.

Ст. Чбоски «Хорошо быть тихоней»	Дневниково-эпистолярная форма, проблема принятия инаковости, культурные аллюзии.	Социальный контекст, травмированность сознания протагониста, мультиплатформенность.
Романы инициации в новейшей литературе США	Проблемы <i>идентификации</i> личности, преодоления <i>кризиса</i> , освобождения от последствий травмирующего события (<i>посттравма</i>).	Мультикультурная проблематика, проблема травмы, социально-психологическая реконструкция процесса взросления, способы преодоления кризисных ситуаций и потрясений, пути обретения индивидом собственной идентичности.

Приложение 3. Модель жанровой модификации «роман инициации»

Инвариантные элементы поэтики	Способы воплощения
Рефлексивность и психологизм центрального персонажа	Тип протагониста (возраст, социальный статус)
Трехчастная структура	Границы сюжета, сюжетные ситуации, образы и мотивы
Доминанта взросления и поиска самого себя	Вид испытания
Нелинейная организация нарратива	Дневниковая или эпистолярная форма, исповедь, ретроспективная композиция/воспоминания нарратора, комментарии/обращения к читателю

Приложение 4. Динамика жанровой модификации «роман инициации»

	Композиционная структура	Тип наррации	Система персонажей	Хронотоп
Основное содержание жанровой модификации «роман инициации» конца XVIII –XX века	Трехчастная структура, опорные точки композиции совпадают с фазами инициации	Повествование от третьего лица /повествование от первого лица	Сохраняется моноцентризм повествования, второстепенные герои выполняют ту или иную функцию в становлении протагониста	Городское /природное пространство
Основное содержание жанровой модификации «роман инициации» начала XXI века	Вариативность этапов инициации и их функционально-семантического наполнения	Нелинейные способы повествования, преобладание «Я»-наррации	Вовлечение второстепенных героев в процесс инициации (катастрофическая сила события). Главные герои – представители разных этносов и социальных слоев, часто показаны как изгои	Большой /провинциальный город

Приложение 5. Разновидности и вариации инициации

Разновидности / Вариации инициации	Индивидуальная	Последовательная	Параллельная (включая групповую)
Успешно пройденная	«Щегол» (2013) Д. Тартт, «Средний пол» (2003) Дж. Евгенидис	«Жутко громко и запредельно близко» (2005) Дж. С. Фоэр	«Песнь Ахилла» (2011) М. Миллер «Виноваты звезды» (2012) Дж. Грин «Маленький друг» (2002) Д. Тартт
Антиинициация	«Маленькая жизнь» (2015) Х. Янагихара	«Девственницы-самоубийцы» (1993) Дж. Евгенидис	«Тайная история» (1992) Д. Тартт
Отложенная (включая посмертную)	«Бегущий за ветром» (2003) Х. Хоссейни	«Милые кости» (2002) Э. Сиболд	«До самого рая» (2023) Х. Янагихара
Прерванная	Если я останусь (2009) Г. Форман	«Короткая и удивительная жизнь Оскара Bay» (2017) Дж. Диас	«В конце они оба умрут» (2017) А. Сильвера
Незавершенная	«Над пропастью во ржи» (1954) Дж. Д. Сэлинджер	«В поисках Аляски» (2005) Дж. Грин	«Бумажные города» (2008) Дж. Грин

Приложение 6. Становление романа инициации в литературе США XVIII – XX веков

Базовый текст	Протагонист	Система второстепенных персонажей	Хронотоп	Особенности наррации	Ключевые события инициации	Значимые мотивы
Б. Франклин «Автобиография»	Молодой человек, выходец из простого сословия	Джеймс Франклин, издатель и брат протагониста (двойник), губернатор	Городское пространство: Филадельфия, Бостон, Нью-Йорк, Лондон, Париж Долгий отрезок времени, посвященный юности и зрелости протагониста	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация, автобиографический нарратив, назидательная направленность Воспоминания 65-летнего нарратора, адресованные сыну и потомкам	Профессиональное становление: издательское дело, путь писателя, программа самосовершенствования	Предопределение, свобода, равенство, трудолюбие
Л.М. Олкотт «Маленькие женщины»	Коллективный субъект, возраст девочек 12-16 лет	Мать и отец (наставники), мистер Лоренс, Лори, тетушка Марч	Небольшой город на севере США, важным является топос дома Время действия занимает год, Рождественский хронотоп обрамляет композицию	Повествование от третьего лица, нулевая фокализация, использование приема интроспекции Назидательная направленность	У каждой сестры собственное событие инициации, общий счастливый финал Женская инициация	Свобода, одиночество
М. Твен «Приключения Тома Сойера»	Мальчик Том, 7-8 лет, сирота	Тетя Полли, обитатели города, Гек Финн, Сид (двойник), Джо Гарпер, Бекки Тетчер	Сент-Питерсберг, штат Миссури Топосы: река Миссисипи, остров Джексон	Повествование от третьего лица, внешняя фокализация Внутренний психологизм показан через события,	Блуждание в пещере, встреча со смертью, поиски клада	Предопределение, свобода, одиночество

				внешний сюжет доминирует		
М. Твен «Приключения Гекльберри Финна»	Подросток Гек 13-14 лет, сначала имеет пьяницу-отца, затем сирота	Вдова Дуглас, Том Сойер (двойник), отец Гека (вредитель /лжеучитель), Джим (наставник)	Сент-Питерсберг, лесная хижина, пещера, плавание по реке Миссисипи (Миссури, Иллинойс, Кентукки, Арканзас)	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Внутренняя речь подростка	Побег от отца, путешествие с Джимом, принятие его как наставника	Предопре- деление, свобода, равенство, одиночество
Дж. Лондон «Мартин Иден»	Юноша Мартин, 21 год, с 11 лет живет самостоятельно	Руфь (учитель/ лжеучитель), Лиззи, Бриссенден (двойник)	Сан-Франциско, морские плавания Дом Морзов, библиотека, тесная комната	Повествование от третьего лица, нулевая фокализация Совмещение «романа о художнике» и романа инициации (психологическое взросление протагониста)	Открытие мира культуры, самообразование, смерть Бриссендена, разочарование в любви Утрата протагонистом самого себя, несовпадение внешнего и внутреннего сюжета	Дикие просторы, избранность, одиночество
Т. Драйзер «Американская трагедия»	Юноша Клайд Грифитс	Гортензия Бригс, Сэмюэл Грифитс (наставник), Сондра Финчли	Канзас-Сити, Ликург (штат Нью-Йорк) Относительно полная ретроспектива жизни персонажа: детство, юношество, зрелость	Повествование от третьего лица, нулевая фокализация Американская мечта <i>versus</i> американская трагедия Оборотная сторона пути к успеху	Побег из дома, побег из Канзас-Сити, убийство Роберты, казнь на электрическом стуле	Избранность
У. Фолкнер «Медведь»	Подросток- сирота Айк Маккаслин	Охотники и Сэм (наставник)	Лес и местность на юге США	Повествование от третьего лица, внешняя и нулевая фокализации	Посвящение в охотники, выслеживание медведя, смерть Бена и Льва	Дикие просторы

				Эксплицирование обряда инициации Нелинейная композиция	Моделирование архаического обряда инициации	
Дж. Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи»	Подросток Холден Колфилд, 16 лет, из многодетной благополучной семьи	Мистер Спенсер, мистер Антолини (наставники), Фиби, сверстники, случайные попутчики	Нью-Йорк, городские пространства Короткий временной отрезок (три дня) Рождественский хронотоп	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Ретроспективная исповедальная наррация	Отъезд из школы, скитания по городу, принятие окружающего мира	Свобода, одиночество, дикие просторы
Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков»	Дуглас Сполдинг, 12 лет	Брат Том, отец, бабушка, жители Гринтауна	Город Гринтаун, штат Иллинойс, продолжительность – лето 1928 года	Повествование от третьего лица, нулевая фокализация Импрессионизм нарратива Ретроспективная мозаичная наррация	Внешний (замена трамвая на автобус, смерть прабабушки, отъезд друга) и внутренний сюжет (озарения Дугласа)	Предопределение
Х. Ли «Убить пересмешика»	Девочка Глазастик Finch, 6 лет, растет без матери	Брат Джем, Аттикус (наставник), Страшила, Том Робинсон, Боб Юэл, жители города	Город Мейкомб, штат Алабама	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Проблемы расовой сегрегации, взросления, «южная готика»	События взрослого мира (дело Тома Робинсона, расовая сегрегация), личные события жизни Глазастика (начало школы, встреча со Страшилой, защита отца)	Равенство
Дж. Ирвинг «Правила дома сидра»	Юноша Гомер Уэллс, сирота	Уилбур Ларч (наставник), обитатели приюта, Кэнди,	Сиротский приют Сент-Клауд, Океанские дали	Повествование от третьего лица, внешняя и нулевая фокализации	Принятие своего пути (врачевание как дар) Перед читателем разворачивается	Предопределение, одиночество

		Уолли, сын Энджел		Проблема сиротства, отсылки к классическому роману воспитания	длинный путь героя, показано множество испытаний	
Д. Тартт «Тайная история»	Студент Ричард Пейпин	Члены закрытой студенческой группы Генри, Фрэнсис, Камилла, Чарльз	Университетский кампус	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Опора на античную культуру	Антенициация, воплотившаяся в убийстве, и ее последствия: деструкция внутреннего мира персонажей	Избран- ность, одиночество
Ст. Чбоски «Хорошо быть тихоней»	Подросток Чарли, 16 лет	Тетя Хелен, Билл (наставник), Патрик, Сэм	Пенсильвания, Питтсбург Школа, дом, больница	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Дневниково- эпистолярная форма Проблемы насилия, принятия инаковости литературоцентризм	Эксплицитный план: переход в старшую школу, первая любовь, постижение литературы. Имплицитный план: освобождение от травмы Переход к <i>роману- посттравме</i>	Одино- чество

Приложение 7. Типология романа инициации в новейшей американской литературе

Тип экзистенциального вызова / сюжетная ситуация	Базовый текст	Протагонист	Система второстепенных персонажей	Хронотоп	Особенности наррации	Ключевые события инициации	Разновидность и вариация инициации	Значимые мотивы
<i>Роман-идентификация</i>								
Проблемная социализация	Дж. Диас «Короткая и удивительная жизнь Оскара Уао»	Подросток Оскар, доминиканец по происхождению	Бели (мама главного героя), сестра Лола, наставника нет	Нью-Джерси Короткий отрезок времени, связанный с инициацией Оскара Санто-Доминго, Патерсон (Нью-Джерси)	Повествование ведется от лица близкого друга Оскара и выстраивается как житие, хроника его жизни. Используется прием сказа. Право повествования передается сестре Оскара (ее инициация)	Попытка обрести национальную идентичность и социализироваться	<i>Последовательная, прерванная</i>	Одиночество, равенство
Физическое перевоплощение	Дж. Евгенидис «Средний пол»	Подросток Кал (Каллиопа)	Семья и предки героя, наставника нет	Повествование начинается еще до рождения героя и завершается одновременно с прохождением	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация, использование	Андрогинность главного героя, гендерная, культурная самоидентификации	<i>Индивидуальная, успешно пройденная</i>	Предопределение, свобода

				инициации (принятием самого себя) Мичиган (Детройт), Берлин	приема интроспекции			
Мировоз- зренческие изменения	М. Миллер «Песнь Ахилла»	Подростки-герои греческих мифов Ахилл и Патрокл	Царь Пелей, кентавр Хирон (наставник , богиня Фетида, Брисеида	Остров Скирос, Троя	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Внутренняя речь подростка	Троянская война, которая раскрывает внутренние качества протагонистов	<i>Параллельная, успешно пройденная</i>	Избранность Предопреде- ление
	Дж. Грин «Бумажные города»	Подросток Квентин Джейкобсен	Марго, родители и друзья главного героя, наставника нет	Орландо, штат Флорида, Бумажные города как вымышленное пространство	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Внутренняя речь подростка	Путешествие по бумажным городам, осознание иллюзорности своих представлений о людях и окружающем мире	<i>Параллельная, незавершенная</i>	Одиночество, равенство
Проблемная социализа- ция, мировоз- зренческие изменения	Х. Янагихара «До самого рая»	Дэвиды, Эдварды, Чарльзы (сквозные персонажи с разной судьбой, но похожими трудностями)	Дэвиды, Эдварды, Чарльзы (сквозные персонажи с разной судьбой, но похожими	Нью-Йорк, Вашингтонская площадь	Повествование от третьего лица, внешняя фокализация. Внутренний психологизм показан через события,	Первая часть – испытание социумом (выбор между чувствами и долгом) Вторая часть – поиск	<i>Параллельная, отложенная</i>	Равенство, одиночество, свобода

			трудностями)		внешний сюжет доминирует	национальной идентичности		
<i>Роман-кризис</i>								
Преодоление героем смертельной болезни	Дж. Грин «Виноваты звезды»	Подростки Хейзел Грэйс и Огастус	Родители, писатель Питер ван Хутен, Айзек (друг Хейзел), наставника нет	США, Голландия (Амстердам)	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Внутренняя речь подростка	Борьба со смертельной болезнью (поездка в Амстердам, смерть Огастуса)	<i>Параллельная, незавершенная</i>	Предопределение
Преодоление смерти близкого человека	Д. Тартт «Маленький друг»	Подросток Гарриет Клив 12 лет	Семья главной героини, лучший друг Хили, антагонист Дэнни, наставника нет	Александрия, провинциальный город американского юга	Повествование от третьего лица, нулевая фокализация	Расследование обстоятельств гибели Робина	<i>Параллельная, успешно пройденная</i>	Одиночество, равенство
Преодоление чувства вины	Х. Хоссейни «Бегущий за ветром»	Амир (взрослый персонаж), в центре	Хасан, семья главного	Афганистан (Кабул), США (Калифорния)	Повествование от первого лица,	Совершение предательства/	<i>Индивидуальная, отложенная</i>	Равенство, предопределение

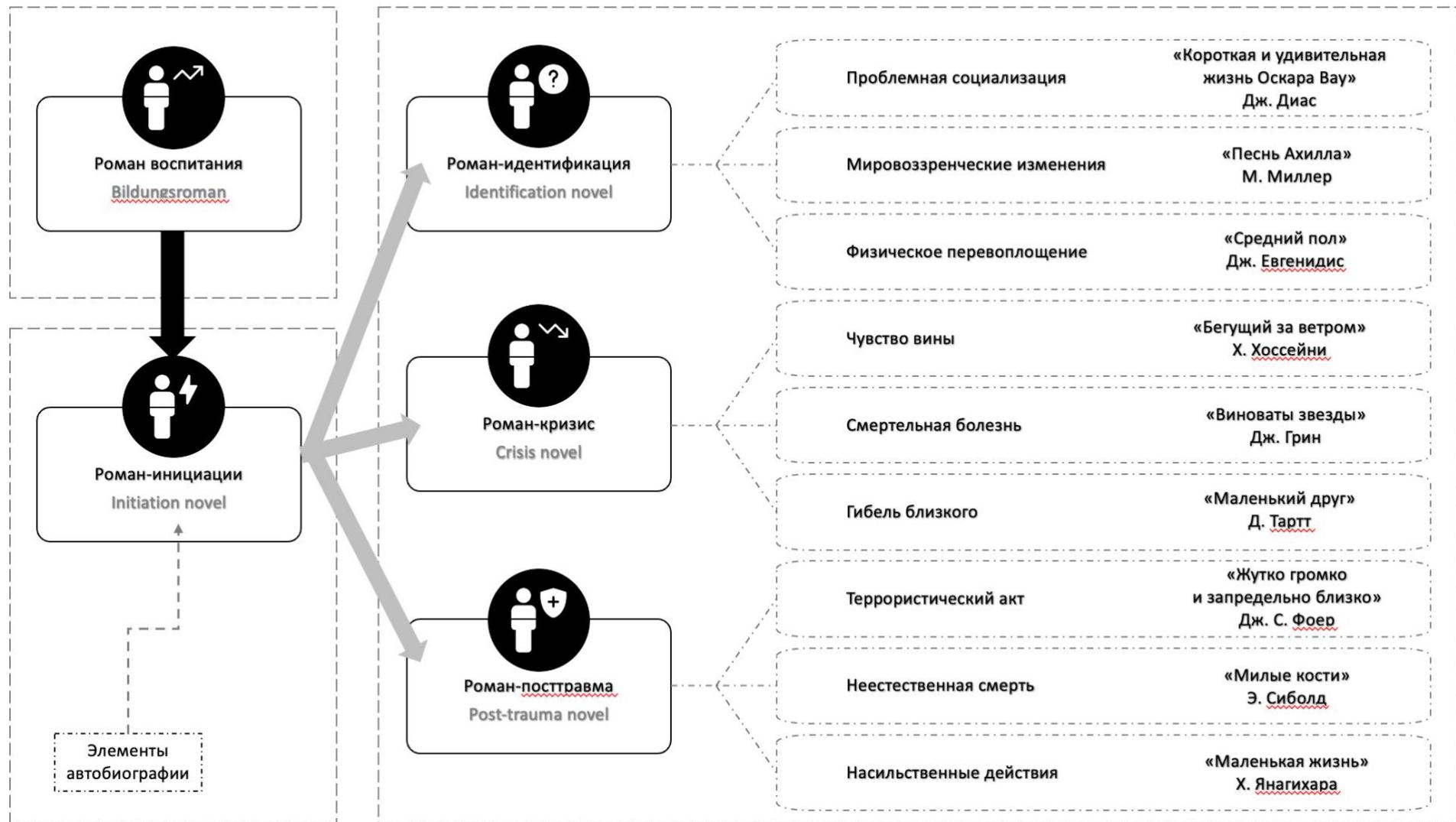
		повествования – переходный возраст	героя, его племянник Сохраб, наставника нет		внутренняя фокализация	искупление греха		ление, достоинство
Преодоление героем смертельной болезни	А. Сильвера «В конце они умрут»	Подростки Матео Торрес и Руфус Эметарио 18 лет	Отец и семья Матео, друзья Матео и Руфуса	Городское пространство, сжатость времени	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация	Осознание всего пройденного пути и необходимости прощения с жизнью	<i>Параллельная, прерванная</i>	Предопределение, одиночество
Преодоление смерти близкого человека	Дж. Грин «В поисках Аляски»	Подросток Майлз Холтер	Семья, друзья, Аляска Янг	Городское пространство	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация	Расследование обстоятельств гибели Аляски / взросление протагониста	<i>Последовательная, незавершенная</i>	Одиночество, свобода

Роман-посттравма

Неестественная смерть героя	Э. Сиболд «Милые кости»	Подросток Сюзи Сэлмон	Семья и друзья главной героини, ее убийца мистер Гарви, есть наставница Фрэнни	Земное и небесное пространства	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация	Несбывшееся взросление, инициация Сюзи в необходимости отпустить свой земной путь	<i>Последовательная, отложенная (посмертная) инициация,</i>	Предопределение, свобода, одиночество
Насильственные действия	Х. Янагихара «Маленькая жизнь»	Джуд, взрослый персонаж	Джуд, Виллем, Джей-Би, Мальcolm	Нью-Йорк	Повествование от третьего лица,	Невозможность преодолеть последствия	<i>Индивидуальная антиинициация</i>	Одиночество

			приемные родители Гарольд и Джулия		внутренняя фокализация	травмы насилия		
Террористический акт	Дж. Фоэр «Жутко громко и запредельно близко»	Оскар, 9 лет	Мама, бабушка и дедушка, Блэки, дедушка как наставник	Нью-Йорк	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация, также повествователем является дедушка через эпистолярные включения и воспоминания	Инициация через освобождение от травмы и ее последствий. Исторические контексты – не только теракт 11 сентября, но и Вторая мировая война	<i>Последовательная, успешно пройденная</i>	Одиночество, избранность
Террористический акт/смерти близкого	Д. Тартт «Щегол»	Сирота Тео Декер (разные временные отрезки от 13 до 27 лет)	Семья Барбуров, Хоби (наставник и замещающая отца фигура), отец, Борис, Пипа	Городское пространство Нью-Йорка, Лас-Вегаса и Амстердама	Повествование от первого лица, внутренняя фокализация Ретроспективная нелинейная наррация, отсылки к классическому роману воспитания	Читателю открывается длинный путь героя, показано множество испытаний. Важной частью поэтики является экфрасис	<i>Индивидуальная, успешно пройденная</i>	Одиночество, свобода

Приложение 8. Жанрово-видовая типология романа инициации

Приложение 9. Историко-литературный процесс формирования романа инициации

